

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2024. Том 11, № 2

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2024

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 15.07.2024.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2024. Volume 11, No. 2

Published four times a year

Stavropol
2024

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name

“Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 07.15.2024.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е.А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т.Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – доцент факультета права и политических наук Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р. полит. наук, профессор университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия) (Будапешт, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education “North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károlyi Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Associate Professor, Faculty of Law and Political Science, University of Tehran (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor István Széchenyi University (Győr, Hungary) (Budapest, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the “North-Caucasus Federal University” Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Абакумов А.А. Слоны для короля Леопольда: необычный эксперимент в колониальной Африке	212
Акопян З.В. К истории спортивного комплекса «Динамо» в краевом центре Северо-Кавказского края	219
Гранкин Ю.Ю., Клычников Ю.Ю., Кудрявцев А.А. «За пожертвования в пользу церквей...»: примеры благотворительности православной паствы Кавказской епархии в пользу Церкви в 40-х гг. XIX в. (по материалам Государственного архива Ставропольского края).....	229
Денильханов И.С. Внешние влияния на социальные процессы в чеченском обществе второй половины XIX века	234
Иванов В.А. «...смело сжимая винтовку рукою, ударю с тобой по врагу». К вопросу о деятельности Евпаторийской подпольной организации в 1942 – 1944 гг.	240
Казаров С.С. Боги в Додоне	250
Карташев А.В., Карташев И.В. К вопросу о ликвидации вспышки холеры в войсках Закавказского фронта в период Битвы за Кавказ (1942–1943 гг.)	256
Клочков Р.А. Славянская идея и ее формы в публицистике представителей Русского Зарубежья в 1920-е гг.	263
Костев А.С. Судебно-правовые реформы Фридриха II прусского и Павла I	274
Криулин А.М. Развитие экономических отношений Великобритании и ЮАС(Р) в конце 40-х – начале 60-х годов XX века	280
Моисеева Е.Н., Ковалевский С.А. Сибирь в работе Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония»	289
Муханов В.М. О начальном этапе грузино-осетинского конфликта	297
Судащев Н.Д., Печалова Л.В. Земства и кооперация Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны	303
Тургиева З.А. Художественная жизнь Северной Осетии в условиях социально-политических и экономических изменений (1991 – 2001)	309
Черкасов А.И. Римско-самнитская борьба за Апулию в 326 – 290 гг. до н.э.	317
Яхутль Ю.А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920 – 1926 гг.)	331

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виноградова Е.В. Российский конституционализм 30 лет спустя	339
Навасардова Э.С., Захарин А.Н. Экологическая политика стран-участниц ЕАЭС: направления сближения и институты	345
Рукавишников С.М. Правовой статус докторантов и научных консультантов: проблемы и возможные решения	355
Салагаева Е.С., Боташева Л.Э. Публично-правовые и частно-правовые начала в регулировании цифровой валюты	363

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гусаренко С.В., Гусаренко М.К. Композиционно-структурные, семантические и пресуппозиционно-прагматические параметры и дефекты сгенерированных коротких текстов в языковой нейросети GigaChat	368
Долгая Т.А. Социолингвистические проекты типа «Языковая единица года»: типология и динамика развития	380
Марченко Т.В. Маркеры поликодовой объективации прецедентных феноменов в семиотически осложненном тексте	388
Тарасенко Е.В. Принципы динамики детской языковой картины мира	396
Чвалун Р.В., Кизилова Н.И. Функционально-прагматический потенциал речеактового варьирования в рекламном дискурсе	403

РЕЦЕНЗИИ

Степанова Ю.В. Этюды эпохи через призму истории рода [Рецензия на книгу: Тропин Н.А. Неизвестный Ридингер: монография. Орел: Издательский Дом «Орлик», 2021. 216 с. ISBN 978-5-903259-84-7: 500 экз.]	410
--	-----

CONTENTS**HISTORICAL SCIENCES**

Abakumov A.A. The elephants for King Leopold: a curious experiment in Colonial Africa	212
Akopyan Z.V. On the history of the Dynamo Sports Complex in the regional center of the North Caucasus Region	219
Grankin Yu.Yu., Klychnikov Yu.Yu., Kudryavtsev A.A. "For donations in favor of churches...": examples of charity of the Orthodox congregation of the Caucasian diocese in favor of the Church in the 1940s (based on materials from the State Archives of the Stavropol Krai)	229
Denilkanov I.S. External influence on social processes in Chechen society in the second half of the 19th century	234
Ivanov V.A. «... fearlessly clutching the rifle with my hand, I will strike the enemy with you». On the activities of the Yevpatoria underground organization in 1942 – 1944	240
Kazarov S.S. "Gods in Dodona"	250
Kartashev A.V., Kartashev I.V. On the issue of eliminating the cholera outbreak in the troops of the Transcaucasian Front during the Battle of the Caucasus (1942–1943)	256
Klochov R.A. The Slavic idea and its forms in political journalism of Russian émigrés in the 1920s	263
Kostev A.S. Judicial and legal reforms of Frederick II of Prussia and Paul I	274
Kriulin A.M. Development of economic relations between Great Britain and the Union of South Africa in late 1940s and early 1960s of the 20th century	280
Moiseeva E.N., Kovalevsky S.A. Siberia in the work of Pierre Leroy-Beaulier "Renewal of Asia: Siberia, China, Japan"	289
Mukhanov V.M. On the initial stage of the Georgian-Ossetian conflict	297
Sudavtsov N.D., Pechalova L.V. Zemstvos and cooperation of the Stavropol province during the First World War	303
Turgieva Z.A. Artistic life of North Ossetia in the context of socio-political and economic changes (1991-2001)	309
Cherkasov A.I. Roman-Samnite struggle for Apulia in 326-290 BC	317
Yahutl Yu.A. From War Communism to the "expansion" of the New Economic Policy: the Evolution of the Bolsheviks Domestic Policy towards the Rural Population of Kuban and the Black Sea region (1920 – 1926)	331

LEGAL SCIENCES

Vinogradova E.V. Russian constitutionalism 30 years later	339
Navasardova E.S., Zakharin A.N. Environmental policy of the EAEU member states: areas of convergence and institutions	345
Rukavishnikov S.M. Legal Status of Doctoral Students and Scientific Consultants: Problems and Possible Solutions	355
Sagalaeva E.S., Botasheva L.E. Public law and private law principles in the regulation of digital currency	363

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gusarenko S.V., Gusarenko M.K. Compositional-structural, semantic and presuppositional- pragmatic parameters and defects of generated short texts in the GigaChat language neural network	368
Dolgaya T.A. Sociolinguistic projects of the "Language Unit of the Year" type: categorization and dynamics of development	380
Marchenko T.V. Markers of polycode objectification of precedent phenomena in a semiotically complicated text	388
Tarasenko E.V. Principles of dynamics of children's language picture of the world	396
Chvalun R.V., Kizilova N.I. Functional-pragmatic potential of speech act variation in advertising discourse	403

REVIEW

Stepanova Yu.V. Etudes of the epoch through the prism of the history of the genus [Review: Tropin N.A. Unknown Rüdinger: monograph. Orel: Publishing House "Orlik", 2021. 216 p. ISBN 978-5- 903259-84-7: 500 copies]	410
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.1>

УДК 94(672.2)

СЛОНЫ ДЛЯ КОРОЛЯ ЛЕОПОЛЬДА:
НЕОБЫЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Аркадий Алексеевич Абакумов

Ярославский государственный педагогический университет (д. 108/1, ул. Республиканская, Ярославль, 150000, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
arc79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-7198>

Аннотация. Введение. Статья посвящена малоизвестному в отечественной историографии сюжету колониальной истории Африки – попытке бельгийцев в Конго при освоении труднодоступных районов использовать слонов по примеру англичан в Индии. Для этой цели в конце XIX века была основана специальная станция доместикации слонов. **Материалы и методы.** Источниковую базу исследования составили отчёт Л. Ранкина об экспедиции в Конго в 1879–80 гг., материалы, опубликованные в Bulletin Agricole du Congo Belge в 1910-х гг. (в т.ч. за авторством первого руководителя станции Ж.-А. Лапльюма), публикации бельгийских чиновников и гостей станции, посещавших её в первой половине XX в. **Анализ.** Король Леопольд II решил использовать слонов для освоения колонии, в первую очередь там, где другие рабочие животные не могли работать из-за сложных условий. Тем не менее, поскольку секрет приручения африканских слонов считался утраченным с античных времён, бельгийцы первоначально попытались завести слонов и специалистов из Индии; этот эксперимент был осуществлён в 1879–80 гг. и оказался неудачным. Сторонники замены индийских слонов на африканских в конце XIX в. доказывали возможность этого, апеллируя к античному опыту. Работы по отлову и приручению африканского слона были начаты в 1900 г. на специальной станции, находившейся сначала в Апи, затем в Гангала-на-Бодио на северо-востоке Конго. Первый руководитель станции Ж.-А. Лапльюм не имел возможности прибегнуть к помощи индийцев и опирался лишь на африканцев, которые ранее считались непригодными для такой работы. Несмотря на то, что в силу разных причин Лапльюму пришлось ловить и приручать лишь молодых животных, неся

потери и тратя дополнительное время на их обучение, к 1914 г. эксперимент доказал свою успешность. Слоны использовались в качестве «живых тракторов» вплоть до конца 1940-х гг., пока это не было признано нецелесообразным экономически. После этого станция, где в середине XX в. находилось около ста слонов, была преобразована в научно-исследовательскую и в этом качестве продолжила работу уже в независимом Конго. **Результаты.** Разработанная бельгийцами оригинальная методика дрессировки слонов была признана более мягкой, чем индийская, хотя после визита индийских инструкторов в 1920 г. в неё были внесены некоторые изменения. Африканские работники станции продемонстрировали, что могут справиться с новой для них работой. Отмечалась также роль станции в деле охраны слонов, когда как в конце XIX в. бельгийцев интересовала в первую очередь слоновая кость. Наконец, бельгийский эксперимент вернул интерес к античному опыту и продемонстрировал, что африканских слонов действительно можно приручить «через века после Карфагена».

Ключевые слова: Конго, слоны, Леопольд II, Ж.-А. Лапльюм, П. Офферман, Апи, Гангала-на-Бодио

Для цитирования: Абакумов А. А. Слоны для короля Леопольда: необычный эксперимент в колониальной Африке // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 212–218. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.1>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.01.2024.

Research article

THE ELEPHANTS FOR KING LEOPOLD:
A CURIOUS EXPERIMENT IN COLONIAL AFRICA

Arkady A. Abakumov

Yaroslavl State Pedagogical University (108/1, Republikanskaya St., Yaroslavl, 150000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
arc79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-7198>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the subject of the colonial history of Africa, little-discussed in Russian historiography, – the attempt of the Belgians in the Congo to use elephants in the development of hard-to-reach areas, following the example of the British in India. For this purpose, a special elephant domestication station was founded at the end of the 19th century. **Materials and Methods.** The source base for the study was L. Rankin's report on the expedition to the Congo in 1879–80, materials published in the Bulletin Agricole du Congo Belge in the 1910s (including report of the first head of the station, J.-H. Laplume), publications of Belgian officials and eyewitnesses who visited the station in the first half of the 20th century. **Analysis.** King Leopold II decided to use elephants to

develop the colony, primarily where other working animals could not work due to rugged conditions. However, inasmuch the secret of domesticating African elephants was thought to be lost since Antiquity, the Belgians initially tried to import elephants and specialists from India; this experiment was carried out in 1879–80 and turned out to be unsuccessful. Scientists who supported the idea of replacing Indian elephants with African ones at the end of the 19th century referred to ancient Carthaginian and Ptolemaic practice as one of main arguments. Catching and taming of elephants started in 1900 on the special station that was located firstly in Api, then in Gangala na Bodio in north-eastern Congo. The first head of this station, J.-H. Laplume, couldn't engage Indian experts and relied only on Africans,

© Абакумов А. А., 2024

who were previously considered unsuitable for such work. Laplume, for various reasons, had to catch and tame only young animals, suffering losses and spending additional time on training them. However, by 1914 the experiment had proven its success. Congolese elephants were used as "living tractors" until the late 1940s, when it was officially declared unpractical. After this, the station with about a hundred elephants by the middle of the 20th century was transformed into a research facility. In this new capacity, it continued working in the independent Congo. **Results.** The Belgian original method of elephant training was recognized to be milder than the Indian one, although Indian instructors who visited Api in 1920 made some modifications. The role of the station in protecting elephants was also noted, while at the end of the 19th century the Belgians were interested primarily only in ivory. The station workers had demonstrated

Введение. Использование слонов человеком имеет многотысячелетнюю историю. Индийцы, оценив их силу, интеллект и способность к обучению, издавна применяли их как в военном деле, так и в хозяйстве. С образованием британских колониальных владений в Южной Азии эту практику переняли и англичане, хотя от первой её составляющей сохранили только транспортную артиллерию. В ветеринарном справочнике о слонах Дж. Эванса, вышедшем в Бирме в 1910 г., отмечалась их особая ценность при добыче леса – одной из основных статей дохода. В труднодоступных джунглях при перевозке брёвен к берегам рек или железным дорогам обойтись без помощи слонов было почти невозможно, поэтому рабочие слоны стоили дорого, и цена на них постоянно росла [7, р. VII; 1]. Англичане совместили накопленный в Азии практический опыт со сведениями о биологии слонов, известными европейцам к тому времени. При этом, как и раньше, слонов не разводили в неволе из-за дороговизны, связанной с долгой беременностью самок и долгим уходом за слонятами, и занимались отловом и приручением диких животных [14, р. 68; 7, р. 2]. Обучали животных и управляли ими погонщики-махауты, причём часто эта профессия была наследственной; у махаута мог быть помощник, который собирал корм, ухаживал за слонем, осматривал дорожку во время движения. Англичане ценили квалификацию индийских специалистов и отмечали, что индийцы превосходили в этом бирманцев, каренов или шанов. Верхом мастерства считалось сочетать в общении со слонами доброту и твёрдость, не повышать голос и не злоупотреблять крюком-стрекалом [7, р. 36–38].

В дальнейшем этот опыт оказался востребован и в Африке, при сходных обстоятельствах – необходимости покорять труднодоступные районы. Однако, если в Южной Азии существовала непрерывная традиция приручения слонов, в Африке она продолжалась в течение всего двух столетий (III-II вв. до н.э.), была привнесена извне (хотя и под индийским влиянием) и с тех пор не возобновлялась. Более того, в птолемеевском Египте и Карфагене слоны применялись почти исключительно как боевые животные; в XIX в. эта их роль давно потеряла актуальность,

that they could cope with their new work rather well. Finally, a Belgian experiment revived interest to ancient history, proving that African elephants can indeed be tamed "centuries after Carthage".

Keywords: Congo, elephants, Leopold II, J.-H. Laplume, P. Offerman, Api, Gangala-na-Bodio

For citation: Abakumov AA. The elephants for King Leopold: a curious experiment in Colonial Africa // *Humanities and law research*. 2024;11(2):212-218. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.1>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.08.2023.

The article was approved after reviewing: 18.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.01.2024.

и сейчас слонам предстояло играть другую – экономическую [2, р. 122]. Поэтому европейцам здесь требовалось учиться заново и восполнить огромную лакуну с античности до конца до конца XIX в. Реализовать такой эксперимент выпало бельгийцам в Конго.

Материалы и методы. Поскольку избранный сюжет можно отнести к сфере интересов антропологии (Human-Animal Studies) – междисциплинарной отрасли знаний, изучающей взаимодействие человека и животных как в настоящем, так и в прошлом – для его исследования был привлечён ряд специальных публикаций, посвящённых как биологии слонов, так и истории их сосуществования с человеком. В источниковую базу вошли статьи учёных, доказывавших теоретическую возможность конголезского эксперимента и привлекавших к нему внимание в печати (П. Бурдари [2] и др.), отчёты исполнителей на разных этапах его реализации (1879-80 – Л. Ранкин [17], с конца XIX в. – Ж.-А. Лапльом [13]), публикации бельгийских чиновников ([8], [14]) и очевидцев, знакомившихся с ним в первой половине XX в. (А. Дени [6], Л. и М. Фо [20], Р. Фрейзер [9] и др.).

Анализ. Слоны, в настоящее время обитающие в Африке (*Loxodonta africana*), относятся к двум разным видам – саванновый (*L. a. africana*) и лесной (*L. a. cyclotis*). Последние, а именно с ними и предстояло работать бельгийцам, отличаются от саванновых (которые населяют Восточную и Южную Африку) прежде всего размерами. Взрослый азиатский слон (*Elephas maximus*) меньше саваннового, но несколько больше лесного, имея средний вес 2-5,5 т и рост 2-3,5 м против 2-4,5 т и 2-3 м [18, р. 7–8]. Как показали последующие события, для бельгийцев это сыграло принципиальную роль: хотя, как выяснилось, африканские слоны интеллектуально не уступали индийским и могли выполнять ту же работу, норму нагрузки, определённую англичанами для азиатских слонов, приходилось существенно корректировать – особенно с учётом того, что профилем станции в Конго стала работа с молодыми животными.

Король бельгийцев Леопольд II, ещё будучи герцогом Брабантским, в 1865 г. посетил Цейлон, увидел слонов в деле и был впечатлён [8, р. 30; 12, 65]. К тому же природные условия

Конго затрудняли использование всех прочих рабочих животных, так как они либо погибали от укусов мухи це-це (быки, лошади, ослы), либо не могли ходить по болотистой местности (верблюды), либо не приручались вовсе (зебры) [21, р. 152–153; 14, р. 43]. Поэтому слон воспринимался как универсальный помощник в освоении колонии, «живой трактор». Вместе с тем было очевидно, что секрет приручения африканских слонов давно забыт, и более того, укоренилось мнение, что оно невозможно в принципе (вероятно, эти слухи распускали охотники, чтобы преувеличить опасность [14, р. 42–43; 1, р. 168]). Опровергнуть это во второй половине XIX в. пытался ряд влиятельных учёных, активно ссылаясь на античный опыт (особенно красноречив был знаменитый французский путешественник и глава Африканского общества П. Бурдари). По их мнению, африканские слоны индийским не уступали, а если древние авторы и утверждали обратное, это объяснялось единственно качеством дрессировки. Если карфагеняне смогли обучить слонов сражаться, значит, как и индийских, возможно задействовать их и иначе [21, р. 155–156, 158–161; 2; 14, р. 38]. Однако сначала бельгийцы решили пойти другим путём: прежде чем браться за приручение конголезских слонов с нуля, они попытались ввезти в Африку уже «проверенных» животных из Индии.

Спонсором эксперимента спонсором выступил лично король Леопольд. Он был осуществлён в 1879–80 гг. под руководством бывшего британского консула в Багдаде Ф. Картера, который должен был купить в Индии слонов, доставить их в Восточную Африку (это было сделано в июне 1879 г.) и провести маршем в Конго. Его заместитель Л. Ранкин оставил подробный отчёт об этой экспедиции, в которой участвовали четыре слона (два самца и две самки). В первые месяцы всё развивалось так, что Картер успел доложить королю об успехе начинания. Слоны успешно перенесли морское путешествие, прошли болотистые джунгли с дефицитом питьевой воды, оказались невосприимчивы к укусам мухи це-це, могли жить на дешёвом «подножном корме» и нести по любой местности двойной груз (1500 фунтов вместо 700) [17, р. 277, 285]. Главной проблемой стало поведение нанятых индийцев – они часто болели, жаловались на климат и питание и не желали делиться своими знаниями о слонах, хотя предполагалось, что они обучат местных жителей [17, р. 288].

Однако финал экспедиции оказался трагичным – слоны вдруг стали умирать, и до Конго Картер не довёл ни одного. Причиной этого была названа перегрузка животных (они не должны были тащить двойной вес) и связанный с этим недокорм. Главную ответственность Ранкин возложил опять-таки на индийцев, поскольку Картер в таких тонкостях разбираться не мог и доверился специалистам. Впрочем, он сам, торопясь вы-

ступить, отказался нанять лишних носильщиков, и их груз распределили по слонам [17, р. 287; 14, р. 74; 7, р. 27]. Так или иначе, из Индии бельгийцы ввозить слонов больше не пробовали. У англичан, с их стороны, случился один курьёзный эпизод, когда губернатор Уганды купил индийского слона и даже ввёз его в Африку, но выяснилось, что его дрессировали только для охоты на тигров, и таскать грузы он отказывался. В конце концов его пришлось продать в зоосад [14, р. 51]. Местные же, конголезские, слоны продолжали интересовать колониальные власти исключительно в связи с добычей слоновой кости, которая к концу столетия приобрела угрожающие масштабы [15, р. 104; 16, р. 579–580].

Ситуация изменилась в самом конце XIX в., когда стало известно о случае в Габоне: сотрудники миссии Сент-Анне-де-Фердинанд-Вац купили у туземцев молодого слона, увязшего в болоте, и научили его простым командам. В 1899 г. миссию посетил капитан «общественных сил» Конго Ж.-А. Лаплью, успевший зарекомендовать себя как опытный путешественник и храбрый офицер [5, col. 584–586], и нашёл «слонёнка Фрица» послушным и полезным работником. Появилось наглядное подтверждение теоретических выкладок П. Бурдари и его единомышленников о том, что и африканские слоны поддаются дрессировке [13, р. 405]. Так была начата целенаправленная работа по их приручению, спонсором которой опять-таки стал король Леопольд, а непосредственным руководителем – Лаплью. Он и возглавил станцию доместикации слонов (франц. “Station de domestication des Elephants” [13, р. 418]) на северо-востоке Конго, которая пережила передачу колонии из личного владения Леопольда королевству Бельгия, несколько раз переезжала, но сохраняя свой изначальный профиль (подготовку рабочих животных) вплоть до конца 1940-х гг. Показательно, что в 1900 г. король подписал важный документ – Конвенцию об охране диких животных Африки между ведущими колониальными державами; ст. IV предусматривала меры по одомашниванию слонов [4, р. 826], и в известном смысле Конвенция стала юридическим обоснованием открытия станции [16, р. 580, 586].

До августа 1904 г. станция находилась в деревне азанде Кира-Вунгу, затем переехала в Апи – бывшую военную базу на левом берегу р. Уэре, оставленную в 1986 г. [14, р. 60; 8, р. 33]. Ловля слонов была начата в марте 1900 г. при помощи местных туземцев, которые затем участвовали и в дрессировке животных (индийских учителей у Лапльюма не было – он мог полагаться только на книги и среди прочего опроверг утверждение Бурдари о том, что африканцы не приспособлены для такой работы [2, р. 105, 122; 10, р. 271]). Однако она не сразу стала приносить успехи – Лаплью пробовал разные способы охоты, в том числе и индийские, но они приво-

дили либо к гибели животных, либо к их бегству. В конце концов бельгийцы опытным путём перешли к поимке только подростков и буквально голыми руками. Охотники выслеживали стадо, выбирали нужных животных и начинали стрелять в воздух, стараясь отогнать взрослых зверей (если не получалось, стреляли на поражение) и схватить, а затем связать кого-нибудь из молодых. Для поимки одного подростка требовалось «семь подготовленных охотников и три-четыре туземца, чтобы нести верёвки и ружья» [13, р. 408].

Пойманного слона, если он не сильно сопротивлялся, сразу отводили к остальным, в противном случае приводили к нему двух ручных. Часто было достаточно успокоить зверя, просто напоив и накормив его. В лагере его отпускали свободно пастись с другими, но не снимали верёвок, чтобы при необходимости его было можно быстро вернуть. Моральная сторона дела Лаплюма тоже заботила – в том числе и потому, что далеко не все звери, пойманные в молодом возрасте и отлучённые от матери, привыкали к новым условиям. Некоторые быстро погибали из-за пережитого стресса или небрежения приставленных к ним служителей, другие убежали. Несмотря на это, в конце 1901 г. в Апи было уже 3 слона, в марте 1902 – 6 (в возрасте от 1 до 4 лет [10, р. 271]), через год уже 15 [13, р. 406, 410–411]. В 1907 г. на станции находились 31 охотник, 36 погонщиков (корнаков), 30 женщин и 25 слонов; «вожаком стада» была самка, пойманная около 5 лет назад, и её слушались даже большие самцы [14, р. 66]. Охотничий сезон длился с ноября-декабря по июль; если диких слонов было много – 2-3 месяца без перерыва.

По поводу методов обучения Лаплюм сухо констатировал, что это было тяжело и неприятно, пока не появились первые дрессированные, и часть работы стало возможно переложить на них: они сопровождали пойманных слонов на станцию, успокаивая их, к ним же привязывали новичков во время работы, чтобы они быстрее учились [14, р. 67, 72]. В целом африканский слон оказался таким же сообразительным, как индийский, и способным к выполнению той же работы; в Апи слоны таскали плуги и повозки с материалами, участвовали в строительстве дог, привозя землю и камни, выкорчёвывая деревья. К тому же, помимо непосредственной пользы, такие станции, по мнению Лаплюма, могли бы приносить и иную – защищать слонов от браконьеров [13, р. 410, 418].

Слоны в Апи работали в прохладное время дня, с перерывами на кормление и купание. Рабочий день новичков первоначально ограничивался двумя-тремя часами; самым простым заданием было месить глину, затем переносить нетяжёлые предметы в хоботе, возить телегу с увеличивающимся весом. Отмечалось, что слона лучше использовать в качестве тяглого, а

не вьючного животного, так как последнее с учётом его размеров и веса может быть неэкономично; кожа слона только кажется грубой и толстой, её легко поранить. «Слон, которого перегружают или заставляют работать маленьким, быстро и внезапно умирает – как и слон, которого недавно поймали и не дали ему достаточно времени, чтобы привыкнуть к неволе и новой пище» [14, р. 74]. При этом на станции в силу специфики ловли находились только подростки (средний возраст – 7 лет), когда как индийские слоны начинали работать лишь с 15–20. Безусловно, это влияло на эффективность их использования и увеличивало срок дрессировки. Как бы то ни было, результаты впечатляли: в июне 1914 г. фото рабочих африканских слонов произвело настоящий фурор на международной выставке в Лондоне [14, р. 43]. Тогда на станции находилось 35 слонов [8, р. 34].

Однако у станции были серьёзные проблемы и иного рода. Ж.-А. Лаплюм, будучи военным, был вынужден совмещать руководство ей с участием в локальных конфликтах [5, col. 586]. С началом Первой мировой войны он попал в плен к немцам и несколько лет провёл в лагере [10, р. 272]. Работа станции продолжалась при его помощниках и преемниках, но после изменения статуса колонии начались трудности с финансированием. До войны добыча слоновой кости оправдывала все затраты, но затем охота была временно прекращена из-за нехватки средств и персонала. С 1914 г. станция жила «в долг» за счёт колониального бюджета – впрочем, «долг» был весьма относительным, поскольку годовое финансирование составляло 20-30 тыс. франков, а ценность самого стада была гораздо выше (около 100 тыс.) [14, р. 37].

В 1918 г. король Альберт I выделил средства, на которые, в частности, были выписаны инструктора из Индии для обмена опытом. В 1920 г. в Апи прибыли семь махаутов, но оказалось, что использованная бельгийцами методика ловли и дрессировки куда мягче индийской – из пяти недавно пойманных слонов индийцы двоих просто умили [12, р. 66]. Посетивший станцию егерь из Кении К. Колдуэлл указал, что корнаки-африканцы обращаются с животными куда лучше, но он видел и могилы 6 погонщиков, убитых слонами [3, р. 189; 10, р. 272]. Сравнительная мягкость бельгийской дрессуры с упором на постепенность и поощрение животных наградами отмечалась и другими авторами – бить слона запрещалось, за это сурово наказывали, и, напротив, самих слонов не уничтожали за агрессивное поведение [8, р. 36–37; 3, р. 189; 6, р. 92]. Тем не менее кое-что из индийской практики бельгийцы заимствовали, а в языке команд остались слова не только из французского и бангала, но и из хинди [10, р. 277].

В 1925 г. слонов в Апи было уже 40, и станция стала важным звеном в производстве и

транспортировке хлопка в северо-восточном Конго [1, р. 170]. Слонов привлекали также к обработке хлопковых полей, особенно в сезон дождей, когда трактора вставали из-за грязи. Для этой цели их сдавали внаём соседним плантаторам [6, р. 87].

В 1926 г. была открыта ещё одна станция в Гангала-на-Бодио, и её возглавил капитан П. Офферман, герой первой мировой войны; при нём очевидцы сравнивали дисциплину и порядок на станции с кавалерийским училищем. Накопленный к тому времени опыт позволил перейти к ловле подростков постарше, в среднем 10–12 лет. Это позволило улучшить соотношение пойманных слонов к погибшим [16, р. 592] и сократить время на обучение примерно до года [6, р. 86–87, 91–92; 20, р. 358; 9, р. 3]. Средняя экспедиция включала в себя три группы по 20 охотников, 10 уже обученных слонов и 50 носильщиков. Охотничьи команды обычно действовали самостоятельно, но на одной территории. Возраст слонов примерно определялся по их росту, от 1,5 до 1,8 м; более крупных и сильных было тяжело ловить, и они хуже поддавались дрессировке. [8, р. 34–35]. В первые 2 – 3 месяца слонов приучали к обществу людей, учили их вставать и ложиться по команде, брать предметы хоботом и передавать их погонщику; через 5 месяцев их выпускали на работу в паре с уже выдрессированным животным.

В 1929 и 1930 гг. на станции родилось несколько слонят, и таким образом удалось развеять миф о неспособности африканских слонов к размножению в неволе. Однако от разведения слонов отказались по экономическим причинам – слишком много времени и средств требовали и беременность слонихи (от полутора до двух лет), и уход за слонёнком, поскольку на всё это время самка освобождалась от работы [14, р. 68; 8, р. 47; 6, р. 87]. В 1930 г. в Гангала было уже 40 слонов, в Апи – 30, некоторые из них работали уже 20 лет. В начале 1930-х гг. станцию в Апи было решено закрыть – в том числе и потому, что диких слонов поблизости осталось мало [16, р. 594].

Как отмечал бельгийский режиссёр-документалист А. Дени, посетивший станцию в середине 1930-х гг., в индийской системе каждому слону сразу после поимки придавался свой махаут и оставался с ним пожизненно. Особенностью же бельгийской методики было то, что слонов учили принимать команды от любого погонщика, и добиться этого было тяжелее. Сидя на африканском слоне, Дени не чувствовал себя в такой безопасности, как на индийском; тот не был так безусловно послушен, оставался своенравным и мог попытаться сбросить наездника при первой благоприятной возможности [6, р. 91–92].

Подсчёты конца 1920-х гг. показали, что вспашка поля в 100 гектаров трактором обходится в 704 бельгийских франка, волами – в 156,

командой в 50 человек – 111, а слонами – только в 102 [19, р. 153]. Особенную пользу слоны оказывали в тех районах Конго, где топливо для трактора стоило дорого [8, р. 43]. Как отмечали восторженные гости станции десять лет спустя, хорошо обученный слон в состоянии заменить около 60 человек [20, р. 361]. Помимо этого, слоны катали туристов, некоторых животных (преимущественно не преуспевших в обучении) продавали в зоопарки и цирки [15, р. 130; 16, р. 589]. К середине XX в. на станции находилось около ста слонов [12, р. 66; 10, р. 274].

Тем не менее после второй мировой войны бельгийское правительство решило уточнить, целесообразно ли дальнейшее использование рабочих слонов. На запрос Института национальных парков Бельгийского Конго знаменитый швейцарский биолог Х. Хедигер дал отрицательное заключение: слон потребляет много трудно усваиваемой пищи, из-за этого мало работает и дешёвой заменой современных машин служить уже не может [11, р. 107–108; 1, р. 171]. Станция была репрофилирована в биологическую при национальном парке Гарамба и в этом качестве продолжила существовать и в независимом Конго.

Результаты. В истории создание и деятельность станции доместикации слонов в Конго остались как одно из главных (и при этом бесспорных) достижений бельгийцев в колониальном периоде. Цели, поставленные перед запуском проекта, в целом удалось реализовать, не полагаясь при этом на проверенные временем индийские достижения. Ж.-А. Лапльом начинал без помощи индийских экспертов, считавшихся лучшими в своём деле; он полагался только на африканцев-азанде, и те вполне справились с возложенной на них задачей, хотя ранее не имели соответствующего опыта. Оба раза, когда индийцы непосредственно привлекались к проекту (в экспедиции Ф. Картера 1879–80 гг. и в начале 1920-х гг.), отзывы об их работе не всегда были комплиментарными, хотя своё влияние на его реализацию (в частности, во внедрении некоторых приёмов дрессировки, в языке команд) они оказали. Впрочем, одна из причин того, что индийцы не сумели разработать универсальную методику дрессировки, могла оказаться и вполне объективной – азиатские махауты не учли (да и не могли учесть) видовых различий между индийскими и африканскими слонами. Открытие и запуск станции совпали по времени с подписанием Конвенции об охране африканских животных (носившей, впрочем, рекомендательный характер) и заменой слоновой кости на каучук в качестве главного источника прибыли колонии. И Лапльом, и П. Офферман, ставший руководителем станции в конце 1920-х гг., подчёркивали её важность в деле охраны слонов – несмотря на то, что, к сожалению, животные могли погибать и в процессе ловли. Наконец,

обсуждение доместикации африканского слона в печати и переход к практическим шагам на рубеже XIX и XX вв. буквально «оживили историю»: это вернуло интерес к античному опыту, а

затем доказало – «впервые со времён Карфагена» – что африканских слонов можно приручать [14, p. 37, 42; 3, p. 190].

Литература

1. Bennett C. R. A Brief History of Trained African Elephants in the Belgian Congo // *Journal of Geography*. 1957. Vol. 56. No. 4. P. 168–172.
2. Bourdarie P. La Domestication de l'éléphant d'Afrique // *Bulletin de la Société nationale d'acclimatation de France*. Paris: Société nationale d'acclimatation de France, 1896. P. 97–108, 121–122, 145–155. [Бурдари П. Одомашнивание африканского слона // Бюллетень Национального общества акклиматизации Франции. Париж: Национальное общество акклиматизации Франции, 1896 г. С. 97–108, 121–122, 145–155.]
3. Carrington R. Elephants. A Short Account of their Natural History Evolution and Influence on Mankind. London: Chatto & Windus, 1958. 272 p.
4. Convention for the Preservation of Wild Animals, Birds, and Fish in Africa // *British Parliamentary Papers*. 1900. Cd. 101. Vol. 56. P. 825–837.
5. Coosemans M. Laplume (Jules-Henri) // *Biographie coloniale belge*. Vol. 1. Bruxelles: Librairie Falk fils, 1948. Col. 584–587. [Кусманс М. Лапльюм (Жюль-Анри) // Бельгийская колониальная биография. Т. 1. Брюссель: Библиотека Falk fils, 1948. Col. 584–587.]
6. Denis A. On Safari: The Story of My Life. New York: E. P. Dutton & Co., Inc.: 1963. 320 p.
7. Evans G.H. Elephants and their Diseases: A Treatise on Elephants. Rangoon: Superintendent, Government Printing, Burma, 1910. 343 p.
8. Fallon F. L'Éléphant Africain. Bruxelles: Librairie Falk fils, 1944. 51 p. [Африканский слон. Брюссель: Библиотека Falk fils, 1944. 51 с.]
9. Fraser R. Savage Giants of Jungle taught to do work of Man // *Toledo Blade*. 1954. Aug. 8. P. 3.
10. Gavron J. King Leopold's Dream: Travels in the Shadow of the African Elephant. New York: Pantheon Books, 1993. 288 p.
11. Hediger H. The Psychology and Behaviour of Animals in Zoos and Circuses. New York: Dover Publications, Inc., 1968. 166 p.
12. Iversen E. The Domestication of the African Elephant // *Pachyderm*. 1995. No. 20. P. 65–68.
13. Laplume J. La Domestication des Eléphants au Congo // *Bulletin Agricole Du Congo Belge*. 1911. Vol. II. No. 1. P. 405–418. [Лапльюм Ж. Одомашнивание слонов в Конго // Сельскохозяйственный вестник Бельгийского Конго. 1911. Том. II. № 1. С. 405–418.]
14. Leplae E. La Domestication de l'Éléphant d'Afrique au Congo Belge // *Bulletin Agricole Du Congo Belge*. 1918. Vol. IX. No. 1. P. 37–77. [Лепла Э. Одомашнивание африканского слона в Бельгийском Конго // Сельскохозяйственный вестник Бельгийского Конго. 1918. Том. IX. № 1. С. 37–77.]
15. Meredith M. Elephant Destiny. Biography of an Endangered Species in Africa. New York: Public Affairs, 2003. 244 p.
16. Pouillard V. Conservation et captures animales au Congo belge (1908-1960). Vers une histoire de la matérialité des politiques de gestion de la faune // *Revue historique*. 2016. No. 679. P. 577–604. [Пуйлард В. Охрана и отлов животных в Бельгийском Конго (1908-1960). К истории материальности политики природопользования // Историческое обозрение. 2016. № 679. С. 577–604.]
17. Rankin L.K. The Elephant Experiment in Africa // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 1882. Vol. 4. No. 5. P. 273–289.
18. Shoshani J. Taxonomy, Classification, History, and Evolution of Elephants // *Biology, Medicine, and Surgery of Elephants*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. P. 3–14.
19. Smith K.S. The Elephant Domestication Centre of Africa // *Elephants: Majestic Creatures of the Wild*. New York: Checkmark Books, 2000. P. 152–154.
20. Thaw L.C., Thaw M.S. Trans-Africa Safari // *The National Geographic Magazine*. 1938. Vol. 74. No. 3. P. 327–364.
21. Wauters A.-J. L'éléphant d'Afrique et son rôle dans l'histoire de la civilisation africaine // *Société Belge de Géographie: Bulletin*. Bruxelles: Secrétariat de la Société Belge de Géographie, 1880. P. 150–185. [Ваутерс А.-Ж. Африканский слон и его роль в истории африканской цивилизации // Бельгийское географическое общество: Бюллетень. Брюссель: Секретариат Бельгийского географического общества, 1880. С. 150–185.]

References

1. Bennett CR. A Brief History of Trained African Elephants in the Belgian Congo. *Journal of Geography*. 1957;56(4):168-172.
2. Bourdarie P. The Domestication of the African Elephant in Bulletin of the National Society of Acclimatization of France. Paris: National Society of Acclimatization of France; 1896. P. 97-108, 121-122, 145-155. (In French).
3. Carrington R. Elephants. A Short Account of their Natural History Evolution and Influence on Mankind. London: Chatto & Windus; 1958. 272 p.
4. Convention for the Preservation of Wild Animals, Birds, and Fish in Africa. *British Parliamentary Papers*. 1900. Cd. 101. Vol. 56. P. 825-837.
5. Coosemans M. Laplume (Jules-Henri), Belgian colonial biography. Vol. 1. Brussels: Falk fils Library; 1948. Col. 584-587. (In French).
6. Denis A. On Safari: The Story of My Life. New York: E. P. Dutton & Co., Inc.; 1963. 320 p.

7. Evans GH. Elephants and their Diseases: A Treatise on Elephants. Rangoon: Superintendent, Government Printing, Burma; 1910. 343 p.
8. Fallon F. The African Elephant. Brussels: Falk fils Library; 1944. 51 p. (In French).
9. Fraser R. Savage Giants of Jungle taught to do work of Man in Toledo Blade. 1954. Aug. 8. P. 3.
10. Gavron J. King Leopold's Dream: Travels in the Shadow of the African Elephant. New York: Pantheon Books; 1993. 288 p.
11. Hediger H. The Psychology and Behaviour of Animals in Zoos and Circuses. New York: Dover Publications, Inc.; 1968. 166 p.
12. Iversen E. The Domestication of the African Elephant. *Pachyderm*. 1995;20:65-68.
13. Laplume J. The Domestication of Elephants in the Congo. *Bulletin Agricole Du Congo Belge*. 1911;II(1):405-418. (In French).
14. Leplae E. The Domestication of the African Elephant in the Belgian Congo. *Bulletin Agricole Du Congo Belge*. 1918;IX(1):37-77. (In French).
15. Meredith M. Elephant Destiny. Biography of an Endangered Species in Africa. New York: Public Affairs; 2003. 244 p.
16. Pouillard V. Conservation and animal captures in the Belgian Congo (1908-1960). Towards a history of the materiality of wildlife management policies. *Revue historique*. 2016;679:577-604. (In French).
17. Rankin LK. The Elephant Experiment in Africa. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 1882;4(5):273-289.
18. Shoshani J. Taxonomy, Classification, History, and Evolution of Elephants. Biology, Medicine, and Surgery of Elephants. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.; 2006. P. 3-14.
19. Smith KS. The Elephant Domestication Centre of Africa. Elephants: Majestic Creatures of the Wild. New York: Checkmark Books; 2000. P. 152-154.
20. Thaw LC, Thaw MS. Trans-Africa Safari. *The National Geographic Magazine*. 1938;74(3):327-364.
21. Wauters A-J. The African elephant and its role in the history of African civilization. Belgian Geographical Society: Bulletin. Brussels: Secretariat of the Belgian Geographical Society; 1880. P. 150-185. (In French).

Научная статья

УДК 94(470.61)1920/1930(047)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.2>

К ИСТОРИИ СПОРТИВНОГО КОМПЛЕКСА «ДИНАМО» В КРАЕВОМ ЦЕНТРЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Завен Викторович Акопян

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357352, Российская Федерация)

Аспирант

zvakopyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>

Аннотация. Введение. В описании истории города Пятигорска, являвшегося в 1934 – мае 1937 гг. центром Северо-Кавказского края (СКК), в научной литературе образовался пробел. Исходя из перспективы расширения города в направлении района Лермонтовского разъезда, первый секретарь крайкома ВКП(б), еще недавно возглавлявший органы государственной безопасности Северо-Кавказского края, вместе со своими бывшими подчиненными, содействовал строительству крупного спортивного комплекса «Динамо». Однако информация об этом объекте, которого уже в после окончания Великой Отечественной войны не было, отсутствует в историко-краеведческой литературе. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе материалов фондов Пятигорского краеведческого музея, Государственного архива Ставропольского края, в первую очередь краевой периодики рассматриваемого периода (газеты «Северо-Кавказский большевик», «Орджоникидзевская правда» и др.). В исследовании использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы **Анализ.** Анализ показал, что Ефим Евдокимов даже после своего назначения первым секретарем крайкома ВКП(б) продолжал оставаться негласным руководителем «северокавказской команды» работников ОГПУ–НКВД, находившихся на руководящих постах в Центре, разных регионах страны, естественно и в Северо-Кавказском крае. Спортивный комплекс «Динамо» имени Е.Г. Евдокимова непосредственно курировали органы безопасности края, обеспечившие строительство объек-

та в предельно короткие сроки. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что перенос краевого центра в Ворошиловск (Ставрополь), не позволил реализовать проект строительства микрорайона «Белая Ромашка», составной частью которого мог стать стадион «Динамо». Эта территория, как уже отмечалось выше, до конца 1950-х гг. оставалась городской окраиной. В связи с тем, что краем и городом руководили советские и партийные деятели (Евдокимов, Пивоваров и др.), репрессированные во второй половине 1930-х гг., спорткомплекс «Динамо» в Пятигорске прекратил свое существование, а имя его основателя было забыто.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, Кавказские Минеральные Воды, Белая Ромашка, административный центр, Главное управление государственной безопасности, Народный комиссариат внутренних дел, стадион «Динамо», спортивный комплекс

Для цитирования: Акопян З. В. К истории спортивного комплекса «Динамо» в краевом центре Северо-Кавказского края // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 219–228. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

ON THE HISTORY OF THE DYNAMO SPORTS COMPLEX IN THE REGIONAL CENTER OF THE NORTH CAUCASUS REGION

Zaven V. Akopyan

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357352, Russian Federation)

Postgraduate student

zvakopyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>

Abstract. Introduction. There is a gap in the scientific literature in the description of the history of the city of Pyatigorsk, which was the center of the North Caucasus Region (NCR) in 1934 – May 1937. Based on the prospect of expanding the city towards the Lermontov junction area, the first secretary of the regional committee of the CPSU(b), who recently headed the state security agencies of the NCR, together with his former subordinates, facilitated the construction of a large sports complex “Dynamo”. However, information about this object, which did not exist after the end of the Great Patriotic War, is missing in the local history literature. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of materials from the collections of the Pyatigorsk Museum of Local Lore, the State Archive of the Stavropol Krai, primarily regional periodicals of the period under review (newspapers “Severo-Kavkazskiy Bolshevik”, “Ordzhonikidzevskaya Pravda”, etc.). The study uses a systematic integrated approach, specific historical and comparative historical methods. **Analysis.** The analysis showed that Yefim Evdokimov, even after his appointment as the first secretary of the regional committee of the CPSU(b), continued to remain the unspoken head of the “North Cau-

casian team” of OGPU–NKVD workers who were in leadership positions in the Center, in different regions of the country, and naturally in the North Caucasus Region. The Dynamo Sports Complex named after E. G. Evdokimov was directly supervised by the regional security authorities, who ensured the construction of the facility in the shortest possible time. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that the transfer of the regional center to Voroshilovsk (Stavropol) did not allow the implementation of the construction project of the Belaya Romashka district, of which the Dynamo stadium could become an integral part. This area, as noted above, remained an urban suburb until the end of the 1950s. Due to the fact that the region and the city were led by Soviet and Party leaders (Evdokimov, Pivovarov, etc.), repressed in the second half of the 1930s, the Dynamo sports complex in Pyatigorsk ceased to exist, and the name of its founder was forgotten.

Keywords: North Caucasus Region, Caucasian Mineral Waters, Belaya Romashka, administrative center, Main Directorate of State Security, People's Commissariat of Internal Affairs, Dynamo stadium, sports complex

For citation: Akopyan ZV. On the history of the Dynamo Sports Complex in the regional center of the North Caucasus Region // *Humanities and law research*. 2024;11(2):219-228. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.2>

Введение. В данной статье рассматривается вопрос о строительстве в городе-курорте Пятигорске, ставшем в январе 1934 г. административным центром Северо-Кавказского края (СКК), спортивного комплекса в северо-западной его части, в районе между автомобильной трассой, ведущей в Минеральные Воды, и железнодорожной станцией «Лермонтовская».

Об этом впоследствии «исчезнувшем» объекте города второй половины 1930-х гг., кроме нескольких фотографий, размещенных в интернете с небольшой информацией о том, что существовал такой объект на территории нынешнего санатория «Лесная поляна», больше ничего нет. Поэтому данная статья должна восполнить образовавшийся пробел в истории Пятигорска и всего Северного Кавказа, административным центром которого являлся главный курортный город Кавказских Минеральных Вод.

Спортивный комплекс, или стадион «Динамо», включал футбольное поле с трибунами, плавательный бассейн и целый ряд специально оборудованных площадок для занятия различными видами спорта. Строительство стадиона происходило в городском пригороде, у подножия Машука, в районе между автомобильной трассой, ведущей в Минеральные Воды, и железнодорожной станцией «Лермонтовская». Выбор места строительства был обусловлен планами интенсивной застройки района Белая Ромашка, примыкавшего к Лермонтовскому разъезду. Тем самым спорткомплекс и стадион могли стать частью этого микрорайона с зоной отдыха и спорта. Строительство стадиона курировал первый секретарь краевого комитета ВКП(б) Ефим Евдокимов, до 31 декабря 1933 г., являвшийся полномочным представителем ОГПУ по СКК. Всесоюзное спортивное общество «Динамо» находилось под опекой органов государственной безопасности. На Юге России его непосредственно поддерживал Ефим Евдокимов. Автор статьи рассматривает причины, которые привели к утрате стадионом «Динамо» роли спортивного центра Северного Кавказа, каким он был в течение нескольких лет. В послевоенные десятилетия место бывшего стадиона занял санаторий «Лесная поляна», ставший в 1970-х гг. крупным лечебно-профилактическим учреждением.

Материалы и методы. В целях проведения объективного исследования, соблюдения принципа историзма и всестороннего изучения проблемы автор опирался на комплекс архивных материалов, которые ранее опубликованы не были. Наряду с документами краевых архивов Ставропольского края, в частности, периодической печати 20–30-х гг. XX в. (газеты «Терек»,

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 26.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

«Северо-Кавказский большевик», «Коммунар», «Орджоникидзе́вская правда»), использовались материалы Пятигорского краеведческого музея.

Анализ. Не останавливаясь на обстоятельствах решения правительства о Пятигорске в качестве краевого центра, как и на дискуссии по вопросу о последующем переносе столицы края (им была посвящена серия наших научных публикаций), рассмотрим только один указанный в начале статьи фрагмент в истории города-курорта «столичного периода» – стадион «Динамо», названный в честь первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Ефима Евдокимова, до этого являвшегося полпредом ОГПУ по СКК.

Строительство спортивного комплекса «Динамо» имени Е.Г. Евдокимова¹ в нескольких

¹ Ефим Георгиевич Евдокимов (1891–1939) родился 20 января 1891 г. в уездном городе Копал Семиреченской области в семье выходцев из Пермской губернии. В Чите получил неполное среднее образование. В январе 1906 г., состоя в рабочей дружине в Чите, получил ранение в перестрелке с правительственным отрядом. В феврале 1908 г. был осужден и три года отбывал срок в Верхнеудинском центре, после чего вновь арестовывается и высылается на Урал, откуда совершает побег на Дальний Восток, где ведет пропаганду среди моряков. До февральской революции Евдокимов находился на нелегальном положении. Принимал участие в Октябрьском перевороте в Москве и в 1918 г. вступил в партию большевиков и в Красную армию (РККА), а в следующем году в ВЧК, где он проявил себя жестким работником. Евдокимов являлся ведущим организатором борьбы с Нестором Махно, сыграл центральную роль в осуществлении репрессий в отношении «Комитета освобождения Украины» и особенно оставшихся в Крыму врангелевцев. За свою бескомпромиссную борьбу с противниками советской власти в период гражданской войны Евдокимов стал одним из семи чекистов, награжденных ВЦИК 16 июля 1921 г. орденом Красного Знамени. За все время службы он получил четыре таких ордена. Нэп мало повлиял на склонность Евдокимова к жестким методам подавления противников советской власти. До своего назначения на Северный Кавказ в 1923 г. Евдокимов непродолжительное время работал на руководящих постах в ГПУ–ОГПУ СССР, начальником Секретно-политического отдела (СПО), занимавшегося борьбой с политическими противниками режима. В 1923 г. начинается северокавказский период в деятельности Евдокимова, который с четырехлетним перерывом (1929–1932 гг.) продолжался до 1938 года включительно. 22 июня 1923 г. он был назначен уполномоченным ОГПУ по Юго-Востоку РСФСР, с февраля 1924 г. – по СКК и СКВО (до 1929 г.). В 1929–1931 гг. Евдокимов являлся членом коллегии ОГПУ СССР и начальником СОУ ОГПУ СССР. В 1931–1932 гг. – полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии. Наконец, с ноября 1932 г. он работал полпредом ОГПУ по СКК. С 1 января 1934 г. по 7 января 1937 г. – первый секретарь СК крайкома ВКП(б). В дальнейшем меньше года Евдокимов занимал должности первого секретаря Азово-Черноморского край-

километрах от города было обусловлено планами развития обширного степного пустыря, где сегодня раскинулся более чем 20-тысячный жилой микрорайон Белая Ромашка. Общеизвестно, что строительство микрорайона развернулось в эпоху хрущевской урбанизации. Однако эту территорию, расположенную между Пятигорском и местом строительства стадиона, планировалось интенсивно застроить в самое короткое время в связи с новым статусом Пятигорска.

Многие пятигорчане, незнакомые с краеведческой литературой, связывают название микрорайона Белая Ромашка с одноименными цветками. На самом же деле будущий микрорайон получил свое наименование от названия расположенной на его территории лечебницы для туберкулезных больных «Белая Ромашка», строительство которой на средства, собранные с помощью благотворительной акции «Белая Ромашка», завершилось в декабре 1913 г.

Генеральному плану развития города Пятигорска, разработанному Архитектурно-планировочной мастерской Народного комиссариата коммунального хозяйства (НКХХ) РСФСР под руководством известного архитектора Владимира Николаевича Семенова (1874–1960), посвящена недавно изданная наша статья и ряд других работ [1, с. 99–107; 34]. Однако в ней вне нашего внимания остался спортивный комплекс «Динамо». Первые результаты работы столичных проектировщиков совместно с архитекторами края и Пятигорска были рассмотрены на совещании представителей руководящих краевых организаций и специалистов «О планировке и строительстве краевого центра в Пятигорске», состоявшемся 23 июня 1934 г. в Пятигорском горсовете.

На самом деле будущий микрорайон планировалось застроить еще в 1920-е гг., когда Пятигорск являлся центром Терской округа, упраздненного в 1930 г. Окружное² и городское руководство, предполагая значительное расширение территории окружного центра, увлеклось проектом создания «города-сада» по идее английского социолога-утописта Эбенизера Говарда (1850–1928) в городском пригороде рядом с Лермонтовским разъездом³ и остановкой поез-

дов для желающих посетить место дуэли Лермонтова и памятник поэту. Остановка (в первые годы полустанок) появилась еще в июне 1901 г. по решению правления АО Владикавказской железной дороги.

В 1925–1926 гг. по решению окружного исполкома была произведена разбивка территории района у Лермонтовского разъезда на 28 участков, по одной десяatine в каждом, и намечено возведение дачных домов на средства самих садоводов в качестве «доходных дач курортного типа» и для «разведения культурного садоводства» [35]. Окрисполком утвердил проект планировки и основы эксплуатации этих участков, разработанный окружным отделом коммунального хозяйства (окркомхоз) и соответствующей секцией горсовета.

Ранней весной 1927 г. от застройщиков начали поступать заявления на предоставление участков, в том числе со стороны садоводов, а также других лиц, желавших, как сообщалось в окружной газете «Терек», «производить застройку по проектам доходных дач» [35]. Участки у Лермонтовского разъезда были разбиты на коллективные участки застройки для организации садового, пасечного и молочного хозяйства (12 участков); индивидуальные (10 участков); пять учебных участков для питомника фруктового и декоративного садоводства и один участок в центре планировки для строительства общественных зданий.

Коллективные и индивидуальные застройщики брали на себя обязательство благоустроить территорию «города-сада»: устроить тротуар вдоль границы своего участка, посадить ряд декоративных деревьев и т.д.

В свою очередь окркомхоз обещал в течение ближайших трех лет провести в новый поселок водопроводную магистраль от недалеко проходящего водопровода в районе горы Пост и известкового завода, построенного в начале XX века, а также восстановить шоссе от Лермонтовского разъезда до границ городской земли. Кроме того, предполагалось в ближайшие три года образовать парк на склоне оврага у известкового завода «в порядке общественных работ». В апреле 1927 г. план застройки нового поселка утвердил президиум пятигорского горсовета [35].

Через месяц коллективным и индивидуальным застройщикам были распределены 22 участка. Индивидуальные застройщики, получившие 10 участков, не ожидая окончательного решения горсовета, возвели временные постройки и приступили к посадкам саженцев. Еще

кома (январь – сентябрь 1937 г.), первого секретаря Ростовского обкома ВКП(б) (до марта 1938 г.) [37; 38].

² Во второй половине 20-х гг. окружной комитет ВКП(б) возглавляли С.О. Котляр (1923 – август 1927), И.Н. Крайнев (август 1927 – 3 января 1928), С.С. Захаров (1928 – сентябрь 1930). Председателями Терского окрисполкома являлись: М.Ф. Болдырев (ноябрь 1921 – октябрь 1922 г.), М.М. Карклин (октябрь 1922 – октябрь 1925 г.), Цветков Николай Григорьевич (март 1926 – март 1927 г.), Ищенко Федор Николаевич (с марта 1927 г.).

³ Под разъездом понимается отдельный пункт однопутных железнодорожных линий, предназначенный для обгона поездов другим попутным или скрещивания поездов (пропуск встречных поездов: четных и нечетных). Хотя желез-

нодорожная ветка Минводы – Кисловодск в 1912 г. стала двухпутной, к счастью для курортников, Лермонтовский разъезд, как и само название, сохранился уже для осуществления посадки и высадки пассажиров, для удобства которых правление построило платформу.

раньше, в 1926 г., на пяти участках был заложен учебно-посадочный питомник [36].

По социально-политическому содержанию этот проект «города-сада» у Лермонтовского разъезда имел мало общего с идеей Говарда [9].

Увы, в конце 1927 г. в СССР наступил серьезный хлебозаготовительный кризис, вынудивший урезать запланированные расходы на развитие окружного центра, а через три года Пятигорск потерял статус окружного города. Проект «города-сада» не получил развитие в период полного огосударствления всех сторон жизни советского общества, а район Лермонтовского разъезда, как и будущего микрорайона Белая Ромашка, так и остался неосвоенной территорией.

Этот исторический экскурс в 1920-е годы стал для нас свидетельством того, что планы по освоению рассматриваемой городской окраины начали осуществляться задолго до предоставления Пятигорску статуса центра СКК, в состав которого вошли Ставрополье, русские районы бывшего Терского округа, Дагестанская АССР и почти все автономные области (кроме Адыгеи).

Возвращаясь к стадиону «Динамо», отметим, что его строительство рядом с Лермонтовским разъездом в полной мере коррелировалось с одним из проектов развития краевого центра, предложенного инженером Пржибовским, представителем группы инженеров, производивших планировку Грозного. В соответствии с ним, административный центр Пятигорска должен был находиться возле Лермонтовского разъезда. Причем начальник крайкомхоза И.Г. Кабанов для «охраны интересов курорта» там же предлагал устройство специальной курортной железнодорожной станции [1; 14].

Таким образом, с учетом вероятной интенсивной застройки районов Лермонтовского разъезда и Белой Ромашки (такое название район имел и в 1934 г.)⁴, место будущего спортивного комплекса «Динамо» могло вписаться в границы нового микрорайона Пятигорска. На наш взгляд, этим и был обусловлен выбор места стройки.

Не ожидая окончательного решения вопроса о том, как будут застроены названные выше районы, возведение спортивных объектов началось весной 1934 г. и велось авральными темпами преимущественно силами сотрудников НКВД и заключенных. По признанию ответственного секретаря краевого совета «Динамо» П.Ф. Булаха, «в строительство стадиона весь коллектив ГПУ вложил много сил. Был проведен ряд субботников, на которых участвовало от 700 до

1000 человек. Трудодни наши на стадионе нужно считать тысячами» [19].

Ефим Евдокимов даже после своего назначения первым секретарем крайкома ВКП(б) продолжал оставаться негласным руководителем «северокавказской команды» работников ОГПУ–НКВД⁵, находившихся на руководящих постах в Центре, разных регионах страны, естественно и в СКК.

Покинув 1 января 1934 г. пост полпреда ОГПУ в СКК, он не оставил без своего внимания спортивное общество «Динамо», созданное под опекой органов госбезопасности и лично Ф.Э. Дзержинского в 1923 г. Причем главный чекист страны оставался почетным председателем физкультурного общества (ФО) «Динамо» до своей кончины в 1926 г. Вспомним, что в год организации ФО «Динамо» Евдокимов из Москвы был направлен на Северный Кавказ и с того времени являлся главным куратором «Динамо» в СКК и организатором его местных обществ и секций при них, в первую очередь футбольных. Футбол стал одним из любимых видов спорта сотрудников органов госбезопасности. Несмотря на неоднократные преобразования в органах внутренних дел и госбезопасности, ФО «Динамо» продолжало оставаться их ведомственным спортклубом [4].

Здесь будет не лишним перечислить тех представителей «северокавказской команды», кто работал в краевом аппарате ГУГБ НКВД СССР и, естественно, участвовал в возведении важного объекта ведомства, каким являлся стадион «Динамо». В первую очередь им был один из самых доверенных людей Евдокимова – Израиль Яковлевич Дагин (1895–1940), с марта 1933 г. работавший заместителем полномочного представителя (ПП) ОГПУ по СКК, то есть Евдокимова. В январе 1934 г. – апреле 1937 г. он являлся полпредом ОГПУ и начальником УНКВД по СКК, с 1937 г. – Орджоникидзевскому краю [11].

Назовем и других руководящих работников ГУГБ НКВД, служивших в регионе в период, когда их бывший шеф возглавил краевую власть: Николай Галактионович Николаев-Журид (1897–1940) – с ноября 1932 г. по июль 1934 г. работавший 2-м заместителем полпреда ОГПУ по СКК; Артур Иванович Михельсон (1898–1939) – в 1931–1937 гг. начальник Управления рабочей-крестьянской милиции ПП ОГПУ – управления НКВД по СКК (с 1937 г. – Орджоникидзевского края); Владимир Михайлович Курский (1897–1937) – 1934–1936 гг. заместитель начальника

⁴ О том, что развитие Белой Ромашки не только планировалось на бумаге, свидетельствует информация о начале строительства в этом районе новой школы 10-летки. Краевая газета сообщала: «Госстрой по предложению городского совета начинает подвоз материалов к месту строительства школы» [22].

⁵ 10 июля 1934 г. в соответствии с постановлением ЦИК СССР ОГПУ был преобразован в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), вошедшее в состав общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, возглавляемого Генрихом Ягодой. С последним у Ефима Евдокимова были не самые лучшие отношения, в отличие от Н.И. Ежова, который в 1936 г. заменил Ягоду [5; 11].

управления НКВД СКК; Иван Яковлевич Лаврушин (1900–1940) – в 1934 г. начальник секретно-политического отдела (СПО) ПП ОГПУ по СКК; в 1934–1936 гг. начальник СПО УГБ УНКВД СКК; в 1936–1937 гг. – начальник 4-го отдела УГБ УНКВД СКК – Орджоникидзевского края; Петр Федорович Булах (1898–1938) – в 1931–1934 гг. помощник, заместитель начальника ОО полпреда ОГПУ–УНКВД по СКК; в 1934–1937 гг. начальник ОО полпреда ОГПУ по СКК; Василий Федорович Дементьев (1896–1940) – с января 1934 по 1936 г. начальник экономического отдела ПП ОГПУ – УГБ УНКВД по СКК; Григорий Федорович Горбач (1898–1939) – в 1934–1936 гг. помощник начальника УНКВД по СКК [5; 11].

Строительство стадиона непосредственно курировали И.Я. Дагин и П.Ф. Булах. Если вопросы обеспечения стройки рабочей силой решало ведомство, подконтрольное Израилю Яковлевичу, то снабжением и доставкой необходимых стройматериалов решалось при содействии краевой власти. Этим объяснялись быстрые темпы возведения спорткомплекса «Динамо».

Завершение строительства стадиона было запланировано на 20 июля, а 30 июля планировалось провести торжественное открытие стадиона и большой спортивный праздник с участием спортсменов из СКК и соседних регионов РСФСР [17]. Позднее официальное открытие перенесли на неделю вперед.

Еще до официального открытия на стадионе проводились соревнования по футболу с участием пятигорского «Динамо». Футбольная команда состояла, по всей видимости, преимущественно из спортсменов – сотрудников УНКВД. Так, например, 6 июля на стадионе «Динамо» состоялся первый матч на первенство СКК. Встретились команды «Динамо» Пятигорска и Махачкалы. Пятигорчане (пятигорцы – в терминологии того времени) одержали победу со счетом 9:1 [15].

12 июля на стадионе «Динамо» начался первый круг розыгрыша первенства Северного Кавказа по футболу. На самом лучшем в СКК футбольном поле Краевой совет физкультуры запланировал проведение не только игры с участием пятигорского «Динамо», но и финальные матчи [16].

В первенстве приняли участие футбольные сборные Пятигорска, Орджоникидзе, Нальчика, Грозного, Махачкалы, Микоян-Шахара (ныне Карачаевск), Сулимова (Черкесск). Команды Георгиевска, Ставрополя, Кисловодска и Минеральных Вод, несмотря на ранее поданную заявку, не приняли участие в турнире. Краевая газета сообщала, что на 24 июля будет проведена финальная игра на первенство СКК и отборочные соревнования для создания 1-й сборной команды СКК по результатам игры двух сборных команд края. Краевая газета сообщала, что 6 августа лучшая сборная команда края должна была выехать в Крым для участия в соревнованиях по футболу на первенство РСФСР [16; 18].

Футбольная команда «Динамо» в 1934–1935 гг. одерживала одну победу за другой, нередко с фантастическим счетом. Так, футбольный матч между командами Пятигорска и Микоян-Шахара завершился со счетом 14:1 в пользу пятигорчан [16; 18].

На стадионе «Динамо» с футболистами Пятигорска приезжали играть именитые команды Москвы, Харькова, Одессы, Тбилиси, Днепропетровска, Горловки, Краснодара и других городов СССР.

В составе пятигорской команды в середине 30-х гг. играли такие футболисты, как: Амерджанов, Айвазов (в других источниках – Айвазян), Дмитрий Бобрышев, Виктор Бойко, Михаил Будник, Денгиз Гавашвили, Маркаров, Миллер, Василий Мотлохов, Иван Пивоваров, Ф. Прохоренко, Василий Сухарев, Михаил Федорков, Шляпин, Петр Якушев и др.

Всесильное ведомство, курировавшее «Динамо», для укрепления футбольной команды приглашало сильных футболистов из других городов. Удачным приобретением футбольной команды «Динамо» стал известный вратарь харьковчанин Александр Бабкин [16].

Наконец, 7 августа состоялось торжественное открытие стадиона «Динамо» имени Е.Г. Евдокимова. Такого стечения народа – пятигорчан, жителей и отдыхающих всех городов-курортов Кавминвод, других регионов СКК, Азово-Черноморского края, иностранных гостей в городе не было, если не считать празднования Первой и Октябрьской революции 7 Ноября.

Накануне знаменательного события ответственный секретарь краевого совета «Динамо» Петр Булах дал большое интервью газете «Северо-Кавказский большевик». «Этому событию, – отмечал начальник ОО полпреда ОГПУ по СКК, – мы придаем исключительное значение. Северный Кавказ – новый край. Спортивная работа в старых его границах была отстающим участком. С образованием нового края удалось двинуть физкультурное дело вперед. Край не имел стадиона, за исключением грозненского, который далеко не отвечает современным требованиям физкультуры. Наш стадион должен явиться центром физкультурного движения не одного только «Динамо». Мы сможем приблизить к спорту и широкие колхозные массы, делегации которых мы пригласили на торжественное открытие. На этом стадионе будут проводиться ответственные международные встречи, что, конечно, не исключает встреч и на других стадионах края. Наконец, стадион явится местом культурного отдыха» [19].

В своем интервью Булах назвал причину, по которой стадион назван именем Ефима Евдокимова: «Тов. Евдокимов – член-учредитель Всесоюзного общества «Динамо». Вместе с Феликсом Дзержинским он был основоположником динамовского движения в СССР. Тов. Евдокимов

неустанно бился над организацией динамовского движения. В этом ему принадлежит выдающаяся роль. Тов. Евдокимов и на Северном Кавказе организовал первую ячейку «Динамо» и по Северо-Кавказскому обществу «Динамо» имеет билет № 1. Его же детищем является и кавалерийская динамовская школа, почти единственная по классу езды и лошадей» [19].

Краевая газета со всеми подробностями осветила торжественное открытие стадиона и других сооружений, спортивные соревнования по многим видам спорта, футбольный матч между командами СКК (1-я сборная) и Азово-Черноморского края (сборная), народные гулянья в районе стадиона, спортивные аттракционы с участием зрителей и др. [20].

Кроме стадиона с трибунами на 5 тыс. человек, спорткомплекс «Динамо» включал: открытый плавательный бассейн размером 12 на 50 метров с вышкой для прыжков в воду, оборудованные теннисные корты, волейбольные и баскетбольные площадки, павильон для тренировки и переодевания физкультурников, беговые дорожки, «павильон ресторана – с белоснежными нарядными столиками, буфеты, разбросанные по стадиону» [20].

Рядом со стадионом были построены две гостиницы для спортсменов, которые в 1938 г. были переоборудованы в корпуса летнего Дома отдыха.

Кроме футбольных матчей на стадионе проводились различные соревнования по бегу, прыжкам, метанию гранат, волейбольные матчи, массовая сдача норм на значок ГТО первой степени по многим видам спорта.

Ежегодно на стадионе в начале мая в торжественной обстановке проходило открытие сезона с поднятием флага. В этот день проводились легкоатлетические соревнования физкультурников городов Кавминвод [25].

Газеты сообщали о достижениях команд и отдельных спортсменов города и края. В одном из номеров краевой газеты говорилось о том, что лучшие легкоатлеты Пятигорска, Грозного, Махачкалы, Орджоникидзе, Нальчика и Ворошиловска (Ставрополь) в сентябре примут участие в соревнованиях на стадионе «Динамо» с целью установления новых краевых рекордов по легкой атлетике [30]. В другой информации читаем: «Особо отмечается победитель бега на 100 метров пятигорчанин Айвазов. Айвазов – всесторонний спортсмен. Он играет вратарем в команде «Динамо», прыгает в длину с разбега на 6 метров 30 см, с места в длину 2 метра 84 см и в высоту с места 1 метр 35 см. Он откровенно признает, что сейчас находится не в форме, мало тренировался. Его желание – пробежать сто метров за 11,2 секунды. Айвазов этого достигает» [27].

Популярным соревнованием стал весенний кросс имени Евдокимова, организуемый Краевым советом физкультуры. В программу

кросса входили забеги на 1000 и 5000 метров для мужчин и 500 и 1000 м для женщин. Спортсмены от стадиона «Динамо» поднимались на Машук в район Комсомольской поляны, откуда начинался маршрут кросса. 24 апреля в ежегодном кроссе приняло участие более двух тысяч физкультурников [24; 26].

Блестящее начало функционирования крупного спортивного комплекса краевого уровня не предвещало его печальную судьбу.

Несмотря на близость к спорткомплексу станции Лермонтовская и проходящей автомобильной дороги в сторону Минеральных Вод, добраться до стадиона горожанам и курортникам было непросто из-за слабого автобусного сообщения. И только во время крупных торжеств и мероприятий, проводимых на стадионе, краевые власти и ведомство, опекавшее общество «Динамо», выделяли бесплатно автобусы и грузовые машины, в которых в тот период перевозили людей. Ни о какой хотя бы частичной компенсации расходов за счет продажи входных билетов не могло быть и речи. Трибуны для зрителей на рядовые футбольные матчи и другие спортивные соревнования даже в сезон (с мая по октябрь) заполнялись не полностью.

Однако было еще одно обстоятельство не в пользу спортивного комплекса «Динамо». Казалось бы, этим внушительным объектом в первую очередь должны были гордиться городские власти. Однако они, недовольные каждодневной опекой со стороны краевых властей, занявших в центре Пятигорска самые престижные здания и квартиры для служащих (например, по Советскому проспекту), не могли использовать спортивный комплекс без согласования с УНКВД. В связи с этим город поддержал другое спортивное общество (СО).

В 1935 г. у стадиона «Динамо» к вящему неудовольствию его кураторов появился конкурент. В стране и в крае набирало мощь СО «Спартак», поддерживаемое правительством, профсоюзами и формально промысловой кооперацией [12, с. 72–81].

В Пятигорске городские власти оказали содействие СО «Спартак», надеясь использовать ресурсы профсоюзов и кооперации для развития центра города. В связи с начавшимися работами по организации на базе бывшего Казенного сада городского Парка культуры и отдыха (ПКиО) «Спартак» получил возможность на этой территории создавать спортивные объекты, и даже стадион. Евдокимов, как уже партийный руководитель края, не мог противодействовать обществу, поддерживаемому Москвой, но как человек, вся предшествующая карьера которого прошла в руководящих структурах органов госбезопасности, он не мог не опекать свое детище – стадион «Динамо», к тому же названный его именем.

Между тем, в краевой газете регулярно сообщалось не только о ходе строительства ПКЮ, но и возводимых спортивных объектов на его территории. Причем первая информация о планах их строительства появилась тогда, когда завершалось строительство стадиона «Динамо».

В информации июльского номера СКБ за 1934 г. сообщалось, что строительство ПКЮ взял на себя Крайсовпроф. «В новом проекте – устройство *стадиона*, раковины для эстрадных выступлений, парашютной вышки, детского городка, устройство искусственного пруда. Крайстройконтра взяла на себя шефство над строительством парка. Возбуждено перед ВЦСПС ходатайство о включении Пятигорского парка в титульный список парков СССР и об отпуске 500 тыс. руб. на его устройство. Уже имеется два вагона лесоматериалов для парка. Общественные организации к строительству парка относятся крайне нечутко, особенно в области снабжения строительными материалами. Крайсовпрофом послан в Москву инструктор с целью специального изучения постановки работы в Московском парке культуры и отдыха» [16].

Весной 1935 г. работы по строительству ПКЮ велись в ускоренных темпах. В мартовском номере краевой газеты сообщалось: «На организацию в Пятигорске ПКЮ (в бывшем казенном саду) ВЦСПС отпустил 200 тысяч рублей. Кроме того, дополнительно отпущено горсоветом 125 тыс. рублей и КрайОНО 60 тыс. рублей». Там же говорилось, что ответсекретарь Крайсовпрофа Козлов сообщил корреспонденту газеты: «На днях будут разработаны чертежи и преступлено к планировке сада» [23]. Газета проинформировала читателей газеты, что на 1 июля 1935 г. запланировано открытие ПКЮ [23].

После торжественного открытия парка регулярно появлялись сообщения о новых спортивных объектах, вводимых в эксплуатацию на его территории, и соответственно о проводимых преимущественно городских, но и региональных соревнованиях по линии СО «Спартак». Вот несколько сообщений.

В сентябрьском номере краевой газеты сообщалось: «Организованная при городском совете общества "Спартак" стрелковая школа готовит 22 инструктора стрелкового спорта. На проведенной в выходной день стрельбе 15 человек уже сдали нормы на стрелков третьей категории. По окончании школы инструктора будут работать в пятигорских промысловых артелях по подготовке "ворошиловских стрелков"» [31].

Еще один удар по престижу стадиона «Динамо» нанес Крайсовпроф СКК, возглавляемый Хайдаром, курировавшим стрелковый спорт в профсоюзных организациях края. К началу сентября 1935 г. Крайсовпроф финансировал строительство стрелкового тира в ПКЮ. Краевая газета сообщала, что 6 сентября, состоялись первые городские стрелковые соревнования

профсоюзов. В них приняло участие 12 производственных команд, объединявших 60 лучших стрелков города. Командное первенство Пятигорска завоевал коллектив союза административных учреждений, второе место – команда мотороремонтного завода им. тов. Евдокимова и третье – команда Дворца труда. Команды премированы шестью мелкокалиберными винтовками. Кроме того, состоялись и индивидуальные соревнования. Победители этих соревнований премированы денежными премиями [28].

Начиная с октября и до мая стадион «Динамо» был закрыт, а его территория оставалась безлюдной, несмотря на планы создать новую зону отдыха вокруг спорткомплекса. Наоборот, в ПКЮ в центре города даже в холодные дни можно было встретить немало горожан и курортников. Об этом сообщается еще в одной информации. «С первыми морозами в Пятигорском парке культуры и отдыха (бывший городской сад) открывается каток. Кроме массовых катаний, здесь будут проводиться спортивные соревнования по хоккею, фигурному катанию и в беге на разные дистанции. Городской совет физической культуры организует при катке высшую конькобежную школу» [32].

Спортобщество «Спартак» не забывало и о футболе. Команда, набранная из молодых и пока неопытных футболистов, смело бросила вызов относительно известным командам и даже вышла в четвертьфинал регионального чемпионата. И пусть 18 августа она проиграла в матче с командой из Сталино (Донецк), пятигорская команда «Динамо» потеряла статус футбольного монополиста в краевом центре. Спортивный комментатор газеты «Северо-Кавказский большевик» Михаил Каплан с огорчением сообщал, что «пятигорцы играли грубо и проиграли», правда, из деликатных соображений, для болельщиков, не сообщив при этом счет в матче [29]. И все же!

Таким образом, если общество «Динамо» довольствовалось достигнутым, то «Спартак» не только усиливал свое присутствие в Пятигорске и в крае, но и стремился вовлечь в ряды своего спортобщества максимальное количество членов. В краевой газете «Орджоникидзевская правда» (так переименовали газету «Северо-Кавказский большевик» после переноса центра края из Пятигорска в Ворошиловск в мае 1937 г.) в июне 1939 г. сообщалось, что только из работников промысловых артелей 67 человек являлись членами СО «Спартак», из которых половина имели значки ГТО. Всего в Орджоникидзевском крае на 252 артели приходилось 24 физкультурных коллектива» [10].

Центром физкультурной жизни города становится ПКЮ и его спортивные объекты, включая футбольное поле, где и сегодня располагается Центральный стадион г. Пятигорска. Даже традиционный большой кросс, проводив-

шийся прежде в районе стадиона «Динамо», теперь поменял свою прописку. Краевая газета 12 октября 1936 г. поместила объявление о том, что 30 октября «в ознаменование пятидесятилетия тов. Орджоникидзе проводится большой кросс его имени. Маршрут кросса: Цветник – Советский проспект – вокзал – Цветник. 1000 физкультурников Пятигорска, Минеральных Вод, Кисловодска, Железноводска и Ессентуков примут участие в кроссе» [33].

Не забудем также, что крупнейшим и самым посещаемым спортивным объектом города, КМВ как и в досоветский, так и в рассматриваемый период был знаменитый Пятигорский ипподром в районе «Скачки» – более доступный в транспортном отношении (трамвай, а через дорогу – остановка пригородного поезда Минводы – Кисловодск, с 1936 г. – электрички)⁶.

Ипподром неоднократно посещали видные советские политические деятели, в том числе такие «тяжеловесы», как К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный, опекавшие развитие конного спорта. По проекту Семена Буденного, которому в 1935 г. правительство присвоило звание Маршал СССР, в послевоенные годы ипподром был основательно перестроен.

Результаты. Подводя итог, отметим следующее. Накануне Великой Отечественной войны многие проекты развития города-курорта Пятигорск не были реализованы, а созданный спортивный комплекс «Динамо» потерял свое значение и «исчез» с карты города. Перенос краевого центра в Ворошиловск, не позволил реализовать проект строительства микрорайона Белая Ромашка, составной частью которого мог стать стадион «Динамо». Эта территория, как уже отмечалось выше, до конца 1950-х гг. оставалась городской окраиной.

Отъезд Е.Г. Евдокимова из Пятигорска в Ростов-на-Дону в связи с назначением его на должность первого секретаря Азово-Черноморского края, а после расформирования последнего – секретарем Ростовского обкома ВКП(б) оставил спорткомплекс «Динамо» в Пятигорске без его опеки. Интересно, что с конца 1936 г. в сообщениях СКБ и комсомольской газет «Молодой ленинец» о спортивных мероприятиях, проводимых на стадионе «Динамо», в его названии не указывалось, чьим именем он назван. Кроме того, утратой значимости стадиона «Динамо» стало перемещение из Пятигорска

в новый центр уже Орджоникидзевского края руководящего состава краевого УНКВД, от которого ранее всецело зависела судьба этого спортивного объекта. И, тем более, арест Ефима Евдокимова (9 ноября 1938 г.), приговор к ВМН и расстрел в ночь на 3 февраля 1940 г. окончательно решили дальнейшую судьбу одного из крупнейших строительных объектов города-курорта.

В 1938 г. две деревянные гостиницы для спортсменов, функционировавшие при стадионе, были переоборудованы в корпуса сезонного Дома отдыха. До оккупации Пятигорска немецко-фашистскими войсками, продолжавшейся с 9 августа 1942 по 11 января 1943 г., в санатории размещался эвакуогоспиталь № 2038, в котором проходили лечение раненые воины. Через год после освобождения города от гитлеровцев эти здания получили статус санатория № 6 Совета кооперативного страхования членов артелей промысловой кооперации РСФСР. В санатории одновременно могли отдыхать 75 человек, по семь и более человек в одном номере. Через полтора десятилетия небольшой санаторий перешел в распоряжение Пятигорского территориального совета по управлению курортами профсоюзов.

В декабре 1954 г. в соответствии с решением Пятигорского горисполкома здравнице выделили земельный участок под строительство санатория для лечения больных с заболеваниями органов движения и периферической нервной системы. В 1962 г. санаторий получил название «Лесная поляна». Во второй половине 70-х годов возведены два больших девятиэтажных спальных корпуса (на 1100 отдыхающих), лечебный корпус и столовая здравницы [3; 8].

Такова история стадиона «Динамо» имени Ефима Евдокимова в краевом центре со взлетом его значимости и ее падением и возрождение его уже в новом качестве – крупнейшего лечебно-оздоровительного центра КМВ.

Автор выражает признательность старейшему сотруднику санатория «Лесная поляна» Лилии Завеновне Пахомовой, проработавшей в здравнице 32 года, в том числе заместителем главврача по медицинской части, а также профессора Пятигорского государственного университета В.П. Ермакову и Ю.Ю. Гранкину за информацию по истории города Пятигорска.

⁶ Пятигорский ипподром – один из старейших ныне действующих ипподромов страны основан в соответствии с приказом Управления государственного коннозаводства России № 21 от 10 декабря 1884 г. «Об учреждении скаковых испытаний лошадей». В 1906 г. ипподром перешел в ведение Московского императорского скакового общества. К 1914 г. Пятигорский ипподром занимал четвертое место среди 36 скаковых ипподромов России по сумме разыгранных призов. После установления Советской власти ипподром был национализирован и стал называться Пятигорский государственный ипподром [7; 13].

Литература

1. Акопян З. В. Генеральный план развития административного центра Северо-Кавказского края и его коррективы в 1936 году // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. № 09 (201). Сентябрь, 2023. С. 99–107.
2. Александр Бабкин – всеоюзный вратарь. URL: <https://footballfacts.ru/article/1069-aleksandrbabkinvsesoynuznyyvratar> (дата обращения: 21.12.2023).
3. Архив г. Пятигорска рассказывает об истории появления и развития одного из отдалённых санаториев города – «Лесная поляна». URL: https://vk.com/wall-138529782_246 (дата обращения: 21.12.2023).
4. «Динамо». История клуба. URL: <https://fcdm.ru/club/19231944/> (дата обращения: 21.12.2023).
5. Жуковский В. С. Лубянская империя НКВД. 1937–1939. М.: «Вече», 2001. 352 с.
6. История городского строительства. URL: http://kmvline.ru/arch/b_9.php (дата обращения: 21.12.2023).
7. Календарь юбилейных, знаменательных и памятных дат г. Пятигорска на 2023 год. URL: <http://lib.kmv.ru/calendar2023/> (дата обращения: 21.12.2023).
8. Лечебно-профилактическое учреждение профсоюзов «Центр восстановительной медицины – санаторий "Лесная Поляна"». URL: <https://www.rusprofile.ru/id/1346977> (дата обращения: 21.12.2023).
9. Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада. URL: <https://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (дата обращения: 21.12.2023).
10. Ордзжоникидзевская правда. 1939. 22 июня.
11. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М.: Звенья, 1999. 502 с.
12. Печалова Л. В., Печалов А. К. Кооперативные объединения Ставропольского края в развитии массовой физкультуры и спорта, реализации комплекса ГО В 30–50-е годы XX века // Военно-исторический журнал. № 5. 2022. С. 72–81.
13. Полякова О. А., Чегутаева Л. Ф. Летопись города-курорта Пятигорск. Раздел 3. Ставрополь: Графа, 2014. 65 с.
14. Северо-Кавказский Большевик. 1934. 24 июня.
15. Северо-Кавказский большевик. 1934. 9 июля.
16. Северо-Кавказский большевик. 1934. 12 июля.
17. Северо-Кавказский большевик. 1934. 14 июля.
18. Северо-Кавказский большевик. 1934. 15 июля.
19. Северо-Кавказский большевик. 1934. 6 авг.
20. Северо-Кавказский большевик. 1934. 8 авг.
21. Северо-Кавказский большевик. 1934. 12 авг.
22. Северо-Кавказский большевик. 1935. 15 марта.
23. Северо-Кавказский большевик. 1935. 18 марта.
24. Северо-Кавказский большевик. 1935. 9 апр.
25. Северо-Кавказский большевик. 1935. 26 апреля.
26. Северо-Кавказский большевик. 1935. 27 апр.
27. Северо-Кавказский большевик. 1935. 15 мая.
28. Северо-Кавказский большевик. 1935. 9 сент.
29. Северо-Кавказский большевик. 1935. 20 авг.
30. Северо-Кавказский большевик. 1935. 21 сент.
31. Северо-Кавказский большевик. 1935. 27 сент.
32. Северо-Кавказский большевик. 1935. 16 нояб.
33. Северо-Кавказский большевик. 1936. 12 окт.
34. Смирнова О. В. Владимир Семёнов (1874–1960) // Зодчие Москвы. М.: Московский рабочий, 1988. Т. 2. С. 95–103.
35. Терек. 1927. 20 апр.
36. Терек. 1927. 14 мая.
37. Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Издательство Вече, 2003. 541 с.
38. Stephen G. Wheatcroft. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History. 2007. Vol. 53. N. 1. P. 20–43.

References

1. Akopyan ZV. The general plan for the development of the administrative center of the North Caucasus Region and its adjustments in 1936. *Klio*. 2023;(10):99-107. (In Russ.).
2. Alexander Babkin is an All-Union goalkeeper. URL: <https://footballfacts.ru/article/1069-aleksandrbabkinvsesoynuznyyvratar> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
3. The archive of Pyatigorsk tells about the history of the appearance and development of one of the remote sanatoriums of the city – Lesnaya Polyana. URL: https://vk.com/wall-138529782_246 (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
4. "Dinamo". The history of the club. URL: <https://fcdm.ru/club/19231944/> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
5. Zhukovskij VS. Lubyanka Empire of the NKVD. 1937–1939. Moscow: Veche; 2001. 352 p. (In Russ.).
6. The history of urban construction. URL: http://kmvline.ru/arch/b_9.php (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
7. Calendar of anniversaries, significant and memorable dates of Pyatigorsk for 2023. URL: <http://lib.kmv.ru/calendar2023/> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
8. Medical and preventive institution of trade unions "Center of restorative medicine – sanatorium "Lesnaya Polyana". URL: <https://www.rusprofile.ru/id/1346977> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
9. Meerovich MG. The birth and death of the Soviet garden city. URL: <https://archi.ru/elpub/91183/rozhdenie-i-smert-sovetskogo-goroda-sada> (accessed: 21.12.2023). (In Russ.).
10. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1939. June 22. (In Russ.).
11. Petrov NV, Skorkin KV. Who led the NKVD, 1934–1941: handbook. Moscow: Zvenya; 1999. 502 p. (In Russ.).

12. Pechalova LV, Pechalov AK. Cooperative associations of the Stavropol Territory in the development of mass physical education and sports, the implementation of the TRP complex in the 30-50s of the twentieth century. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2022;(5):72-81. (In Russ.).
13. Polyakova OA, Chegutaeva LF. Chronicle of the resort town of Pyatigorsk. Section 3. Stavropol: Grafa; 2014. 65 p. (In Russ.).
14. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. June 24. (In Russ.).
15. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. July 9. (In Russ.).
16. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. July 12. (In Russ.).
17. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. July 14. (In Russ.).
18. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. July 15. (In Russ.).
19. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. August 6. (In Russ.).
20. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. August 8. (In Russ.).
21. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1934. August 12. (In Russ.).
22. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. March 15. (In Russ.).
23. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. March 18. (In Russ.).
24. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. April 9. (In Russ.).
25. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. April 26. (In Russ.).
26. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. April 27. (In Russ.).
27. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. May 15. (In Russ.).
28. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. September 9. (In Russ.).
29. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. August 20. (In Russ.).
30. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. September 21. (In Russ.).
31. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. September 27. (In Russ.).
32. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1935. November 16. (In Russ.).
33. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1936. October 12. (In Russ.).
34. Smirnova OV. Vladimir Semenov (1874–1960) in Architects of Moscow. Moscow: Moskovsky Rabochy; 1988;2:95-103. (In Russ.).
35. Terek. 1927. April 20. (In Russ.).
36. Terek. 1927. May 14. (In Russ.).
37. Cherushev NS. 1937: The Elite of the Red Army on Golgotha. Moscow: Veche; 2003. 541 p. (In Russ.).
38. Stephen G. Wheatcroft. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror. *Australian Journal of Politics and History*. 2007;53(1):20-43.

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.3>

УДК 364.054: 930.253 (470.6) «18-19»

«ЗА ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВЕЙ...»: ПРИМЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАСТВЫ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВИ В 40-Х ГГ. XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)**Юрий Юрьевич Гранкин¹, Юрий Юрьевич Клычников^{2*}, Александр Абакарович Кудрявцев³**^{1,2} Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)^{1,2} Доктор исторических наук, профессор¹ grankinj@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5520-9923>² klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)³ Доктор исторических наук, профессор³ kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>^{*} Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья раскрывает особенности благотворительной деятельности православной паствы в пользу своих храмов. Эта часть религиозной северокавказской повседневности позволяет понять особенности мировоззрения верующих людей, для которых вклад в общее благо являлся важной нравственной потребностью. **Материалы и методы.** На основании анализа деятельности Ставропольской духовной консистории выявляются события, связанные с частной благотворительностью паствы Кавказской епархии. Основной массив документов сосредоточен в Государственном архиве Ставропольского края, фонде 135 – Ставропольская духовная консистория. Применяемый описательный метод позволяет получить представление о побудительных мотивах дарителей, показать, на что шли безвозмездно передаваемые Церкви ценности. **Анализ.** Учрежденная в 1843 г. Кавказская епархия испытывала затруднения с организацией процесса окормления своей паствы. В значительной степени забота о благоустройстве храма, куда прихожане приходили на церковные службы, становилась заботой самих мирян. Уделяется внимание разбору обстоятельств, при которых осуществлялось пожертвование. Важным моментом можно считать контроль со стороны церковного руководства за целевым расходованием полученных средств. **Результаты.** Делается вывод о том, что дары чаще всего приносились для украшения храма, который являлся для верующих сакральным пространством. Пожертвования

являлись способом покаяния и замаливания грехов, способом повысить свой авторитет в глазах общества, т.к. становились «символическим капиталом», характеризующим богоугодные достоинства конкретного человека. Церковь тщательно следила за соблюдением добровольности в поступке дарителя, и для подтверждения такого шага нередко привлекались свидетели из числа прихожан, связанных с храмом, в адрес которого было сделано пожертвование.

Ключевые слова: Церковь, храм, пожертвование, благотворительность, епархия, иконы, прихожане

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю., Клычников Ю. Ю., Кудрявцев А. А. «За пожертвования в пользу церквей...»: примеры благотворительности православной паствы Кавказской епархии в пользу Церкви в 40-х гг. XIX в. (по материалам Государственного архива Ставропольского края) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 229–233. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.3>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

“FOR DONATIONS IN FAVOR OF CHURCHES...”: EXAMPLES OF CHARITY OF THE ORTHODOX CONGREGATION OF THE CAUCASIAN DIOCESE IN FAVOR OF THE CHURCH IN THE 1940S (BASED ON MATERIALS FROM THE STATE ARCHIVE OF THE STAVROPOL KRAI)**Yurij Yu. Grankin¹, Yuriy Yu. Klychnikov^{2*}, Alexandr A. Kudryavtsev³**^{1,2} Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)^{1,2} Dr. Sc. (History), Professor¹ grankinj@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5520-9923>² klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>³ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)³ Dr. Sc. (History), Professor³ kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>^{*} Corresponding author

Abstract. Introduction. The article reveals the features of charitable activities of the Orthodox congregation in favor of their churches. This part of religious North Caucasian everyday life allows us to understand the peculiarities of the worldview of religious people, for whom contribution to the common good was an important moral need. **Materials and Methods.** Based on an analysis of the activities of the Stavropol Spiritual Consistory, events related to the private charity of the congregation of the Caucasian diocese are identified. The main body of documents is concentrated in the State Archive of the Stavropol Krai, fund 135 - Stavropol Spiritual

Consistory. The descriptive method used allows us to get an idea of the motivations of the donors and show what the values donated to the Church were used for. **Analysis.** The Caucasian diocese, established in 1843, experienced difficulties in organizing the process of caring for its flock. To a large extent, concern for the improvement of the temple, where parishioners came to church services, became the concern of the laity themselves. Attention is paid to the analysis of the circumstances under which the donation was made. An important point can be considered the control on the part of the church leadership over the targeted expenditure of funds received. **Re-**

sults. It is concluded that gifts were most often brought to decorate the temple, which was a sacred space for believers. Donations were a way of repentance and atonement for sins, a way to increase one's authority in the eyes of society, because they became "symbolic capital" characterizing the godly virtues of a particular person. The church carefully monitored the observance of voluntariness in the act of the donor, and to confirm such a step, witnesses were often brought in from among the parishioners associated with the temple to which the donation was made.

Keywords: Church, temple, donation, charity, diocese, icons, parishioners

For citation: Grankin YuYu, Klychnikov YuYu, Kudryavtsev AA. "For donations in favor of churches...": examples of chari-

Введение. Благодетельность, готовность пожертвовать частью своего состояния ради общественной пользы, считается важной добродетелью христианина. Тем более такая потребность поощряется, когда речь идёт о поддержке церковной службы, которая зачастую зависит от возможности её содержания со стороны прихожан. Обозначенная сторона жизни православного человека всегда считалась важной и почитаемой формой проявления его христианской добродетели. Соответствующие отсылки мы находим в Евангелие от Матфея, где сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7) [1, с. 1015].

Образовавшаяся в 1843 г. Кавказская епархия испытывала серьёзные трудности в организации богослужения, предполагавшего формирование торжественного, возвышенного настроения у своей паствы, для которой храм должен был ассоциироваться с местом её единения с Богом, приобщения к таинству причастия. Для этого храмы старались украшать дорогой и красивой церковной утварью, иконами с окладами и прочими проявлениями атрибутов богатства, ассоциировавшимися с будущим обретением праведниками воздаяния за свои прижизненные заслуги. Важным представляется тот факт, что всё это принадлежало не отдельному человеку, пусть и относящегося к клиру, а всей Церкви как сообществу Христа и его последователей.

Рассматриваемая проблема достаточно скудно отражена в кавказоведческой литературе, и лишь благодаря усилиям П.Г. Немашкалова мы получаем представление об этой стороне жизни северокавказской паствы [10, с. 76-80; 12, с. 62, 66-67 и др.]. Примечательно, что автор, будучи первопроходцем в данном вопросе, опирается преимущественно на впервые введённые в научный оборот архивные сведения. По мере накопления эмпирических данных можно будет делать широкие обобщения. Сформулированная тема имеет весьма эвристически продуктивные научные перспективы, в частности, в области исторической психологии.

Материалы и методы. Исходя из специфики деятельности Кавказской духовной консистории, отвечавшей за контроль и регулирование такого рода сторон церковной жизни, резонно осуществлять поиск информации по интересующему нас вопросу в Государственном ар-

хиве Ставропольского края, фонде 135 – Ставропольская духовная консистория, где и собраны дела, касающиеся частной благотворительности северокавказских прихожан в пользу храмов. Чаще всего речь идёт об отчётах, которые присылали священники, возглавлявшие причт, на имя епископа Иеремии, поясняя, при каких обстоятельствах были получены средства на благоустройство церкви. Также в этих документах содержались просьбы о разрешении воспользоваться дарами для приобретения необходимой утвари, т.к. зачастую жертвователю в качестве условия указывал, на что именно должны быть потрачены переданные им средства.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

хиве Ставропольского края, фонде 135 – Ставропольская духовная консистория, где и собраны дела, касающиеся частной благотворительности северокавказских прихожан в пользу храмов. Чаще всего речь идёт об отчётах, которые присылали священники, возглавлявшие причт, на имя епископа Иеремии, поясняя, при каких обстоятельствах были получены средства на благоустройство церкви. Также в этих документах содержались просьбы о разрешении воспользоваться дарами для приобретения необходимой утвари, т.к. зачастую жертвователю в качестве условия указывал, на что именно должны быть потрачены переданные им средства.

Применяемый нарративный метод позволяет осуществить первичную систематизацию и анализ выявленных источников, показывает, как данная проблема отражалась во взглядах современников описываемых событий. Используя его, можно выявить признаки самого явления частной благотворительности в церковной жизни, провести первичный анализ побудительных мотивов паствы, участвующей в безвозмездной передаче материальных ценностей в пользу общей религиозной святыни.

Анализ. В обстоятельствах северокавказского фронта новообразованная Кавказская епархия претерпевала значительные затруднения в организации процесса окормления паствы. Полученного государственного финансирования не хватало даже для обустройства быта священнослужителей и членов их семей, а потому забота о красоте храма зачастую ложилась на плечи самих прихожан [11, с. 31]. В условиях военно-политической нестабильности в крае потенциальные жертвователи зачастую не могли похвастаться высоким благосостоянием и нередко испытывали материальные затруднения. Тем ценнее были их дары, которые нередко являлись не излишками, а частью необходимых потребностей собственного прожиточного минимума. Существует мнение, согласно которому «причинами благотворительности является то, что люди по своей природе альтруистичны, и ими движет желание помогать другим. Побудительным мотивом проявления благотворительности относится осознание её участниками целостности человеческого общества, сопричастности и ответственности за мир, в котором живём» [10, с. 77].

Как уже отмечалось, среди способов, которыми прихожане могли выказать свою любовь к

пастырю и месту, где возносятся молитвы к Господу, можно отметить приобретение церковной утвари или элементов украшения храма. Так, моздокский купец Мирон Осипович Максимов за свои средства, приобрёл «серебряную ризу на наместную икону Божией Матери весом в 1500 золотников с вызолоченным венцом» [8, л. 1]. Стоимость такого дара оценивалась в 1700 руб. ассигнациями, и приобрести самостоятельно столь дорогое украшение храм вряд ли бы смог.

Ещё одним дарителем выступил «бывший управляющий питейными сборами Фридрихгамский купец Иван Иванов сын Иванов». Его дарами стали настенные часы и икона в серебряном окладе в киоте, к которой прилагалась ещё и серебряная лампадка. Божница была размером $\frac{3}{4}$ аршина. По оценке часовщика первый дар обошёлся купцу в 60 руб. серебром, а второй оценивался в 90 руб. [8, л. 1-1 об.].

И, наконец, «старанием попечителя купца Парамонова, даянием посильным прихожан», были собраны средства, на которые из иконной меди изготовили ризы для икон Св. мученицы Екатерины и Сошествия Св. Духа «с позолотой венцов и яхонтовыми, прилично отделанными камнями». Вместо лампад храм получил два медных подсвечника «для наместных икон Спасителя и Божией Матери» [8, л. 1 об.]. Общая стоимость результата совместных усилий прихожан оценивалась в 400 руб. ассигнациями.

Судя по документу, жертвователи не ограничивались разовыми подношениями, а старались поддерживать свою церковь при наличии материальной возможности. По крайней мере, и купец Иванов, и купец Парамонов ранее выделяли как деньги, так и материал (серебро) для изготовления ризы на икону Спасителя. Упоминались фамилии лишь наиболее состоятельных благотворителей, но фактически число людей, внёсших «посильное даяние», было больше. Скорее всего, эти пожертвования были анонимны и люди не стремились к публичному земному восхвалению, упова на Высший Суд.

Подготовивший этот отчёт, датируемый 30 мая 1847 г., священник Моздокского собора Александр Романовский просил епископа Кавказского и Черноморского Иеремию «архипастырского благословения ревнующим о украшении Дома Господня». Явно испытывая гордость за своих прихожан, он высказывал своё мнение об их подвижничестве: «Принимая в соображение малочисленность прихожан наших могу не обинюясь сказать, что сила Божия в немощах совершается» [8, л. 2].

Довольно распространённым способом выразить своё отношение к Церкви и её молитвам за спасение души прихожанина были завещания-пожертвования, когда прихожанин оставлял часть своего имущества или деньги в пользу храма. Так поступил в 1847 г. титулярный советник Михаил Грудницкий, который оставил «в

пользу Андреевской церкви», расположенной в г. Ставрополе, тысячу рублей серебром [9, л. 1].

В Ставропольский приказ общественного призрения поступила сумма в 500 руб. серебром, которую завещал Андреевскому храму коллежский советник Крутицкий «в пользу их и на вечную память». Проценты с этих денег получали служители храма и использовали для текущих нужд [9, л. 14].

Аналогичным образом могли поступить и родственники усопшего. Весной 1845 г. служивший в Моздокском соборе священник Александр Романовский сообщил, что дочь усопшего титулярного советника Федюшина – Александра, по мужу Туркевичева – решила передать в пользу церкви дом, который достался ей после смерти отца. Тот был похоронен около Ильинской церкви, и она таким образом хотела отблагодарить храм и оставить о своём родителе добрую память.

Складывается впечатление, что это имущество могло принести владелице больше хлопот, чем выгоды. Дело в том, что строение находилось в руках «вдовой армянки Мартыновой», мужу которой оно некогда было передано во временное пользование. Сама дарительница не имела возможности явиться «для получения сего дома» и, видимо, предпочла отдать такое проблемное наследство Духовному правлению [3, л. 1]. В итоге дом был «продан с аукционного торга за 20 рубл. и 15 к. сереб., полученные деньги... записаны на приход и вложены в Ильинскую церковную сумму» [3, л. 20]. Стоимость дома, пусть, по всей видимости, и не самого хорошего, тем не менее позволяет сопоставить те пожертвования, которые отдавали состоятельные прихожане на нужды церкви. Годовое жалование титулярного советника казной оценивалось в 75 руб. серебром. Без общих усилий украсить Храм Божий было бы невозможно.

Церковь строго следила за принципом добровольности пожертвования, не пытаясь оказывать давления на волеизъявление прихожанина. Дабы избежать обвинений в принуждении к дарению, священники принимали такие ценности в присутствии свидетелей из числа мирян. Такой вывод можно сделать на основании прошения священника Покровской церкви, расположенной в селении терновая Балка – Иоанна Флагинского (Флегинского). В октябре 1848 г. он поведал, что живущий в их селе государственный крестьянин Иван Гапонов «в прошедшую эпидемическую болезнь холеру будучи поражён оною, пригласил меня священника для напутствования его к смерти» [6, л. 1]. Вместе с ним к больному отправился и церковный попечитель государственный крестьянин Матвей Казменков. Он должен был стать исполнителем духовного завещания, которое ему было вручено «при подписавшихся на сем завещании лицах и распределённых по оному деньги, с мольбою исполнить в точности» [6, л. 1]. Умиравший распорядился, чтобы в Покровскую церковь на оставляемые им три тысячи рублей ассигнаци-

ями были приобретены «сосуд, Евангелие и напрестольный крест» [6, л. 1 об.]. Но сделать это можно было лишь с личного согласия Преосвященного епископа Кавказского и Черноморского, о чём его и просили Флагинский и Казменков.

Особое внимание заслуживает дар, сделанный в 1846 г. мещанином Иваном Недригайловым, который он сделал «на украшение тюремного храма» [5, л. 2]. Интересна, прежде всего, личность самого жертвователя, неоднократно упоминавшегося в различных документах, посвящённых непростоим взаимотношениям между официальной Церковью и старообрядцами. В первый раз он упоминается в докладе служившего в Прочном Окопе в церкви Святого Митрофана Воронежского Чудотворца священника Петра Модестова, который рассказал, что местные раскольники пользуются в богослужении услугами неизвестного, совершающего требы по «раскольническому мудрованию» [2, л. 1]. Местные жители укрывали его на близлежащих хуторах, но при необходимости тот появлялся и в самой станице. Ни старики, ни атаман, которые знали о его деятельности, не препятствовали совершению службы по старому обряду, т.к. сами являлись «суть раскольники» [2, л. 1].

Если первое время «сей раскольнический поп» ещё проявлял осторожность, то в дальнейшем, убедившись в поддержке казаков, перестал опасаться конкурента со стороны официальной Церкви [2, л. 5]. Однако утративший чувство опасности священник переоценил собственную неуязвимость. По секретному распоряжению подполковника барона Фитингофа, являвшегося командиром Кубанского казачьего полка, он был в итоге задержан и передан в распоряжение Кавказского гражданского губернатора [2, л. 8 – 8 об.].

Уже в ходе следствия приоткрылась тайна этого часовенного служителя, который оказался выходцем из Московской губернии, местечка Лавры по имени «Иван Васильев сын Недрогайлов» (в других документах фамилия записана как Недригайлов – авт.), осуждённый «за возвращение из православия в старообрядческую секту» и отправленный на поселение в Тифлис [2, л. 8 об.]. По пути он сумел укрыться в станице Прочноокопской и продолжил свою деятельность среди единомышленников-староверов.

Окормляя паству и совершая требы, он сумел собрать довольно внушительную сумму, которая была на время следствия у него изъята, но конфискации при этом не подлежала. Обратившись к областному прокурору подследственный просил выдать ему его 245 руб. 70 коп., из которых 14 руб. 28 ½ коп. серебром решил пожертвовать на украшение Ставропольского тюремного храма первопрестольных апостолов Петра и Павла. Сам Недригайлов теперь вместо Тифлиса был отправлен в Каспийское областное правление, которое и должно было определить

для него место поселения. Сюда и было решено переслать затребованную им сумму. При этом при вручении денег от него затребовали отзыв, «не отменил ли он прежнего своего намерения насчёт пожертвования им на украшение тюремного храма...» [5, л. 3]. Занимавшаяся этим Палата государственных имуществ подтвердила добровольность желания жертвователя, и лишь после этого сумма была передана Кавказской духовной консистории [5, л. 10-10 об.].

Делиться своими средствами с храмом было для региональной элиты своеобразным «правилом хорошего тона». Возможно, честолюбивые прихожане стремились продемонстрировать свою состоятельность, однако немаловажной мотивацией в поступках таких дарителей было и желание искупить свои грехи. Было много способов потешить собственное тщеславие, однако жертвователи предпочитали внести лепту именно на украшение храма, чтобы его торжественный и величавый вид и внутреннее убранство радовали взор приходивших туда людей.

Ключарь кафедрального Троицкого собора священник Афанасий Кучерев летом 1845 г. в своём рапорте епископу Иеремии докладывал, что ставропольский почётный гражданин Илья Стасенков пожертвовал на нужды духовенства «архиерейское облачение, как то: Саккос (верхнее архиерейское богослужбное облачение. – авт.) золотой парчи с большим по ней рытого бархата и шелковыми цветами и таковыми же херувимами, епитрахиль золотой парчи с шелковыми по ней мелкими цветами – разрезную, большой и малый омфоры (ленты с изображением крестов, часть облачения священника. – авт.) такой же парчи» [4, л. 1-1 об.]. Стоимость дара оценивалась в 1600 руб. 35 коп. ассигнациями. Кроме того, на средства, переданные купцом Николаем Нестеровым, в размере 178 руб. 35 коп. заказан «золотого на шелку глазета архиерейский подризник» [4, л. 1 об.]. Это деяние не осталось незамеченным. Указом императора жертвователям было передано «благословение Святейшего Синода» [4, л. 4]. Примечательно, что такая награда являлась средством не материального, а духовного поощрения, что вполне соответствовало культивируемому в умах верующих людей нравственному императиву «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4) [1, с. 1014].

Церковь и общественность стремились контролировать расходование средств, получаемых от таких людей, проверяли, на что расходуются полученные суммы. За рвание общему благу прихожанина могли наградить медалью, наличие которой весьма ценилось, было законным поводом для самоуважения. В этой связи вызывает интерес характеристика почётного гражданина купца Игнатия Юдина Волобуева, которая 15 апреля 1850 г. была отправлена из Ставропольской городской Думы в Кавказскую

духовную консисторию. В ней отмечалось, что он «поведения весьма хорошего» и уже не раз был отмечен за свои подвижнические труды, «награждён тремя золотыми медалями на Анненской ленте за поставку провианта, на Владимирской ленте за городскую службу и на Александровской ленте за пожертвование в пользу церквей» [7, л. 22]. Показательно, что здесь сочли необходимым продемонстрировать все усилия этого человека, направленные на общее благо, и не ограничились лишь теми делами, которые касались непосредственно Церкви. Очевидно, был важен сам христианский подход Волобуева в его служении людям.

Что касается непосредственно заслуг купца и почётного гражданина перед духовным ведомством, то здесь он был отмечен как жертвователь «в пользу домовою Архиерейской Кресто-Воздвиженской церкви со всеми к оной и самому дому постройками» [7, л. 22-22 об.]. Городская Дума, проведя оценку материального вклада в возведение этих построек, установила, что он составил от 15 до 17 тыс. руб.

Результаты. На основании анализа приведённых примеров можно выделить следующие обстоятельства, побуждавшие прихожан делать пожертвования в пользу Церкви:

- дар приносился для украшения храма, в который жертвователь ходил на службу, приобретаясь к христианским таинствам и ощущая потребность в формировании благолепия этого сакрального пространства;

- человек, будучи на исходе своего жизненного пути и передавая средства в храм, надеялся, что добрый поступок облегчит его участь во время Высшего Суда;

- состоятельный прихожанин, помимо удовлетворения религиозной морально-нравственной потребности, вполне мог получить имидживые преференции в глазах общества и претендовать на награду, являющуюся важным «символическим капиталом», необходимым для карьерного роста;

- пожертвование являлось разновидностью раскаяния, которым прихожанин хотел продемонстрировать своё стремление искупить вину перед Богом и людьми.

Объединяет их принцип добровольности, за которым тщательно следили в духовной консистории, потому настоятелям храмов нередко требовалось личное распоряжение епископа, чтобы получить возможность распорядиться средствами, полученными от дарителя.

Литература

1. Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2001. 1377 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 2. Д. 317.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 5.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 19.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 50.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 131.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 247.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 295.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 305.
10. Немашкалов П. Г. Частная благотворительность в церковной сфере на Северном Кавказе в период становления Кавказской епархии: середина XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 76–80.
11. Немашкалов П. Г. Приходское духовенство Северного Кавказа во времена становления Кавказской епархии (конец XVIII – середина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2017. № 54(4). С. 28–44.
12. Немашкалов П. Г. Образование Кавказской епархии и её роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2018. 244 с.

References

1. Bible Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. In Russian translation with parallel passages and applications. Moscow: Russian Bible Society; 2001. 1377 p. (In Russ.)
2. State Archive of the Stavropol Krai (GASK). F. 135. Op. 2. D. 317. (In Russ.)
3. GASK. F. 135. Op. 3. D. 5. (In Russ.)
4. GASK. F. 135. Op. 3. D. 19. (In Russ.)
5. GASK. F. 135. Op. 4. D. 50. (In Russ.)
6. GASK. F. 135. Op. 4. D. 131. (In Russ.)
7. GASK. F. 135. Op. 5. D. 247. (In Russ.)
8. GASK. F. 135. Op. 5. D. 295. (In Russ.)
9. GASK. F. 135. Op. 5. D. 305. (In Russ.)
10. Nemashkalov PG. Private charity in the church sphere in the North Caucasus during the formation of the Caucasian diocese: mid-19th century. Humanitarian and law research. 2017;(3):76-80. (In Russ.)
11. Nemashkalov PG. The parish clergy of the North Caucasus during the formation of the Caucasian diocese (late XVIII - mid-XIX centuries). New historical bulletin. 2017;54(4):28-44. (In Russ.)
12. Nemashkalov PG. The formation of the Caucasian diocese and its role in the life of the North Caucasus in the 1840s. Stavropol: Stavropol Theological Seminary; 2018. 244 p. (In Russ.)

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

УДК 94 (470.6)“18”

ВНЕШНИЕ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Исмаил Султанович Денильханов

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Аспирант

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8107-0493>

Аннотация. Введение. Автор статьи рассматривает и анализирует влияние внешних аспектов на развитие социальных процессов в чеченских обществах второй половины XIX в. По его мнению, основную и главенствующую роль в гальванизации перемен, происходивших в чеченских обществах, играла Российская империя, придя на Северный Кавказ и предложив местным народам собственную парадигму развития, способствовала ускорению внутрисистемных преобразований, имевших корни в отдаленном прошлом. Традиционный патриархальный уклад жизни стал подвергаться испытанию из-за воздействия социально-культурных и социально-экономических новаций, связанных с внедряемыми в крае капиталистическими отношениями. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе аналитического осмысления работ известных отечественных историков-кавказоведов, этнографов и политэкономистов, посвященных социально-политическим условиям развития Северного Кавказа XVII – второй половины XIX в. и основывалось на принципах историзма, научной объективности и достоверности. Обращение к научному творчеству конкретных исследователей обуславливалось как глубиной и всесторонностью их проникновения в существо рассматриваемой проблематики, интегральным и панорамным видением исследуемых исторических процессов, так и, отчасти, близостью их этнонационального происхождения к этнокультурному миру чеченского народа. **Анализ.** Представленная точка зрения М.А. Мамакаева на роль, которую играл в чеченских обществах таип в течении длительного исторического времени, не вызывает сомнения. Эта кровнородственная структура обладала большой пластичностью и умела эффективно отвечать на запросы местных обществ, реагировать на происходившие внутренние и внешние вызовы. Опираясь на мнения М.О. Косвена, К.-С. А.-К. Кокурхаева, А.И. Робакидзе и Р.Л. Харадзе, автор пришел к выводу о том, что сила таиповой организации общественной жизни

ни горных чеченцев была обусловлена вековым опытом борьбы за выживание, заставлявшим придерживаться внутриэтнической солидарности, в немалой степени, нивелировавшей социально-классовое расслоение, неминуемое в новых исторических обстоятельствах. Именно внешний фактор (Россия), как представляется, содействовал сохранению традиционных, патриархальных норм регулирования жизни у чеченцев. **Результаты.** По итогам проведенного исследования и с учетом точки зрения В.И. Ленина на разворачивавшиеся социально-экономические процессы в регионе после прихода туда России, вместе с которой на Северный Кавказ стали проникать смыслы и практика капитализма, можно констатировать, что традиционное социально-культурное и экономическое устройство местной жизни подверглось существенному реформатированию и было привязано к таким же процессам, происходившим внутри самой Российской империи. Они во многом содействовали темпам и глубине обновленчества после устранения конкуренции со стороны горской государственности – имамата.

Ключевые слова: Россия, чеченские общества, родовые отношения, внешнее воздействие, капитализм, социальное неравенство

Для цитирования: Денильханов И. С. Внешние влияния на социальные процессы в чеченском обществе второй половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 234–239. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

EXTERNAL INFLUENCE ON SOCIAL PROCESSES IN CHECHEN SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Ismail S. Denilkanov

Pyatigorsk State University (9, Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Postgraduate student

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8107-0493>

Abstract. Introduction. The article examines and analyzes the influence of external aspects on the development of social processes in Chechen society in the second half of the 19th century. According to the author, the main and leading role in the galvanization of the changes that took place in Chechen societies was played by the Russian Empire, which, having come to the North Caucasus and offered the local peoples its own development paradigm, contributed to the acceleration of intra-system transformations that had roots in the distant past. The traditional patriarchal way of life began to be tested due to the impact of socio-cultural and socio-economic innovations associated with the capitalist relations introduced in the region. **Materials and Methods.** The study is based on an analytical

comprehension of the works of famous domestic historians of the Caucasus, ethnographers and political economists devoted to the socio-political conditions of the development of the North Caucasus in the 17th – second half of the 19th centuries and was based on the principles of historicism, scientific objectivity and reliability. The appeal to the scientific work of specific researchers was determined by both the depth and comprehensiveness of their penetration into the essence of the problem under consideration, the integral and panoramic vision of the historical processes under study, and, in part, by the proximity of their ethno-national origin to the ethno-cultural world of the Chechen people. **Analysis.** According to M.A. Mamakaev's point of view, the role that the taip played in Chechen societies for a long

historical time is beyond doubt. This consanguineous structure had great plasticity and was able to effectively respond to the demands of local societies, to respond to internal and external challenges. Based on the opinions shared by M.O. Kosvena, K.-S. A.-K. Kokurkhaeva, A.I. Robakidze and R.L. Kharadze, the author came to the conclusion that the strength of the taip organization of the social life of the mountain Chechens was due to the age-old experience of the struggle for survival. It forced them to adhere to intra-ethnic solidarity, which to a large extent leveled the social class stratification inevitable in new historical circumstances. It is the external factor (Russia) that seems to have contributed to the preservation of traditional patriarchal norms for regulating life among the Chechens. **Results.** With account of the results of the study and V.I. Lenin's point of view on the unfolding socio-economic processes in the region after the arrival of Russia, along with which the meanings and practices of capitalism began to penetrate the North Caucasus, it can

Введение. Социальные перемены невозможно привязать к строго определённой стадии в развитии исторического процесса. Они, как правило, не связаны с каким-то конкретным событием и обуславливаются многими факторами, доминирование которых трудно выявить и определить, происходят постепенно, при жизни нескольких поколений. Например, буржуазные реформы второй половины XIX в., обладавшие мощным энергетическим зарядом, не привели к резкому искоренению привычных чеченцам социальных норм и институтов, которые продолжали функционировать весь рассматриваемый период. В ходе рассмотрения заявленной проблемы, обращалось внимание на то, что в фундаментальной работе, вышедшей под грифом Российской Академии наук, посвящённой чеченскому этносу, его истории и культуре, указанные процессы были ограничены весьма скупой констатацией: «В России во второй половине XIX века шёл процесс расширения внутреннего рынка и включения в этот процесс национальных окраин, каковой и являлась Чечня. Преобразования в Чечне были вызваны к жизни реформами в самой России. И они были призваны способствовать ломке старых, отживших патриархально-родовых и феодальных пережитков, замене их товарно-денежными отношениями» [17, с. 310]. В связи с этим возникает необходимость в характеристике местной социальной практики, ещё не затронутой российским государственным воздействием.

Материалы и методы. Значительную роль у чеченцев играл тайп, или род. К моменту активизации России на Кавказе он уже сложился и играл определяющую роль в регламентации жизни вайнахов. Это была структура, обладавшая большой инерционностью и потенциалом, не застывавшая во времени [14, с. 174]. Тайп менялся в зависимости от того, какие исторические вызовы вставали перед чеченским обществом. Данную ситуацию можно прокомментировать, опираясь на авторитетное мнение чеченского исследователя М.А. Мамакаева, который отмечал, что «у чеченцев всё ещё сохранились довольно ярко выраженные черты тай-

пового строя, но рядом с ними и вопреки им выросли и неуклонно развивались элементы новых феодальных, а затем и капиталистических отношений» [9, с.7]. Старые тайповые корпорации начали только отступать и вытеснялись на второй план, но упорно сопротивлялись и боролись за своё существование.

Keywords: Russia, Chechen society, tribal relations, external influence, capitalism, social inequality

For citation: Denilkanov IS. External influence on social processes in Chechen society in the second half of the 19th century. *Humanities and law research*. 2024;11(2):234-239. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

В своих выводах исследователь весьма осторожен, поскольку понимал, что несмотря на усилившиеся социальные противоречия, которые разъедали чеченское общество, родовые институты даже к началу XX в. продолжали определять порядок в регламентации и организации различных сторон их жизни. Это было связано с вековым опытом борьбы за выживание, заставлявшим придерживаться внутриэтнической солидарности, в немалой степени нивелировавшей социально-классовое расслоение, неминуемое в новых исторических обстоятельствах. Именно внешний фактор, каким была в ту пору Россия, как представляется, в большой степени содействовал сохранению традиционных, патриархальных норм регулирования жизни у чеченцев, способствуя поддержанию этнокультурной идентичности. Это также можно отнести к тому посттравматическому состоянию, из которого с огромным трудом выходили вайнаховские общества.

Скорее всего, процесс социального и имущественного расслоения в чеченском тайпе продолжался не одно столетие. Иногда нижнюю хронологическую границу такой трансформации относят к XVI в., когда у чеченцев начался постепенный процесс феодализации, с присущим ему социальным и имущественным неравенством [7, с. 9, 31]. Но даже в этом случае нельзя быть до конца уверенным, что установление института частной собственности не произошло ранее. Попытки обнаружить истоки данного явления со стороны российских этнографов успехом не увенчались. Письменных свидетельств не было, а в народной памяти такие границы не отложились. В лучшем случае можно было получить ответ, что это было ещё до имамата или просто давно. Но так или иначе его наличие отрицать в общественном существовании не приходится [16, с. 11; 2, с. 51].

Скорее всего, процесс социального и имущественного расслоения в чеченском тайпе продолжался не одно столетие. Иногда нижнюю хронологическую границу такой трансформации относят к XVI в., когда у чеченцев начался постепенный процесс феодализации, с присущим ему социальным и имущественным неравенством [7, с. 9, 31]. Но даже в этом случае нельзя быть до конца уверенным, что установление института частной собственности не произошло ранее. Попытки обнаружить истоки данного явления со стороны российских этнографов успехом не увенчались. Письменных свидетельств не было, а в народной памяти такие границы не отложились. В лучшем случае можно было получить ответ, что это было ещё до имамата или просто давно. Но так или иначе его наличие отрицать в общественном существовании не приходится [16, с. 11; 2, с. 51].

Имея право на пользование участком земли в случае его занятия раньше остальных, отдельный владелец не мог рассчитывать на то, что он получит надел больше, нежели это было необходимо для «жизни семьи». Но ни о каком праве торговать наделом либо получать с него излишки урожая не для собственного пропитания, а для реализации на рынке речь не шла. Впрочем, такого рода ограничения были скорее благими пожеланиями, так как на практике одни семьи получали земли больше, другие меньше, а третьим вообще не доставалось ничего. В рассматриваемый период ситуация достигла критического состояния. Все имевшиеся земельные участки были поделены, и дальнейшие захваты приводили к конфликту интересов между претендовавшими на займище семьями и остальным обществом.

Имперские власти не желали вмешиваться в регулирование подобных споров и предпочитали переключать поиск выхода на самих чеченцев. В этом случае всё должен был решить общественный приговор, но он в сложившихся обстоятельствах не гарантировал соблюдения интересов всех участников. Как правило народные сходы «оканчивались одними злобными разговорами, в результате которых получалось как бы узаконение захвата. Захватчик всегда подбирал себе партию сторонников и являлся с ними на сходку; здесь все они отставали сделанный захват, основанный на существовавшем с давних пор порядке» [3, с. 48]. Попытки оспорить такие действия не имели положительного результата, так как разбивались об аргументы оппонентов, настаивавших на том, что уже предки имевшихся владельцев земли поступали аналогичным образом. Если захват участка оппоненты считали недопустимым, то пусть они разделят свой надел и поделится с нуждающимися [3, с. 48].

Подобное противостояние постепенно усиливалось. Успевшие завладеть землей раньше остальных претендентов фамилии старались изменить существующие правила перераспределения земли. Они утверждали, что самозахваты неприемлемы и их следует трактовать как незаконные. Прежнее право сильного не устраивало формирующуюся социальную верхушку, которая хотела легитимизировать свой привилегированный имущественный статус. Юридически это нигде не было зафиксировано, но судя по данным фольклора, в котором фигурируют «князья» и простой народ, который зависит от воли этих людей, ни о каком равноправии речь уже не шла.

Процесс феодализации среди чеченцев на равнине происходил быстрее, чем в горных районах. Тем не менее везде можно было встретить такое понятие, как сильный или слабый тайп [15, с.132]. То есть в качестве формирующегося феодала выступал нередко не отдельный человек, а

коллектив, возвысившийся над остальными. В новых условиях он мог ещё больше закрепить своё положение, т.к. обладая превосходством в стартовых материальных возможностях, гораздо легче встраивался в новые экономические реалии. А со временем это давало и социально-политические преимущества над соседями.

Но для закрепления полученного результата необходима была третья сила, которая поддержала бы претензии чеченской элиты на её новый статус. И этой силой стала имперская власть, всячески поддерживавшая право частной собственности у чеченцев, рассчитывая, что возникший зажиточный слой будет отличаться лояльностью, опасаясь покушений на свои права и приобретённую собственность.

Такая ситуация вполне устраивала и новую чеченскую знать. Недовольство обделённых правами и материальными возможностями сородичей всегда можно было отвести от себя и канализировать в сторону царской администрации, мотивируя тем, что это русские навязывают и защищают порядки, не соответствующие традиционным нормам и обычаям горцев.

Примечательно, что народившаяся старшинская верхушка вынуждена была соблюдать некоторую осторожность в повседневном существовании, старалась не провоцировать без нужды своих соплеменников, не выделялась из общей массы и не пользовалась маркерами высокого статуса, например, богатой одеждой, манерой поведения, сохраняла показное пренебрежение к привычной работе и т.п. Делалось это, в том числе, из опасения навлечь гнев и расправу со стороны менее преуспевших членов общества. У чеченцев был известен обычай *байталваххар*, предусматривавший изъятие ценностей у таких людей в пользу коллектива [9, с. 31].

Существовавший тайповый порядок базировался на традиционном способе хозяйствования, основой которого были скотоводство, земледелие, охота. Но капиталистическая модернизация, навязываемая извне, повлияла на эту модель социально-хозяйственных отношений, вносила коррективы в её формы и процессы. Отсюда происходили изменения, которые стали отчётливо просматриваться к началу XX в., размывая прежние способы солидаризации чеченского этноса. Даже в рамках одного тайпа не наблюдалось равенства между семьями. По мере развития торговли, денежного обращения процесс расслоения ускорился, и в Чечне появились свои землевладельцы-помещики, которые «широко использовали сохранившиеся родовые институты чеченцев в своих политических и экономических интересах» [9, с. 66]. В этом активно участвовало и царская администрация, щедро наделяя находившихся на государственной службе офицеров и чиновников из числа чеченцев земельными пожалованиями [13, с. 261 – 262].

Отметим, что к рассматриваемому периоду у чеченцев стали формироваться собствен-

ные военные династии. Сразу несколько поколений мужчин из одной фамилии выбирали себе армейскую стезю, добиваясь на службе весьма почётных и высоких званий [1, с. 483]. Данное исследование проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, достигались новые знания, которые помогли автору сформулировать собственное видение исследуемой проблемы.

Анализ. Следует отметить, что процесс социального расслоения чеченцев начался задолго до описываемых событий. Осваивая равнину и будучи недостаточно сильными, чтобы противостоять аварским или кумыкским князьям, они приглашали к себе феодалов из Кабарды, чтобы с их помощью закрепиться на новом месте. В дальнейшем, создав достаточный экономический и демографический базис, создав военную мощь, чеченцами были изгнаны иноплеменные княжеские фамилии, а им на смену пришли собственные феодализирующиеся вожди.

Для обоснования своей новой статусности они стремились закрепить за собой права на лучшие земли, которые пытались передавать своим потомкам по наследству. Однако общественное мнение крайне враждебно относилось к подобным устремлениям. «Наказать» такого выделившегося лидера, осмелившегося возвыситься над остальными соплеменниками, считалось делом праведным, которое имело моральную поддержку среди многих чеченцев [5, с. 252]. Для этого у них существовал уже ранее упоминавшийся обычай *бай-талвакхар*, согласно которому если у владельца было обнаружено число голов скота, превысившее «установленную на основе коллективного опыта норму, то, по решению старейшин, все члены аульского общества в назначенный день захватывали скот и остальное имущество разбогатевшего скотовода-односельца и делили их между собой. При этом оставляли долю и незадачливому богатей» [5, с. 228-229].

Удар по амбициям формирующейся верхушки нанёс имамат Шамиля, который в первое время делал ставку на поддержание социального равенства среди горцев и боролся со старой горской аристократией [12, с. 391-394]. Но вскоре на смену прежним владельцам стали приходиться наделы самого Шамиля, которые возобновили практику изъятия земли у своих земляков. При этом изъятие коллективной собственности мотивировалось военной необходимостью, а пытавшиеся сопротивляться объявлялись врагами и безжалостно наказывались [9, с. 68-69].

Достигнутое социальное положение и боязнь его лишиться после ослабления горского имамата были основными причинами перехода этих людей на сторону царского правительства. Таким способом они стремились сохранить за собой все приобретения, полученные на службе

имаму, который не мог гарантировать своим набивам этого, а потому новая знать меняла повелителя и начинала сражаться против своего прежнего повелителя. Поражение имамата и начавшиеся буржуазные преобразования открывали перед этими людьми новые возможности, чем они не преминули воспользоваться. К концу XIX столетия сформировался «солидный слой сельской и городской буржуазии» из числа чеченцев [9, с. 73].

Таким образом, естественный процесс постепенного преобразования кровнородственных оснований тайпа под воздействием внешних влияний, гальванизировали общественно-экономические процессы в горской среде и приводили к его дроблению и расселению родственных групп и отдельных семей на другие территории [17, с. 291].

Изменения в традиционном быте чеченского общества, инициированные имперской администрацией, ускорили ход переселения чеченцев на равнину. Стремясь сохранить контроль над горами, царские чиновники предпочитали, чтобы те поселялись в легкодоступных местах, и способствовали созданию в плоскостных районах крупных чеченских поселений [4, с. 103]. Считалось, что в плоскостном ауле должно было быть не менее 300 дворов. Естественно, что там, в таком случае, поселялись представители разных фамилий, а потому прежние способы регламентации социальных отношений переставали действовать [6, с. 13].

На новом месте уже нельзя было сослаться на обычай, по которому распределялись земельные наделы. В этом случае власти могли по своему усмотрению наделять ими наиболее лояльно относящихся к ним чеченцам, как правило, находившихся на царской службе. Обращает на себя внимание факт череды пожалований, последовавших в 1860-е годы, когда горская знать наделалась тысячами десятин земли и могла ещё докупить необходимые ей участки [10, с.119]. Это позволяло рассчитывать на появление в горах социальной опоры имперской власти, обязанной своим материальным благополучием государству. Сюда же можно отнести и усилия по освобождению бывших невольников-лаев. Их было немного, но и они своим статусом свободного человека были обязаны инициированным Россией преобразованиям [10, с. 131].

Такими мерами имперские власти «стремились, с одной стороны, сохранить классовую солидарность с местной феодальной верхушкой, а с другой – завоевать симпатии крестьян...» и таким образом достичь желаемого конструктивного диалога с теми, кто готов был признать новые реалии и выстраивать мирную жизнь [11, с.36]. Чем шире была бы обеспечена социальная база поддержки российских порядков, тем надёжнее можно было упрочить позиции государства в крае.

Новые веяния нашли отражение и в изменении форм горской семьи. Ранее в основе социальной организации чеченцев лежала большая патриархальная семья, что было обусловлено, прежде всего, особенностями хозяйственного уклада. В новых условиях начались разделы патронимий на небольшие индивидуальные семьи, которые получали свой надел от общества. Такая ячейка качественно отличалась от предшественницы.

Уместно привести характеристику этого процесса, которую дал известный этнограф М.О. Косвен: «Большая семья в тех её образцах, которые нам преимущественно известны, является типической формой патриархально-родового строя, его специфическим выражением. С распадом этого строя распадается и большая семья. Возникает новая общественная ячейка – малая, или индивидуальная, семья, состоящая из родителей и детей. Она сначала лишь вызревает и дифференцируется в недрах большой семьи, а затем взрывает её: большая семья прекращает своё существование, распавшись на малые семьи. Малая семья отличается от большой не только количественно, но и качественно. Будучи выразительницей уже не первобытнообщинного, а нового – частнособственнического начала, малая семья становится основной ячейкой нового, классового общества» [7, с. 6-7]. Стремительно выходя за рамки натурального хозяйства, чеченское общество приспособлялось к новым экономическим условиям, для которых понадобилась и другая социальная конструкция.

При этом преждевременно было бы утверждать, будто патриархальная семья оказалась полностью отринута в одночасье. Она ещё долгое время продолжала существовать наряду с малыми семьями, что вполне соответствовало мировой практике, являясь исторически универсальным явлением [7, с. 7].

Тем не менее пореформенная община чаще объединяла малые моногамные семьи. Они получили хозяйственную самостоятельность, хотя и сохраняли идеологическое единство с распадающейся большесемейной общиной. Когда речь шла о создании хозяйственных объединений для содержания скота, для покоса, то объединялись, как правило, родственники. Без подобной кооперации малые семьи не смогли бы успешно вести своё хозяйство, особенно в горных районах края.

Царская администрация пыталась сдерживать процесс распада большой патриархальной семьи. Она была удобна и выгодна как фискальный орган. Но частнособственнические отношения всё увереннее разъединяли её изнут-

ри. Не бытовые ссоры, а капиталистический уклад приводил к семейным разделам, разрушал традиционный образ жизни. То и дело возникали имущественные споры. Они провоцировались захватами отдельными разбогатевшими малыми семьями имущества своих сородичей.

Результаты. Проведенный анализ показал, что социальное разложение наиболее быстрыми темпами происходило в равнинной части Чечни. Здесь товарно-денежные отношения укрепили связь с рынком, что заметно углубило этот процесс. Появились новые типы сельского населения. В этой связи, считаем уместным обратиться к работам В.И. Ленина, который, будучи современником указанных явлений, достаточно вдумчиво описал это явление, отметив, как из слоя «средняков» появляется зажиточное крестьянство или сельская буржуазия. Данная универсальная тенденция проявила себя и в Чечне. В частности, в книге «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин уделил достаточно внимания социально-экономической ситуации на Кавказе. Им было также отмечено, что экономически «завоевать» регион империя смогла позднее, нежели одержала над ним военно-политическую победу. Для удержания контроля над этой территорией власти проводили активную колонизационную практику, изменяя хозяйственно-культурный тип местных народов, последствия которых, по мнению В.И. Ленина, заключались в том, что «русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселённая в начале пореформенного периода или заселённая горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцем вином пшеницы и табака...» [8, с. 593-594].

Патриархальные нравы не могли и не желали признавать новую мораль и порождали социальные коллизии, которые отличали наступившую эпоху всепобеждающего рынка. Эти процессы вызывали фрустрацию даже у русской части кавказского общества, более открытой и приспособленной к восприятию новаций. Для жителей Кавказа капитализм с его превалянием индивидуализма над коллективизмом вообще был духовной катастрофой, крушением привычного мироустройства.

Литература

1. Арсанукаева М. С. Поручик Эсан-хан Алиев: страницы военной биографии (1883-1908 гг.) // Сборник научных трудов Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института им Х.И. Ибрагимова / Под ред. Ш. А. Гапунова, Д. К.-С. Батаева. Грозный: АН ЧР, 2019. № 8. С. 482–492.
2. Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI–начало XX в.). Грозный, 1979. С. 49–69.

3. Иваненков Н. Е. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. / Под ред. М. А. Караулова. Владикавказ, 1910. Вып. VII. 224 с.
4. Исаев С. А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI–начало XX в.). Грозный, 1979. С. 102–116.
5. Карпов Ю. Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Ответственные редакторы В. В. Бочаров и В. А. Тишков. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 221–262.
6. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей: монография. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1989. 112 с.
7. Косвен М. О. Семейная община и патронимия: монография. Москва: АН СССР, 1963. 220 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Москва: Издательство политической литературы, 1971. Т. 3. 792 с.
9. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения: монография. Грозный: Книжное изд-во, 2009. 111 с.
10. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. I. 316 с.
11. Рамазанов Х. Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Сборник научных трудов. Краснодар, 1987. С. 34–45.
12. Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. Санкт-Петербург, 1862. Т. XXVI. С. 373–404.
13. Терский календарь на 1895 год. Издание Терского областного статистического комитета под ред. Г. А. Вертепова. Владикавказ, 1894. Вып. 4. 355 с.
14. Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 165–198.
15. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Вып. II. С. 127–164.
16. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции: монография. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 79 с.
17. Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х. Ибрагимова РАН. Москва: Наука, 2012. 622 с.

References

1. Arsanukaeva MS. Lieutenant Eksan-khan Aliev: pages of military biography (1883-1908) in Collection of scientific works of the Academy of Sciences of the Chechen Republic and Kh.I. Ibragimov / Ed. Sh.A. Gapurova, D.K.-S. Bataev. Grozny: AN Ch R. 2019;8:482-492. (In Russ.).
2. Akhmadov ShB. On social relations in Checheno-Ingushetia in the 18th century in Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (XI-early XX century). Grozny; 1979. p. 49-69. (In Russ.).
3. Ivanenkov NE. Mountain Chechens. Cultural and economic study of the Chechen district of the Upland strip of the Terek region in Tersky collection. Literary and scientific supplement to the "Tersky Calendar". 1911 / Ed. MA Karaulova. Vladikavkaz; 1910. Issue VII. 224 p. (In Russ.).
4. Isaev SA. From the history of social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the last quarter of the 19th century: Social relations and class struggle in Checheno-Ingushetia in the pre-revolutionary period (XI-early XX century). Grozny; 1979. p. 102-116. (In Russ.).
5. Karpov YuYu. Images of violence in the modern and recent history of the peoples of the North Caucasus: Anthropology of violence / Managing editors V.V. Bocharov and V.A. Tishkov. St. Petersburg: Nauka; 2001. p. 221-262. (In Russ.).
6. Kokurkhaev K-S A-K. Socio-political system and law of the Chechens and Ingush. Grozny: Chechen-Ingush publishing; 1989. 112 p. (In Russ.).
7. Kosven MO. Family community and patronymy. Moscow: AN SSSR; 1963. 220 p. (In Russ.).
8. Lenin VI. Complete works: In 55 volumes. Moscow: Publishing house of political literature; 1971. Vol. 3. 792 p. (In Russ.).
9. Mamakaev MA. Chechen taip (genus) in the period of its decomposition. Grozny: Book Publishing House; 2009. 111 p. (In Russ.).
10. Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR Grozny: Chechen-Ingush book publishing house; 1967. Vol. I. 316 p. (In Russ.).
11. Ramazanov KhKh. Carrying out land reform in the mountainous regions of the North Caucasus: Problems of agrarian development of the North Caucasus in the 19th - early 20th centuries in Collection of scientific papers. Krasnodar; 1987. p. 34-45. (In Russ.).
12. Runovsky A. A look at estate rights and mutual relations of estates in Dagestan in Military collection. St. Petersburg; 1862. Vol. XXVI. p. 373-404. (In Russ.).
13. Terek calendar for 1895. Edition of the Terek Regional Statistical Committee, ed. G.A. Vertepova. Vladikavkaz; 1894. Iss. 4. 355 p. (In Russ.).
14. Kharadze RL. Some aspects of the rural-communal life of the mountain Ingush: Caucasian ethnographic collection. Essays on the ethnography of mountainous Ingushetia. Tbilisi: Metsniereba; 1968. Iss. II. p. 165-198. (In Russ.).
15. Kharadze RL., Robakidze AI. The nature of class relations in mountainous Ingushetia: Caucasian ethnographic collection. Essays on the ethnography of mountainous Ingushetia. Tbilisi: Metsniereba; 1968. Iss. II. p. 127-164. (In Russ.).
16. Khasbulatov AI. Checheno-Ingushetia on the eve of the first Russian bourgeois-democratic revolution. Grozny: Chechen-Ingush book publishing house; 1963. 79 p. (In Russ.).
17. Chechens / ed. LT. Solovyova, VA. Tishkov, ZI. Khasbulatov; Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklukho-Maclay RAS; Kh. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; 2012. 622 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 355. 425. 4 (47 +57) «1941 / 1944»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.5>

«... СМЕЛО СЖИМАЯ ВИНТОВКУ РУКОЮ, УДАРЮ С ТОБОЙ ПО ВРАГУ». К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВПАТОРИЙСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1942–1944 ГГ.

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма (д. 39, ул. Киевская, Симферополь, Республика Крым, 295017, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
slavik1855@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Аннотация. Введение. В публикации рассматривается деятельность Евпаторийской подпольной организации в годы Великой Отечественной войны. В отечественной историографии подполье Крыма, особенно г. Евпатории, до сих пор остается малоизученной темой. **Материалы и методы.** В статье на основании ранее неопубликованных источников из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК), архива г. Севастополя (АГС), архива г. Евпатории (МБУ АГЕ), Евпаторийского краеведческого музея (МБУ ЕКМ) развенчивается миф о незначительном вкладе евпаторийских патриотов в разгром немецко-румынских оккупантов Крыма. Исследование выполнено на основе общенаучных и специально научных методов. С помощью сравнительно-исторического метода автор рассматривает создание и деятельность Евпаторийской подпольной организации в 1942–1944 гг. в контексте ключевых событий Великой Отечественной войны. Методы системного и диахронного анализа позволяют выявить закономерности и особенности деятельности подпольщиков г. Евпатории. Статический метод помогает исследовать численность и состав Евпаторийской подпольной организации, оценить урон, который она нанесла оккупантам. С помощью биографического метода реконструируются биографии лидеров евпаторийского подполья: Ф. А. Павлова, Я. Цыпкина, М. Д. Глушко и др. Компаративный метод позволяет выявить общие и отличительные черты в стратегии и тактики евпаторийских подпольщиков и крымских партизан. **Анализ.** В статье рассматриваются причины создания Евпаторийской подпольной организации, анализируются ее состав, формы и методы антифашистской борьбы. На основании широкого круга впервые вводимых в научный оборот документов автор не только показывает самоотверженный подвиг и помощь евпаторийских подпольщиков Красной Армии в освобождении города от

захватчиков, но и отмечает ошибки и просчеты в действиях подпольно-патриотической организации. **Результаты.** По итогам проведенного исследования делается вывод об активной деятельности Евпаторийской подпольной организации в 1942 – 1944 гг. Проанализирована роль Ф. А. Павлова и Крымского обкома ВКП (б) в создании и деятельности данной организации, изучена ее структура, включавшая восемь групп, среди которых выделялись подразделения Ф. А. Павлова, Е. П. Русинной и А. С. Чепурного. Обозначены ошибки и просчеты, допущенные Ф. А. Павловым – координатором евпаторийского подполья, рассмотрен вклад подпольно-диверсионной группы «Взрыв», которая совместно с подразделением А. С. Чепурного взяла курс на антифашистское восстание в г. Евпатории. Проанализированы контакты подпольщиков с командованием 4-го Украинского фронта, подготовка и организация восстания 11–13 апреля 1944 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Евпаторийская подпольная организация, г. Евпатория, Ф. А. Павлов, агитационно-пропагандистская работа, диверсионно-подрывная работа, саботаж, подпольные боевые дружины

Для цитирования: Иванов В. А. «...смело сжимая винтовку рукою, ударю с тобой по врагу». К вопросу о деятельности Евпаторийской подпольной организации в 1942–1944 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 240–249. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.01.2024.

Статья принята к публикации: 26.04.2024.

Research article

«... FEARLESSLY CLUTCHING THE RIFLE WITH MY HAND, I WILL STRIKE THE ENEMY WITH YOU». ON THE ACTIVITIES OF THE YEVPATORIA UNDERGROUND ORGANIZATION IN 1942–1944

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism (39, Kyiv St., Simferopol, Republic of Crimea, 295017, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
slavik1855@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Abstract. Introduction. The article examines the activities of the Yevpatoria underground organization during the Great Patriotic War. In Russian historiography, the underground of the Crimea, especially the city of Yevpatoria, remains a little-studied topic so far. **Materials and Methods.** The article, based on previously unpublished sources from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea (GARK), the archive of Sevastopol (AGS), the archive of Yevpatoria (MBU AGE), the Yevpatoria Museum of Local Lore (MBU ECM), debunks the myth of the insignificant contribution of the Yevpatorian patriots to the defeat of the German-Romanian occupiers of Crimea. The research

was carried out on the basis of general scientific and special scientific methods. Using the comparative historical method, the author examines the establishment and activities of the Yevpatoria underground organization in 1942–1944 in the context of the key events of the Great Patriotic War. The methods of systemic and diachronic analysis make it possible to identify patterns and features of the activities of underground workers in Yevpatoria. The static method helps to investigate the size and composition of the Yevpatoria underground organization, to assess the damage it caused to the occupiers. The biographies of the leaders of the Yevpatoria underground are reconstructed using the bio-

© Иванов В. А., 2024

graphical method: F. A. Pavlov, Ya. Tsytkin, M. D. Glushko, etc. The comparative method makes it possible to identify common and distinctive features in the strategy and tactics of the Yevpatoria underground fighters and the Crimean partisans. **Analysis.** The article examines the reasons for the creation of the Yevpatoria underground organization, analyzes its composition, forms and methods of anti-fascist struggle. Based on a wide range of documents introduced into scientific circulation for the first time, the author not only shows the selfless feat and assistance of the Yevpatoria underground workers of the Red Army in liberating the city from invaders, but also notes mistakes and miscalculations in the actions of the underground patriotic organization. **Results.** Based on the results of the study, a conclusion is drawn about militant activity of the Yevpatoria underground organization in 1942-1944. The role of F. A. Pavlov and the Crimean Regional Committee of the CPSU (b) in the creation and activities of this organization was analyzed, its structure was studied, which included eight groups, among which the divisions of F. A. Pavlov, E. P. Rusina and A. S. Chepurny stood out. The errors and miscalculations made by F. A. Pavlov, the coordinator of the Yevpatoria underground, are outlined, the contribution of

Введение. Актуальность исследования состоит в том, что спустя более чем 80 лет со дня завершения Великой Отечественной войны одной из наиболее противоречивых и дискуссионных проблем ее изучения является проблема подпольного Сопротивления. Крымский полуостров как одно из мест деятельности антифашистского подполья в годы Великой Отечественной войны не стал исключением. В отечественной историографии достаточно глубоко рассмотрен вопрос партизанского движения, а что касается подполья, историков оно интересует гораздо меньше. В настоящей статье анализируется деятельность одной из наименее изученных в исторической науке подпольных организаций Крыма в период нацистской оккупации – Евпаторийской. Автор акцентирует внимание на структуре, формах, задачах и методах подпольной борьбы евпаторийских патриотов против гитлеровских захватчиков, выясняет их роль в освобождении города весной 1944 г.

Относительно степенности изученности данной проблемы можно условно выделить несколько периодов.

1. Первый период начался в отечественной историографии в еще советское время (с 1944 по 1991 гг.). Подпольное движение на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. разрабатывали преимущественно Г. С. Бабичев [9; 10] и И. С. Чирва [36] и Е. Н. Шамко [37; 38; 39; 40; 41] однако, в их работах Евпаторийское подполье либо не упоминалось вообще, либо информация о нем давалась весьма схематически и кратко. Главным образом вышеуказанные авторы анализировали в своих работах деятельность подпольных организаций Симферополя, Севастополя, Феодосии и Керчи, однако другие города и населенные пункты оставались без их пристального внимания;

2. Второй период отмечен тем, что в 1991 г. Крым вошел в состав независимой Украины, и концепция изучения Великой Отечественной войны начала существенно меняться. В украинский период больше принято было говорить о жертвенности, трагедии войны, а не о ее героических страницах.

the underground sabotage group “Explosion”, which together with the A. S. Chepurny division set a course for an anti-fascist uprising in Yevpatoria, is considered. The contacts of underground activists with the command of the 4th Ukrainian Front, the preparation and organization of the uprising on April 11-13, 1944 are analyzed.

Keywords: Great Patriotic War, Yevpatoria underground organization, Yevpatoria, F. A. Pavlov, propaganda work, sabotage and subversive work, sabotage, underground fighting squads

For citation: Ivanov VA. “... fearlessly clutching the rifle with my hand, I will strike the enemy with you”. On the activities of the Yevpatoria underground organization in 1942–1944. *Humanities and law research.* 2024;11(2):240-249. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.10.2023.

The article was approved after reviewing: 16.01.2024.

The article was accepted for publication: 26.04.2024.

Советские партизаны и подпольщики начали рассматриваться преимущественно в отрицательном ключе. В Крыму, несмотря на рассекречивание бывших партийных и ведомственных архивов, относительно подполья в этот период велось лишь незначительные научные разведки, и то преимущественно краеведов [30], а не профессиональных историков.

3. Третий период начался с 2014 г., когда произошло воссоединение Крыма с Российской Федерацией вследствие событий «Крымской весны». Появились многочисленные работы историков В. Е. Полякова [28; 29]; С. Н. Ткаченко, С. А. Терехова, А. Ю. Бутовского [31; 32; 33] и др. Однако в них главным образом уделялось, преимущественно проблеме партизанского движения в Крыму, а подпольная борьба анализировалась весьма кратко. Несмотря на заявленный общественно-политический и научный резонанс, степень заинтересованности в исследовании проблемы подпольного Сопротивления остается по-прежнему невелик. Автор надеется, что его публикация станет своеобразным отправной точкой в изучение вопроса подпольного Сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. В качестве источников были использованы документы из фондов Государственного архива Республики Крым, Архива города Евпатории и Евпаторийского краеведческого музея, Архива города Севастополя и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Это не только эго-документы – воспоминания, дневники – руководителя евпаторийского подполья Ф. А. Павлова, и членов подпольных организаций Я. Цыпкина, П. И. Хлебникова, В. П. Диевой, А. П. Кузьменко, А. П. Корниенко, М. И. Хари-тоненко, В. Г. Дунайцева, однако также документы официального характера: отчеты (неопубликованная рукопись «История Евпаторийского подполья 1942–1944 гг.»), показания (свидетельские показания подпольщицы В. П. Диевой о помощи советским морякам-десантникам 4-5 января 1942 г.), личная переписка (письма А. П. Кузь-

менко учреждениям о событиях 1941–1944 гг. в городе Евпатории), протоколы (протокол собрания участников Евпаторийского десанта и заседания Совета ветеранов десанта), справки и характеристики на членов евпаторийского подполья (списки подпольщиков г. Евпатории и участников Евпаторийского десанта, оставшихся в живых; выписки из приказов, справки, удостоверения, характеристики А. П. Кузь-менко). Большая часть указанных свыше документов хранится в фонде 194 Архива города Евпатории (описи 2, 3, 5, 6, 8, 9). В исследовании, на основании широкого круга впервые вводимых в научный оборот источников, развенчивается миф о незначительном вкладе евпаторийских патриотов в разгром немецко-румынских оккупантов, созданный после освобождения полуострова в 1944 г. При подготовке работы были использованы как общенаучные методы (сравнительно-исторический, диахронный и метод системного анализа), так и специально научные методы (статистический, биографический и компаративный). С помощью сравнительно-исторического метода автор рассматривает создание и деятельность Евпаторийской подпольной организации поэтапно с 1942 по 1944 гг. в контексте ключевых событий Великой Отечественной войны. Метод диахронного анализа позволяет выявить имеющиеся закономерности, тенденции в эволюции в изучении процесса становления и особенностей подпольной борьбы в г. Евпатории в годы Великой Отечественной войны. Методом системного анализа в настоящей статье показано, что события возникновения подпольного Сопротивления в оккупированной Евпатории было не случайным, а представляло собой полностью и целиком продуманную стратегию вооруженной борьбы с немецко-румынскими оккупантами, объявленную советским правительством еще в конце июня – в июле 1941 г. С помощью статического метода автор опирается на количественные данные, что позволяет исследовать аспекты, связанные с проблемами в области социально-экономической области, а именно проанализировать численность и состав членов Евпаторийской подпольной организации, а также суммировать урон, который они причинили врагу. Благодаря биографическому методу автор реконструирует события организации подпольной борьбы гитлеровским захватчикам в г. Евпатории (1942–1944), фокусируясь на анализе биографий лидеров евпаторийского подполья: Ф. А. Павлова, Я. Цыпкина, М. Д. Глушко и др. Компаративным методом в настоящем исследовании выявлены как общие, так и отличительные черты. В первом случае нами отмечено, что евпаторийские подпольщики и крымские партизаны представляли собой единое целое – антифашистский фронт, главная задача которого помочь добиться скорейшего освобождения Крыма и уничтожения живой силы врага и его ресурсов способствуя возвращению в город-курорт советской власти. Показано, что евпаторийские патриоты не имели доступа к лесным массивам

Крымского полуострова, и поэтому действовали изолированно от других антифашистов, сосредотачивая свои усилия главным образом на агитационно-пропагандистской деятельности, диверсиях и саботаже.

Анализ. В январе 1942 г. в г. Евпатория создается подпольная группа, который возглавил Федор Афиногенович Павлов, утвержденный председателем оргбюро Обкома ВКП (б) по г. Евпатории [12, л. 6]. 5 января 1942 г. Ф. А. Павлов и его помощник Я. Цыпкин высадились в г. Евпатории с кораблей тактического десанта [1, л. 1 об., 3, 6; 2, л. 1-1 об.; 11, с. 128]. Совместно с местными жителями М. Д. Глушко [26, с. 115-123; 6, л. 30] ее супругом Отрезовым и П. Г. Перекрестенко 21 января 1942 г. они решили начать подпольную работу [13, л. 2; 3, л. 19]. Штаб-квартирой Евпаторийской подпольной организации была квартира М. Д. Глушко в доме на ул. Русская, 4. Ф. А. Павлов вместе с Я. Цыпкиным первоначально разместились на небольшом чердаке односкатной крыши М. Д. Глушко [20, л. 4]. Сама М. Д. Глушко вспоминала об этом следующее, что «сначала они жили у меня на чердаке, а потом вырыли под полом яму и в ней скрывались» [21, л. 3].

Строилась подпольная организация по принципу т. н. «пятерок». Изначально организация состояла из 5 человек, позже, к середине 1943 г. ее численность выросла до 40 человек. В конце того же года был наконец избран подпольный комитет в следующем составе: Ф. А. Павлова, С. В. Шаповаленко, Морозовой, Е. П. Русиновой и Н. П. Штригеля [6, л. 12]. Кроме того, подпольной организацией сотрудничало свыше 100 человек, причем не только жителей г. Евпатории. В первую очередь это были активисты, которые выполняли поручения членов подпольного комитета. Рядовой состав организации представлял собой рабочих и интеллигенцию города.

В их задачу входило исполнение следующих поручений Крымского обкома ВКП (б):

- во-первых, стараться проникнуть в сельскую местность и устанавливать контакты с населением;
- во-вторых, привлекать на свою сторону оставшихся в селах коммунистов и комсомольцев и всех сочувствующих советской власти граждан;
- в-третьих, с помощью завербованных агентов создавать новые подпольные антифашистские организации и группы [27, с. 165].

Свою антифашистскую борьбу Евпаторийская подпольная организация начала с агитационно-пропагандистской работы. Только к 50-летней годовщине Октябрьской революции патриотам удалось распространить 170 экземпляров газеты «Красный Крым», 300 листовок Крымского обкома ВКП (б), и 50 брошюр. Они переписывали листовок от руки и тиражировали с помощью типографской машинки их среди местного населения [13, л. 2]. Подпольщик С. Г. Пашенко смог настроить свой радиоприемник и слушать с товарищами, которые

использовали для пропагандистских целей. Об этом, в частности, вспоминает Н. Бочарова, работница цементного завода в г. Евпатории: «Наше настроение хорошо поняла и в дальнейшем помогла Женя Шаян. Она была также комсомолкой и как потом мы знаем была в комсомольской пятерке. Мы начали свою работу с чтения листовок и информбюро, которые я получала от Жени Шаян, а она в свою очередь от Марии Глушко. Сначала мы листовки читали одни в уборной, а потом понемногу начали и распространять и среди других работников так как поняли, что они ненавидят немцев» [4, л. 1-2]. В листовках преобладало творчество народных мстителей – песни, стихи, карикатуры, которые среди прочего высмеивали Гитлера и Геббельса. Также там звучал призыв для советских граждан оказывать сопротивление угону молодежи в нацистскую Германию.

Из вышесказанного следует, что в г. Евпатории фактически началась настоящая контрпропагандистская война: подпольщики систематически срывали со стен нацистские плакаты и брошюры, портили до неузнаваемости портреты лидеров гитлеровской Германии, в первую очередь обезображивали портреты Гитлера и Геббельса, скупали и уничтожали всю нацистскую пропагандистскую литературу [23, л. 3]. Значительный вклад в пропагандистско-агитационную работу внесли подпольщики Г. Зиновьева, Л. Трандафилиди, В. Юнакова, Е. Шаянова, Н. Бочарова, А. Скрипник, О. Клименко, работая преимущественно среди солдат и офицеров словацкой, болгарской и румынских частей.

Такая активность подпольщиков вызвала гнев коменданта г. Евпатории. В фондах Евпаторийского краеведческого музея хранится документ с его обращением к жителям города: «В последнее время в городе загрязняют и обезображивают пропагандистские плакаты нацистской Великой Германии и особенно портреты фюрера. Я не намерен терпеть подобные явления, если мне еще раз будет сообщено, о таком случае, а виновники не будут пойманы и установлены, то я наложу репрессивные наказания на всех граждан». И следует отметить, что такие приказы публиковались нацистской оккупационной администрацией не раз [23, л. 3].

Всего в период с 1942 по 1943 гг. евпаторийские подпольщики выпустили более 3000 листовок и карикатур, направленных против захватчиков. Как видим, главное внимание в агитационно-пропагандистской литературе уделялось знаменательным датам и памятным дням советского календаря: день рождения и смерти В. И. Ленина, Первомайским праздником, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции [17, с. 101]. Когда в 1942 г. началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, то к Двадцатой пятой годовщине Октябрьской революции, подпольщиками были написаны листовки, которые, в первых, призывали встретить эту памятную дату, а

во-вторых, освещали довольно подробно ход боевых действий на советско-германском фронте, конкретно – описывали разгром окруженной немецкой группировки под Сталинградом [20, л. 7–8]. Наиболее талантливыми агитаторами и пропагандистами показали себя А. С. Скрипник, Ф. И. Алдошин, Е. Шаянова, А. Рудюк, Л. Клименко [9, с. 158].

Другим, не менее важным значением пропагандистско-агитационной работы, являлось ее использование в срыве мобилизационных мер, осуществляемых немецкими властями для добровольческой армии А. А. Власова – РОА⁷. Для этой цели подпольные агитаторы ходили по всем улицам города и агитировали жителей Евпатории не записываться в РОА. Кроме того, подпольный комитет изготовил, размножил и распространил обращение Крымского обкома к добровольцам, к военнопленным и ко всему населению Крыма, с призывом на идти на вражескую службу. Подпольщица А. Кузьменко вспоминала о том, как велась пропагандистская работа: «В 1943 г. фашисты усиленно агитировали за вступление в РОА. Отряды «добровольцев» были расквартированы и в Евпатории. Мною были написаны стихотворения «Доброволец» и «Кто же русский?». Оба эти стихотворения я читала добровольцам, с которыми меня познакомил Морозова Л. М.» [5, л. 65].

Женщины-подпольщицы из подпольной группы Ф. А. Павлова, врачи Т. З. Калинина и В. Деева многим евпаторийцам выдавали фиктивные справки о «тяжелом» состоянии здоровья, вследствие чего многих мужчин и мальчиков положили в инфекционную больницу якобы для «лечения», а на самом деле, чтобы не угнать в Германию на принудительные работы. Причем, некоторых военнопленных переодели в гражданскую одежду, дали продукты и переправили в лес к партизанам. Подпольная группа Ф. А. Павлова также активно занималась вербовкой в организацию новых членов, последних которых искали не только в г. Евпатории, Евпаторийском районе, но и в п. Ак-Мечеть и в Саках.

Весной 1943 г. Е. П. Русинова [6, л. 1] организовала вторую подпольную группу, в которую входили С. В. Шаповаленко, А. В. Шаповаленко, Л. Н. Клименко, О. Н. Клименко [6, л. 31]; Клименко [13, л. 3]. По примеру группы Ф. А. Павлова они также занимались пропагандистской деятельностью: изготовляли листовки и распространяли их среди населения. Кроме г. Евпатории они распро-

⁷ Русская освободительная армия (РОА) – одно из наиболее крупных вооруженных коллаборационистских формирований на службе нацистской Германии в 1942–1945 гг. Состояло из бывших советских военнопленных и русских политических эмигрантов. Командовал РОА перешедший на сторону гитлеровцев бывший советский генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901 – 1946 гг.), отсюда второе неофициальное название РОА – «власовцы».

страняли агитационно-пропагандистскую литературу в соседний поселок Ак-Мечеть с помощью Л. Клименко, ее сестры О. Клименко и Е. В. Пономаревой. Помимо указанных миссий, подпольная группа Е. П. Русиновой принимала участие в акциях, преимущественно пропагандистского характера [13, л. 3]:

– во-первых, Л. Н. Клименко и ее соратницы на стенах Евпаторийского собора разместили антифашистские воззвания, а на фасаде театра имени А. С. Пушкина красные флажки;

– во-вторых, сестры Л. Н. Клименко и О. Н. Клименко вышили своими руками из двух выкрашенных в красный цвет простыней два флага на квартире у подпольщицы С. В. Шаповаленко в доме на ул. Надеждинской;

– в-третьих, сумели установить связь с советскими военнопленными в г. Евпатории и доставить через них четыре ящика с патронами. Кроме того, многие подпольщики принимали участие в спасении заложников из числа жителей города и советских военнопленных. Так, к примеру, когда нацисты повели на расстрел схваченную группу мужчин, патриоты города на ул. Володарского открыли огонь по вражескому конвою, благодаря чему многим из смертников, удалось спастись. Из этой группы А. Н. Супручев и Макеев укрылись на квартире у подпольщицы М. Баранниковой. А вот уже когда на Красной горке привели группу плененных матросов-черноморцев, то они из последних сил, набросились на врага, тем самым, используя его краткое замешательство. Это дало возможность сбежать Харитоненко, Жабину, Годунову и Журавлеву, которые продолжительное время скрывались с помощью женщин-подпольщиц из подпольной группы Е. П. Русиновой [23, л. 4];

В сентябре – октябре 1943 г. на евпаторийском моторемотом заводе была организована третья подпольная группа, которую возглавил А. С. Чепурной [13, л. 4; 6, л. 31; 3, л. 47 об.; 15, л. 75]. В ее состав вошли следующие лица: Г. П. Киндриянов, Н. М. Кравченко, И. В. Валюженко, К. Ильященко, А. Н. Супручев. Эта подпольная группа, в отличие от организаций Ф. А. Павлова и Е. П. Русиновой, уже являлась боевой антифашистской группой, и даже имела специальное название «БД-НФ № 4».

Основными задачами подпольной группы А. С. Чепурной были следующие акции:

– во-первых, активное ведение агитационно-пропагандистской работы – подпольщики распространяли газеты, листовки, брошюры антинацистского содержания, призывая евпаторийцев к борьбе против оккупантов;

– во-вторых, ведение подрывной-диверсионной работы. В частности, подпольщики, срывали мероприятия нацистских оккупантов и их пособников, к примеру саботируя выполнение боевых заказов по изготовлению втулок для военных повозок в количестве 7 000 штук; тормозных колодок для железнодорожных вагонов в количестве

3 тыс. штук; Г. П. Киндриянов [6, л. 17] задерживал изготовление деталей для нужд германской армии; Масютинский при формовке и изготовлении деталей намеренно делал брак; Валюженко и Кравченко при механической обработке деталей требовали от немецкого начальника специального инструмента и приспособления, делали большой брак; В. А. Сизый, главный инженер завода, во время механической обработки деталей начинал перемещение оборудования с одного цеха в другой, тем самым срывая производственный процесс; Сам А. С. Чепурной изогнул коленчатый вал двигателя передвижной электростанции; на электростанции подпольщиками был сожжен трансформатор и повреждены паровые машины [13, л. 5]. Следствием таких действий подрывного характера было то, что рабочие ремонтного завода, электростанции, цементного производства, ракушечной фабрики, швейных мастерских систематически срывали выпуск моторов, уничтожали и портили оборудование, которое срочно требовалось гитлеровцами для развертывания массового производства [17, с. 100 – 101];

– в-третьих, антифашисты оказывали материальную поддержку семьям подпольщиков и воинов Красной Армии. Так, Е. П. Русинова предоставляла А. С. Чепурной и его товарищам хлебные карточки, которые он распределял среди граждан г. Евпатории, связанных с подпольным Сопротивлением. Об этом, к примеру, свидетельствует письмо участника Великой Отечественной войны А. И. Потапова: «21 мая 1944 г. я возвращался в родную Евпаторию с болью в сердце и думал о судьбе своей жены и детей, а когда встретился с ними, они рассказали мне, что их спас от голода и страшной нужды подпольный комитет. Я защитник Севастополя, старшина первой статьи 79 морской бригады искренне благодарю наших подпольщиков». Случай А. И. Потапова был не единичен – сотни советских граждан г. Евпатории были спасены от голода и угона в нацистскую Германию евпаторийскими подпольщиками. Благодаря таким действиям, оказывалась весьма значительная помощь фронтовикам [9, с. 131]. Только в День Красной Армии и Флота было собрано народными мстителями 30 тысяч рублей, а также продукты питания, одежду, обувь, причем все непосредственно раздали семьям фронтовиков [9, с. 131; 10, с. 159].

Отметив достижения подпольщиков, теперь следует сказать о просчетах, допущенных в деятельности организации. В первую очередь, Ф. А. Павлов, как глава подпольного комитета г. Евпатории, допустил ряд существенных недостатков, которые сказались на работе антифашистов и в конечном итоге привели к тому, что их деятельность не получила должного признания со стороны партийных органов и спецслужб. В частности, он привлек к подпольной работе супружескую чету Морозовых – А. В. Морозову и И. М. Морозова, а также А. В. Белку, не проверив их на

предмет лояльности [13, л. 5]. Морозовы имели тесную связь с Службой безопасности (СД) рейхсфюрера СС⁸ («охранных отрядов») г. Евпатории, не только не оказывали материальной или другой поддержки подполью, мало того, даже выдали ряд советских подпольщиков [13, л. 6], а именно А. В. Якименко и Л. А. Оршенберг. Все перечисленные лица были арестованы и расстреляны нацистами летом и зимой 1943 г. [13, л. 6]. А. В. Белка, являлся осведомителем в СД, заведовал нефтебазой. Совместно с Морозовыми внес в подпольную кассу 20 000, за что получил фактически полный доступ к личным данным подпольщиков. Он знал, что Ф. А. Павлов не только руководитель подпольного комитета и одной из подпольных групп. Вопрос почему Морозовы и Белка не выдали Ф. А. Павлова и его ближайший круг соратников до сих пор остается нераскрытым [13, л. 8]. Возможно, ответ кроется в следующем.

В период подготовки Севастопольского судебного процесса, 13 октября 1947 г. в г. Севастополе, происходил допрос бывшего коменданта г. Евпатории Отто Иоганна Виллерта⁹. Последний заявил следователю, что «партизанского движения в Евпатории и Евпаторийском районе не было, и, следовательно, никакой борьбы с ними не велось. Мне было известно, что в районе Фрайдорфа совершались нападения на жандармерию гражданским населением, что вообще в горах Крыма действуют партизаны, однако, моя комендатура не принимала участие в борьбе с партизанами, так как никто не требовал моей полиции» [7, л. 2]. Из вышесказанного следует, что О. И. Виллерт, бывший комендантом г. Евпатории до января 1944 г. если и знал о деятельности евпаторийских патриотов, не придавал их акциям абсолютно никакого значения. Возможно, что также гитлеровцы выжидали лучшего времени, чтобы арестовать как можно больше подпольщиков в одном месте сразу. По

⁸ Служба безопасности рейхсфюрера СС (сокр. с нем. SD от Sicherheits Dienst, рус. СД) основана в 1931 г. как спецслужба нацистской Германии. В 1934 г. она оформлена как самостоятельная структура для обеспечения безопасности нацистского руководства. Во время Второй мировой войны СД курировало специальные подразделения СС и полиции, занимавшиеся уничтожением евреев, коммунистов, комсомольцев, партизан и подпольщиков; СС (нем. SS, от Schutzstaffeln – охранные отряды) – одно из военизированных подразделений Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Основной задачей СС было подавление и уничтожение противников нацистского режима внутри Германии, а во время Второй мировой войны – выявление и уничтожение врагов гитлеровской Германии на оккупированной территории.

⁹ Отто Иоганн Виллерт, 1897 г. рождения, майор германской оккупационной армии, с декабря 1942 г. по январь 1944 г. комендант нацистской комендатуры г. Евпатории.

всей видимости может они что-то и планировали, но стремительное наступление Красной Армии сорвало их планы. Евпатория сразу превратилась в прифронтовой город, и немцы стали активно вывозили через порты Евпатории и Ак-Мечети награбленное в Крыму имущество и некоторых представителей оккупационной администрации [8, л. 4]. Поэтому им просто вряд ли было до ареста антифашистов, они беспокоились о собственной безопасности.

Таким образом, из вышесказанного следует, что к весне 1944 г. в г. Евпатории было создано довольно представительное подпольное Сопротивление. Всего действовало, восемь подпольных групп, включая перечисленные нами трое. Самые крупные антифашистские ячейки были сконцентрированы на мотороремонтном заводе (руководитель А. С. Чепурной) и электростанции (руководитель Н. П. Штригель) [3, л. 30-31; 18, с. 116]. В подпольную работу было вовлечено до 50 человек, причем участники находились не только в г. Евпатории, но в Евпаторийском районе и в Саках, Ак-Мечети – т. е. всем Западном Крыму.

А теперь рассмотрим вопрос деятельности подпольных организаций Западного Крыма (Евпатория, Саки, Ак-Мечеть), связанные с Евпаторийской подпольной организацией, однако функционировали они самостоятельно и предпочитали вести борьбу против немецко-румынских захватчиков партизанскими способами.

В октябре 1942 г. создается такой первый вооруженный отряд имени И. В. Сталина, командиром которого стал В. Д. Шумильный [16]. Он состоял из пяти групп. Впоследствии каждая из групп стали самостоятельным отрядом. В самой Евпатории действовала одна из таких групп, получившая название «Взрыв». Ее командиром стал К. И. Петренко. Первоначально ее численный состав был довольно малочисленным. Однако к осени 1943 г. с помощью П. И. Хлебникова (комиссар) этот отряд значительно увечил свои ряды [13, л. 8; 14, л. 114 об.; 15, л. 2-3; 34, с. 3]. Место базирования группы «Взрыв» стал дом на ул. Надеждинской, 46 [13, л. 9].

Среди основных векторов деятельности подпольной группы «Взрыв» можно выделить несколько аспектов:

– во-первых, они вели активную пропагандистскую работу – регулярно принимали сводки Совинформбюро и распространяли их среди населения (переписывали в количестве 15-20 экземпляров), изготовляли листовки, которые передавали жителям Евпаторийского и Ак-Мечетского районов [13, л. 9];

– во-вторых, организовали сбор оружия и боеприпасов, занимаясь подготовкой к проведению вооруженного восстания [13, л. 9];

– в-третьих, также вели диверсионно-подрывную работу. В частности, подпольщики подбрасывали песок, соль, гайки и другие предметы в цилиндры, коробки скоростей, задние мосты,

бензобаки, чем выводили из строя вражеские автомашины [13, л. 10; 24, л. 2-5].

В феврале 1944 г., последовав примеру партизанского отряда имени И. В. Сталина и его ответвлению – группы «Взрыв», патриоты Е. А. Рыбалкин, П. И. Бостажкиев, И. Г. Сергиенко создают свой отряд имени Степана Разина. 19 марта 1944 г. они прибыли в г. Евпаторию с помощью уже знакомого нам члена ВЛКСМ А. И. Папкина установили непосредственный контакт с самой подпольной группой «Взрыв» и отрядом имени И. В. Сталина. После 25 марта 1944 г. все перечисленные подпольные группы объединились в одну – «Добровольную организацию «Истребляй фашистов» («ДОИФ»). 3 апреля 1944 г. они вышли на связь с координатором деятельности евпаторийского подполья Ф. А. Павловым [13, л. 10].

8 апреля 1944 г. началась Крымская стратегическая наступательная операция. Войска 4-го Украинского фронта прорвали линию вражеских укреплений на Перекопском перешейке. В таких условиях подпольный комитет создает вооруженные боевые отряды под названием «Истребляй фашистов» и «Все на Гитлера» из числа бывших советских военнопленных и мирного населения мужского пола. Руководство отрядами возглавили подпольщики А. С. Чепурной и Супручев на моторемонтном заводе, Н. Штрегель и А. Рудюк на электростанции [19, с. 273; 20, с. 354], И. Парфенов среди военнопленных немецкого гаража, Е. Русина на цементном производстве и ракушечной фабрике, Т. З. Калинина среди евпаторийских врачей, Харитоненко на хлопкопункте заготзерно, И. Барышевский руководил отрядом военнопленных на железной дороге, Пащенко, как радист, возглавил вооруженную группу среди жителей города и военнопленных. Подпольный комитет, как свидетельствует Ф. А. Павлов, следовал «революционным традициям героев гражданской войны» [23, л. 8], что включало в себя приобщение как можно наибольшего количества горожан к антифашистскому сопротивлению, в намерении очистить город от немецко-румынских оккупационных войск.

В соответствии с этим был разработан конкретный план действий на тайном совещании 11 апреля 1944 г. для каждой вооруженной группы. Когда гитлеровцы начали подготовку к отступлению из Евпатории, они составили около 500 человек факельщиков-подрывников, которые должны были уничтожить город. Подпольные группы и вооруженные отряды выступили в ночь на 12 апреля 1944 г. – началась борьба за освобождение г. Евпатории от захватчиков [13, л. 5]. Патриоты начали уничтожать факельщиков и спасать народные ценности от гитлеровского разгрома и грабежа. Кроме того, подпольный комитет принял постановление распространить по городу слух о том, что, якобы готовится с моря высадиться крупный десант Красной Армии. С помощью этой дезинформации подпольщики намеревались выманить основные силы гитлеровцев из города. 12 апреля 1944 г. подполь-

щики М. Д. Глушко, Гайдукова, Клименко, И. Барышевский, А. Рудюк укрепили красные флаги на здании городского драматического театра, на водонапорной башне, на корпусе ремонтного завода и на школе № 5 [17, с. 101]. Кроме того, подпольщики с помощью горожан с вечера начали срывать вражеские плакаты и лозунги заменяя их портретами руководителей советского правительства и ЦК ВКП (б) [1, л. 8-11].

В рамках стратегии «выжженной земли», гитлеровцы отправили утром 13 апреля 1944 г. на Театральную площадь группу подрывников на автомашинах, чтобы те взорвали здание театра. Эта попытка нацистов провалилась: театр уже охранялся вооруженными подпольщиками-дружинниками, которые убивали всех нацистов, пытавшихся прорваться к зданию театра. Безуспешно также завершились попытки немцев взорвать здание радиоузла, почты и кинотеатра [17, с. 101]. На площади перед театром была окружена и уничтожена большая группа факельщиков. Группа патриотов моторемонтного завода во главе с А. С. Чепурной разминировала большинство цехов завода и спасла все оборудование от уничтожения врагом [23, л. 8].

Рабочие электростанции под руководством А. Рудюка и Н. Штригеля разминировала и спасала от разрушения электростанцию санатория РККА, совместно с рабочими трамвайного парка не дала вражеским факельщикам уничтожить свои ценности. Эта же группа объединилась с группой Парфенова и Харитоненко, отбив у факельщиков склады заготзерна, хлопкопункта, ликвидировала значительную группу гитлеровцев, захватила машины и 2 танков. По дороге группы Парфенова и Харитоненко перехватили 28 тракторов, 3 мотоциклов и шесть автомашин, которые немцы угнали в момент отхода [12, л. 146]. В результате успешных действий боевых групп патриотов было спасено в общей сложности около 20 тысяч центнеров зерна и много семенного материала, крайне необходимого крымчанам для посевной кампании 1944 г. Под руководством подпольщика И. М. Морозова были спасены от уничтожения врагом постройки, около 200 тонн горючего и оборудования МТС. Более ста тонн горючего 13 апреля 1944 г. по распоряжению подпольного комитета г. Евпатории было выдано Красной Армии. В жандармском управлении подпольщица Л. Трандафилии выкрала списки тайных агентов немецкой и румынской разведки, тем самым оказав значительную помощь советским разведывательным органам, которые благодаря этим спискам выявили и обезвредили вражеских агентов. Подпольщицы Калинина и В. Диева организовали группу врачей и других медицинских работников, которые успели за несколько дней до прихода Красной Армии организовать полевой госпиталь. 13 апреля 1944 г. – в день, когда Евпатория была освобождена этот госпиталь был передан в распоряжение Красной Армии. Боевая группа подпольщиков во главе с Пащенко раз-

минировала и предотвратила уничтожение здание курсов усовершенствования командного состава Красной Армии, городской театр и Центральную библиотеку.

13 апреля 1944 г. в 8. 00 утра подразделения 3 гвардейской стрелковой дивизии в результате стремительного удара ворвались на окраину г. Евпатории и там завязали уличный бой с врагом. Удар гвардейцев был таким стремительным, что гитлеровцы в панике бежали на юго-восток, оставляя оружие, боеприпасы, раненных и военное имущество. Окончательно г. Евпатория был освобожден от врага к 9. 00 утра отрядом 8 гвардейской стрелковой дивизии [25, л. 102]. В городе их уже встречали члены подпольного комитета, которые доложили об успехах деятельности евпаторийского подполья и освобождения города от гитлеровских захватчиков.

Результаты. Таким образом, рассмотрев деятельность Евпаторийской подпольной организации в период Великой Отечественной войны, можно отметить следующее:

– во-первых, в 1942 г. с кораблей тактического десанта была высажена группа партийных работников во главе с Ф. А. Павловым, имеющих отношение к г. Евпатории накануне Великой Отечественной войны. Именно он создал с помощью патриотически настроенных граждан первую подпольную организацию, а его последователи Е. П. Русинова и А. С. Чепурной – две остальные. Также есть информация, что действовало еще пять подпольных групп, информации о которых пока недостаточно. Все перечисленные подпольные группы и составляли ядро Евпаторийской подпольной организации;

– во-вторых, изначально три основные подпольные организации (Ф. А. Павлова, Е. П. Русиновой и А. С. Чепурного) в целом занимались агитационно-пропагандистской деятельностью (пассивная форма борьбы). Однако, вскоре подпольная

группа А. С. Чепурного перешла активным действиям: занималась диверсионно-подрывной работой и начала формирование военизированной дружины, которая занималась сбором оружия и боеприпасов, чтобы в подходящий момент ударить в тыл немецко-румынским оккупационным войскам;

– в-третьих, несмотря на то, что в целом Ф. А. Павлов проявил себя как талантливый волевой лидер, он допустил целый ряд ошибок, которые могли стать фатальными для Евпаторийской подпольной организации: разрешил вступить в ряды подполья людям, которые сотрудничали с нацистскими спецслужбами и полицией. Спасло подпольщиков, по всей вероятности, немецкое пренебрежительное отношение к их деятельности и то, что гитлеровцы недооценили евпаторийских патриотов. Это имело для них в будущем катастрофические результаты;

– в-четвертых, т. н. партизанский отряд имени И. В. Сталина, возглавляемый в Евпаторийском и Ак-Мечетском районе В. С. Шумильным, создал в самой Евпатории подпольно-диверсионную группу «Взрыв», которую возглавил К. И. Петренко и П. И. Хлебников. Патриоты также, как группа А. С. Чепурного проводила диверсии, саботаж немецкого имущества. Они смогли накопить достаточное количество оружия и боеприпасов, чтобы присоединиться к Ф. А. Павлову и его соратникам и принять участие в операции по освобождению города;

– в-пятых, участники Евпаторийской подпольной организации установили связь с командованием 4-го Украинского фронта (непосредственно 51-й армией), спланировали и провели успешное антифашистское восстание 11-13 апреля 1944 г. Немецкий гарнизон был разбит и разоружен, город спасен от уничтожения, патриоты захватили много оружия, боеприпасов и прочих трофеев, которые гитлеровцы пытались увезти из Евпатории.

Литература

1. Архив города Евпатории (далее - АГЕ). Ф. 194. Оп. 6. Д. 1.
2. АГЕ. Ф. 194. Оп. 9. Д. 4.
3. АГЕ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 18.
4. АГЕ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 11.
5. АГЕ. Ф. 194. Оп. 3. Д. 7.
6. АГЕ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 10.
7. Архив города Севастополя (далее - АГС). Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 92.
8. АГС. Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 2.
9. Бабичев Г. С. Поколение отважных. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне. Симферополь: Крымиздат, 1958. 200 с.
10. Бабичев Г. С. Эстафета поколений: очерк о боевых и трудовых подвигах комсомольцев и молодежи Крыма (1917–1971 гг.). Симферополь: Таврия, 1973. 272 с.
11. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. 335 с.
12. Государственный архив Республики Крым (далее - ГАРК). ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 246.
13. ГАРК. Ф. П-849. Оп. 1. Д. 158.
14. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 58.
15. ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 225.
16. Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен». Материалы выставочной экспозиции «Подпольщики, погибшие в 1941–1944 гг. (Ак-Мечетский) Черноморский район».
17. Ермак Б. А. Евпатория. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1958. 136 с.

18. Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1986. 271 с.
19. История городов и сел Украинской ССР. В двадцати шести томах. Крымская область / отв. ред. Л. Д. Солодовник, Н. В. Багров. Киев: АН УССР, 1974. 624 с.
20. Історія міст і сіл Української РСР. В двадцяти шести томах. Кримська область / Від. ред. Л. Д. Солодовник, М. В. Багров. Київ: АН УРСР, 1974. 833 с. [История городов и сел Украинской ССР. В двадцати шести томах. Крымская область / Отв. ред. Л. Д. Солодовник, М. В. Багров. Киев: АН УССР, 1974. 833 с.].
21. Муниципальное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Евпаторийский краеведческий музей» (далее - МБУК ЕКМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2.
22. МБУК ЕКМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5.
23. МБУК ЕКМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.
24. МБУК ЕКМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4.
25. Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.
26. Павлов Ф. А., Рудник В. А. Євпаторійський десант: документальна повість. Симферополь: Крим, 1968. 160 с. [Павлов Ф. А., Рудник В. А. Евпаторийский десант: документальная повесть. Симферополь: Крым, 1968. 160 с.].
27. Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Н.И. Макаров. М.: Политиздат, 1983. 352 с.
28. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: АРИАЛ, 2013. 488 с.
29. Поляков В. Е. Партизаннаме. Крымские татары в партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.: Маска, 2020. 316 с.
30. Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1944 гг.: постановка проблемы // Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя. Сборник работ научно-практической конференции / отв. ред. С.Н. Ткаченко, Ю.А. Утробин. Феодосия: НИЛ, 2012. С. 126–143.
31. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «По линии 4-го от отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.; СПб: Нестор-История, 2018. 408 с.
32. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «Создать невыносимые условия для оккупантов»: движение сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны. М.: Родина, 2021. 512 с.
33. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. Органы государственной безопасности в партизанско-подпольном движении Крыма в 1941–1944 годах: учебно-методическое пособие. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2019. 132 с.
34. Тарло И., Болтин Н. Музей в доме. История группы «Взрыв» // Советский Крым. 1984. 26 июня. № 122 (12067). С. 3.
35. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее - ЦАМО РФ). Ф. 303. Оп. 4005. Д. 473.
36. Чирва И. С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.
37. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.
38. Шамко К. М. Парти́йне підпілля в Криму в роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 5. С. 16–27. [Шамко К. М. Партийное подполье в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1960. № 5. С. 16–27].
39. Шамко Е. Н. Стояли насмерть // Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Быстров, З. Н. Политов. Москва: Политиздат, 1960. С. 550–589.
40. Шамко Е. Н. Крым в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Очерки по истории Крыма. Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства / под ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. Ч. 4. С. 5–84.
41. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе сов. патриотов в тылу нем.-фашист. захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Москва: Политиздат, 1970. Вып. 2. 2-е испр. и доп. изд. С. 56–99.

References

1. Archive of the city of Yevpatoria (AGE). F. 194. Inv. 6. D. 1. (In Russ.)
2. AGE. F. 194. Inv. 9. D. 4. (In Russ.)
3. AGE. F. 194. Inv. 2. D. 18. (In Russ.)
4. AGE. F. 194. Inv. 2. D. 11. (In Russ.)
5. AGE. F. 194. Inv. 3. D. 7. (In Russ.)
6. AGE. F. 194. Inv. 2. D. 10. (In Russ.)
7. Archive of the city of Sevastopol (ACS). F. R-434. Inv. 23. D. 92. (In Russ.)
8. AGS. F. R-434. Inv. 23. D. 2. (In Russ.)
9. Babichev G.S. Generation of the brave. Crimean Komsomol members were active assistants to the party in the Great Patriotic War. Simferopol: Krymizdat; 1958. 200 p. (In Russ.)
10. Babichev G.S. Relay race of generations: an essay on the military and labor exploits of the Komsomol members and youth of Crimea (1917–1971). Simferopol: Tavria; 1973. 272 p. (In Russ.)
11. Basov A.V. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow: Nauka; 1987. 335 p. (In Russ.)
12. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). GARC. F. P-156. Inv. 1. D. 246.
13. GARK. F. P-849. Inv. 1. D. 158. (In Russ.)

14. GARK. F. P-156. Inv. 1. D. 58. (In Russ.)
15. GARK. F. P-849. Inv. 3. D. 225. (In Russ.)
16. State Budgetary Institution of the Republic of Crimea "Historical and Archaeological Museum-Reserve 'Kalos Limen'" (GBU RK IAMZ "Kalos Limen"). Materials of the exhibition exposition "Underground workers who died in 1941–1944 (Ak-Mechetsky) Chernomorsky region". (In Russ.)
17. Ermak BA. Yevpatoria. Historical and local history essay. Simferopol: Tavria; 1979. 160 p. (In Russ.)
18. Zemskov VN. The leading force of the national struggle: the struggle of Soviet working class in the territory of the USSR temporarily occupied by the Nazis (1941–1944). Moscow: Mysl; 1986. 271 p. (In Russ.)
19. History of cities and villages of the Ukrainian SSR. In twenty-six volumes. Crimean region. Ed. by LD Solodovnik, NV Bagrov. Kyiv: SA Ukrainian SSR publ.; 1974. 624 p. (In Russ.)
20. History of the locality and forces of the Ukrainian RSR. In twenty-six volumes. Krymska regi). Kiev: SA URSR publ.; 1974. 833 p. (In Ukr.)
21. Municipal budgetary institution of culture of the Republic of Crimea "Evpatoria Museum of Local Lore" (MBUK RK EKM). F. 6. Inv. 1. D. 2.
22. MBUK RK EKM. F. 6. Inv. 1. D. 5.
23. MBUK RK EKM. F. 6. Inv. 1. D. 1.
24. MBUK RK EKM. F. 6. Inv. 1. D. 4.
25. Essays on the history of the Crimean regional party organization. Simferopol: Tavria; 1981. 376 p. (In Russ.)
26. Pavlov FA, Rudnik VA. Yevpatoria landing: a documentary story. Simferopol: Crimea; 1968. 160 p. (In Ukr.)
27. Party underground. Activities of underground party bodies and organizations in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War. Moscow: Politizdat, 1983. 352 p. (In Russ.)
28. Poljakov VE. Partisan movement in the Crimea 1941–1944. Simferopol: ARIAL; 2013. 488 p. (In Russ.)
29. Poljakov VE. Partizanname. Crimean Tatars in the Partisan Movement of Crimea (1941–1944). Scientific monograph. Moscow: Mask; 2020. 316 p. (In Russ.)
30. Taganov Ju. Underground patriotic groups of the Seitler (Nizhnegorsk) region in 1942–1944: problem statement. Crimean front: problems of history and memory. 70 years later. Collection of works of the scientific-practical conference. Feodosia: NIL; 2012. p. 126-143. (In Russ.)
31. Tkachenko SN, Terehov SA, Butovskij AJu. "On the line of the 4th from the department ...". Chekists in the underground partisan movement of Crimea (1941–1944). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2018. 408 p. (In Russ.)
32. Tkachenko SN, Terehov SA, Butovskij AJu. State security agencies in the partisan-underground movement of Crimea in 1941–1944: a teaching aid. Simferopol: IP Brovko AA; 2019. 132 p. (In Russ.)
33. Tkachenko SN, Terehov SA, Butovskij AJu. "Create unbearable conditions for the invaders": the resistance movement in the Crimea during the Great Patriotic War. Moscow: Rodina; 2021. 512 p. (In Russ.)
34. Tarlo I, Boltin N. Museum in the house. The history of the group "Explosion". *Sovetskij Krym*. 1984; 122 (12067): 3. (In Russian).
35. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 303. Inv. 4005. D. 473.
36. Chirva IS. Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Collection. Simferopol: Krymizdat, 1963. p. 204-261. (In Russ.)
37. Shamko E. Partisan movement in the Crimea in 1941–1944. Simferopol: Krymizdat; 1959. 160 p. (In Russ.)
38. Shamko KM. The Party Pied in Crimea in the Rocks of the Great War. *Ukraïns'kij istorichnij zhurnal*. 1960; (5): 16-27. (In Ukr.)
39. Shamko EN. They stood to death in Soviet partisans: from the history of the partisan movement during the Great Patriotic War / ed. ed. VE Bystrov, ZN Politov. Moscow: Politizdat; 1960. p. 550-589. (In Russ.)
40. Shamko EN. Crimea during the Great Patriotic War (1941–1945) in Essays on the history of Crimea. Crimea during the Great Patriotic War, during the years of restoration and further development of the national economy. Simferopol: Crimea; 1967. Part 4. p. 5-84. (In Russ.)
41. Shamko EN. Flame over the Crimea in Heroes of the Underground. About the underground struggle of Soviet patriots in the rear of the German-fascist invaders during the Great Patriotic War. Moscow: Politizdat; 1970. Part 1. p. 56-99. (In Russ.)

Научная статья

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.6>**БОГИ В ДОДОНЕ****Саркис Суменович Казаров**

Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Аннотация. Введение. История Додонского оракула всегда привлекала к себе внимание зарубежных исследователей. И это понятно: труднодоступность святилища для паломников, его древность и загадочность, а также причудливый ландшафт местности привлекали к нему внимание как древних авторов, так и современных исследователей. И сама страна Эпир, где располагалось святилище, являлось самой отдаленной точкой, где греческий мир соприкасался с миром варваров. **Материалы и методы.** Исследование опирается как на нарративные источники, которые представлены античными авторами, так и на памятники материальной культуры, которые составляют терракоты и вотивные таблички. Их сравнение и комплексное исследование позволяет нам достичь необходимых выводов. **Анализ.** Главным божеством Додонского святилища, одного из древнейших в Древней Греции и существовавшего при нем оракула, был верховный бог греков Зевс, что подтверждается различными источниками. Однако уже во времена Гомера парой Зевсу стала богиня Диона, которую можно признать вторым по значимости божеством не только в Додоне, но и на территории всего Эпира. Свидетельством этому являются наличие храма, находящегося на священной территории, а также многочисленные вотивные таблички, с упоминанием имени богини. Подтверждение наличия культов иных богов на территории Додоны весьма проблематично ввиду крайней скудости источников. На территории священной территории, теме-

носа, были обнаружены фигурки и иные изображения Геракла, Афродиты, Аполлона и Фемиды. Наиболее вероятным является наличие культа Афродиты, которая, согласно мифологии, являлась не только дочерью Дионы, но и делила с ней один храм. Присутствие культа Аполлона могло объясняться связью божества с пророческой деятельностью в целом, а появление культа Геракла в святилище могло быть связано с созданием героической генеалогии молосской правящей династии. **Результаты.** Появление новых культов в Додоне было связано с повышением авторитета святилища, которое со временем прибрело сначала региональное, а затем и межрегиональное значение. Другой причиной появления новых культов в святилище могло стать увеличение количества паломников в этом труднодоступном для посещения регионе.

Ключевые слова: Додона, пантеон, теменос, культ, Диона, святилище, Геракл

Для цитирования: Казаров С. С. Боги в Додоне // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 250–255. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

GODS IN DODONA**Sarkis S. Kazarov**

Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).
Dr. Sc. (History), Professor
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Abstract. Introduction. The history of the Dodona Oracle has always attracted the attention of foreign researchers. It is reasoned with the inaccessibility of the sanctuary for pilgrims, its antiquity and mystery, as well as the bizarre landscape of the area attracted the attention of both ancient authors and modern researchers to it. The country of Epirus itself, where the sanctuary was located, was the most remote point where the Greek world came into contact with the world of barbarians. **Materials and Methods.** The study is based both on narrative sources, which are presented by ancient authors, and on monuments of material culture, which are terracotta and votive tablets. Their comparison and comprehensive study allows us to reach the necessary conclusions. **Analysis.** The main deity of the Dodona sanctuary, one of the oldest in Ancient Greece and the oracle that existed with it, was the supreme god of the Greeks Zeus, which is confirmed by various sources. However, already in the time of Homer, the goddess Dione became Zeus's mate, who can be recognized as the second most important deity not only in Dodona, but also throughout Epirus. Evidence of this is the presence of a temple located on the sacred territory, as well as numerous votive tablets mentioning the name of the goddess. Confirming the presence of cults of other gods on the territory of Dodona is very problematic due to the extreme scarcity of sources. On the territory of the sacred territory, temenos, figurines and other images of Hercules,

Aphrodite, Apollo and Themis were discovered. The most likely is the presence of the cult of Aphrodite, who, according to mythology, was not only the daughter of Dione, but also shared the same temple with her. The presence of the cult of Apollo could be explained by the connection of the deity with prophetic activity in general, and the appearance of the cult of Hercules in the sanctuary could be associated with the creation of the heroic genealogy of the Molossian ruling dynasty. **Results.** The emergence of new cults in Dodona was associated with an increase in the authority of the sanctuary, which over time acquired first regional and then interregional significance. Another reason for the emergence of new cults in the sanctuary could be the increase in the number of pilgrims in this difficult-to-visit region.

Keywords: Dodona, pantheon, temenos, cult, Dione, sanctuary, Hercules

For citation: Kazarov SS. Gods in Dodona. *Humanities and law research*. 2024;11(2):250-255. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.01.2024.

The article was approved after reviewing: 21.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

Введение. Главным из богов, представляющих греческий пантеон в додонском святилище, был верховный владыка Зевс. Этот факт не подлежит сомнению. Додонскому Зевсу посвящено значительное число публикаций как зарубежных, так и отечественных ученых, поэтому основной целью данной статьи будет обращение к тем богам, которые обычно рассматриваются современными авторами, как «боги второго порядка».

Материалы и методы. В основе источниковой базы исследования лежит как нарративные источники – труды античных авторов, так и памятники материальной культуры – различные находки, обнаруженные на территории теменоса. При их использовании автор руководствовался принципом доверия к историческому источнику. Обилие различных находок на территории Додоны потребовало использование принципа компаративистики, который потребовался для сопоставления различных видов используемых источников.

Анализ. Второй по значимости в Додоне, без сомнения, выступает богиня Диона, присутствие которой здесь зафиксировано уже в поэмах Гомера (Ном. II.5. 370-372). В некоторых работах появление Дионы в святилище связывается с древним хтоническим культом, однако данное мнение ныне разделяется далеко не всеми современными исследователями [11, р.96-97; 9, р.113-119; 21, р.181], ибо базируется на устаревшем взгляде на древнее общество, который основан на матриархальной модели, элементом которой было поклонение культу Матери Земли [22, р.280; 12, р.2]. Согласно одной из точек зрения, появление культа Дионы в Додоне совпадает с появлением здесь голубей, а одна из обнаруженных на территории святилища табличек упоминает «жрицу богини-голубя» [16, р.155; 1, р.838]. Если принять во внимание пассаж Геродота об основании оракула, то взаимосвязь Диона – голуби – жрицы пелеиды, – кажется вполне вероятной (Herod. II. 54-57). Но вместе с тем, мы не можем игнорировать того факта, что голубя связывали, прежде всего, с Афродитой, что нашло свое отражение в культе Афродиты Пандемос в Афинах, Афродисиями в Карии, Коринфе и Сикионе [20, р.415-417]. В значительном количестве пророческих запросов обращение к Дионе уступает лишь числу обращений к Зевсу. Все это привело испанского исследователя Д. Чапиналя к предположению о том, что на территории святилища должен был находиться храм Дионы, которым могло быть здание Z [3, р.108], согласно общепринятому современными исследователями плану святилища. Ещё один важный факт, свидетельствующий о значимости Дионы в святилище – совместное изображение Зевса и Дионы на монетах, отчеканенных во времени Эпиротского союза (Койнон) [17, р.141-146]. На территории теменоса было обнаружено некоторое число статуэток женщин-

богинь с сидевшими на их коленях голубями, а также терракотовых женских голов, которых можно связать не сколько с культом Афродиты, но и с культом Дионы.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что в Додоне не поклонялись Афродите. Когда царь Пирр вел войну в Италии, он имел контакты с городом Сегестой, откуда он мог перенять культ Афродиты Энеады [4, р.54]. Поэма Вергилия «Энеида», в которой Эней консультируется с оракулом в Додоне (Virgil. Aen 3. 462-469), могла отражать эту историческую реальность, как и подобное упоминание Дионисия Галикарнасского столетием ранее (Dion Hal. I. 51. 1). Все эти факты, несмотря на их незначительность, могли вызвать предположение о существовании на территории святилища культа Афродиты, который соседствовал с культом Дионы, где последняя могла «делиться» с первой различными подношениями. Не исключен также и тот вариант, что обе богини могли обитать в одном храме, обозначенном на различных планах святилища как строения Z. Воссозданию исторического контекста, связанного с упомянутыми событиями, может помочь речь Гиперида «За Евксениппа», в которой оратор вскользь упоминает о контроле царицы Олимпиады и ее дочери Клеопатры над Додоной (Hyr. Euxen.4.26). Существует предположение, что храм Z. был сооружен приблизительно около 330 г. до н.э. [3, р.108]. Нельзя не упомянуть и о том, что П. Кибанес в свое время подметил активную роль Олимпиады в продвижении культа Дионы [2, р.389 – 391]. Все это позволяет нам предположить, что храм Z, был возведен при непосредственном участии Олимпиады, что имело своей целью установлению тотального контроля молосской царицы над общегреческим святилищем. Учитывая набожность Олимпиады и ее склонность к различным таинствам и мистериям, мы не находим в этом ничего удивительного.

Что же касается следов культа Афродиты в Додоне, то они крайне малочисленны. К ним мы можем отнести небольшой бронзовый круг (возможно, колесо), статуэтку женщины, держащей яблоко, и две вотивные таблички с упоминанием Афродиты, хотя адресованы они были не ей (DVC 987a; 3479a). Другие артефакты, как фигурки женщин с голубями, булавка и статуэтка ребенка с изображением голубя, все-таки были посвящены Дионе [3, р.109].

Вполне вероятно, что в Додоне существовал и культ Геракла. Более того, существует предположение, что на территории святилища даже существовал храм героя. Впервые связь Геракла с Эпиром прослеживается в «Илиаде», где сообщается о похищении им Астиохейи из Эфиры (Ном. II. 2.657-660). У Диодора мы находим иную более расширенную версию мифа, который связывает упомянутые события с феспротским поселением (Diod. IV.36.1). Культ

Геракла зафиксирован и в других городах Эпира, в частности, в Амбракии [24, p.527]. Кроме того, Софокл упоминает о консультации героя в Додоне (Soph. Trach.1164-1172). На территории святилища обнаружено несколько артефактов, связанных с Гераклом. Среди них можно назвать две фигурки героя, рельеф с изображением сражений Геракла против Аполлона и против Лернейской гидры, маленькая бронзовая булавка и фрагмент зеркала с его фигурой. Наличие этих артефактов, однако, не является надежным доказательством для подтверждения наличия храма Геракла или его культа в Додоне. Однако на наличие следов Геракла в Додоне может косвенно указывать на попытку легитимацию Молосского царствующего дома: Ланасса, жена мифического Неоптолема, как и Олимпиада и ее дочь Клеопатра, соответственно супруги Филиппа II и Александра Молосского восходили к Гераклу.

Главным аргументом в поддержку существования культа Аполлона в Додоне является то, что он упоминается в консультациях оракула наряду с Зевсом, Дионой, Аполлоном и Фемидой. Его имя также засвидетельствовано в недавно опубликованных консультациях (См.: DVC 224A, 565A, 2726A и 2964B; возможно, также 1045A, 1299B, 2203B и 3671). Среди них только ходатайство (224A,) касающееся некоего судебного разбирательства, содержит единственное упоминание этого божества. В нашем распоряжении имеются два датированных IV в. до н.э. запроса с обращением к Аполлону. Также стоит указать на то, что фигурки, датированные VI в. до н.э. и упомянутые ранее, а также рельеф V в. до н.э., изображающий битву с Гераклом за треножник, также указывают на присутствие «среброликого» бога в Додоне. Позиции культа Аполлона кажутся сильнее, чем у других богов, которым предположительно поклонялись в Додоне, в частности, благодаря многочисленным пророческим консультациям, в которых он упоминался. Проблема заключается в том, что мы не можем найти аналогий у других оракулов, поскольку практика написания вопросов была явлением почти уникальными. Нам неизвестно, являлись ли паломники в какие-либо другие святилища за обращением к каким-либо другим богам, игнорируя божество-покровителя. Культ Аполлон играл очень важную роль в Амбракии и в большинстве коринфских колоний в Эпире [24, p.527]. Мы также знаем, что «Агий» был одним из его эпитетов в Амбракии и что он зафиксирован в молосском поселении Хоррейон, которое находилось на пути в Додону. Возможное объяснение может заключаться в том, что вопросы задавались людьми из тех поселений, которые поддерживали особую связь с Аполлоном. Что касается датировок, то скульптуры относятся к VI в., доспехи - к V в., а две консультации датируются IV в. до н.э. Вопрос о поклонении Аполлона в Додоне остается открытым, хотя главным аргументом «за» было наличие его

имени на мемориальных табличках, но здесь может иметь место и другое объяснение: влияние коринфских колоний на берегу Эпира, которые вступали в более тесные контакты с Додоной в связи с расширением Молосского царства в IV в. до н.э. Из-за скудости упоминаний об Аполлоне, а также имея в виду, что храмовые постройки на территории теменоса возникают с начала III в. до н.э., маловероятно, чтобы здесь находился посвященный ему отдельный храм.

Другим божеством, следы которого зафиксированы в Додоне, является богиня Фемиды. К ней также обращались паломники в Додоне. Семь надписей, датированных IV – III вв. до н.э. упоминают ее имя [3, p.110]. Это не удивительно, ибо ее роль в качестве пророческого божества хорошо известна. Мифы о том, что она вместе с Аполлоном основала Дельфы (Ephor. FGH 70 F.31b), а также согласно другой версии, она после Геи и до Фебы и Аполлона была второй хранительницей святилища. Древнейший культ Фемиды в Греции датируется V в. до н.э., преимущественно в аттическом центре Рамны [23, p.159-161]. Некоторые ученые указывали на ее связь с Геей, возможно, в связи с плодородием и необходимостью установления порядка в мире. В этом смысле Фемиду принято рассматривать, как божество справедливости и цивилизации [23, p.160-161]. Этот аспект может объяснить, почему по крайней мере две консультации из Додоны, где появляется Фемиды, занимают именно правосудием. Примечательно количество табличек с ее именем. Однако их относительно мало по сравнению с теми, которые были адресованы Зевсу и Дионе. В греческой мифологии, как известно, Фемиды имела особенно сильную связь с Зевсом, и как мы видим, в поэмах Гомера она выступает его советчиком, а у Гесиода она воплощает закон и мораль. Учитывая ее повсеместную связь с Зевсом, можно предположить наличие культа Фемиды в Додоне, но, как указывает Т. Эммерлинг, нет достаточных доказательств, подтверждающих, что святилище имело храм для ее поклонения [7, p.206-207].

Существует только одно литературное описание, хотя и очень точное, и ясное, касающееся поклонения реке Ахелой в Додоне. Историк IV в. до н.э. Эфор сообщает о том, что оракул Зевса в Додоне часто рекомендовал консультирующимся приносить жертвы упомянутому речному божеству (FGH 70. F20 f-b). Ахелой был самой длинной рекой в Греции, берущей свое начало в Эпире и служившей естественной границей между Аккарнией и Этолией [15, p.318]. Хотя это было единственное божество в своем роде, ставшим панэллинским, для него никогда не было построено храма; возможно, потому что его жилищем была река. К. Карапанос идентифицировал с Ахелоем обнаруженную в Додоне с статуетку бога реки [4, p.32; 15, p.320]. Подобная интер-

претация, вероятно, связана с изображением ног, которые, как кажется, имитируют ручки, и бородастого лица божества. Рассказ Эфора сам по себе не является свидетельством наличия официального культа Ахелоя в Додоне. Тем не менее, строгое предписание оракула принести жертву Ахелюю вместо другого бога может подразумевать наличие алтаря для совершения этого ритуала. Возможно указать ещё на одно обстоятельство, связанное с Ахелоем: его трансграничное положение. Есть и другие подобные примеры, например, в Ойхалии, на Эвбее, где археологи обнаружили бронзовую статуэтку этого божества точно на границе святилища рядом с межевым камнем [15, р.320-324; 13, р.67]. Возможно, именно поэтому этот бог также пользовался авторитетом в Додоне. Жертвоприношение Ахелюю, одной из самых важных рек греческого мира, должно было напоминать паломникам о греческом происхождении местного населения и его территории. Возможно, неудивительно, что единственное литературное упоминание об Ахелое относится к IV в. до н.э., когда Молосское царство достигло значительных успехов в своем развитии. С его расширением и начался сложный процесс, который в зарубежной историографии называют «монументализацией» Додоны [3, р.112].

Еще более сложен вопрос о месте богини Афины в пантеоне додонских богов. Существует предположение, что Афина также имела свой культ в святилище Додоны, и причиной этого называют неуклонный рост афинского влияния среди молоссов начиная с V в. до н.э. Так, молоссы отчеканили серию монет в IV в. до н.э., на которых была изображена Афина Парфенос [24, р.72]. Ранее мы вели речь о двух фигурках богини V в. до н.э., а также упоминали две головы, изображающие деву-богиню, датируемые следующим веком. Если рассматривать это в перспективе, то период Афинского вмешательства в дела Додоны начался не ранее начала правления царя Тарипа. Он получил образование в аттическом полисе в начале Пелопоннесской войны. Не подлежит сомнению влияние афинян в Додоне, о чем говорит уже упомянутая выше речь Гиперида, которая отражала факт противостояния Афин с Олимпиадой. Афинский оратор, однако, говорит только о культе Дионы. В отсутствие дополнительных доказательств мы должны указать, что весьма маловероятно, чтобы в Додоне поклонялись Афине. Последний случай, о котором пойдет речь, также является весьма дискуссионным. Сохранилась цитируемая Н. Хэммондом надпись IV в. до н.э., которая упоминает об обращении паломника к Зевсу Найосу, Дионе и т.н. синнаоям. Н. Хэммонд отмечал, что использование термина «синнаой» («*sinnaoi*») подразумевает открытие святилища для других божеств [10, р.510-511]. По мнению Ф.Кинтена, текст мог относиться к божествам, которые сосуществовали в святилище вместе с Зевсом и Дионой [21, р.28-29].

Если следовать этим рассуждениям, то им мог быть любой из богов или богинь, которые, возможно, имели свой собственный культ, но не в храме, а в святилище, а именно Афродита, Фемиды или Аполлон. Как можно заключить, здание Z было не только посвящено культу Дионы, но даже делилось с ее дочерью Афродитой. Если это так, то упомянутый синнаой может относиться именно к этой богине. Однако, поскольку нет других упоминаний об этом божестве в консультациях оракулов, установить, принадлежит ли эпитет Афродите, Фемиде или Аполлону, невозможно.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые проблемы, связанные с культами Додоны. Важно учитывать, что размеры святилища были особенно малы и что, вероятно, на этом месте не было другого места для культовой деятельности. В то время, как другие религиозные объекты имели для этой цели две или более четко определенных территории, как в случае с пятью различными святилищами Дионы в Греции [19, р.31], в случае с Додоной стены ограничивали только один ограниченный размерами теменос. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники указывают на то, что других культовых мест в Додоне не было. Несмотря на то, что по своим размерам Додона стала главным святилищем эпитротов и приобрела панэллинский характер, суть дела заключалась в том, что Додона не могла рассчитывать на какое-либо расширение территории. Она оставалась небольшой, и все ее священные места были сконцентрированы в одном месте. Было бы ошибкой полагать, что находки на территории святилища статуэток, изображающих то или иное божество, подразумевало наличие здесь его культа. Археологи обнаружили замечательное разнообразие божественных фигурок в Додоне, но все-таки необходимо наличие большего числа данных, чтобы подтвердить наличие в святилище культа этих божеств. Стоит нам обнаружить несколько одинаковых произведений, посвященных одному и тому же богу с аналогичной хронологией, как у нас появится гораздо больше оснований для подтверждения подобных предположений. Представленные женские фигурки с голубями, датированные V–IV вв. до н.э., как раз могут являться таким свидетельством. Более того, следует иметь в виду, что многие бронзовые статуэтки изначально служили либо в качестве ручек для ваз, либо в качестве простых декоративных элементов. Однако зачастую они не обязательно указывают на конкретный культ. К счастью, эпиграфика и нарративные источники позволяют нам немного углубиться в данную тему. В частности, огромную ценность для нас представляют консультации оракулов. Мы располагаем более чем 4000 текстами подобного рода, хотя многие из них настолько испорчены, что имена богов-получателей невозможно определить. В тех случаях, когда эта информация еще сохраняется,

чаще всего паломники консультировались с Зевсом и Дионией. Существует множество доказательств наличия их культов, которые были настолько важны, чтобы в их честь были сооружены храмы, условно помечаемые на планах святилища, как сооружения E1 и Z соответственно. Проблема возникает тогда, когда мы пытаемся выяснить, каким божествам поклонялись на этой священной территории. Можно предположить, что Афродита, Фемиды и Аполлон были включены в молитвы паломников, посещающих Додону. Тем не менее, маловероятно, что для них были построены конкретные сооружения, разве что за исключением Афродиты, которая, возможно, имела свой культ в одном храме с Дионией. Более того, уникальность пророческих консультаций с Фемидой и Аполлоном могла быть мотивирована различными причинами.

К списку тех божеств, которым поклонялись в Додоне, мы можем также добавить речное божество Ахелоя, у которого, скорее всего, на территории теменоса существовал свой отдельный алтарь. В любом случае появление в святилище новых богов или богинь не было редкостью в Древней Греции. Наиболее типичным

примером в этом отношении являются Афины [8; 18]. Мы должны понимать это, как проявление глобальных исторических процессов, в которые была вовлечена и Додона. Обычно это было связано со значительными событиями или определенными промежутками времени. Более того, важно отметить, что существовавшие ранее культы могли развиваться. Мы можем это проследить, обратив внимание на вотивы, посвященные Дионе и/или Афродите, где оказывается, что женщины с голубями V-IV вв. до н.э. были заменены женскими головами. Этот сдвиг в типах предлагаемых объектов могли иметь местное, региональное или даже межрегиональное происхождение.

Результаты. Таким образом, на основании приведенного материала мы приходим к выводу, что пантеон богов, которым первоначально поклонялись в Додоне (Зевсу и Дионе), с течением времени и, видимо, по причине расширения посещающих святилище паломников, увеличился за счет появления здесь культов Афродиты, Аполлона, Геракла, Фемиды и Ахелоя.

Литература

1. Aravantinos V. Godart L. and Sacconi A. Sui nuovi testi del palazzo di Cadmo a Tebe // RAL, 1995. Vol. 6. No. 4. P. 809–845.
2. Cabanes P. États fédéraux et koina en Grèce du Nord et En Illyrie Méridionale // P. Cabanes (Ed.), L'Illyrie Méridionale et l'Épire Dans l'Antiquité III, Paris: De Boccard, 1999. P. 373–382.
3. Chapinal-Heras D. Experiencing Dodona. The development of the Epirote Sanctuary from Archaic to Hellenistic times. Berlin-Boston: De Gruyter, 2021. 264 p.
4. Carapanos C. Dodone et ses Ruines. Vol. I, Textes, Paris: Librairie Hachette et Cie. 1878. 242 p.
5. Dakaris S. I. Cassopaia and the Elean colonies, Ancient Greek Cities IV, Athens: Athens Center of Ekistics, 1971. 98 p.
6. Detienne M. Apolo con el Cuchillo en la Mano: Una Aproximación Experimental al Politeísmo Griego, Madrid: Akal., 2001. 285 p.
7. Emmerling T. E. Studien zu Datierung, Gestalt und Funktion der "Kultbauten" im Zeus-Heiligtum von Dodona, Hamburg: Dr. Kovac, 2012. 338 s.
8. Garland R. Introducing New Gods. The Politics of Athenian Religion, London: Duckworth. 1992. 234 p.
9. Georgoudi S. Gaia/Gê: Entre mythe, culte et ideologie // S. des Bouvrie (Ed.), Myth and Symbol I. Symbolic Phenomena in Ancient Greek Culture. Papers from the First International Symposium on Symbolism at the University of Tromsø, June 4–7, 1998, Bergen: Paul Åströms Förlag, 2002. P. 113–134.
10. Hammond N. G. L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas, Oxford: Clarendon Press, 1967. 847 p.
11. Iriarte Goñi A. Mujer y religión: La Méter en el umbral del III milenio // Studia Historica. Historia Antigua, 2000. Vol. 18. P.91–101.
12. Kindt J. Rethinking Greek Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 235 p.
13. Larson J. A land full of gods: Nature deities in Greek religion // D. Ogden (Ed.). A Companion to Greek Religion, Malden: Blackwell, 2007. P. 56–70.
14. Lawler L. B. The dance of the holy birds // CJ, 1942. Vol. 37. P. 351–361.
15. Lee M. M. Acheloös peplophoros: A lost statuette of a river god in feminine dress // Hesperia, 2006. Vol. 75, No. 3. P. 317–325.
16. Lévêque P. Bestias, Dioses y Hombres. El Imaginario de las Primeras Religiones, Huelva: Universidad de Huelva. 1997. 226 p.
17. Papaevangelou-Genakos, C. The monetary systems of Epirus // K. Liampi et al. (Eds.) Kerma III. Proceedings of the 1st International Conference Numismatic History and Economy in Epirus during Antiquity (University of Ioannina, October 3rd-7th 2007), Athens: Lydia Lithos, 2013. P.131–159.
18. Parker R. C. T. Polytheism and Society at Athens, Oxford: Oxford University Press. 2007. 544 p.
19. Pingiatoglou S. The cult of Demeter at Dion // D. Pandermalis (Ed.), Gods and Mortals at Olympus: Ancient Dion, City of Zeus, New York: Onassis Foundation, 2016. P. 31–40.
20. Pirenne-Delforge V. L'Aphrodite Grecque, Kernos. Supplément 4, Athènes – Liège, Centre International d'Étude de la Religion Grecque Antique. 1994. 527 p.
21. Quantin F. Les oikoi, Zeus Naios et les Naia // Kernos, 2008. Vol. 21. P. 9–48.
22. Rossi A. J. J. Bachofen y el retorno de las Madres // Acta Poética, 2009. Vol. 30. P. 273–296.

23. Stafford E. J. Themis: Religion and order in the Archaic polis // L.G. Mitchell and P.J. Rhodes (Eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*, London – New York: Routledge, 1997. P. 158–167.
24. Tzouvara-Souli Chr. The cult of Zeus in ancient Epirus // P. Cabanes and J.L. Lamboley (Eds.), *L'Illyrie Méridionale et l'Épire dans l'Antiquité IV*, Paris: De Boccard, 2004. P. 515–547.

References

1. Aravantinos V, Godart L, Sacconi A. On the new texts of Cadmus' palace at Thebes. *RAL*. 1995;6(4):809-845. (In Ital.).
2. Cabanes P. Federal States and Koina in Northern Greece and Southern Illyria. P. Cabanes (Ed.), *Southern Illyria and Epirus in Antiquity III*, Paris: De Boccard; 1999. P. 373-382. (In French).
3. Chapinal-Heras D. Experiencing Dodona. The development of the Epirote Sanctuary from Archaic to Hellenistic times. Berlin- Boston: De Gruyter; 2021. 264 p.
4. Carapanos C. Dodona and its Ruins. Vol. I, Texts, Vol. I, Textes, Paris: Librairie Hachette et Cie; 1878. 242 p. (In French).
5. Dakaris SI. Cassopaia and the Elean colonies, *Ancient Greek Cities IV*. Athens: Athens Center of Ekistics; 1971. 98 p.
6. Detienne M. Apollo with the Knife in His Hand: An Experimental Approach to Greek Polytheism. Madrid: Akal.; 2001. 285 p. (In Span.).
7. Emmerling TE. Studies on the dating, shape and function of the "cult buildings" in the Zeus sanctuary of Dodona. Hamburg: Dr. Kovac; 2012. 338 p. (In Germ.).
8. Garland R. *Introducing New Gods. The Politics of Athenian Religion*. London: Duckworth; 1992. 234 p.
9. Georgoudi S. Gaia/Genoa: Between myth, cult and ideology. S. des Bouvrie (Ed.), *Myth and Symbol I. Symbolic Phenomena in Ancient Greek Culture. Papers from the First International Symposium on Symbolism at the University of Tromsø, June 4-7, 1998*, Bergen: Paul Åströms Förlag; 2002. P. 113-134. (In French).
10. Hammond NGL. *Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas*, Oxford: Clarendon Press; 1967. 847 p.
11. Iriarte Gofñ A. Woman and religion: La Méter at the threshold of the third millennium in *Studia Historica. Historia Antigua*; 2000. Vol. 18. P. 91-101. (In Span.).
12. Kindt J. *Rethinking Greek Religion*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 235 p.
13. Larson J. A land full of gods: Nature deities in Greek religion. D. Ogden (Ed.). *A Companion to Greek Religion*, Malden: Blackwell; 2007. P. 56-70.
14. Lawler LB. The dance of the holy birds. *CJ*; 1942;37:351-361.
15. Lee MM. Acheloös peplophoros: A lost statuette of a river god in feminine dress. *Hesperia*. 2006;75(3):317-325.
16. Lévêque P. Beasts, Gods and Men. The Imaginary of the First Religions. Huelva: Universidad de Huelva; 1997. 226 p. (In Span.).
17. Papaevangelou-Genakos C. The monetary systems of Epirus in K. Liampi et al. (Eds.) *Kerma III. Proceedings of the 1st International Conference Numismatic History and Economy in Epirus during Antiquity (University of Ioannina, October 3rd-7th 2007)*. Athens: Lydia Lithos, 2013. P. 131-159.
18. Parker RCT. *Polytheism and Society at Athens*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 544 p.
19. Pingiatoglou S. The cult of Demeter at Dion. D. Pandermalis (Ed.), *Gods and Mortals at Olympus: Ancient Dion, City of Zeus*, New York: Onassis Foundation; 2016. P. 31-40.
20. Pirenne-Delforge V. The Greek Aphrodite, Kernos. Supplement 4, Athens – Liège, International Center for the Study of Ancient Greek Religion. 1994. 527 p. (In French).
21. Quantin F. The oikoi, Zeus Naios and the Naia. *Kernos*. 2008;21:9-48. (In French).
22. Rossi AJJ. Bachofen and the Return of the Mothers. *Acta Poética*. 2009;30:273-296. (In Span.).
23. Stafford EJ. Themis: Religion and order in the Archaic polis. L.G. Mitchell and P.J. Rhodes (Eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. London – New York: Routledge; 1997. P. 158-167.
24. Tzouvara-Souli Chr. The cult of Zeus in ancient Epirus. P. Cabanes and J.L. Lamboley (Eds.), *L'Illyrie Méridionale et l'Épire dans l'Antiquité IV*. Paris: De Boccard; 2004. P. 515-547.

Список сокращений / A List of Abbreviations

CJ – The Classical Journal

DVC - Dakaris, S., Vokotopoulou, J. and Christidis, A.Ph. Τα Χρηστηρια Ελασματα της Δωδωνης των Ανασκαφων Δ. Ευαγγελιδη, Athens, Athines Archeologikis Eterias. 2013.

RAL – Reichs Ausschuss fur Lieferbedingungen

Научная статья

УДК 378.961 (470.23-2): 93/94 «1941/45»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.7>

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ ВСПЫШКИ ХОЛЕРЫ В ВОЙСКАХ ЗАКАВКАЗСКОГО ФРОНТА В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ (1942–1943 ГГ.)

Андрей Владимирович Карташев¹, Игорь Владимирович Карташев^{2*}

^{1,2} Ставропольский государственный медицинский университет (д. 310, ул. Мира, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения, медицинской профилактики и информатики, доцент

andreyy_kartashev@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8522-4999>

² Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
kartashev_iv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Состояние санитарно-эпидемической обстановки на оккупированных и прифронтовых территориях в период Великой Отечественной войны нередко оказывало влияние на планы противоборствующих сторон и на ход боевых действий. Массовое распространение в период битвы за Кавказ среди советских военнослужащих и гражданского населения такого острого инфекционного заболевания, как холера, могло изменить ход одного из главных сражений войны. Однако в открытых источниках сведений о ее вспышке немного, и они до настоящего времени не подвергались пристальному рассмотрению специалистами. **Материалы и методы.** Исследование базируется на анализе документов из фондов центральных государственных архивов, опубликованных ранее архивных материалов, результатов предыдущих научных работ, в которых рассматривается ситуация на прилегающих территориях, а также исследований по данной проблематике специалистов в области медицины. **Анализ.** Анализ показал, что распространение холеры на юге нашей страны летом–осенью 1942 г. представляло большую угрозу для советских войск, оборонявших Северный Кавказ, и для местного населения. В связи с невыполнением ряда необходимых мероприятий со вспышкой опасной инфекции довольно длительное время не удавалось

справиться. **Результаты.** Локализовать, а затем и ликвидировать вспышку холеры удалось в первой декаде октября 1942 г. благодаря принятию широкого комплекса мер, строгому контролю их выполнения и самоотверженной работе медицинских специалистов. Предпринятые советскими войсками в дальнейшем наступательные действия стали возможны, в том числе, в связи с улучшением санитарно-эпидемической обстановки в войсках Закавказского фронта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, Закавказский фронт, медицина, санитария, холера

Для цитирования: Карташев А. В., Карташев И. В. К вопросу о ликвидации вспышки холеры в войсках Закавказского фронта в период Битвы за Кавказ (1942–1943 гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2024. Т. 11. № 2. С. 256–262. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.7>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 16.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.01.2024.

Статья принята к публикации: 28.03.2024.

Research article

ON THE ISSUE OF ELIMINATING THE CHOLERA OUTBREAK IN THE TROOPS OF THE TRANSCAUCASIAN FRONT DURING THE BATTLE OF THE CAUCASUS (1942–1943)

Andrey V. Kartashev¹, Igor V. Kartashev^{2*}

^{1,2} Stavropol State Medical University (310, Mira St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Public Health, Healthcare, Medical Prevention, Informatics and Associate Professor
andreyy_kartashev@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8522-4999>

² Cand. Sc. (History), Senior Researcher
kartashev_iv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1526-4530>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The state of the sanitary and epidemiological situation in the occupied and front-line territories during the Great Patriotic War often influenced the plans of the warring parties and the course of hostilities. The massive spread of such an acute infectious disease as cholera among Soviet military personnel and the civilian population during the battle for the Caucasus could change the course of one of the main battles of the war. However, there is little information about its outbreak in open sources, and until now they have not been closely examined by specialists. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of documents from the funds of the central state archives, previously published archival materials, the results of previous scientific works that examine the situation in the adjacent territories, as well as research on this issue by specialists in the field of medicine. **Analysis.** The spread of cholera in the south of our country in the summer and autumn of 1942 posed a great threat to the Soviet troops defending the North Cauca-

sus and to the local population. Due to the failure to take a number of necessary measures, the outbreak could not be controlled for quite a long time. **Results.** It was possible to localize and then eliminate the cholera outbreak in the first ten days of October 1942 thanks to the adoption of a wide range of measures, strict monitoring of their implementation and the dedicated work of medical specialists. Subsequent offensive actions taken by Soviet troops became possible, including due to the improvement of the sanitary and epidemiological situation in the troops of the Transcaucasian Front.

Keywords: The Great Patriotic War, battle for the Caucasus, Transcaucasian Front, medicine, sanitation, cholera

For citation: Kartashev AV, Kartashev IV. On the issue of eliminating the cholera outbreak in the troops of the Transcaucasian Front during the Battle of the Caucasus (1942–1943). *Humanities and law research*. 2024;11(2):256–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.7>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 16.10.2023.

The article was approved after reviewing: 18.01.2024.

The article was accepted for publication: 28.03.2024.

Введение. Оценивая вклад медицинских работников в победу советских войск в битве за Кавказ, специалисты справедливо отмечают их самоотверженную работу по спасению бойцов и командиров Красной Армии на поле боя, а также успешное возвращение в строй значительного количества раненых, проходивших лечение в тыловых эвакуогоспиталях региона. К этому стоит добавить, что огромные усилия были приложены советским командованием, военными и гражданскими медиками для организации санитарно-эпидемической работы и недопущения распространения инфекционных заболеваний в войсках и среди местных жителей. В связи с перемещением в первый год войны больших масс гражданского населения с оккупированных и прифронтовых территорий, отступлением советских войск на Северном Кавказе летом–осенью 1942 г., сложностью проведения всего комплекса необходимых мероприятий, ухудшение эпидемической обстановки было практически неизбежно.

Рассматривая состояние санитарно-эпидемической обстановки в Сталинграде в 1941–1943 гг. [12], вопросы организации медицинского обеспечения и деятельности медицинской службы Красной Армии в Сталинградской битве [4], историки отмечали вспышки ряда опасных заболеваний, в том числе холеры, в исследуемый период времени на территории Сталинградской и Астраханской областей. Оттуда, как свидетельствуют архивные документы, в августе 1942 г. холера была завезена на Северный Кавказ. Регион, где в это время только начинали разворачиваться масштабные боевые действия, одновременно являлся мощнейшей тыловой госпитальной базой страны. Распространение острых инфекционных заболеваний, таких как холера, могло оказать существенное влияние на боевую обстановку, деятельность тыловых эвакуогоспиталей, различные аспекты жизни гражданского населения. Однако в работах историков исследование вопросов, связанных с данной проблемой, отражения не нашло. Восполнению данного пробела в научном знании посвящена настоящая статья.

Материалы и методы. В целях проведения объективного исследования и всестороннего изучения проблемы авторы опирались на широкий комплекс материалов из фондов Архива военно-медицинских документов (г. Санкт-Петербург) и Центрального архива Министерства обороны (г. Москва), значительная часть которых ранее не публиковалась. Наряду с этим, использовались результаты предыдущих исследований специалистов в области исторической и медицинской науки.

Анализ. После 1926 г. в Советском Союзе случаи заболевания холерой длительное время не отмечались, считалось, что заболевание было побеждено. Однако уже через 2 месяца после начала войны, в августе 1941 г., первые бактериологически подтвержденные случаи заболевания холерой были зафиксированы в Харькове среди военнослужащих строительного батальона, контактировавших с заключенными пересыльной тюрьмы. В результате принятых в то время мер выноса инфекции за пределы города допущено не было. Однако летом 1942 г. довольно мощная вспышка холеры произошла в южных регионах России. Первые случаи заболевания были выявлены 18 июля в Сталинграде среди местного населения и военнослужащих. Холера была завезена заключенными, эвакуированными в Сталинград из Харькова в период летнего наступления германских войск. В Харьковскую пересыльную тюрьму, вероятнее всего, больные холерой прибыли еще в 1941 г. из Средней Азии. Во время первой вспышки холеры инфекция была локализована, но полностью не ликвидирована. Специалисты не исключают также версию о возможности заноса холеры в Харькове пленными немецкими военнослужащими [1, с. 15].

Всего в Сталинграде в период с 18 июля по 17 августа 1942 г. было выявлено 112 случаев заболеваний холерой. В числе заболевших было 86 заключенных, 20 – военнослужащих Красной Армии, 6 – гражданских лиц. В условиях приближения врага к Сталинграду осуществить выявление всех лиц, контактировавших с заболевшими, а также их изоляцию не представлялось возможным. В результате эвакуации гражданского населения и заключенных по Волге в первой декаде августа 1942 г. практически одновременно возникли вспышки холеры в Астрахани, Саратове и Казани [1, с. 16–19].

Руководство понимало высокую вероятность распространения холеры на территории Дагестанской АССР, массово принимавшей эвакуируемых по Волге через Каспийское море. Народный комиссар здравоохранения СССР, уполномоченный Государственного комитета обороны по противозидемической работе Г.А. Митерев в целях предотвращения массового заболевания населения холерой направил соответствующее указание на места. В соответствии с ним Махачкалинский городской комитет обороны требовал обеспечить поддержание санитарного порядка в городах Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Буйнакск, наладить бесперебойное хлорирование воды и ее ежедневный бактериологический контроль. Одновременно было необходимо привести в порядок лаборатории по исследованию на холеру, а также переоборудовать

клинику инфекционных болезней в Махачкале для возможности госпитализации больных холерой. Начальнику Махачкалинского порта предписывалось обеспечить регулярное санитарное обслуживание порта, организовать изолятор для подозрительных по холере, запретить вход в порт пароходов из Астрахани без тщательного санитарного осмотра. Его предписывалось производить на рейде, не ближе, чем за 2 км от порта. Махачкалинский комитет обороны в своем постановлении отмечал, что вопрос профилактики холеры являлся важнейшей государственно-оборонной задачей, а виновные в нарушении постановления должны привлекаться к строжайшей ответственности. Несмотря на подготовительные мероприятия, ситуация начала развиваться по негативному сценарию [5].

Вечером 11 августа 1942 г. из порта Махачкала в эвакогоспиталь (ЭГ) № 1614 с желудочно-кишечным расстройством был доставлен прибывший из Астрахани сержант 3-й гвардейской бригады С.П. Титов. Утром 12 августа он скончался. Патологоанатомическое вскрытие не позволило установить правильный диагноз. Умерший, которому был поставлен диагноз «острый гастроэнтерит», был похоронен на городском кладбище Махачкалы [11, л. 17]. Однако бактериологический анализ 15 августа 1942 г. определил приведшее к смерти заболевание – холера. При этом санитарный отдел 44-й армии Закавказского фронта ни руководством ЭГ-1614, ни подразделениями Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) об этом своевременно извещен не был. После получения сведений, содержащихся в письме НКЗ Дагестанской АССР, датированном 18 августа, санитарный отдел 44-й армии направил соответствующие шифрограммы на имя начальника санитарного управления Закавказского фронта, начальника санитарного отдела Северной группы войск Закавказского фронта, начальника санитарной службы 10-го корпуса Северной группы войск Закавказского фронта [2, л. 61–64]. Как видим, действия специалистов подразделения, зафиксировавшего факт заболевания холерой, по информированию заинтересованных сторон не были в достаточной степени оперативными.

В период с 23 по 28 августа 1942 г. в Махачкалинском гарнизоне было отмечено еще 4 случая заболевания холерой, подтвержденных клиническим и бактериологическим образом, а также 11 подозрительных случаев. Трое из заболевших прибыли из Астрахани, четвертая – жена командира – была снята с подводной лодки. Для ликвидации заболеваний и недопущения их распространения были приняты срочные меры, о которых начальник санитарного управления Закавказского фронта бригадный врач А.Н. Сырнев докладывал в военный совет фронта:

- организована чрезвычайная комиссия, в состав которой был включен главный эпидемиолог фронта;
- организованы санитарно-контрольные пункты на морском и железнодорожном вокзалах Махачкалы;
- в частях, где было выявлено подозрение на холеру, введен карантин;
- лица, имевшие контакт с больными, были изолированы, взяты под обсервацию с проведением фагирования (введения в организм бактериофагов – естественных врагов бактерий, заражающих их клетки);
- все больные госпитализированы в специальный госпиталь;
- в Махачкалу направлена специальная бригада эпидемиологов и бактериологов, а также специальный инфекционный госпиталь;
- в воинских частях и соединениях Закавказского фронта проведены профилактические прививки против холеры с охватом по 44-й армии – 100%, Бакинской армии – 99,8%, 45-й армии – 99,7%, Иранской группе войск – 100%;
- воинским частям и соединениям 44-й армии направлены инструкции по борьбе с холерой, в Иранскую группу войск направлена специальная экспедиция [2, л. 71–72].

Что из себя представляли указанные выше мероприятия в практической плоскости? Приведем несколько примеров. В Махачкале 23 августа 1942 г. эпидемиологом 44-й армии был проверен личный состав 3-й гвардейской бригады, где проходил службу первый из заболевших, в результате проверки новых случаев заражения обнаружено не было. При обнаружении 24 августа 1942 г. третьего по счету заболевшего холерой – красноармейца 256-й стрелковой бригады – в этот же день был введен карантин в отношении 1200 человек, которые в период с 24 по 31 августа были фагированы, при этом повторных заболеваний в части обнаружено не было. В связи с тем, что разгрузка танкера, на котором прибыл заболевший, была осуществлена без предварительного санитарного осмотра на рейде, а заболевание выявлено лишь на берегу, госсанинспектор порта был предан суду. При обнаружении холеры у прибывшего в Махачкалу 27 августа красноармейца 62-й морской стрелковой бригады, умершего в этот же день, незамедлительно был введен карантин и проведено фагирование в отношении 1500 человек, за которыми было установлено эпидемиологическое наблюдение. При обнаружении 28 августа заболевания у дежурного морского порта, умершего на следующий день, была дезинфицирована его квартира, введен карантин и проведено фагирование в отношении 15 человек [2, л. 73].

Несмотря на принятые меры, прибытие зараженных холерой в Махачкалу продолжалось. По состоянию на 2 сентября 1942 г. в городе было зафиксировано 18 случаев заболева-

ний, подтвержденных бактериологическими анализами. При этом 1 сентября с прибывающих транспортов снято 72 человека с явной клинической картины холеры, а 2 сентября – еще 47 человек. Все заболевшие, за исключением одного, прибыли из Астрахани. Отправка из города военнослужащих с подозрением на заражение холерой осуществлялась вопреки распоряжению главного санитарного инспектора СССР бригадного врача А.Я. Кузнецова. В этой связи начальник санитарного управления Закавказского фронта бригадный врач А.Н. Сырнев в письме на имя начальника противоэпидемического управления главного военно-санитарного управления Красной Армии 2 сентября 1942 г. просил прекратить отправку из Астрахани транспортов без предварительного 6-дневного карантина с одновременной иммунизацией и фагированием отправляемых контингентов. Кроме того, выражалась необходимость в ускорении поставки 300 литров жидкой моновакцины и 1,5 млн моновакцины в виде таблеток, дополнительной передачи 600 литров холерного монофага, 10 кг пептона Витте, 10 керосиновых термостатов, санитарно-просветительской литературы (листовок, плакатов и т.д.) по борьбе с холерой [2, л. 75–76].

По состоянию на 6 сентября 1942 г. в Махачкале был подтвержден уже 131 случай заболевания холерой, имелось 323 неподтвержденных случая. Транспорты из Астрахани продолжали поступать с наличием подозрительного на холеру контингента, без соблюдения карантина, иммунизации и фагирования в отношении эвакуируемых. Для предупреждения дальнейшего завоза и распространения холеры были организованы санитарно-контрольные пункты (СКП) на пристани и железнодорожной станции в Махачкале (СКП-10), на пристани в Баку (СКП-11), на станции Баладжары (СКП-3), на станции Поти (СКП-6), в городе Мцхета и на шоссе Военно-Грузинской дороги (СКП-12). Для приема подозрительных больных были подготовлены инфекционный госпиталь (ИГ) особого назначения № 317 Северной группы войск Закавказского фронта (начальник – военврач 2 ранга М.Д. Пекарский) и ИГ-2282 15-го кавалерийского корпуса Закавказского фронта (начальник – военврач 2 ранга И.А. Козлов). Для изоляции больных с поносом использовался ЭГ-1614 НКЗ (начальник – военврач 2 ранга С.Ю. Алибеков). Инфекционное отделение центральной клинической больницы Махачкалы было переоборудовано в холерный барак [3].

Одновременно был предпринят комплекс профилактических мер против распространения холеры. Так, приказ командующего 37-й армией генерал-майора П.М. Козлова от 15 сентября 1942 г. требовал от командиров частей и соединений немедленно привести в полное санитарное соответствие занимаемую территорию, пищеблоки, продовольственные склады. Для снабжения войск питьевой водой предписывалось

отобрать лучшие колодцы, провести лабораторное исследование воды в них, выставить охрану. В случае применения для водопользования речной воды ее предписывалось кипятить или обезвреживать хлорной известью, а индивидуально во флягах – пантоцидом. Войскам запрещалось использовать приобретенные на стороне продукты, в особенности овощи и фрукты, без соответствующей обработки.

Санитарным службам частей и соединений армии предписывалось систематически проводить тщательную санитарно-эпидемиологическую разведку с целью выявления в своих подразделениях и среди гражданского населения лиц, подозрительных на заболевание холерой, вести строгий учет, следить за нарастанием, сообщая об этом в санитарный отдел армии. Требовалось наладить широкую санитарно-разъяснительную работу о холере и ее профилактике, добиться выполнения обязательных санитарно-гигиенических правил среди личного состава.

При поступлении в части пополнения предписывалось производить тщательный санитарный осмотр и опрос прибывших. В случае выявления среди них подозрительных на холеру или болевших в пути в отношении всей группы вводился строгий 6-дневный карантин. Во всех частях при санитарных службах требовалось организовать отдельные изоляторы с необходимым для госпитализации контингента оснащением. Персональная ответственность за организацию, проведение и контроль всех мероприятий против холеры и других инфекционных заболеваний возлагалась на дивизионных врачей и врачей воинских частей [6].

В сентябре 1942 г. в части и соединения Закавказского фронта поступил «План мероприятий по борьбе с холерой в войсках Закавказского фронта и республиках Закавказья». Этот довольно объемный документ был утвержден 2 сентября 1942 г. начальником санитарного управления Закавказского фронта бригадным врачом А.Н. Сырневым и военным комиссаром санитарного управления Закавказского фронта старшим батальонным комиссаром Г.Е. Ушаковым. В нем были четко указаны наименования подразделений, намеченные к исполнению мероприятия, порядок и сроки их исполнения, а также лица, ответственные за исполнение и контроль исполнения. План стал основой комплекса систематически проводившихся мероприятий, обеспечивших недопущение дальнейшего распространения холеры в войсках и среди гражданского населения региона.

Подразделения Северной группы войск обеспечивали задержание на рейде и на станции в Махачкале всего прибывающего из Астрахани транспорта, допуская его для дальнейшего следования исключительно с разрешения начальника СКП-10. Выявленные больные немедленно госпитализировались, а подозрительные на холерные заболевания – изолировались в специ-

ально предусмотренные учреждения. В отношении личного состава судна или эшелона вводился неукоснительно соблюдавшийся карантин, проводились необходимые лабораторные исследования.

Для выполнения поставленных задач были задействованы обсервационный пункт № 8, ИГ-317, ИГ-2282, находившиеся в ведении Северной группы войск, а также ИГ-543 особого назначения и другие инфекционные госпитали 9-й, 37-й, 44-й и 58-й армий Закавказского фронта. Руководство работой санитарно-эпидемиологических отрядов армий и непосредственным проведением необходимых мероприятий осуществляла санитарно-эпидемиологическая лаборатория (СЭЛ) № 308. Она находилась в оперативном подчинении начальника санитарного отдела Северной группы войск. Кроме того, в распоряжение Северной группы войск была передана бригада квалифицированных бактериологов из состава СЭЛ-307. В распоряжение начальника санитарного отдела 44-й армии был направлен санитарно-эпидемиологический отряд № 65. Планом предусматривалось безусловное обеспечение санитарных подразделений необходимыми дезинфекционными средствами и бактериологическими препаратами.

Конкретные указания по борьбе с холерными заболеваниями были адресованы Черноморской группе войск, управлению тыла Закавказского фронта, Бакинской армии ПВО, 46-й армии, 15-му кавалерийскому корпусу, дислоцировавшемуся в Иране, фронтовым эвакуационным пунктам № 31 и 34. Ряд мероприятий, предусмотренных планом, осуществлялся по линии гражданских организаций – Совнаркомов Дагестанской АССР, Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, управлений Закавказских железных дорог и Каспийского пароходства. Часть задач, связанных с усилением контроля за содержанием дворов, улиц, рынков и других мест общественного пользования, возлагалась на республиканские народные комиссариаты внутренних дел. В части привлечения к ответственности лиц, нарушающих санитарные правила или способствующих срыву мероприятий по борьбе с холерой, дополнительная ответственность возлагалась на прокуроров республик [2, л. 84–95].

Сведения о том, как удалось ликвидировать эпидемию холеры, содержатся в документе «Описание действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа. Август 1942 г. – январь 1943 года», составленном оперативным отделом штаба фронта в январе 1943 г. В документе отмечается, что дальнейшего распространения заболевания в регионе удалось избежать благодаря введению строгого карантина и осуществлению «фагирования всего прибывающего контингента» – в общей сложности свыше 20 тыс. человек. Кроме того, военно-санитарной службой фронта были приняты эффективные меры по охране источников водоснабжения, очистке Махачкалы от загрязнения и

разгрузке города от эвакуированного населения. Благодаря энергичной работе эпидемиологов военно-санитарной службы эпидемия холеры не получила дальнейшего распространения, ограничившись 185 случаями, в том числе 65 – со смертельным исходом (летальность – 35%).

Однако были и просчеты. Решением командующего 58-й армией генерал-майора В.А. Хоменко 57-я отдельная стрелковая бригада и 184-й истребительный инженерный батальон, в которых имелись больные холерой, до окончания карантина были направлены на фронт, где после занятия рубежей обороны выявились новые случаи заболевания. Это значительно усложнило санитарное обеспечение действующей армии. Для 57-й бригады пришлось организовать изолированную линию эвакуации раненых и больных, исключавшую возможность распространения заболевания на различных этапах эвакуации. Благодаря этому холеру на фронте удалось изолировать и ликвидировать. Как отмечается в документе, борьба с эпидемией холеры в войсках фронта была завершена 4 октября 1942 г. [10, л. 40–41].

Вскоре после вспышки холеры в войсках Закавказского фронта ряд медицинских работников, участвовавших в ее ликвидации, были удостоены государственных наград. Так, орденом Красной Звезды в ноябре 1942 г. был награжден начальник ЭГ-1614 военврач 2 ранга С.Ю. Алибеков. Госпиталь был полностью переключен на обслуживание бойцов и командиров 57-й отдельной стрелковой бригады, контактировавших с холерными больными, которых в этой бригаде было наибольшее число. За полтора месяца ЭГ-1614 принял около 3000 пациентов. Задача персонала заключалась в их правильной сортировке, проведении необходимых процедур, определении благоприятного времени для выписки. Благодаря самоотверженному труду его сотрудников, рисковавших при этом личным здоровьем, в короткие сроки в строй было возвращено 2750 военнослужащих [7, л. 212].

Начальник ИГ-317 военврач 2 ранга М.Д. Пекарский, также награжденный орденом Красной Звезды, первым определил и правильно диагностировал случай заболевания холерой в войсках Северной группы войск Закавказского фронта. В период вспышки холеры возглавлял эпидемиологическую группу Северной группы войск. Как отмечается в наградном листе, «самоотверженно оказывал консультационную и оперативную помощь» большому количеству своих коллег, благодаря чему вспышка холеры «была быстро ликвидирована» [9, л. 396].

Орденом Красной Звезды был награжден начальник 3-го отдела санитарного управления Закавказского фронта военврач 1 ранга А.Я. Пиралов. Оперативно организовав проведение противоэпидемических мероприятий, он способствовал быстрому подавлению вспышки холеры в Махачкале, а затем – в направленной на фронт 57-

й отдельной стрелковой бригаде [8, л. 134]. Также ордена Красной Звезды удостоен главный эпидемиолог Северной группы войск Закавказского фронта военврач 2 ранга М.В. Курис [9, л. 394].

В заключение отметим, что вспышка холеры на территории Северного Кавказа в 1942 г., возникшая вследствие эвакуации военнослужащих Красной Армии из Астрахани, коснулась и гражданского населения. Наибольший всплеск заболеваемости – более половины из числа переболевших холерой гражданских лиц – был отмечен на Лениакертской трассе. Здесь в период с 28 сентября по 10 октября 1942 г. холерой заболело 65 работников трудового фронта. В эти же дни на станциях Хасавюрт и Тбилиси были сняты с поездов по 1 больному холерой. В общей сложности в период с 11 августа по 10 октября 1942 г., когда был зарегистрирован последний случай заболевания холерой в Дагестанской АССР среди местного населения, количество больных (вместе с военнослужащими) составило 317 человек, число умерших – 89 человек (летальность – 28%) [1, л. 19–21].

Результаты. Подводя итог, отметим следующие основные моменты. Распространение холеры в южных районах России в августе–октябре 1942 года несло в себе огромные риски войскам Закавказского фронта и могло затруднить организацию обороны Северного Кавказа. Вспышка заболевания имела завозной характер, распространяли его преимущественно военно-

служащие, прибывавшие в регион из Астрахани через порт Махачкала для укомплектования частей фронта. Сложность при ликвидации инфекции была связана с тем, что отправка контингентов из Астрахани, в числе которых были больные и контактировавшие с ними лица, продолжалась достаточно длительное время без соблюдения карантина и фагирования, несмотря на наличие соответствующих указаний. Кроме того, первое время аналогичные меры не осуществлялись в отношении прибывших в Махачкалинский порт судов. В дальнейшем строгие меры, введенные санитарным управлением Закавказского фронта, обеспечили локализацию, а затем и ликвидацию вспышки холеры. Огромное влияние на это оказала и самоотверженная работа медицинских работников, с риском для жизни осуществлявших прием, сортировку и лечение больных. С их помощью было пресечено дальнейшее распространение холеры в подразделениях действующей армии, тыловых эвакуогоспиталях и среди гражданского населения региона. Осенью 1942 года, в один из наиболее ответственных моментов оборонительного этапа сражения за Кавказ, санитарно-эпидемическая обстановка в войсках Закавказского фронта была нормализована. С 1 января 1943 г. войска Красной Армии перешли в решительное наступление, успешное завершение которого оказало огромное влияние на ход Великой Отечественной войны.

Литература

1. Адамов А. К., Ломов Ю. М., Малеев В. В. и др. Холера в СССР в период VII пандемии. М.: Медицина, 2000. 470 с.
2. Архив военно-медицинских документов. Ф. 17. Оп. 12078. Д. 2.
3. Доклад начальника Санитарного управления Закавказского фронта о мероприятиях по предупреждению и ликвидации заболеваний в войсках Закавказского фронта. 9 сентября 1942 г. // Сборник архивных документов по медицинскому обеспечению войск Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Выпуск. 2. Приказы, директивы, инструкции и другие документы по предупреждению и ликвидации в войсках инфекционных заболеваний в оборонительных операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л.: Воен.-мед. музей МО СССР, 1960. С. 21–22.
4. Желтова Л. В. Военное здравоохранение в Сталинградской битве (Организация медицинского обеспечения и деятельность медицинской службы Красной Армии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград., 1999. 25 с.
5. Из постановления Махачкалинского городского комитета обороны. 31 июля 1942 г. О мерах предупреждения заболевания населения холерой // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1995. С. 213–215.
6. Приказ войскам 37-й армии о профилактических мероприятиях против холеры. 15 сентября 1942 года // Сборник архивных документов по медицинскому обеспечению войск Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Выпуск. 2. Приказы, директивы, инструкции и другие документы по предупреждению и ликвидации в войсках инфекционных заболеваний в оборонительных операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л.: Воен.-мед. музей МО СССР, 1960. С. 23–25.
7. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 256.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 577.
9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 29.
10. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499.
11. ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 3157.
12. Чернышева И. В. Санитарно-эпидемическая обстановка в Сталинграде в 1941–1943 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2015. № 1. С. 3–7.

References

1. Adamov AK, Lomov YM, Maleev VV et al. Cholera in the USSR during the VII pandemic. Moscow: Meditsina; 2000. 470 p. (In Russ.).
2. Archive of Military Medical Documents. F. 17. Inv. 12078. D. 2. (In Russ.).

3. Report of the head of the Sanitary Department of the Transcaucasian Front on measures to prevent and eliminate diseases in the troops of the Transcaucasian Front. September 9, 1942 in Collection of archival documents on medical support for the troops of the Soviet Army in the Great Patriotic War of 1941-1945. Release. 2. Orders, directives, instructions and other documents on the prevention and elimination of infectious diseases in the troops in defensive operations of the Great Patriotic War of 1941-1945. Leningrad: Military Medical Museum of the USSR Ministry of Defense Publishing; 1960. p. 21-22. (In Russ.).
4. Zheltova LV. Military healthcare in the Battle of Stalingrad (Organization of medical support and activities of the medical service of the Red Army): abstract of thesis. Volgograd; 1999. 25 p. (In Russ.).
5. From the resolution of the Makhachkala City Defense Committee. July 31, 1942. On measures to prevent cholera among the population in Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945): Documents and materials. Makhachkala: Dagestan State University Publishing; 1995. p. 213-215. (In Russ.).
6. Order to the troops of the 37th Army on preventive measures against cholera. September 15, 1942 in Collection of archival documents on medical support for the troops of the Soviet Army in the Great Patriotic War of 1941-1945. Release. 2. Orders, directives, instructions and other documents on the prevention and elimination of infectious diseases in the troops in defensive operations of the Great Patriotic War of 1941-1945. Leningrad: Military Medical Museum of the USSR Ministry of Defense Publishing; 1960. p. 23-25. (In Russ.).
7. Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). F. 33. Inv. 682525. D. 256. (In Russ.).
8. TsAMO. F. 33. Inv. 682526. D. 577. (In Russ.).
9. TsAMO. F. 33. Inv. 682527. D. 29. (In Russ.).
10. TsAMO. F. 47. Inv. 1063. D. 499. (In Russ.).
11. TsAMO. F. 58. Inv. A-83627. D. 3157. (In Russ.).
12. Chernysheva IV. Sanitary and epidemic situation in Stalingrad in 1941–1943. *Volgogradskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal*. 2015;(1):3-7. (In Russ.).

Научная статья

УДК 82.0

[https://doi.org/ 10.37493/2409-1030.2024.2.8](https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8)

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ И ЕЕ ФОРМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920-Е ГГ.

Роман Александрович Клочков

Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, Москва, 125047, Российская Федерация)
Аспирант
ketridze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7325-5516>

Аннотация. Введение. В основе статьи – проблема формирования представлений о славянской идее в публицистике Русского Зарубежья 1920-х годов. **Материалы и методы.** Анализируются публицистические работы видных представителей русской послереволюционной эмиграции, принадлежавших различным политическим и идеологическим течениям: А.С. Изгоева, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Н.А. Фиркса, Е.В. Спекторского, А.Л. Погодина, В.И. Лебедева. **Анализ.** Автор рассматривает специфику взглядов представителей различных течений русской общественно-политической мысли на славянский мир и межславянские отношения в новых политических условиях, сложившихся после окончания Первой мировой войны. К результатам войны можно отнести, в частности, последовавшие процессы национально-политического переустройства Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВиЮВЕ), а также произошедшие в России (1917 г.) и Австро-Венгрии (1918 г.) революции. Эти события и процессы подтолкнули современников к переосмыслению ранее устоявшихся воззрений на славянскую идею, а также перспектив ее применения при построении различных проектов в регионе. **Результаты.** Воз-

никшие в русской зарубежной среде дискуссии о славянской идее затрагивали проблемы будущего славянского мира, места и роли в нем России, соотношения большевистского фактора и славянства, взаимозависимости форм славянской идеи и национальных политических проектов созданных полиэтничных государств ЦВиЮВЕ, прежде всего Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии.

Ключевые слова: славянская идея, славянофильство, панславизм, Русское Зарубежье, Россия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославия

Для цитирования: Клочков Р. А. Славянская идея и ее формы в публицистике представителей Русского Зарубежья в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 263–272. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2023.

Статья принята к публикации: 28.02.2024.

Research article

THE SLAVIC IDEA AND ITS FORMS IN POLITICAL JOURNALISM OF RUSSIAN ÉMIGRÉS IN THE 1920S

Roman A. Klochkov

Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation)
Postgraduate student
ketridze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7325-5516>

Abstract. Introduction. The article studies the reflections on the Slavic idea in Russian émigré political journalism in the 1920s. **Materials and Methods.** The source base for the article are the journalistic works of a number of representatives of various ideological and political movements of the Russian post-revolutionary emigration: A.S. Izgoev, P.B. Struve, P.N. Milyukov, N.A. Firks, E.V. Spector, A.L. Pogodin, V.I. Lebedev. **Analysis.** The author examines the features of views among different trends of Russian socio-political thought on the Slavic world and inter-Slavic relations in the new political conditions that formed after the First World War. In particular, the results of the war included the subsequent processes of national-political reorganization of Central-Eastern and South-Eastern Europe, as well as the revolutions that took place in Russia (1917) and Austria-Hungary (1918). These events and processes facilitated the reconsideration of previously established views on the Slavic idea, as well as the prospects for its application in political projects in the region. **Results.** The discussions about the Slavic idea that arose in the Russian émigré envi-

ronment touched upon important issues: the future of the Slavic world, the place and role of Russia among the Slavs, the Bolshevik factor and Slavism, the correlation between the forms of the Slavic idea and the national political projects of the young multi-ethnic states, primarily Czechoslovakia and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia.

Keywords: Slavic Idea, Slavophilism, Pan-Slavism, Russia Abroad, Russia, Czechoslovakia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia

For citation: Klochkov RA. The Slavic idea and its forms in political journalism of Russian émigrés in the 1920s. *Humanities and law research*. 2024;11(2):263-272. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.12.2023.

The article was accepted for publication: 28.02.2024.

Введение. Понятие «славянская идея» не имеет строгого однозначного определения. Оно включает в себя совокупность представлений о славянском мире и его особенностях, а также взгляды на возможные пути развития славянских

народов. Славянская идея, в той или иной форме, могла принимать идеологическую окраску, поэтому, зачастую, ее содержание варьировалось в зависимости как от складывавшейся политической ситуации внутри определенного сообщества,

государства или на международной арене, так и от социально-политических и этнополитических взглядов ее носителей.

Для начала необходимо определить содержание некоторых понятий, встречающихся в русской эмигрантской публицистике 1920-х гг. в контексте размышлений о славянском мире, его прошлом, настоящем и будущем. Одно из таких понятий – «славянофильство». Складываясь как направление русской философской и общественно-политической мысли, основной задачей которой было формирование русской духовно-национальной идентичности, основанной на православии, славянофильство в то же время связывало русскую национальную идею со «славянским элементом» [6; 38]. В рамках своей доктрины ранние славянофилы (1840-е гг.) содействовали развитию идеи духовно-культурной славянской взаимности, при этом считая неприемлемым пытаться реализовать политические объединительные проекты во главе с Россией [6, с. 93; 22, с. 35-134, 151-162]. Однако в работах представителей так называемого пореформенного славянофильства (1860-е – 1900-е гг.) исследователи отмечают заметный шаг в сторону идеи всеславянского политического объединения [13]. Представители публицистики русской послереволюционной эмиграции, рассуждая о проблемах славянского мира, иногда употребляли понятие «славянофильство» в наиболее широком смысле – как простое выражение симпатий к славянской культуре в целом.

Следующее понятие, часто употреблявшееся в рамках дискуссий о славянстве и славянской идее – панславизм. Корнями уходя в теории славянской общности, развивавшиеся славянскими интеллектуалами, термин «панславизм» включает в себя формировавшиеся на протяжении многих лет в различных интеллектуальных и политических кругах представления о единстве славянских народов и формах их культурного или политического объединения [21; 22; 23; 28]. Как и в случае со славянофильством, употребление понятия панславизм в эмигрантской публицистике (и не только в ней) показывает неоднозначность его восприятия и трактовки (в зависимости от взглядов автора текста), а соответственно и различные смысловые оттенки.

Кратко рассмотрим историю становления славянской идеи в дореволюционной России, рассмотрев период с начала XIX в. до 1917 г. Российский ученый-славист А.Н. Пыпин заметил, что славянская идея возникла и укрепилась в русском обществе «как нечто сознательное» достаточно поздно [26, с. 74]. Причины развития славянской идеи в России и среди славянских народов Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВиЮВЕ) были различны. В России не было необходимости «возродить свою нацию», следовательно, не происходило процесса «национального возрождения» – принявшего форму национальных движений – в том смысле, в каком

он разворачивался среди южных и западных славян, находившихся под властью Габсбургов и Османской империи [1, с.260 – 261]. Параллельно с российскими вариантами славянской идеи, с их отличительными особенностями, на Балканах и в Центрально-Восточной Европе формировались и развивались свои собственные национально ориентированные интеграционные проекты, вдохновленные славянской идеологией [40].

Проблемы зарубежного славянства стали находить широкий отклик русской общественно-политической мысли в XIX в., на фоне развивавшихся национально-освободительных движений славянских народов. Славянская идея в 1820-е гг. развивалась в контексте деятельности декабристских обществ. Некоторые представители декабристского движения (например, общество «Соединенных славян», созданное в 1923 г.), вдохновившись романтической идеей, которая, по словам А.Н. Пыпина, «прельщала своей поэтической красотой» [1, с. 263], размышляли о славянском союзе – федерации, куда бы вошли отдельные славянские республики.

В 1830-е – 1850-е гг. славянская идея в России развивалась и разветвлялась под влиянием нескольких идеологических течений русской общественной мысли. О славянском мире в определенной степени писали и рассуждали славянофилы (И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин и др.), изначально идеологически находившиеся в стороне и от консервативного («охранительного»), и от революционно-демократического течений [38, с. 7–33]. Значительное внимание славянофилы уделяли представителям зарубежного православного славянства. В рамках консервативного направления русской общественно-политической мысли вел свою общественную и научную деятельность историк М.П. Погодин, установивший тесные контакты с зарубежными славянами. М.П. Погодин одним из первых выдвинул мысль о желательности сближения славянских народов и объединения их в славянскую федерацию, куда также должны были войти неславянские государства – Венгрия, Греция и Молдавия [38, с. 65–71]. В русской социалистической мысли к середине XIX в. славянская идея также не осталась в стороне. Такие ее представители как М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, вдохновившись революционными событиями 1848 – 1849 гг. в Европе, обращались к славянской идее для построения федеративных славянских проектов революционно-демократического характера – «свободной славянской федерации» [7, с. 82–91; 8].

Крымская война (1853–1856 гг.) привела к обострению отношений бывших союзников по Священному союзу – России и Австрии, наметив определенный рубеж в международных отношениях. В российской публицистике усилились призывы оказать поддержку освободительному движению балканских славян, находившихся под властью Османской империи и монархии Габсбургов.

Во второй половине XIX в. славянская идея в России (как и среди славянских народов ЦВиЮВЕ) развивалась с переменным успехом. В это время активизировалась деятельность славянских благотворительных обществ в России, участники которых, хотя и ведомые различными целями и задачами, вдохновлялись мыслью о всеславянстве. В рамках славянского благотворительного движения совершались попытки налаживания контактов с представителями зарубежной славянской общественности. Однако Польское восстание 1863 г. и его подавление наметило раскол в рядах как зарубежной славянской интеллигенции, так и русских общественно-политических деятелей. Среди представителей национальных движений западного славянства – чехов и словаков – результаты восстания в Царстве Польском способствовали снижению русофильских настроений. С 1860-х гг. в России стали находить отклик размышления об антагонизме романо-германского (западного) и славянского миров, наиболее ярко оформившиеся в концепции Н.Я. Данилевского. Н.Я. Данилевским, как сторонником панславизма, была выдвинута идея создания «всеславянской федерации», через которую разобщенные славяне должны были сплотиться в единый «славянский союз», который должен был стать преградой экспансии из Европы [38, с. 200–208].

«Восточный кризис» середины 1870-х гг. явился важнейшим событием международно-политической жизни Европы второй половины XIX в., а также крупной вехой в истории развития славянской идеи. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. оказала значительное влияние на развитие славянских проектов на Балканах и в Центрально-Восточной Европе, в определенном смысле оживив славянскую идею, что выразилось в некотором подъеме русофильских настроений среди зарубежной славянской общественности. Но к началу XX в. славянское движение в размышлениях представителей интеллигенции и общественности славянских народов стала обретать новую форму. Нараставшая угроза немецкой экспансии на восток находила отклик внутри российской общественности. Развитие представлений о воинственном пангерманизме содействовало утверждению мысли о необходимости всеобщего славянского сплочения перед лицом нарастающей угрозы и примирения давних противников в славянском стане (необходимым считалось разрешить противоречия между поляками и русскими, сербами и хорватами, болгарскими и сербами). Подобные размышления отразились в концепции неославизма [7; 20]. Сторонники «нового славянского движения» выдвинули лозунг перехода славянской идеи от теоретических измышлений к их практической реализации, в чем и обозначилось отдаление неославистской мысли от представлений, формировавшихся под влиянием славянофильства.

Первая мировая война способствовала обновлению социальной, экономической и политической сфер жизни многих государств. По ее окончании державы-победительницы приступили к строительству новой системы международных отношений, определенной Версальским, Сен-Жерменским, Нейским, Трианонским и Севрским мирными договорами. Тема славянства вновь стала вызывать интерес в Западной Европе. Революционные процессы в России и изменение ее внешнеполитического вектора с приходом большевиков к власти, военное поражение Германии и Австро-Венгрии, распад империи Габсбургов и национально-политическое самоопределение славянских народов – все эти события и процессы привлекли внимание политических кругов и интеллигенции западноевропейских стран к «славянскому вопросу». В результате крупномасштабных изменений на международной арене, заметнее стали проявляться новые взгляды и оценки проблем национальной политики, переосмысления перспектив культурного и политического развития славянских народов.

На политической сцене молодых суверенных славянских (национальных, но полиэтничных по составу населения государств, включавших в себя различные, хоть родственные, славянские народы) государств – Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Польши, Болгарии, проявили себя сторонники коренного обновления устаревших, по их мнению, идейных принципов строительства национальной политики. На развитие этого процесса также оказал свое влияние тот факт, что Советская Россия (с 1922 г. – СССР) изначально взяв курс на революционный интернационализм, отказалась от роли защитницы славянства, которую стремилась играть Российская империя [29].

Оценив послевоенные перспективы, ряд политиков новой формации, прежде всего чехословацкие государственные деятели Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, старались ориентироваться на страны Антанты, прежде всего на демократическую Францию. Чешские и словацкие последователи Т. Г. Масарика, не исключив славянскую идею из своей политической программы полностью, в то же время критически переосмыслили ее, отступив от чрезмерно идеалистического, с их точки зрения, понимания славянского мира. Идеи славянской общности они рассматривали через принципы национально ориентированной политики [4]. Среди югославянской политической элиты были также те, кто еще до начала войны в своих политических программах предпочли ориентироваться на Францию и ее опыт в противоположность русофильским течениям, наиболее ярко представленным политической фигурой Н. Пашича. Здесь нужно отметить некоторых членов сербской Независимой радикальной партии (например И. Скерлича и Й. Жуйовича). Однако младоради-

калы, рассматривая славянскую идею политически, решительно выступили против набирающих популярность в первое десятилетие XX в. неославистских идей, видя в них панславистскую угрозу [39, p. 123–124].

Материалы и методы. Потрясения Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны к началу 1920-х гг. привели к эмиграции из России сотен тысяч людей. Многие из них оказались на территории ряда государств ЦВиЮВЕ, прежде всего Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии) и Чехословакии. Жизнь в окружении представителей центрально-европейского и балканского славянства, разумеется, не могла не затронуть настроения русских изгнанников, ощущавших себя частью цельного славянского мира. Многие эмигранты с ностальгией вспоминали о «былой» России, которая еще в недавнем времени занимала видное место в культурной и политической жизни всего славянства. В эмигрантской публицистике, в особенности среди сторонников идеи «сильной национальной России», зачастую старались подчеркнуть факт участия России в Великой войне с целью защиты интересов славянских народов. Среди различных групп русских беженцев, считавших, что они оказались хотя и на чужбине, но в культурно близкой им славянской среде, энергично выражались чувства славянской солидарности. С первых дней эмиграции на страницах газетной периодики, в материалах публицистики русских беженцев заметное место стали занимать размышления о судьбах «братьев славян», охватывавшие не только культурную сторону славянских концепций, но и политическую [27, с. 272 – 285]. В данном исследовании используются материалы публицистических работ ряда представителей различных идейно-политических течений русской послереволюционной эмиграции: А.С. Изгоева, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Н.А. Фиркса, Е.В. Спекторского, А.Л. Погодина, В.И. Лебедева. Применяются традиционные методы исторического исследования: историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Анализ. В годы Гражданской войны славянская идея была использована лидерами Белого движения как одна из идейных опор осуществляемой ими антибольшевистской политики. В связи с этим многие бывшие российские дипломаты, работавшие в структурах правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака, направлялись в славянские страны, прежде всего Королевство СХС [12]. Славянская идеология должна была стать противовесом большевистскому интернационализму и помочь российским антибольшевистским силам в деле сплочения возможных славянских союзников в борьбе против большевиков. Сторонники национальной России (преимущественно правого уклона) неоднократно подчеркивали, что восстановленное российское государство, как традиционный союзник славянских народов, должно спо-

собствовать более тесному политическому сотрудничеству в семье славянских стран, в том числе и в деле защиты приобретенной славянскими народами государственности и территориальной целостности.

В политических реалиях славянская идея, как можно увидеть, не обладала идеологической целостностью и была представлена различными направлениями. Многие сторонники славянского объединения под эгидой России были представлены в среде политически правой, промонархически настроенной русской эмиграции, особенно преобладавшей в Королевстве СХС [11, с.48–51]. Оказывали влияние своими взглядами сторонники консолидации славянства в рамках европейского проекта, с учетом общих интересов и возможностей для сотрудничества между соседствующими государствами в ЦВиЮВЕ (что было ближе к идеям панъевропеизма).

Свое мнение высказывал русский общественный деятель, публицист и многолетний сторонник славянского движения А.А. Башмаков [2]. Он пришел к выводу о том, что постановка «славянского вопроса» к началу 1920-х гг. изменилась коренным образом: славянские народы обрели свою государственность, но само славянство осталось при этом без России. И этот факт необходимо было учитывать. Те формы, которые принимала славянская идея ранее, должны были быть переосмыслены с учетом сложившихся реалий [41].

Затрагивая вопрос о будущих перспективах славянских государств после завершения Первой мировой войны, участники дискуссий зачастую вступали в споры, пытаясь ответить на вопрос: на кого должны ориентироваться славяне? Продолжали звучать голоса о том, что «прежняя Россия» – освободительница славян – еще вернется на политическую арену. Но требовалось свергнуть главного врага – большевизм, что и явилось целью многих эмигрантских организаций.

В одном из номеров газеты «Возрождение» (Париж) в мае 1926 г. была напечатана речь видного российского ученого и деятеля русской колонии в Белграде Е.В. Спекторского, человека умеренно консервативных взглядов, близкого по своим воззрениям к тяготевшей вправо «национальной» части Русского Зарубежья. Данная речь, как отмечает ученый в своих воспоминаниях, была подготовлена по случаю 35-летнего юбилея клуба чешских студентов «Омладина» и была напечатана в рамках проводившихся дискуссий о судьбе славянской идеи [32, с.432–433]. Е.В. Спекторский ставит знак равенства между «Россией национальной» и «Россией славянской», а славянскую идею определяет, как неотъемлемый элемент русской культуры и политики. Переломным событием как для самой России, так и для дальнейшего развития славянских народов ЦВиЮВЕ стала Первая мировая война – «последняя жертва», по

мнению автора текста, «принесенная Россией ради славянства» [33]. Русская эмиграция, по мнению Спекторского, несмотря на весь трагизм сложившегося положения, способствовала развитию славянской идеи на новом уровне – славянство теперь воспринималось как «живая реальность, живая связь с живыми людьми». Обращаясь к представителям славянских народов Спекторский констатировал: «Ваше славянское дело это также и наше русское дело. Но и обратно: наше русское дело — это также и ваше славянское дело» [33].

Будет ли «второй том книги “Россия и Славянство”?», – задавался вопросом Е.В. Спекторский. Он продолжал свои размышления: «Наше глубокое убеждение, что продолжение первого тома последует. И если первый том закончился трагической борьбой России за освобождение славянских братьев, то второй том начнется радостным культурным и политическим общением освобожденной России со свободными славянскими народами» [33]. При этом ученый, с уверенностью взирая на положительный политический потенциал панславистской идеи, подчеркивает, что межславянское общение «будет основываться не только на часто осмеиваемом, но по существу, прекрасном чувстве славянофильства... но и на холодном политическом расчете» [33]. Спекторский усматривал в самой идее существования дебольшевизированной и в идеологическом плане ориентированной на объединение славян России залог к надежному политическому развитию славянских народов. По этому поводу профессор пишет: «Молодым славянским государствам легче будет строить свое будущее, имея союзницей мощную национальную Россию. А освободившейся России легче будет восстанавливать вызванный мировой войной и большевиками ущерб, имея союзниками другие славянские народы и государства. Не империалистический панрусизм несет с собою Россия славянству, а призыв к сотрудничеству...» [33].

Важность развертывания «русофильского» варианта славянской идеи в процессе создания дружественного блока славянских государств на Балканах и в Центрально-Восточной Европе подчеркивал юрист и политический деятель, кадет-центрист А.С. Изгоев. В одной из своих статей публицист обращается к политической деятельности К. Крамаржа – видного политического деятеля Чехословакии, твердого сторонника свободной от большевиков национальной России и прорусской ориентации в славянском вопросе. Изгоев обращает внимание читателей на то, что возможное политическое «признание коммунистической России есть явная неблагодарность по отношению к славянской России, без которой не было бы и чехословацкой независимости» [10]. А.С. Изгоев не видел в Советской России искреннего и надежного союзника для славянских народов. Учитывая возможные притязания более сильных

европейских соседей на территории молодых славянских государств (обращаясь, в частности, к итало-югославским противоречиям), публицист пришел к выводу, что «в будущем единственная гарантия свободы как для Сербии, так и для Чехословакии только в существовании национальной России» [10].

Среди представителей русской эмиграции, размышлявших над идеями как культурной славянской взаимности, так и политического панславизма, проявил себя видный российский политический деятель, ученый и публицист П.Б. Струве. Пройдя, до революции, путь от «легального марксизма» до либерального «просвещенного патриотизма» [16], в эмиграции его взгляды претерпели эволюцию в сторону правого уклона. В своих политических статьях и заметках он явно тяготел к «национальной части» русской эмиграции, «живущей преданиями исторической России и живой ее духом» – промонархически настроенных групп беженцев, в рядах которых поддерживалась кандидатура на трон великого князя Николая Николаевича [34].

После ухода с поста редактора газеты «Возрождение» с 1927 г. он вел активную публицистическую и редакторскую деятельность в рамках газеты «Россия» (в 1928 году переименована в «Россия и славянство»), выходившей в Париже. В материалах этой газеты формулировались призывы к возрождению идеи славянской солидарности и единения. В ряде передовых статей «России и славянства» подчеркивалась мысль о необходимости объединения всех славян, которых всегда поддерживала сильная национальная Россия. «Приятие» национальной России, по мысли П.Б. Струве, соответствовало «отвержению коммунистической советчины» [19]. Соответственно, славянская идея рассматривалась Струве и его ближайшими коллегами в контексте непримиримой борьбы эмигрантов (и, в перспективе, их славянских союзников) с советским коммунизмом силовыми методами, а также в политико-идеологической плоскости.

Будучи заметной политической фигурой русского зарубежья, П.Б. Струве, вкладывая в эмигрантское движение в качестве первоочередной его задачи «борьбу за национальное освобождение от Коммунистического интернационала», связывал эту борьбу с деятельностью России в составе единого славянского мира [35, с. 406-407]. В некоторой степени идеализируя особенности государственного развития славянских народов, Струве выражал свои надежды на способность славянской общности мобилизовать внутренние силы в противостоянии с «коммунистической опасностью». В целом позицию П.Б. Струве по отношению к славянской идее отражает его мысль о том, что большевистская угроза готовила «новый подъем России, и новый расцвет славянского единения» [35]. Непримиримая позиция в отношении большевиков и защита

интересов «национальной России» – основные пункты политической концепции П.Б. Струве в эмиграции. Опираясь на них, он формировал и свои представления о славянской идее.

Любопытны опубликованные в «Русском военном вестнике» (Белград) статьи барона Н.А. Фиркса – военного и публициста правого толка, сторонника славянской идеи, сына русского генерала А.А. Фиркса. В этих статьях содержатся планы реализации идеи славянского объединения на практике посредством создания единого славянского антибольшевистского блока [36]. Сюда так же включался план по оказанию славянскими государствами финансовой помощи русской эмигрантской армии [36]. Победа над большевизмом и возрождение «былой России» должны были, по мысли Н.А. Фиркса, подвести колеблющихся славян к оживлению процесса консолидации между ними. В первой части статьи под заглавием «Восстановление России» Н.А. Фиркс поднимает мысль о долге славянских государств перед Россией, своими жертвами в годы войны содействовавшей достижению независимости славянских народов. При этом автор статьи заострял внимание на том, что в складывавшихся условиях усиления большевистского интернационализма и расширявшейся деятельности Коминтерна, европейские государства, в том числе и Германия, оказывались в куда более опасном положении, нежели это могло быть при царской России. Следовательно, заключал Н.А. Фиркс, восстановление прежнего Российского государства должно было способствовать снижению возникшей напряженности в международных отношениях [36].

Взгляд Фиркса на славянский мир достаточно радикален: разделяя славян на православных, всегда тяготевших к России, и католиков, искавших связей с западноевропейскими государствами, публицист добавляет, что Польша, будучи «веками враждебна России и всему русскому» по сути своей «вычеркнула себя из среды славянских народов» [37]. Подобная оценка имеет некоторое сходство с воззрениями пореформенных славянофилов, в особенности Н.Я. Данилевского [5, с. 125-126]. «Другая католическая страна – Чехословакия, – пишет Н.А. Фиркс, – по-видимому, идет по стопам Польши... Однако, там есть здоровое зерно – партия Крамаржа и Народных Листов»¹⁰ [37].

В статье Н.А. Фиркса звучит призыв к активным действиям в славянском лагере: «в настоящее время Россия как бы стоит на распутье. События ближайшего времени могут определить то или иное ее политическое развитие. Наступает время, когда представители славянского единения должны быть начеку и должны подать руку помощи национальной России. Нам, горячим сторонникам славянского единения и ис-

кренне любящим славянство, становится ясно, что если славяне, воспользовавшись моментом, помогут России подняться, то сама собой осуществится идея великого славянского союза, в котором славянам жить будет свободно и безопасно под сенью русского орла» [37]. При этом редакторы «Русского военного вестника», отмечая искреннюю преданность Н.А. Фиркса славянской идее, все же подчеркивали маловероятность реализации подобного проекта на деле.

Высказывались эмигрантами и мнения о потенциальных возможностях осуществления различных вариантов политического объединения славян в регионе Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, а также возможности участия в этом процессе России. Надежду на осуществление проекта славянского объединения выражал в своем примечании к публикации А.Л. Погодина редактор газеты «Славянская заря», представитель правого крыла кадетской партии Е. Ефимовский: «В чем реальность идеи славянской федерации? В объективном совпадении интересов славянских народов. Что препятствует ее осуществлению? Взаимное непонимание, местный эгоизм и интриги интернационала. Мы не видим в природе отношений между славянскими народами непреодолимых препятствий к их осуществлению. Правда, никогда еще сознание славянских народов не было так затуманено, как теперь, но это есть явление преходящее» [9]. Однако, несмотря на прослеживающийся оптимизм, эмигрантам было трудно с уверенностью сказать, когда этот сложный «преходящий» период в жизни славянских народов, наконец, завершится.

В большей мере скептически размышлял о возможности объединения славян на основе федерации А.Л. Погодин, видный российский славист и публицист. До Октябрьской революции и последовавшей эмиграции А.Л. Погодин являлся одним из поборников концепции неославизма в России, уделив немало внимания разрешению «польского вопроса», выступал за дарование полякам автономии в составе Российской империи. Он подвергал критике взгляды на славянство, сформировавшиеся среди пореформенных славянофилов, и в целом проводимую российским самодержавием политику в Царстве Польском [25]. В период эмиграции А.Л. Погодин старался следить за информацией, касавшейся происходивших политических процессов в России и славянских странах ЦВиЮВЕ. В политико-идеологическом плане Погодин перешел от либеральных воззрений к более консервативным, сблизившись с русскими монархическими кругами Белграда. Он также во многом пересмотрел свои прежние взгляды на славянский мир, назвав их в переписке с ученым-славистом В.А. Францевым «романтической мечтательностью» [14, с. 500]. Виною этому стала, по словам самого А.Л. Погодина, складывавшаяся позиция славянских наро-

¹⁰ Чешская газета *Národní listy*, с которой активно сотрудничал К. Крамарж.

дов, в политике которых он выделял «национальный эгоизм».

По мнению А.Л. Погодина, славянские народы, которые встали бы на путь федеративного объединения, должны были ждать серьезные трудности, «быть может такие, которые и не следует, и не стоит ради сохранения самого государства преодолевать» [24]. Но все же возможность такого объединения профессор полностью не отрицал, делая при этом оговорку, что оно возможно только на основе идеи «обороны от общего врага». Подобным врагом, по мнению А.Л. Погодина, могла стать усиливавшаяся Германия, в чем проявилась его солидарность с мыслью К. Крамаржа [30, с. 411]. А свободная от большевизма и сильная Россия могла бы укрепить основы непрочного Версальского порядка и оказать славянам помощь в сдерживании воинственного германизма. Идею федерации «во имя одного только славянского происхождения» А.Л. Погодин не рассматривал как реальную в ближайшем для него будущем, ссылаясь на имевшиеся разногласия, разделявшие славянские народы. «Другое дело, – продолжал ученый, – поддерживать память о нашем славянском родстве, стремиться к исканию союзников именно среди славянства... это, думается мне, задачи вполне реальные, к осуществлению которых и следует приступить» [24].

Заметной вехой в истории развития русской зарубежной мысли стало идейное противостояние К. Крамаржа, с одной стороны, и Э. Бенеша и Т.Г. Масарика с другой, о так называемом «русском вопросе». Идейный антагонизм чехословацких политиков, растянувшийся на весь межвоенный период, явил собой достаточно заметный сюжет в истории Чехословацкого государства [30; 31]. Обозначившееся идейное противостояние было определено различным пониманием славянской идеологии как консолидирующего элемента и роли в ней России. В представлении Т. Масарика (впоследствии и Э. Бенеша) разработка идеи славянского единства должна была способствовать разрешению внутренних проблем в ЦВиЮВЕ, способствовать внутренней идентификации молодых государств [4, с. 33-34]. Славянская идея в таком толковании находила себе применение в качестве приемлемой идеологической модели обновленного государственно-территориального устройства в регионе после распада Австро-Венгрии. Но при этом, вне рамок славянского содружества оказывалась Россия, так как ее будущее после революции считалось неопределенным.

Попытку разобраться в проблемах «славянской политики» после Первой мировой войны сделал и П.Н. Милюков – историк и политический деятель либеральных взглядов, находившийся в хороших отношениях с чехословацким президентом Т.Г. Масариком [3]. Несмотря на некоторые расхождения, Милюков не скрывал своих симпа-

тий в отношении воззрений первого президента Чехословакии. Касаясь рассуждений о славянстве, Милюков по его выражению, подобно Масарику, сам старался бороться «против национальной исключительности старого романтического славянофильства» [17, с. 290-291]. В своих воспоминаниях о встречах с Масариком Милюков сообщает: «Через Масарика открылись мне перспективы нового славянского мира, непохожие на славянофильские мечтания...» [17, с. 291]. Своими размышлениями о судьбе «славянской политики» в реалиях послевоенного Версальского территориального и политического переустройства П.Н. Милюков поделился в двух своих статьях публицистического характера [42; 43].

Рассматривая особенности развития славянского мира после 1918 г., Милюков писал, что результаты Первой мировой войны и состоявшихся революций в целом озаменовали собой совершенно новую стадию развития межгосударственных отношений. В послевоенных условиях стали проявляться новые настроения, складывалось совершенно новое положение на международной арене. Россия при этом, как неоднократно подчеркивал Милюков, в силу внутривнутриполитических обстоятельств утратила свою ключевую роль в славянском мире, что, по его мнению, привело к необходимости установить своеобразную разграничительную черту. Эта черта разделяла славянскую политику на два ее исторических этапа: ушедшего прошлого и актуального настоящего [43, р. 269]. Поэтому, следуя далее логике Милюкова, положение вещей в начале 1920-х годов должно было подталкивать к иной постановке вопросов в рамках межславянских отношений. При этом ученый, понимая сложность проблемы межнациональных столкновений в ЦВиЮВЕ, делает замечание, что «всякая идея славянского государства с наличием определенных национальных меньшинств очень сомнительна» и что «идея славянской политики должна применяться молодыми государствами с большой осторожностью» [43, Р. 270].

Милюков в роли теоретика славянского вопроса в 1920-е гг. продолжал исходить из своих прежних, дореволюционных идейных убеждений [18], негативно воспринимая панславистские течения и ориентированные на русское самодержавие славянизированные идеологии. Как уже имевшиеся результаты, так и перспективы деятельности сторонников данных течений Милюков оценивал скептически. Размышляя над сложившимся положением, он пишет, что «любая славянская политика в настоящее время может осуществляться только в рамках согласия всей системы славянских государств, ревниво относящихся к своей независимости и отвергших идею российского покровительства» [42, р. 481].

Однако П.Н. Милюков (как, впрочем, и Э. Бенеш) полностью не отрицал роли российского фактора в дальнейшей судьбе славянских гос-

ударств. Вопрос скорее касался политической идеологии будущего российского государства. Лидер кадетов задавался вопросами: какой будет Россия будущего, с учетом уже свершившегося «коммунистического эксперимента»? Свершится ли эволюция большевистской идеологии? В скорую победу над большевизмом в России силами Русского Зарубежья он не верил.

Хотя Милюков и считал, что «довольно нелепо рассматривать славянскую политику в качестве основного внешнеполитического вектора России» [42, р. 491], он продолжал рассматривать будущую Россию как неотъемлемую часть европейского политического пространства. А Россия, в свою очередь, «наравне с другими европейскими державами будет заинтересована в сохранении баланса и мира в Европе» [42, р. 491-492]. С этой точки зрения предопределяется участие России в «славянских делах», так как славянские государства (здесь Милюков ссылается на слова Э. Бенеша), подобно России являются частью Европы [42, р. 493].

В своих статьях лидер российского республиканско-демократического движения симпатизировал последователям т.н. «новой славянской политики», воспитанных на идеях Т. Масарика. По мнению Милюкова, эти люди «стали играть чрезвычайно важную роль в развитии межславянских политических проектов, взяв на себя роль посредников между небольшими славянскими народами – которые возлагали свои надежды на освобождение именно на войну, провозглашавшую лозунг освобождения малых народов, – и великими державами, так как последние отвечали за проведение большой реальной политики» [43, р. 273].

Обращаясь к результатам деятельности К. Крамаржа, целью которого в первое десятилетие XX века являлось сплочение представителей славянских народов на основе неославизма, Милюков указывал на ее малую результативность. К тому же недостаточный интерес к планам К. Крамаржа со стороны российских политических кругов не позволил «новославянскому» течению развиваться далее [43, р. 274]. В своих рассуждениях публицист, цитируя работы Т.Г. Масарика по славянской проблеме, соглашается с мыслью первого чехословацкого президента о том, что хотя «национальные чувства и идеи не могут быть окончательно вытеснены интернационализмом», все же «славянский вопрос» должен быть разрешен в свете влияния идей европейской консолидации, а панславистская «самодержавная» модель должна быть заменена идеей объединения на основе демократических ценностей [43, р. 285].

Своеобразное отношение к славянской идее было свойственно левым кругам русской эмиграции, в частности представителям партии эсеров, влияние которых в 1920-е гг. было ощутимо на территории Чехословацкой республики.

Однако в политической литературе левых партий в эмиграции славянская идея не была столь популярной темой для обсуждений, и обращались к ней нечасто. Среди тех же эсеров, кто в своих текстах пытался рассуждать о «славянской теме», зачастую высказывалась мысль о том, что именно революционно-демократический фактор сыграл важнейшую роль в процессе освобождения славянских народов и последовавшего оформления их государственности. Эсер-публицист и член редакции эсеровского издания «Воля России» (Прага) В.И. Лебедев, рассматривая идею славянского единения через призму революционных движений, подвергал жесткой критике действия российской монархии и губительный результат ее политики в деле решения славянского вопроса в годы Первой мировой войны.

Лебедев пишет, что «Россия одним фактом своей революции закладывала прочный фундамент славянского единения, устранив с пути к нему то, что не только стояло непреодолимой преградой к сближению с западным славянством, но и подготовляло почву для вражды к самой России со стороны живших в русской империи славянских народов» [15, с. 71]. Революция, продолжает свою мысль публицист, «выставила на своих знаменах принцип самоопределения наций и ее первым шагом было провозглашение национальной независимости» угнетенных славянских государств, в частности упоминая сложное положение разделенной Польши [15, с. 71]. Цитируя тексты документов Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, Лебедев подчеркивал, что начатое демократическими революционными силами признание Чехословакии и Польши являло собой «путь для действительного сближения славянства», которое должно было быть осуществлено «только славянской демократией» [15, с. 74]. Прослеживающийся призыв оформить славянское движение в революционно-социалистическом содержании естественно не мог не задеть чувств не только твердых сторонников монархии, но и более широкой «национальной части» эмигрантского общества.

С точки зрения В.И. Лебедева, как представителя левого крыла российской общественно-политической мысли, пример чехословацкого государственного оформления представлялся наиболее успешным в практике славянского сближения в послевоенный период. При этом им особенно подчеркивается «близость к социализму» и демократизм правящей элиты Чехословакии [15]. Именно эти факторы и должны были, по мнению многих представителей левых партий, явиться основой обновленного славянского движения, заменив собой православно-самодержавную «славянофильскую» составляющую до-революционной эпохи.

Заключение. Представления о славянской идее в дискуссиях русских беженцев носили различный характер. Публицисты-эмигранты, к како-

му бы политическому течению они не принадлежали, обращаясь к проблемам славянского мира, были вынуждены приспособляться к новым политическим реалиям и учитывать свершившиеся в Европе перемены. По результатам Первой мировой войны и национальных революций славянские народы обрели независимость, но из «славянского стана» выбыла сама Россия, долгие годы игравшая важную роль в славянском мире. Славянская идея в своих прежних формах должна была быть переосмыслена.

Однако в русской эмигрантской публицистике 1920-х гг. все еще находили отражение взгляды, выработанные в тех формах «славянской мысли», что возникли в дореволюционной России. Если Н.А. Фиркс, один из представителей правой военной среды русской эмиграции в Белграде, рассуждая о развитии славянской идеи прямо не ссылался на труды русской славянофильской мысли последней четверти XIX века, то все же в некоторых вопросах его воззрения на славянский мир находят явные пересечения со взглядами Н.Я. Данилевского.

Антибольшевистское движение русской послереволюционной эмиграции стало одним из основных факторов, оказывавших влияние на трактовку славянской идеи и размышлений о славянстве в 1920-е гг. На примере статей А.С. Изгоева, П.Б. Струве, Е.В. Спекторского и Н.А. Фиркса мы увидели, что предпринимались попытки призвать молодые славянские государства к сплочению с целью решить насущный для первых лет

эмиграции вопрос и организовать антибольшевистские силы. Помимо этого, в размышлениях русских изгнанников прослеживается желание связать славянскую идею с вопросом оформления системы коллективной безопасности в начале 1920-х гг. В русле межславянского политического сближения (с участием в этом проекте национальной меньшевистской России) рассматривалась возможность организации союзного блока на Востоке Европы.

На развитие славянской идеи в межвоенный период также оказала влияние полемика, в основе которой лежало различное восприятие целей славянского движения. Данная тема отчасти отразилась в аналитических измышлениях П.Н. Милюкова. Во взглядах последователей ориентированного на Россию славянства и сторонников «реальной славянской политики» (прежде всего в чешских общественно-политических кругах) обнаружилось противоречивое понимание славянской идеологии и ее консолидирующего потенциала. В действительности имело место быть противостояние двух сложившихся к началу 1920-х годов мировоззрений. С одной стороны, это консолидация славянства в рамках европейского пространства (панъевропеизм), а также стремление использовать славянскую идею в рамках решения национальных задач в ЦВЮОБЕ. С другой стороны, объединение славян во главе с прежним традиционным союзником – национальной, освобожденной от большевиков Россией.

Литература

1. Аксёнова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
2. Аксёнова Е. П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83–89.
3. Вандалковская М.Г. Политическое и научное единомыслие первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика и лидера российского либерализма П.Н. Милюкова // История и историки: историографический вестник. 2009-2010 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 171–186.
4. Влчек Р. Славянство как идеальная основа формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность) / пер. с чеш. Г. П. Мельникова // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 26–44.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Досталь М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и практике ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. 2001. С. 85–95.
7. Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.
8. Дьяков В. А. Славянский федерализм в воззрениях М.А. Бакунина и М.П. Драгоманова // Славянская идея: история и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 95–110.
9. Ефимовский Е. Утопия или возможность? // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.
10. Изгоев А. С. Д-р К. Крамарж о России // Руль. Берлин. 1927. 16 февраля. № 1889.
11. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах (1920-1940) / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; научное редактирование А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова. М.: Русский путь, 2005. 488 с.
12. Косик В. И. Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр «Амур» // Славяноведение. 2002. № 1. С. 93–100.
13. Кудряшев В. Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 364. С. 65–71.
14. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
15. Лебедев В. И. На пути славянского сближения // Воля России. 1923. Ноябрь. С. 70–78.
16. Люкс Л. Русский государственный Петр Струве (1870-1944) [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 1. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).
17. Милюков П. Н. Мои встречи с Масариком // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред., сост. М. Г. Вандалковская; подг. текста, комм. В. В. Тихонов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 289–300.

18. Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [Публ. лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Ист. музея] / П. Милюков. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893. 53 с.
19. Наша годовщина. // Россия и славянство. 1929. 7 декабря. № 54.
20. Ненашева З.С. Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма // Славянские съезды XIX-XX вв. М.: ИСБ РАН, 1994. С. 99–112.
21. Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и Новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
22. Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый 1830-1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
23. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.
24. Погодин А.Л. Одна из утопий // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.
25. Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. Кн. 1. С. 249–265.
26. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб: Колос, 1913. 189 с.
27. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.
28. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. 623 с.
29. Романенко С.А. Советская югославистика: между славяноведением и поисками «Средней Европы» // НЛО. 2009. № 97. С. 90–106.
30. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
31. Серапионова Е.П. Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса» // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 48–56.
32. Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко. Подготовка текста, коммент. С.И. Михальченко. Рязань: Изд-во П.А. Трибунского, 2020. 654 с.
33. Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356.
34. Струве П.Б. Наши идеи // Дневник политика (1925 – 1935). М.; Париж: Русский путь, 2004. С. 123–124.
35. Струве П.Б. Новая жизнь славянства и России // Дневник политика (1925–1935). М.; Париж: Русский путь, 2004. С. 406–407.
36. Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. 1926. 25 июля. № 51.
37. Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. 1926. 5 сентября. № 57.
38. Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М.: Индрик. 2020. 368 с.
39. Bataković D. French Influence in Serbia 1835–1914. *Balkanica*. 2010(41). P. 93–129.
40. Die slavische Idee : Beitrage am Matija Majar-Ziljski-Symposium vom 6. bis 10. Juli 1992 in Tratten/Pošišče, Kärnten / hrsg. von A. Moritsch. Bratislava: Slovak Academic Press, 1993. 149 S. [Славянская идея: вклад в симпозиум Матии Майар-Зильски, проходивший с 6 по 10 июля 1992 г. в Траттене/Пошище, Каринтия / под ред. А. Морич. Братислава: Словацкая академическая пресса, 1993. 149 с.].
41. Rusev R. Slavophilism, Slavic idea and Russian emigrant intellectuals in Bulgaria in the 20s and 30s of the 20th century. SESDivia project. 2018. URL: <https://sesdiva.eu/en/virtual-rooms/russian-immigration-balkans/item/60-slavophilism-slavic-idea-and-russian-emigrant-intellectuals-in-bulgaria-in-the-20s-and-30s-of-the-20th-century> (accessed: 18.10.2023)
42. Milyukov P. A new Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1928. Vol. 6. No. 18. P. 481–495.
43. Milyukov P. The World war and Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1927. Vol. 6. No. 17. P. 268–290.

References

1. Aksionova EP. A. N. Pypin on Slavs. Moscow: Indrik; 2006. 504 p. (In Russ.).
2. Aksionova EP. Slavophil A.A. Bashmakov on the crisis of the Slavic idea. *Slavjanovedenie*. 2001;5:83-89. (In Russ.).
3. Vandalkovskaja MG. Political and scientific unanimity of the first President of Czechoslovakia T.G. Masaryk and the leader of Russian liberalism P.N. Milyukov. *Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik*. 2009-2010. 2012:171-186. (In Russ.).
4. Vlček R. Slavism as a Pillar of the Emerging Czechoslovak State (Idea, Ideology and Statehood). Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS publ; 2020. p. 26-44. (In Russ.).
5. Danilevskij NJa. Russia and Europe. Moscow: Kniga; 1991. 574 p. (In Russ.).
6. Dostal' MJu. The Slavic world and the Slavic idea in the philosophical constructions and practice of the early Slavophiles. *Slavjanskij al'manah*. 2001:85-95. (In Russ.).
7. Djakov VA. The Slavic question in prerevolutionary Russian public life. Moscow: Nauka; 1993. 207 p. (In Russ.).
8. Djakov VA. Slavic federalism in the views of M.A. Bakunin and M.P. Dragomanov. Slavic idea: history and modernity. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS; 1998. P. 95-110. (In Russ.).
9. Efimovskij E. Utopia or opportunity? *Slavjanskaja zarja*. Prague. 1920. July 4th. No. 165. (In Russ.).
10. Izgoev AS. Dr. K. Kramář on Russia. *Rul'*. Berlin. 1927. February 16. No. 1889. (In Russ.).
11. Jovanović M. Russian Emigration on the Balkans (1920-1940). Moscow: Russkij put'; 2005. 488 p. (In Russ.).
12. Kosik VI. The Idea of Slavic union and Russian revival. The Amur Cypher. *Slavjanovedenie*. 2002;1:93-100. (In Russ.).
13. Kudrjashev VN. Transformation of Slavophilism into Pan-Slavism as a change in the concept of Russian nationalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;364:65-71. (In Russ.).
14. Lapteva LP. History of Slavic studies in Russia at the end of the 19th – first third of the 20th century. Moscow: Indrik; 2012. 840 p. (In Russ.).
15. Lebedev V.I. On the path of Slavic rapprochement. *Volja Rossii*. 1923;18:70-78. (In Russ.).

16. Luks L. Russian Statesman Peter Struve (1870-1944). Forum for the history and culture of Eastern Europe. Russian edition. 2014;1. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (accessed: 16.10.2023).
17. Miljukov PN. My meetings with Masaryk. P. N. Miljukov: "Russian European". Journalism in 1920–30s. Moscow: ROSSPEN; 2012. 326 p. (In Russ.).
18. Miljukov PN. Decomposition of Slavophilism. Danilevskij, Leontev, VI. Solovev. Publ. lecture, reading 22 Jan 1893 in the auditorium of the Historical Museum. Moscow: typography of the partnership I.N. Kushneryov and Co.; 1893. 53 p. (In Russ.).
19. Our anniversary. *Rossija i slavjanstvo*. 1929. December 7. No. 54. (In Russ.).
20. Nenashcheva ZS. The Slavic Congress of 1908 in Prague and its place in the formation of the ideology and program of neo-Slavism. Slavic congresses in the XIX-XX centuries. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS; 1994. P. 99-112. (In Russ.).
21. Pavlenko OV. Pan-Slavism and its models. *Novaja i Novejšaja istorija*. 2016;5:3-15. (In Russ.).
22. Pavlenko OV. Pan-Slavism: real and imaginary. 1830-1860s. Moscow: RSUH publ.; 2023. 404 p. (In Russ.).
23. Pan-Slavism in the History of Politics and Thought in Twentieth-Century Russia. Moscow: Moscow University Press; 2018. 218 p. (In Russ.).
24. Pogodin AL. One of the utopias. *Slavjanskaja zarja*. Prague. 1920. July 4th. No. 165. (In Russ.).
25. Pogodin AL. Reasons and goals of the newest Slavic movement. *Vestnik Evropy*. 1909;1:249-265. (In Russ.).
26. Pypin AN. Panslavism in the past and present (1878). St. Petersburg: Kolos; 1913. 189 p. (In Russ.).
27. Romanenko SA. Between "proletarian internationalism" and "Slavic brotherhood". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 1024 p. (In Russ.).
28. Romanenko SA. Yugoslavia, Russia and the "Slavic Idea". The second half of the XIX - beginning of the XXI century. Moscow; 2002. 623 p. (In Russ.).
29. Romanenko SA. Soviet Yugoslav studies: between Slavic studies and the search for "Central Europe". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009;97:90-106. (In Russ.).
30. Serapionova EP. Karel Kramář and Russia 1890–1937. Moscow: Nauka; 2006. 512 p. (In Russ.).
31. Serapionova EP. Debate between K. Kramář and E. Beneš on the role of Russia in resolving the "Czech question". *Slavjanskij al'manah*. 2015;1-2:48-56. (In Russ.).
32. Spektorskij EV. Memoirs. Riazan: publ. by P.A. Tribunskii; 2020. 654 p. (In Russ.).
33. Spektorsky EV. Russia and the Slavs. *Vozroждение*. Paris. 1926. May 24. No. 356. (In Russ.).
34. Struve PB. Our ideas. Diary of a Politician (1925-1935). Moscow; Paris; 2004. P. 123-124. (In Russ.).
35. Struve PB. New life of Russia and the Slavs. Diary of a Politician (1925-1935). Moscow; Paris; 2004. P. 406-407. (In Russ.).
36. Firks NA. Restoration of Russia. *Russkij voennyj vestnik*. Belgrade. 1926. July 25. No. 51. (In Russ.).
37. Firks NA. Restoration of Russia. *Russkij voennyj vestnik*. Belgrade. 1926. September 5. No. 57. (In Russ.).
38. Churkina IV. Russia, Slavophiles and foreign Slavs. Essays on history. Moscow: Indrik; 2020. 368 p. (In Russ.).
39. Bataković D. French Influence in Serbia 1835-1914. *Balkanica*. 2010;41:93-129.
40. The Slavic idea: contributions to the Matija Majar-Ziljski symposium from 6 to 10 July 1992 in Tratten/ Pošišče, Carinthia / edited by A Moritsch. Bratislava: Slovak Academic Press; 1993. 149 p. (In Germ.).
41. Rusev R. Slavophilism, Slavic idea and Russian emigrant intellectuals in Bulgaria in the 20s and 30s of the 20th century. SESDiva project. 2018. URL: <https://sesdiva.eu/en/virtual-rooms/russian-immigration-balkans/item/60-slavophilism-slavicidea-and-russian-emigrant-intellectuals-in-bulgaria-in-the-20s-and-30s-of-the-20th-century> (accessed: 18.10.2023).
42. Milyukov P. A new Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1928;6(18):481-495.
43. Milyukov P. The World war and Slavonic policy. *The Slavonic Review*. 1927;6(17):268-290.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.9>

СУДЕБНО-ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ ФРИДРИХА II ПРУССКОГО И ПАВЛА I

Андрей Сергеевич Костев

Московский городской педагогический университет (д. 4, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, Москва, 129226, Российская Федерация)
Аспирант
a.kostev@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3696-5054>

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы связана с уточнением степени влияния идей и практик Фридриха II Великого на Павла I в государственной политике, в частности в проведении ряда реформ. Такое исследование способствует переосмыслению истории российского самодержавия не только в XVIII веке, но и в общей истории России. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на основе принципов объективности, историзма и системного подхода. Кроме того, были использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, методы дедукции и индукции, а также историко-сравнительный метод. **Анализ.** Говоря о влиянии прусского короля Фридриха II, как правило, упоминают военную реформу Павла I и введение прусских порядков в российскую армию. Однако, представляется, что опыт Пруссии времен Фридриха Великого использовался и в других преобразованиях Павла I, в том числе в судебно-правовой реформе, так как российский император считал прусскую модель государственного устройства актуальной для России.

Построение государства по типу Пруссии требовало инноваций в разных сферах; при их проведении большую роль сыграли мировоззренческие установки и политический дискурс XVIII века. Для выявления идей и практик Фридриха II Прусского в судебно-правовой области были использованы оригинальные работы на немецком языке, демонстрирующие ключевые положения реформы прусского короля. Судебно-правовая реформа

Павла I отражена в ряде работ отечественных историков, однако в них не проводится детальное сопоставление аспектов реформы в Пруссии и России. К фактам, демонстрирующим сходство проводимых преобразований, можно отнести отмену пыток и телесных наказаний, реструктуризацию и централизацию органов судебного управления, унификацию и создание нового законодательства. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что судебно-правовые реформы обуславливались влиянием Просвещенного абсолютизма и были направлены на преодоление судебного произвола и реализацию гуманистических идей.

Ключевые слова: Россия, Пруссия, Павел I, Фридрих II, просвещенный абсолютизм, камерализм, судебно-правовая реформа

Для цитирования: Костев А. С. Славянская идея и ее формы в публицистике представителей Русского Зарубежья в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 274–279. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 30.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

JUDICIAL AND LEGAL REFORMS OF FREDERICK II OF PRUSSIA AND PAUL I

Andrey S. Kostev

Moscow City Pedagogical University (4, Vtoroy Selskhoziajstvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation)
Postgraduate student
a.kostev@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3696-5054>

Abstract. Introduction. The topicality of the study is related to clarifying the degree of influence of the ideas and practices of Frederick II the Great on Paul I in public policy, in particular in carrying out a number of reforms. Such research contributes to rethinking of the history of the Russian autocracy not only in the XVIII century, but also in the general history of Russia. **Materials and Methods.** The research was conducted on the basis of a systematic approach, objectivity and historicism principles, and. In addition, general scientific methods of information analysis and synthesis, methods of deduction and induction, as well as the historical and comparative method were used. **Analysis.** The influence of the Prussian King Frederick II is commonly associated with the military reform of Paul I and the introduction of Prussian orders into the Russian army. However, it seems that the experience of Prussia during the time of Frederick the Great was used in other transformations of Paul I, including judicial and legal reforms, since the Russian emperor considered the Prussian model of government relevant for Russia. Building a Prussian-style state required innovations in various fields; the worldview and political discourse of the XVIII century played an important role in their implementation. To identify the ideas and practices of Frederick II of Prussia in the judicial and legal field, original works in German were used, demonstrating the key provisions of the reform of the Prussian king.

The judicial and legal reform of Paul I are reflected in a number of works by Russian historians, but they do not provide a detailed comparison of the aspects of reform in Prussia and Russia. The facts demonstrating the similarity of the ongoing transformations include the abolition of torture and corporal punishment, the restructuring and centralization of judicial administration, unification and the creation of new legislation. **Results.** According to the results of the conducted research, it can be concluded that judicial and legal reforms were conditioned by the influence of Enlightened absolutism and were aimed at overcoming judicial arbitrariness and the implementation of humanistic ideas.

Keywords: Russia, Prussia, Paul I, Frederick II, enlightened absolutism, cameralism, judicial and legal reform

For citation: Kostev AS. Judicial and legal reforms of Frederick II of Prussia and Paul I. *Humanities and law research.* 2024;11(2):274-279. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.11.2023.

The article was approved after reviewing: 30.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

Введение. Новый всплеск интереса российской историографии к неоднозначной и во многом противоречивой фигуре Павла I в последние два десятилетия породил довольно большое количество работ, посвященных биографии и государственным преобразованиям российского императора. В фокусе внимания ученых находятся различные аспекты реформаторской деятельности императора Павла Петровича. В исследовании А.Б. Каменского «От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа» [1] раскрываются основные направления реформ Павла I в сопоставлении с его предшественниками. Реформам в религиозной сфере в России периода правления Павла I посвящена, например, диссертация С.Г. Григорьева «Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I» (2004). Тема судебных преобразований российского императора нашла свое отражение как в крупных исторических очерках, например, «Судебная власть в России. История. Документы» [4], так и диссертациях, например, Е.А. Волковой «Государственные преобразования в период царствования Павла I: 1796–1801» (2012), Е.П. Момотовой «Законодательство Павла I: структура, специфика, значение» (2021), а также отдельных статьях.

Как правило, подробному анализу подвергается государственная деятельность российского императора, а вопрос об причинах реформ увязывается с политической программой, точнее с рядом документов, на основании которых можно проследить эволюцию взглядов Павла I [1, с. 481], и с общеевропейскими тенденциями. Так, например, А.Б. Каменский приводит в пример Пруссию в период правления Фридриха II, где наиболее последовательно было проведено размежевание судебной и административной власти, подтверждая эту мысль ставшей хрестоматийной историей с мельником из Сан-Суси [1, с. 517].

Представляется, что мысль о необходимости проведения реформ в России могла возникнуть у Павла I под влиянием идей и практик Фридриха II Прусского, который, как отмечается в отечественной историографии, был для Павла Петровича примером для подражания. Можно предположить, что взаимоотношения Павла I и Фридриха II Прусского, участие прусского короля в жизни цесаревича Павла Петровича, их личная встреча, а также роль Фридриха Великого при российском императорском дворе, пропрусская партия, к которой примыкал воспитатель Павла I Н.И. Панин, не могли не сыграть определенную роль в становлении взглядов Павла I, а поездка в Пруссию и знакомство с государственным устройством оказала на будущего российского императора большое впечатление. Отметим, однако, что личные симпатии к Фридриху Великому играют в преобразованиях Павла I второстепенную роль. Российский император был приверженцем самого государства Пруссии, считал прусскую модель государственного устройства наиболее подходящей для России [9, с. 33].

Реформаторскую деятельность Павла I следует, очевидно, рассматривать на фоне общего историко-политического контекста XVIII в., который характеризуется становлением государств нового типа, для характеристики которых историки используют термины «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» [2, с. 105]. Фридрих II Прусский является примером «просвещенного монарха», годы его правления соотносятся с хронологией просвещенного абсолютизма [2, с. 106].

В указанный исторический период в Пруссии наблюдалось усиление влияния камерализма – учения об управлении государством, в основе которого лежит представление о его функционировании как работе слаженного механизма, составные части которого соотносятся с инструкциями, регламентами и правилами [2, с. 110]. Современные историки полагают, что именно в Пруссии и России камерализм оказал наибольшее влияние на государственное устройство, что и обусловило проведение ряда реформ [2, с. 111].

Таким образом, можно предположить, что при реализации своей государственной программы Павел I учитывал как идеологическую составляющую, так и бюрократическую часть «машины» прусского государства в период правления Фридриха II Великого.

В отечественной историографии существует ряд работ, посвященных судебно-правовой реформе Фридриха II, но по большей части, информация в них представлена довольно кратко, что может быть связано с тем, что научная зарубежная литература на эту тему не переведена на русский язык.

В немецкой историографии судебная реформа Фридриха II в той или иной степени нашла свое отражение во всех биографических очерках, а также специальных научных исследованиях по истории судебной реформы (Justizreform). К основным источникам можно отнести книгу А.В. Видеманна (A.W. Wiedemann) «Прусские судебные реформы и становление адвокатской нотариальной конторы в Старой Пруссии (1700–1849)» [18], А. Вайслера (A. Weessler) «История адвокатуры» [17] и др.

Но ни в одной из них не содержится оценки влияния прусских традиций на судебно-правовые преобразования Павла I, что определяет актуальность представленной статьи. Поиск идей и практик Фридриха II Прусского в истоках и реализации судебно-правовой реформы Павла I способствует уточнению степени влияния идей прусского короля на государственную деятельность российского императора в целом.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе применения принципов объективности, историзма и системного подхода. Это способствовало выявлению факторов влияния прусского короля на деятельность российского императора. Использование историко-сравнительного метода дало возможность продемонстрировать воплощение идей и практик Фридриха Прусского в государственной политике Павла I, одновременно выявив отличие между их реализацией

Анализ. Одним из основных вопросов проведения реформ в разных сферах общественной жизни является определение их причин. Стимулами для переустройства судебно-правовой системы в Пруссии были как личные мотивы короля, так и общие постулаты эпохи Просвещения. Отметим, что Фридрих II Прусский довольно критически относился к юристам, которые, по его мнению, «затуманивают разумное и стоят на пути настоящей справедливости» («das Vernünftige vernebeln, der wahren Gerechtigkeit im Wege standen»). Судей он рассматривал как людей, «забывших о своих обязанностях, неспособных и продажных» («pflichtvergessen, unfähig und bestechlich»), а в адвокатах видел «нарушителей закона и лиц, уклоняющихся от уплаты налогов» («Rechtsverdreher und Gebührenschinder») [17, с. 23 – 24]. Эти нелицеприятные качества судей и адвокатов составляли в глазах короля одну из причин неэффективности судебной системы. Пересмотра требовали также юридические законы, написанные на чужом, не современном языке, которые содержали разные, часто противоречащие друг другу положения, что приводило к их разному толкованию и применению [17, с. 16].

Идея создания общего законодательства занимала Фридриха II в разные периоды его жизни. В своем «Трактате о создании и отмене законов» («Abhandlung über die Gründe zur Einführung und Abschaffung der Gesetze») Фридрих II подчеркивал, что создание совершенного *Corpus juris* было бы воплощением гения человеческого духа. Государство, живущее по таким законам, можно было бы сравнить с часами, все движения которых подчинены одной цели. Находясь под влиянием идей эпохи Просвещения, Фридрих II пишет о том, что для достижения такого состояния необходимо глубокое знание человеческого сердца и национального духа [13, с. 408].

В продолжении темы гуманизма судебных преобразований отметим, что лейтмотивом судебной реформы Фридриха II было равенство всех перед законом, защита вдов и сирот и достижение справедливости [12, с. 5]. А роль государя Фридрих оценивал следующим образом: «В определенной степени правитель делает себя соучастником преступлений, которые он оставляет безнаказанными» («Der Herrscher macht sich gewissermaßen zum Mitschuldigen an den Verbrechen, die er unbestraft läßt» [12, с. 5].

К практическим причинам, повлиявшим на реформирование судебной системы, можно отнести большое количество нерешенных судебных дел. Историографы Фридриха II упоминают о 4 594 судебных делах из 11 515, оставленных без движения [11, с. 147].

Император Павел I с уважением относился к юридическим наукам, о чем свидетельствует Положение школы при Сенате для юнкеров, где указано, что «правоведение или юриспруденция является главным предметом учения» [8], а также запись о том, что должен быть создан отдельный

юридический класс, учащиеся которого должны получить как теоретические знания (знакомство с уставами, регламентами и другими документами), так и практические навыки (умение написать прошение, навык в использовании законодательства).

Существующее положение дел в системе судопроизводства не устраивало его по нескольким причинам. Исследователи отмечают недовольство Павла I самой структурой судопроизводства, которая состояла из четырех инстанций, последовательное прохождение которых затрудняло и затягивало вынесение решений. Так к 1 января 1790 г. в Сенате скопилось свыше 14 тысяч неразрешенных дел, в губерниях их число было гораздо больше [10, с. XL]. Поэтому одним из главных решений было реформировать отдельные структуры и внести изменения в порядок их действий [3, с. 295].

Вторая причина для проведения преобразований заключалась в отсутствии четкого российского законодательства. Неслучайно одним из именных указов Павла I от 16 декабря 1796 г. стало проведение ревизии существующих законов с их последующей кодификацией в трех книгах законов Российской Империи: Уголовных, Гражданских и Казенных дел [10, с. 9].

Таким образом, причинами судебных реформ Фридриха II и Павла I являются как мировоззренческие установки, так и сложившаяся ситуация в системе судопроизводства, требующая безотлагательного решения накопившихся проблем.

Реализация судебной реформы Фридриха II Великого была связана с двумя историческими персонажами: министром юстиции (впоследствии министром финансов и Великим канцлером) Самуэлем фон Кокцей (Samuel Freiherr von Cocceji) (1679–1755) и после его смерти с министром юстиции и великим канцлером Иоганном Генрихом Казимиром фон Кармером (Johann Heinrich Casimir von Carmer) (1721–1801).

Реформаторские идеи Кокцей сводились к нескольким пунктам:

- изменение системы финансирования судебного корпуса. Во многом сверхнагрузка судей и адвокатов была создана искусственно, так как финансирование юристов осуществлялось за счет участников процесса, а судьи и адвокаты либо получали небольшое жалование, либо не получали его вовсе и были заинтересованы в затягивании судебных процессов;

- качественные преобразования представителей судебной власти, так как, по его мнению, большинство из современных ему адвокатов были бедны, не обучены и неопытны и занимались выкачиванием денег из подзащитных [16, с. 327];

- унификация и упрощение процессуальных порядков.

Нельзя сказать, что все идеи были реализованы в полной мере. Так, план по выплате фиксированного ежегодного достаточного жалования не был осуществлен из-за нежелания Фридриха II тратить большие государственные деньги.

Упорядочивание и упрощение ведения судебных процессов нашло свое отражение в уставе судопроизводства, вошедшем в историю под названием «Кодекса Фридрицианум» («Codex Fridericianus») (1748) [16, с. 332].

Отметим также методы, используемые при реализации основных положений реформы, которые имели законодательный запретительный характер. Так, согласно специальным указам (от 2 апреля и далее 20 июня 1746 года) нельзя было отправлять дела для получения заключений в отечественные и зарубежные университеты и суд шэффенов (суды присяжных). Делалось это с целью сокращения сроков рассмотрения и избежания удорожания процесса [17, с. 22].

Указ от 10 октября 1746 года предусматривал ограничения на подачу ходатайств – излюбленный способ адвокатов для затягивания времени рассмотрения дел [17, с. 24].

Фридрих II настаивал также на том, что судебное разбирательство не может длиться более одного года и должно рассматриваться в трех инстанциях [14, с. 96].

Результатами проведенных реформ прусский Король был весьма доволен, что отразил в тексте своего Политического завещания, написав, что «теперь несправедливость встречается гораздо реже, что судьи стали менее продажными, время судебных процессов сократилось, уменьшилось количество нерассмотренных дел» [12, с. 5].

Продолжение судебной реформы Казимиром фон Кармером предусматривало пересмотр судебного производства в целом и деятельности адвокатуры в Пруссии, в частности. По плану фон Кармера вводились должности так называемых Ассистент-Советников (Assistenz-Räte), которые выполняли функции помощника судьи, и комиссаров юстиции (Justizcommissarien), оказывающих консультационные услуги [16, с.347 – 355], а также впоследствии услуги нотариуса. Эти нововведения были отражены в новом законодательном документе Corpus juris Fridericianum (1780). Предполагалось, что новые судебные процессы будут осуществляться в устной форме с обязательным личным присутствием сторон, деятельность адвокатов в самом судебном заседании была сильно ограничена [16, с. 355]. После смерти прусского короля фон Кармер переработал свои предложения, в результате чего адвокатура вернула свои утраченные позиции.

Фридрих II Прусский поручил также фон Кармеру разработать Общее законодательное право. Новый документ должен был быть написан на немецком языке, основываться на Естественном праве, Римском праве и включать в себя уже существующие законы Пруссии [17, с. 212].

Таким образом, судебная реформа Фридриха II была направлена на усовершенствование процесса судопроизводства, каждый этап которой обладал определенной спецификой в зависимости от целей ее исполнителей. Кокцеи уделял внимание кадровому составу судопроизводства и

ее организации, не затрагивая основное право, а Кармер занимался в большей степени законодательством [17, с. 124].

Судебные преобразования Павла I, начало которым было положено в самые первые годы его правления, привели к ликвидации части органов судопроизводства, восстановлению прежних и возникновению новых с наделением их судебными полномочиями. Например, восстановленная Коммерц-коллегия разбирала судебные тяжбы с английскими купцами. Упразднены были органы первой и второй инстанций, далее в рамках городского управления вместо Городских Магистратов были созданы Ратсхаузы, для осуществления судебных процессов в военной сфере был создан Генеральный аудиторат и др.

Павел I восстанавливает национальные органы судебной системы в отдельных губерниях, примером чему является указ о восстановлении в Лифляндии и Эстляндии «присутственных мест, которые по тамошним правам и привилегиям существовали до 1783 года» [5] или указ о восстановлении в Малороссии ранее существовавшего способа судопроизводства [6].

Преобразования Павла I затрагивали как качественную, так и содержательную составляющую судебно-правовой системы Российской Империи.

Унификация юридических документов, которой занималась Уложенная комиссия, впоследствии переименованная в Комиссию для составления Законов [7], до смерти Павла I подготовила проект о сокращении канцелярского порядка, первую часть Общего права, 17 глав о судопроизводстве и 13 глав для уголовного законодательства [4, с. 13].

Как зарубежные, так и отечественные историки считают крупным успехом судебных реформ Фридриха II Великого отмену пыток. Заметим, что этот указ от 3 июня 1740 г. действовал с ограничениями [14, с. 45], запрет не работал, например, при рассмотрении дел об убийствах при отсутствии доказательной базы.

В этой связи упомянем такие указы Павла I, как амнистию нижних чинов, находящихся под следствием (за исключением обвиняемых в тяжких преступлениях), амнистию сосланным участникам восстания Костюшко и др. [1, с.491]. Но в то же самое время были введены телесные наказания для дворянства.

К сходным элементам судебных реформ двух монархов можно отнести централизацию судебной власти. В Пруссии периода правления Фридриха II Великого произошло усиление роли Верховного суда королевства (Kammergericht) за счет перераспределения полномочий ликвидируемых судебных инстанций. В дневниковых записях Фридриха II от 28 декабря 1749 года есть указание на то, что полномочия распущенного Тайного Юридического Совета (Geheimer Justizrath) были переданы Верховному суду и Высшему Трибуналу [15, с. 181]. Впоследствии Верховный суд Королевства стал высшей судеб-

ной инстанцией. Такая же роль была, вероятно, уготовлена Сенату, который по планам Павла I наделялся статусом главного судебного органа.

Результаты. Проведя краткий экскурс в историю судебно-правовых реформ Фридриха II Великого, мы можем сделать вывод о существовании сходных элементов в проведении судебной реформы Павлом I и Фридрихом II Прусским, что позволяет говорить об определенном влиянии идей и практики последнего на государственную деятельность Павла I. Такое сходство обуславливается скорее всего влиянием Просвещенного абсолютизма на судебное реформирование. Во главу угла ставится принцип единого закона для всех, защита бедных слоев населения. В рамках этого постулата оба монарха стремились к упрощению и облегчению процедуры судопроизвод-

ства, проводя ликвидацию неэффективных структур и заменяя их на другие с новыми полномочиями. Общими являются попытки ревизии и кодификации законодательного права. Гуманистическая направленность судебных реформ Фридриха II и Павла I не распространялась на военное законодательство, где, например, существовали суровые наказания за дезертирство или за выступления против командного состава.

Полагаем, также, что влияние реформы прусского короля на судебные преобразования Павла I можно найти в отдельных деталях преобразований, например, в сокращении судебных инстанций до 3 организаций. Это предположение требует углубленного изучения преобразованных структур.

Литература

1. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. 575 с.
2. Каменский А. Б. Просвещение и власть // Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ истории РАН. 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука, 2019. Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. Ред. С. Я. Карп. С. 104–132.
3. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Изменение судебной системы в правление Павла I // Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Том II. Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. С. 294–297.
4. Майков П.М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1826–1882: исторический очерк П. М. Майкова. СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 616 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. I. Т. XXIV. № 17.584.
6. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17.594.
7. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17.697.
8. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17.733.
9. Скоробогатов А. В. Политические взгляды Павла I: Становление, эволюция, реализация: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 48 с.
10. Томсинов В. А. Император Павел I (1754-1801): государственный деятель и законодатель С. XV- LXIV // Законодательство Императора Павла Первого / Составитель, автор предисловия и библиографии В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. LXIV, 239 с.
11. Augstein R. Preußens Friedrich und die Deutschen. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1981. 410 S. [Аугштейн Р. Фридрих Пруссии и немцы. Франкфурт/М.: Издательство Fischer Taschenbuch Verlag, 1981. 410 стр.].
12. Friedrich der Große. Das politische Testament von 1752. Stuttgart: Reclam, Ditzingen, 1972. 195 S. [Фридрих Великий. Политическое завещание 1752 года. Штутгарт: Reclam, Дитцинген, 1972. 195 стр.].
13. Friedrich der Große. Abhandlung über die Gründe zur Einführung und Abschaffung der Gesetze // Gesammelte Werke Friedrichs des Großen in Prosa in einem Bande. Berlin: Lewent, 1837. 976 S. [Фридрих Великий. Трактат о причинах введения и отмены законов // Собрание сочинений Фридриха Великого в прозе в одном томе. Берлин: Левент, 1837. 976 стр.].
14. Mittenzwei I. Friedrich II von Preußen. Eine Biographie. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1990. 250 S. [Миттенцвей И. Фридрих II Прусский. Биография. Берлин: Немецкое научное издательство VEB, 1990. 250 стр.].
15. Rödenbeck K.H.S. Tagebuch oder Geschichtskalender aus Friedrich's des Großen Regentenleben (1740–1786) mit historischen und biographischen Anmerkungen zur richtigen Kenntniß seines Lebens und Wirkens in allen Beziehungen. Enthaltend die Jahre 1740 bis 1759. Bd. 1. Berlin: Verlag der Plahn'schen Buchhandlung, 1840. 406 S. [Реденбек К. Х. С. Дневник или исторический календарь из жизни регента Фридриха Великого (1740-1786) с историческими и биографическими примечаниями для правильного понимания его жизни и деятельности во всех отношениях. Содержащий 1740-1759 гг. Тома 1. Берлин: Издательство Plahn'schen Buchhandlung, 1840. 406 стр.].
16. Weissler A. Geschichte der Rechtsanwaltschaft. Leipzig Verlag von C. E. M. Pfeffer, 1905. 624 S. [Вайсслер А. История адвокатуры. Лейпцигское издательство С. Е. М. Pfeffer, 1905. 624 стр.].
17. Wiedemann A.W. Preußische Justizreformen und die Entwicklung zum Anwaltsnotariat in Altpreußen (1700–1849) // Schriften der Deutschen Notarrechtlichen Vereinigungen. Bd. 18. Köln, 2003. 369 S. [Видеманн А. В. Прусские судебные реформы и становление нотариата в Старой Пруссии (1700-1849) // Труды немецких нотариальных ассоциаций. Том 18. Кельн, 2003.].

References

1. Kamenskij AB. From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the XVIII century: the experience of a holistic analysis. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2001. 575 p. (In Russ.).
2. Kamenskij AB. Enlightenment and power in World History: in 6 volumes. Ed by A.O. Chubaryan; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Vol. 4: The world in the XVIII century. Ed by S. Ja. Karp. Moscow: Nauka; 2019. P. 104-132. (In Russ.).

3. Kutafin OE, Lebedev VM, Semigin GJu. Changes in the judicial system during the reign of Paul I. In: Judicial power in Russia: history, documents. In 6 vol. Vol. II. The period of absolutism. Moscow: Mysl'; 2003. P. 294-297 (In Russ.).
4. Majkov PM. The Second department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1826-1882: a historical sketch by PM Maikov. St.Petersburg: Skorohodov I.N. printing office; 1906. 616 p. (In Russ.).
5. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. I. T. XXIV. No. 17.584. (In Russ.).
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. I. T. XXIV. No. 17.594. (In Russ.).
7. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. I. T. XXIV. No. 17.697. (In Russ.).
8. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. I. T. XXIV. No. 17.733. (In Russ.).
9. Skorobogatov AV. The political views of Paul I: Formation, evolution, implementation. abstract of the dissertation... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02. Moscow, 2005. 48 p. (In Russ.).
10. Tomsinov VA. Tomsinov VA. Emperor Paul I (1754-1801): statesman and legislator S. XV-LXIV. In: Legislation of Emperor Paul the First / Compiler, author of the preface and bibliography V.A. Tomsinov. Moscow: Zercalo; 2008. LXIV, 239 p. (In Russ.).
11. Augstein R. Prussia's Frederick and the Germans. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch Verlag; 1981. 410 p. (In Germ.).
12. Friedrich der Großen. The Political Testament of 1752. Stuttgart: Reclam; Ditzingen; 1972. 195 p. (In Germ.).
13. Friedrich der Großen. Treatise on the reasons for the introduction and abolition of laws. Collected works of Frederick the Great in prose in one volume. Berlin: Lewent; 1837. 976 p. (In Germ.).
14. Mittenzwei I. Frederick II of Prussia. A biography. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaft; 1990. 250 p. (In Germ.).
15. Rödenbeck KHS. Diary or historical calendar from the life of Frederick the Great as ruler (1740–1786) with historical and biographical notes for a correct knowledge of his life and work in all respects. Contains the years 1740 to 1759. Vol. 1. Berlin: Verlag der Plahn'schen Buchhandlung; 1840. 406 p. (In Germ.).
16. Weissler A. History of the legal profession. Leipzig Verlag von C. E. M. Pfeffer; 1905. 624 p. (In Germ.).
17. Wiedemann AW. Prussian judicial reforms and the development of the lawyer-notary profession in Old Prussia (1700–1849). Publications of the German Notarial Law Associations. Vol. 18. Köln; 2003. 369 p. (In Germ.).

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.10>

УДК 339. 9. 012. 23 «19» (410)

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЮАС(Р) В КОНЦЕ 40-Х – НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Андрей Михайлович Криулин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

kriulin26@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-2096>

Аннотация. Введение. В статье проанализирована ретроспектива экономических взаимоотношений Великобритании и одного из ее доминионов – Южно-Африканского Союза (с 1961 года – Южно-Африканской Республики), с учетом особенностей их социально-экономического и политического развития. Исследованы исторические предпосылки формирования политических и социально-демографических условий, влияющих на характер и направленность экономических связей между странами. В статье показано, что устойчивые позиции Великобритании в Южно-Африканском Союзе во многом определялись наличием крупных сообществ белых поселенцев британского происхождения, которые оказывали значительное влияние на экономическую, инвестиционную и финансовую политику страны. Автор поддерживает вывод о статусе ЮАС как одного из крупнейших «мировых кладовых» минерального и стратегического сырья. Выявлено наличие и специфика элементов ресурсного потенциала ЮАС, наиболее значимых для вложений британского капитала. Обоснована взаимная заинтересованность Великобритании (укрепление позиций британского капитала) и ЮАС (рост объемов и концентрации инвестиций прежде всего, в горноперерабатывающую промышленность и золотодобычу) в развитии экономических отношений. **Материалы и методы.** Основными источниками для написания статьи послужили материалы экономических обзоров, статистических справочников и аналитическая информация о деятельности британских компаний, инвестирующих в экономику ЮАС. При написании статьи исполь-

зовались как общенаучные (анализ, сравнение, сопоставление), так и специальные методы (проблемно-хронологический, историко-сравнительный). **Анализ.** Проведена оценка основных направлений, абсолютных объемов и доходности британских инвестиций в южноафриканскую экономику на примере крупных корпораций. Отслежены тенденции ослабления позиций Соединенного Королевства по мере усиления интенсивности проникновения американского капитала в экономику ЮАС. **Результаты.** Тем не менее, несмотря на проникновение американского капитала ЮАС в 50–60 годы XX в. преобладала британоцентричная направленность экономических связей Южно-Африканского Союза.

Ключевые слова: экономические взаимоотношения, Южно-Африканский Союз, метрополия, доминионы, минеральные ресурсы, инвестиции, доходность, Великобритания

Для цитирования: Криулин А. М. Развитие экономических отношений Великобритании и ЮАС(Р) в конце 40-х – начале 60-х годов XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 280–288. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN GREAT BRITAIN AND THE UNION OF SOUTH AFRICA IN LATE 1940S AND EARLY 1960S OF THE 20TH CENTURY

Andrew M. Kriulin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

kriulin26@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-2096>

Abstract. Introduction. The article analyzes a retrospective of the economic relations between Great Britain the Union of South Africa (since 1961 - the Republic of South Africa) taking into account their socio-economic and politic development. The historical preconditions for the formation of political and socio-demographic conditions affecting the nature and direction of economic relations between the countries were investigated. The article shows the strength of the position of Britain in the South African Union. It was largely determined by the presence of large British-born white settler communities, which had a significant impact on economic, investment and financial policies of the country. The author comes to the conclusion about the status of the South Africa as one of the largest «global storage» of mineral and strategic raw materials. The presence and specificity of elements of the resource potential of the Union of South Africa, that are most significant for investments of British capital, have been revealed. The mutual interest of the United Kingdom (strengthening the position of the British capital) and South Africa (growth of the volumes and concentration of investments primarily in the mining and gold mining industry) in the development of economic relations

has been substantiated. **Materials and Methods.** The main sources of the article were materials from economic reviews, statistical reference books and analytical information about activities of British companies investing in the economy of the South Africa. The article uses general scientific methods – analysis, comparison, and special methods – problem-chronological and historical-comparative. **Analysis.** The article assesses the main directions, absolute volumes and profitability of British investments in the South African economy using the example of large corporations. The downward trend in the positions of the United Kingdom was tracked as the penetration of US capital into the economy of the Union of South Africa intensified. **Result.** In the 1950s and 1960s, despite the penetration of American capital into South Africa, the British economic orientation of the Union of South Africa dominated.

Keywords: economic relations, Union of South Africa, metropolis, dominions, mineral resources, investments, profitability, Great Britain

For citation: Kriulin AM. Development of economic relations between Great Britain and the Union of South Africa in late

1940s and early 1960s of the 20th century. *Humanities and law research*. 2024;11(2):280-288. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Введение. Характер и уровень отношений между Великобританией и Южно-Африканским Союзом формировались под влиянием происходивших в них социально-экономических и политических процессов. К середине XX в. Великобритания являлась одним из крупнейших участников мирового производства и торговли, центром мировых финансов и «стерлинг – блока». Однако, «раннее появление у Великобритании обширных колониальных владений и вывоз ею капитала в сочетании с ограниченностью собственных сырьевых ресурсов определили сильную зависимость от импортной и экспортной торговли, а также от объемов заграничных инвестиций и доходов от них» [9, с. 394]. Этим объяснялась гипертрофированная зависимость британской экономики от международного разделения труда и внешних рынков. Еще перед Второй мировой войной 20% национального дохода Великобритании обеспечивали отрасли, ориентированные на внешнюю торговлю. В расчете на душу населения ее экспорт вдвое превышал аналогичный показатель Германии; в 2,5 раза – США; в 3 раза – Франции. Например, ее предприятия машиностроения вывозили за пределы страны более одной трети производимой продукции, а металлургические заводы – 40-50 %. Одновременно страна являлась мировым лидером по вывозу капитала (как по общей его сумме, так и по ежегодным эмиссиям). Следствием этих процессов стало значительное увеличение ее доходов от иностранных инвестиций, значительно превышающих прибыль, получаемую от внешнеторговой деятельности (в среднем за 1929 – 1949 гг. соотношение между ними составило 5:1) [10, с. 34].

Финансовые результаты деятельности британской экономики во многом обеспечивались рынками сбыта в доминионах (наряду с усиленным экспортом в них британского капитала), в том числе и в ЮАС. Для южноафриканской элиты статус доминиона означал возможность обеспечить поступательное развитие страны и увеличение доходов от эксплуатации источников минерального сырья. В свою очередь, в условиях усиливающейся конкуренции элита Великобритании, ориентированная, прежде всего, на интересы британ-

The article was submitted: 13.11.2023.

The article was approved after reviewing: 23.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

ского капитала, искала новые возможности в борьбе за рынки сбыта и источники ресурсов. С этой точки зрения ЮАС становился более предпочтителен для британского капитала.

Материалы и методы. Основными источниками для изучения особенностей экономических отношений Великобритании и ЮАС(Р) в 50–60 гг. XX в. послужили материалы экономических обзоров, статистических справочников, а также аналитическая информация о деятельности британских монополий и финансовых групп, инвестировавших в золотодобычу, горнорудную и обрабатывающую промышленность. Статья подготовлена с учетом принципов комплексного исследования, историзма, всесторонности и междисциплинарности. Использована совокупность общенаучных (анализ, синтез, сравнение, сопоставление) и специальных методов исторической науки (проблемно-хронологический и историко-сравнительный).

Анализ. ЮАС относился к старым доминионам в системе Британской империи, сформировавшихся на основе переселенческих колоний, куда направлялся поток «избыточного населения» с Британских островов и из государств Европы. К началу 50-х гг. XX в. в ЮАС проживало 2,2 млн чел. из 50 млн чел. «европейского» населения Британской империи (кроме Великобритании) [10, с. 394]. В результате в ЮАС сложился разнообразный расовый состав населения, структуру которого формировали представители африканских народностей, европейцев и выходцев из Азии. Общая численность населения ЮАР за период с 1946 по 1960 гг. увеличилась на 4,6 млн человек, при этом опережающими темпами росла численность небелого населения - с 9 млн. человек в 1946 г. до 12,9 млн чел. в 1960 г. В общей структуре преобладало чернокожее население, его доля к 1960 г. приближалась к 70%, увеличившись с 1946 года на 3,1 млн. чел. Самыми малочисленными оказались выходцы из Азии – всего 0,5 млн чел., цветное население 1,5 млн чел., при этом численность белого населения превысила 3 млн человек (таблица 1). [3, с. 6].

Таблица 1 / Table 1

Расовый состав ЮАР и его динамика / Racial composition in the South Africa and its dynamics

Год	Чернокожие		Цветные		Азиаты		Белые		Всего	
	млн чел.	доля в общ. числ., %	млн чел.	доля в общ. числ., %	млн чел.	доля в общ. числ., %	млн чел.	доля в общ. числ., %	млн чел.	доля в общ. числ., %
1946	7,8	68,4	0,9	7,9	0,3	2,6	2,4	21,1	11,4	100,0
1951	8,6	67,7	1,1	8,7	0,4	3,1	2,6	20,5	12,7	100,0
1960	10,9	68,1	1,5	9,4	0,5	3,1	3,1	19,4	16,0	100,0
1960 к 1946	139,7	-0,3	166,7	+1,5	166,7	+0,5	129,2	-1,7	140,4	X

Несмотря на такую расовую структуру населения ЮАС, политической и социальной опорой Великобритании в Союзе являлись европейские колонисты. Стоит отметить, что структура белого населения Южной Африки являлась неоднородной. Она включала как переселившихся в колонию англичан, ирландцев, шотландцев, так и африканеров — потомков переселившихся в Африку голландцев, бежавших от религиозных преследований в XVII – XVIII вв. Пестрота национального и расового состава становится постоянным источником обострения старых и появле-

ния между ними новых, в том числе политических, противоречий. Так, после начала Первой мировой войны английское население ЮАС выступало за объявление войны Германии, а буры, напротив, больше симпатизировали немцам.

За период с 1931 г., когда ЮАС вошел в британскую экономическую зону, он стал одним из ведущих экономически развитых доминионов Британской империи, существенно опередив показатели самой метрополии, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2/ Table 2

Неравномерность экономического развития Великобритании и доминионов / Uneven economic development of Great Britain and the Dominions [10, с. 400]

Показатели, 1949 г.	Велико-британия	Канада	Австралия	Новая Зеландия	ЮАС
Индексы: промышленной продукции (1937 г.=100)	98	163	150	140	166
занятости в промышленности (1937 г.=100)	102	167	153	134	148
выплавки стали (1937 г.=100)	99	190	122	-	200

К 1950 г. по всем экономическим позициям индексы Великобритании, как метрополии оказались существенно ниже, чем у её доминионов. Объем промышленного производства ЮАС вырос на 66% по сравнению с довоенным уровнем, а в метрополии он даже не был достигнут. Такие результаты, безусловно, влияли на соотношение экономических и финансовых ресурсов Великобритании и Южной Африки. Однако наибольший интерес для британского капитала представляли полезные ископаемые Союза. На африканском континенте британские монополии контролировали свыше 40% мировых запасов хромитов, большую часть запасов марганцевой руды (составлявших свыше 45% мировых запасов), более 90% мировых запасов алмазов, более 33% запа-

сов цинка, олова, кобальта и других видов ценного минерального сырья [13, с. 4]. Разведанные и эксплуатируемые ископаемые богатства Южно-Африканского Союза, определили его статус как одного из крупнейших «мировых кладовых» стратегического сырья. Как следствие, ЮАС вошел в число основных добывающих стран по таким видам ресурсов, как алмазы, золото, хромовая руда, марганцевая руда, сурьма, асбест, уран (по содержанию окиси урана), а также медной руды [3, с. 11]. Страна занимала первое место в мире по добыче золота, платины, сурьмы и алмазов; второе – марганца и асбеста; третье – по добыче урана. Это позволило ЮАС резко усилить свои позиции в мировой добыче полезных ископаемых (таблица 3).

Таблица 3 / Table 3

Добыча полезных ископаемых в ЮАР в 1950-1960 годы / Mining production in South Africa in 1950-1960 [2, с. 178-183; 3, с. 12-14]

Годы										
1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Добыча медной руды (по содержанию меди; в тыс. т)										
33,2	32,7	34,0	34,8	40,7	43,0	46,2	45,9	49,2	48,7	45,7
Добыча свинцовой руды (по содержанию свинца; в тыс. т)										
0,6	0,9	0,6	0,5	0,2	0,5	0,8	1,1	0,1	0,2	0,1
Производство оловянных концентратов (по содержанию олова, в т)										
653	773	950	1382	1336	1305	1466	1486	1440	1293	1286
Добыча никелевой руды (в т)										
843	1138	1310	1715	1916	2357	3288	4139	2000	2600	2900
Добыча кобальтовой руды (в т)										
-	-	-	-	-	-	-	-	287	291	595
Добыча хромовой руды (в тыс. тонн)										
225,0	246,5	260,5	323,8	284,9	239,7	277,9	295,9	279,4	300,6	341,7
Добыча вольфрамовой руды (по содержанию вольфрама, в т)										
57	113	158	231	367	387	180	167	46	23	20
Добыча руды сурьмы (по содержанию сурьмы, в т)										
8311	15858	7212	2730	8639	14189	14107	9997	7236	12281	12282
Добыча золота (по содержанию чистого золота, в кг)										
360329	358202	367603	371395	411721	454182	494443	529716	549177	624108	665105
Добыча серебра (по содержанию серебра, в т)										
-	36,2	36,6	37,1	41,1	45,8	49,2	55,0	55,8	62,9	62,9

Добыча и производство промышленных алмазов (в тыс. каратов)										
...	2229	2383	2718	2859	2629	2586	2579	2702	2838	3142
Добыча каменного угля (в тыс. т)										
26473	26632	28065	28459	29315	32147	33602	34769	37085	36453	38208
Добыча железной руды (по содержанию железа, в тыс. т)										
717	856	1086	1228	1186	1262	1310	1316	1416	1840	1965
Добыча марганцевой руды (по содержанию марганца, в тыс. т)										
332,1	318,7	350,6	332,7	286,1	220,4	248,1	252,8	301,9	360,1	438,1
Асбест (в тыс. т)										
79,3	97,4	121,4	85,0	99,0	108,6	123,8	142,9	159,3	165,6	159,5
Добыча поваренной соли (в тыс. т)										
153	172	141	128	156	140	172	146	219	237	253

Практически по всем позициям за период 1950-1960 гг. произошло значительное увеличение добычи минеральных ресурсов, а некоторые, например, кобальтовая руда, в начале указанного периода вообще не были представлены.

К 1950 г. экономика ЮАС базировалась на золотодобыче. Однако вместе с золотом часто добывался уран: «полученные из английских источников 50 млн ф. ст., которые были вложены правительством ЮАС в добычу урана, приносят крупные дивиденды». [1, с. 114] На долю ЮАС приходилась половина добычи золота стран капиталистического мира. В 1939 г. здесь добывалось около 13 млн. унций золота, в годы Второй мировой войны - 14 млн. унций, однако к 1950 г. объем добычи снизился до 11,5 млн. унций, причем рыночная стоимость акций золотодобывающей промышленности составляла 3 млрд. долл., что было в 2 раза больше рыночной стоимости всех остальных отраслей Союза. До Второй мировой войны большей частью южноафриканских золотопромышленных компаний владели британцы (например, на долю «Консолидейтед голд филдс» приходилось 18 % добычи золота в ЮАР), но в послевоенный период резко возросла роль американского капитала [10, с. 406]. В определенной степени росту инвестиций из США способствовала целенаправленная политика правительства ЮАС. Так, в начале 1951 г. министр финансов Николас Хавенга выступил в парламенте с заявлением о том, что «потребности страны в займах и других капиталовложениях из-за границы отныне не могут удовлетворяться Англией, они составляют 60-80 млн ф. ст. в год вместо 15-20 млн до Второй мировой войны. Поэтому правительство обращается к Америке и ведет переговоры об американских инвестициях как через Международный банк, так и непосредственно с группой нью-йоркских банков» [10, с. 440]. Таким образом министр финансов ЮАС говорит о возросших в четыре раза потребностях послевоенной экономики, которые не может удовлетворить Великобритания.

Одновременное нарастание тенденций натурализации иностранного капитала в целом и укрепления позиций Южно-Африканского финансового капитала, свидетельствовало о том, что капитал, вложенный в значительную часть предприятий ЮАС, «можно считать в большей степени Южно-Африканским, а не иностранным» [4,

с. 17-20]. Вместе с тем, несмотря на то что ЮАС является единственным экономически развитым государством на африканском континенте, где сформировалась местная монополистическая буржуазия, «инвестиции главных империалистических держав западного мира продолжают оставаться неперенным фактором хозяйственного развития» [12, с. 44].

Однако для переработки добываемых полезных ископаемых в готовую продукцию необходимо наличие горноперерабатывающей промышленности. Развитие и деятельность различных её отраслей в Южной Африке в значительной степени зависели от иностранного капитала. Это касалось обработки золота, угля, алмазов, платины, железной и медной руды, олова. Все прибыльные отрасли южноафриканской экономики, в том числе горноперерабатывающая промышленность, находились в руках нескольких крупных монополий.

Нередко контроль над несколькими компаниями принадлежал одному крупному инвестору. Например, Эрнст Оппенгеймер был не только основателем крупнейшей в стране компании - «Англо-Американ Корпорейшн оф Саус Африка», но и руководителем «Де Бирс». Первоначально компании занимались добычей золота и алмазов, но постепенно их деятельность распространялась на горнодобывающую, а затем и перерабатывающую промышленность. К началу 60-х годов «Англо-Американ» контролировала более 100 компаний в Африке, в том числе золотодобывающие, угледобывающие, алмазодобывающие, меднорудные, другие предприятия горнодобывающей промышленности, по производству взрывчатых веществ, а также финансовые и инвестиционные компании. Они были тесно связаны и объединены в мощную предпринимательскую организацию - Комитет золотопромышленников («Gold producers Committee»), который иногда называли «подлинным правительством Южной Африки» [10, с. 406].

В начале 1950-х годов усилилась тенденция притока в ЮАС британского капитала. Этому способствовало и сокращение Южно-Африканским Союзом объемов импорта из США, вызванного долларовой дефицитом. Девальвация фунта стерлингов привела к соответствующему повышению цен на золото в британской валюте и резкому увеличению прибылей золотопромыш-

ленников. Заключение в 1950 году финансовое соглашение между Соединенным Королевством и ЮАС упрощало условия инвестирования британских капиталов и позволяло Соединенному Королевству закупать значительную, до 50 %, часть всего добываемого в стране золота. В свою очередь, Великобритания взяла на себя обязательство предоставить ЮАС заем. В результате достигнутых договоренностей увеличился приток британского капитала в ЮАС.

Следует отметить, что в 1949-1950 годах британские капиталовложения в ЮАС составили около 1,5 млрд долл.; американские – в 10 раз меньше. Однако темпы и масштабы проникновения в страну американского капитала нарастали. Например, значительно активизировали деятельность автомобильные концерны «Дженерал Моторс», «Крайслер Моторс» и «Форд Моторс», имевшие в ЮАС автосборочные заводы; каучуковые компании «Гудиер Тайэр энд Раббер»; «Дженерал Тайэр энд Раббер»; судостроительные компании «Стейт Марии Корпорэшн» и др. [10, с. 438]. Это ставило Великобританию перед необходимостью форсировать экспорт капитала в Южную Африку. Её прямые капиталовложения

только в обрабатывающую промышленность ЮАС за послевоенные годы составили 40 млн ф. ст. Этот процесс можно было назвать «не столько экспортом, сколько бегством капитала из Англии» [10, с. 439].

Необходимо отметить, что инвестиции Великобритании традиционно распределялись между тремя основными центрами: колониями и доминионами (затем — странами-членами Содружества), Европой и США. Соотношение вложенных в эти регионы британских инвестиций во многом определялось положением страны в мировом хозяйстве. Так, в 60-е годы наиболее быстрыми темпами росли частные инвестиции Великобритании в страны стерлинговой зоны – их удельный вес в общей сумме превысил 50%. При этом практически все инвестиции Великобритании имели частный характер при крайне незначительных объемах государственных капиталовложений [15, с. 125].

В 1962 году почти 2/3 (62 %) общего объема британских частных инвестиций на территории бывшей Британской империи размещались в «старых доминионах», а 22 % их общей суммы – сосредоточивались в ЮАР [11, с. 282] (таблица 4).

Таблица 4 / Table 4

Британские частные инвестиции, исключая вложения в нефтеперерабатывающую промышленность и страхование в 1959-1962 годах (в млн. ф. ст.) / British private investment, excluding investment in oil refining and insurance, 1959-1962 (millions of pounds sterling) [11, с. 282]

	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	В целом за 1959-1962 гг.
Канада	35,7	27,5	16,4	6,7	86,3
Австралия	27,3	59,5	32,6	35,7	155,1
Новая Зеландия	4,2	6,0	5,7	6,0	21,9
ЮАР	11,3	18,9	8,0	13,5	51,7
Всего «старые» доминионы	78,5	111,9	62,7	61,9	315,0
Доля ЮАР в общей их сумме, %	14,4	16,9	12,8	21,8	16,4

Таким образом, за период 1959-1962 гг. общая сумма частных инвестиций британского капитала в ЮАР составила 51,7 млн ф. ст., а доля страны в совокупном объеме «старых» доминионов – 16,4 %. Сокращение объемов частных инвестиций в 1961 г. вероятно, связано с неопределенностью после провозглашения ЮАР независимости и выходом из Содружества Наций. Однако в 1962 г. прирост капиталовложений составил 5,5 млн ф. ст., что позволяет сделать вывод о восстановлении стабильности внешнеэкономических отношений Великобритании и ЮАР.

По сравнению с предыдущим десятилетием объемы частных английских инвестиций в экономику Африки в целом снизились с 437 млн ф. ст. до 122,2 млн ф. ст. [15, с. 18–25]

Всего за 1958 – 1960 годы частные иностранные инвестиции Великобритании достигли 571,5 млн ф. ст., из них 47,7 млн ф. ст. (8,3 %) приходилось на ЮАС. Доля ЮАР в сумме вложений Великобритании в Африку составляла в этот период 39 %. Это доказывает приоритетность экономики ЮАР в британских капиталовложениях на африканском континенте. Однако в их от-

раслевой структуре отмечались значительные диспропорции: на долю обрабатывающей промышленности приходилась половина зарубежных британских инвестиций; торговли – 16 %; сельского хозяйства и добывающей промышленности – по 8,5 %. Удельный вес капиталовложений в такие отрасли, как транспорт, судоходство и строительство в совокупности не превышал 7 % от их общей суммы [23, с. 17].

Главная трудность в анализе британского капитала, размещенного в ЮАС, заключается в определении его размеров. Единственная регулярно публикуемая его оценка – это статистика Английского банка, но она охватывала только номинальную стоимость зарубежных государственных и муниципальных бумаг, акций и облигаций британских компаний, действующих вне Великобритании, но контролируемых ею, а также компаний, зарегистрированных за границей. В соответствии с ней, в 1957 г. общая сумма вывезенного в Южную Африку британского капитала превысила 73 млн ф. ст., почти 63 % в ее структуре приходилось на акции, доля государственных и муниципальных бумаг и частных об-

лигаций была примерно одинаковой: 18,8 % и 18,5 % соответственно. [7, с. 247].

Безусловно, особый интерес представляет оценка не только абсолютных размеров, но и доходности британских заграничных инвестиций. Согласно первой переписи иностранных капиталовложений в Южно-Африканском Союзе, проведенной «Южно-Африканским резервным банком» в 1956 г. английские капиталовложения в ЮАС за всё время составили 865,6 млн ф. ст., или 62 % общих объемов иностранных капиталов-

ложений [21, р. 194]. В соответствии с вышеназванной переписью, в 1956 г. более половины британских инвестиций было размещено в обрабатывающей промышленности, торговле и финансовых компаниях.

Вложения в ЮАС, объемы которых за период с 1950 по 1957 г. увеличились с 18,8 до 20,4 млн ф. ст. в среднем каждый год, приносили британским компаниям значительные доходы (таблица 5).

Таблица 5 / Table 5

Доходы Великобритании от вложений в Южно-Африканский Союз / UK income from investments in the Union of South Africa [7, с. 319]

Годы	Данные Английского банка (млн. ф. ст.)				По южноафриканским данным (без реинвестированных прибылей), млн. южноафриканских фунтов
	Проценты по государственным и муниципальным бумагам	Проценты по частным облигациям	Дивиденды	всего	
1950	1,0	0,2	17,6	18,8	37,8
1951	1,2	0,4	19,4	21,1	46,0
1952	1,3	0,5	18,7	20,4	50,2
1953	1,1	0,6	17,1	18,9	55,0
1954	1,2	0,8	16,3	18,3	57,7
1955	1,1	0,8	16,8	18,7	62,4
1956	1,1	0,7	17,9	19,6	86,0
1957	1,0	0,6	18,8	20,4	91,0
%	100,0	300,0	106,8	108,5	240,7

По данным Английского банка, в структуре доходов от различных источников наиболее значимыми являлись дивиденды. Они варьировались в пределах 16 – 19 млн. ф. ст. и составили основную долю в общей структуре доходов. По данным южноафриканских источников, сумма прибылей оказалась более существенной не только по величине, но и по темпам динамики. При этом доходы от золотодобывающей и алмазной промышленности значительно увеличились в связи с девальвацией фунта стерлингов в 1949 году, сопряженной с повышением официальной «цены на золото» – с 172 шилл. до 248 шилл. за 1 унцию чистого золота [7, с. 319]. Приведем несколько примеров о размерах прибылей и дивидендов, полученных британскими монополиями в ЮАС. Так, чистая прибыль концерна «Сентрал майнин энд инвестмент корп.» составила за период 1952–1958 гг. 7 млн ф. ст. Ряд ком-

паний, входящих в этот концерн, выплачивал огромные дивиденды. Например, компания «Крайн майнз» в 1950 г. выплатила дивиденды в размере 110%, а «Рэнд майнз» в 1950–1951 гг. – 140 % (за период 1950–1958 гг. – 1100 % акционерного капитала). «Ассошиэйтед манганиз майнз оф Саус Африка» занимавшаяся добычей марганца выплатила в 1950 г. 170 %, а в 1958 г. – 90 % дивидендов. «Колонитейтед Мэрчисон (Трансвааль голдфилдс энд девелопмент К Лтд.)», добывавшая золото и сурьму выплатила в 1950 г. 140 % дивиденда, а в 1958 г. – 160 % [7, с. 321].

Сравнительная оценка доходности британских заграничных инвестиций показала, что инвестиции Великобритании в ЮАР являлись более прибыльными, чем в стерлинговой зоне в среднем и в промышленно развитых странах. Это подтверждается информацией таблицы 6.

Таблица 6 / Table 6

Доходность британских заграничных инвестиций % / Profitability of British overseas investments % [6, с. 410]

Страны	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Стерлинговая зона	9,6	8,4	8,7	9,0	9,6	9,1
Промышленно развитые страны	8,5	7,2	8,4	8,6	9,6	9,1
ЮАР	10,3	10,4	12,1	12,9	14,8	12,1
Развивающиеся страны	10,9	9,6	9,1	9,4	9,7	9,0

Самой прибыльной отраслью являлась – добывающая промышленность, хотя уровень её рентабельности снизился с 19,8 % в 1960 г. до 13,4 % - в 1965 г. [5, с. 67]. Это подтверждают официальные статистические источники: «Ежегодные доходы на вложенный капитал, превышающие 50 %, являются здесь для английских компаний отнюдь не исключением, а в отдельные периоды они достигают

для некоторых компаний фантастических цифр в 400-500 % ежегодно» [21, с. 179–180]. Отчасти это объяснялось тем обстоятельством, что значительная часть британских инвестиций в ЮАР была размещена в наиболее выгодную для иностранных инвесторов сферу приложения капитала – добычу сырья. По свидетельству английского экономиста Ф. Даннинга, исследующего проблемы иностранно-

го инвестирования, такие капиталовложения – это наиболее «колониальные» инвестиции. Они не только обеспечивают максимальную прибыль инвесторам сами по себе, но и являются своего рода подготовительным этапом к последующему вывозу добытого сырья в страну инвестора и в целом «имеют, возможно, наиболее благоприятные последствия для развития стран, куда этот капитал ввозится». [7, с. 335].

Еще более важным фактором, объясняющим, почему прибыли британских монополий в ЮАР превышали даже средние (и без того высокие) доходы от добычи сырья вообще, является то, что британские компании, действующие в стране, могли в большей степени, чем где бы то ни было еще, создавать наиболее благоприятный «искусственный климат» для своих инвестиций. Инструментом для этого являлось наличие в ЮАР значительной концентрации белых поселенцев, которые, «узурпировав всю политическую власть, стремятся увеличить господство над подавляющим большинством коренного населения и объективно выступают в роли агенты английского капитала, обеспечивая ему условия для успешного развития» [11, с. 304]. Другими словами, европейские колонисты выступали политической и социальной опорой Великобритании в регионе, а совпадение коренных интересов местных поселенцев и британских монополий становится основой их эффективного симбиоза. Таким образом, британский капитал сохранял контроль над экономикой ЮАР.

Классическим примером доминирования британского капитала в экономике ЮАР являлась финансовая группа Ротшильдов-Оппенгеймеров. Не случайно лондонская «Таймс» указывала Хендрику Фервурду, что отнюдь не он и не его правительство являются подлинной силой в Южной Африке, а глава гигантской «Англо-американ корпорейшн оф Саус Африка» - Гарри Оппенгеймер. «Фервурд управляет страной, которая без горнодобывающих компаний не значила бы ничего в ряду других стран. Активами, которые дают Южной Африке ее положение в мире, управляет Оппенгеймер» [11, с. 306].

К промышленным компаниям с крупными инвестициями относились и британские концерны «ИКИ», с 1945 г. вложивший в экономику ЮАР 45 млн. ф. ст. и «Шелл» - соответственно 21 млн ф. ст. Среди крупных инвесторов следует отметить также компании «Стюартс энд Ллойдс» - 20 млн ф. ст.; «Юнилевер» - более 8 млн ф. ст.; «Лейлэнд моторз» - 8 млн ф. ст.; «Кэртолд» - более 6 млн ф. ст.; «Данлоп раббер компани» - 4 млн ф. ст. и др. К 1962 г. более 330 британских компаний инвестировали в экономику ЮАР [16, р. 124-137].

Таким образом, британский капитал, вложенный в ЮАР, обеспечивал экономическую базу режима Фервурда, а тот, в свою очередь, гарантировал британским монополиям получение сверхвысоких прибылей. Такое единство интересов иллюстрирует следующее высказывание одного из

представителей капитала туманного Альбиона: «Если бы не апартеид – неважно, любим мы его или нет, - то мы и не подумали бы производить там (в Южной Африке) свои инвестиции» [11, с. 305].

Британский капитал занимал лидирующие позиции в финансовой сфере страны. Например, оба крупных банка, действующих в ЮАС и контролирующих свыше 90% всех активов коммерческих банков, принадлежали британскому капиталу. Это «Барклейз бэнк», имевший 613 отделений в ЮАС и «Стандард бэнк оф Саус Африка» (616 отделений). «Стандард бэнк» - крупнейшая британская банковская монополия, для которой колониальные прибыли являлись практически единственным источником дохода. Основной сферой деятельности банка стал Южно-Африканский Союз, и необходимо отметить, что старейший, наиболее авторитетный финансовый институт страны - Банк Англии, широко использовался британским капиталом для организации центральных банков в доминионах, в том числе в ЮАС [8, с. 72]. Основной целью являлось укрепление их финансовых связей с Лондоном.

Результаты. К 1960 году весомые позиции в экономике ЮАС занимали иностранные монополии, контролировавшие 60% капиталовложений в горнодобывающей и 50% - в обрабатывающей промышленности. По данным южноафриканского торгового банка «Юнион аксептенсез, лтд», в 1962 г. вложения иностранных капиталов в ЮАС составили 3 млн 16 тыс. южноафриканских рэндов, или свыше 4 млн 222 тыс. долл. [20, с. 39]. Из них на долю британских капиталов приходилось более 60 %, американских — 11 %, французских — 6 %, швейцарских — 4 % и различных международных организаций — 5% общей суммы.

К середине 60-годов позиции, доминирующие в экономике Южной Африки британских монополистических групп, изменились [13, с. 24]. 18 декабря 1964 г. Лондонская фондовая биржа официально объявила о слиянии трех южноафриканских компаний: «Бритиш Саус Африка компани», «Сентрал майнинг энд инвестмент корпорейшн, лтд» и «Консолидейтед майнз селекшн». Акционерный капитал новой компании – «Чартер консолидейтед» составлял 30 млн. ф. ст., или 84 млн долл. Это слияние трех крупных британских компаний интересно тем, что главным акционером «Чартер консолидейтед» стала «Англо-Американ» во главе с Гарри Оппенгеймером, имевшем влияние и связи в правительстве ЮАР. Таким образом, к середине 1960-х гг. начался процесс приобретения крупных британских компаний южноафриканскими компаниями.

Ухудшение платежного баланса Соединенного Королевства в 1966 г. вызвало необходимость введения ограничений на экспорт капитала в ЮАР, что привело к ослаблению валютно-финансовых связей между странами. Как следствие, валюта ЮАР утратила связь с фунтом, и отказалась от стерлингового стандарта. Харак-

терно, что если в 1949 г. вслед за девальвацией фунта стерлингов ЮАС девальвировал свою валюту в том же размере, что и Великобритания, то после девальвации в 1967 г. ЮАР сохранила паритет своей валюты [14, с. 167]. В истории взаимоотношений этих двух стран начался новый период, требовавший обоюдной корректировки политической, социально-экономической, финансовой, военной и идеологической политики.

Таким образом, особенности социально-экономического развития ЮАС/ЮАР в 50-60 годы, специфика основных элементов ресурсного потенциала страны оказали значительное влияние на уровень и характер отношений между ЮАС/ЮАР с Великобританией. Проведенный анализ позволил установить преимущественно британско-

энтричную направленность экономических связей Южно-Африканского Союза. С экономической точки зрения Южная Африка являлась одной из наиболее выгодных сфер вложения британского капитала. Действующие в ЮАР крупные британские монополии получали высокие доходы (норма прибыли на инвестированный в Южную Африку капитал доходила до 15 %, или почти до 130 млн ф. ст. в год). Несмотря на ряд факторов, осложняющих отношения между ЮАС/ЮАР и Соединенным Королевством, они были очень прочными вплоть до 1961 г., когда ЮАС стал суверенным государством – Южно-Африканской Республикой. Политический режим в ЮАР рассматривался британским капиталом как надежный гарант британских экономических интересов в этой стране.

Литература

1. Ааронович С. Британский монополистический капитал / пер с англ. В. М. Колонтай. М.: Изд-во ин. лит., 1956. 210 с.
2. Архангельская А. А. Международная политика Оливера Тамбо: уникальные особенности внешнеполитического процесса ЮАР и личный фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. № 2. С. 293–301.
3. Азия и Африка. Стат. сборник. М.: Изд-во Наука. 1964. 705 с.
4. Африка в цифрах. Стат. справочник. Под общ. ред. Н. Г. Ковалева. М.: Соцэкгиз, 1963. 567 с.
5. Бабинцева Н. С. Экономические очерки современной Африки. М.: Наука, 1970. 200 с.
6. Белый П. Ф. Платежный баланс Англии. Теории и действительность. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. 105 с.
7. Великобритания. Экономический обзор. М.: ЦИТЭИН, 1960. 660 с.
8. Винцер Ю. И. Английские капиталовложения за границей в период империализма / под ред. А. И. Милейковского; М.: Изд-во ИМО, 1960. 791 с.
9. Владимиров К. Банк Англии. М.: ИМО, 1959. 92 с.
10. Добров А. С. Великобритания. М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. 435 с.
11. Лемин И. М. Обострение кризиса Британской империи после Второй мировой войны. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 567 с.
12. Миронов В. В. Чарльз Мэннинг и английская школа международных отношений // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 122–126.
13. Овинников Р. С. Хозяева английской политики. Финансовая олигархия и внешняя политика Англии после Суэца, 1957-1966 гг. М.: Международные отношения. 1966. 432 с.
14. Покровский А. С. Монополистический капитал в странах Южной Африки. М.: Наука, 1976. 179 с.
15. Политика Англии в Африке. Отв. ред. Г. Л. Бондаревский. М.: Наука, 1967. 261 с.
16. Хесин Е. С. Англия в экономике современного капитализма. М.: Наука, 1979. 368 с.
17. Board of Trade Journal. 15 Nov. 1963. P. 1080.
18. Board of Trade Journal. 26 Jan. 1968. P. 17.
19. Conan A. R. Capital Imports into Sterling Countries, London: Macmillan, 1960. 155 p.
20. Legum C. and M. South Africa Crisis for the West. N. V.: Praeger. 1964. 260 p.
21. Rippey Fred. British Investment in Latin America. 1822 – 1949. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1959. 249 p.
22. The Scope for Investment in South Africa. Johannesburg: Union Acceptances Limited. 1969. 101 p.
23. The South African Financial Year-Book 1958. Cape Town: Culemborg Publishers, 1958. 452 p.

References

1. Aaronovich S. British monopolistic capital. Translated from the English by VM Kollontai. Moscow: Publishing House of foreign Literature; 1956. 210 p. (In Russ.).
2. Arkhangelskaya AA. International politics of Oliver Tambo: unique features of the foreign policy process of South Africa and the personal factor. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2019;2:293-301. (In Russ.).
3. Asia and Africa. Statistical collection. Moscow: Publishing house of Science; 1964. 705 p. (In Russ.).
4. Africa in numbers. Statistical directory. Under general ed. NG Kovaleva. Moscow: Publishing house of socioeconomic literature; 1963. 567 p. (In Russ.).
5. Babintseva NS. Economic essays on modern Africa. Moscow: Science; 1970. 200 p. (In Russ.).
6. Bely PF. Balance of payments in England. Theories and reality. Leningrad: Leningrad University Publishing House; 1976. 105 p. (In Russ.).
7. Great Britain. Economic review. Moscow: CITEIN; 1960. 660 p. (In Russ.).
8. Vinzer Yul. English investments abroad during the period of imperialism. Edited by AI Mileikovskiy; Moscow: Publishing house International Relations; 1960. 791 p. (In Russ.).
9. Vladimirov K. Bank of England. Moscow: Publishing house International Relations; 1959. 92 p. (In Russ.).
10. Dobrov AS. Great Britain. Moscow: State-Publishing House of Geographical Literature; 1955. 435 p. (In Russ.).
11. Lemini IM. Aggravation of the crisis of the British Empire after the Second World War. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1951. 567 p. (In Russ.).

12. Mironov VV. Charles Manning and the English School of International Relations. Vestnik Omskogo universiteta, 2014;4(74):122-126. (In Russ.).
13. Ovinnikov RS. The masters of English politics. The financial oligarchy and the foreign policy of England after Suez, 1957-1966. Moscow: Mejdunarodnye otnoshenia; 1966. 432 p. (In Russ.).
14. Pokrovsky AS. Monopolistic capital in the countries of South Africa. Moscow: Nauka; 1976. 179 p. (In Russ.).
15. England's policy in Africa. Ed. by GL Bondarevsky. Moscow: Nauka; 1967. 261 p. (In Russ.).
16. Khesin ES. England in the economy of modern capitalism. Moscow: Nauka; 1979. 368 p. (In Russ.).
17. Board of Trade Journal. 15 Nov. 1963. P. 1080.
18. Board of Trade Journal. 26 Jan. 1968. P. 17.
19. Conan AR. Capital Imports into Sterling Countries, London: Macmillan; 1960. 155 p.
20. Legum C. and M., South Africa Crisis for the West, N. V.: Praeger; 1964. 260 p.
21. Rippy Fred. British Investment in Latin America. 1822-1949. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1959. 249 p.
22. The Scope for Investment in South Africa. Johannesburg: Union Acceptances Limited; 1969. 101 p.
23. The South African Financial Year-Book 1958. Cape Town: Culemborg Publishers; 1958. 452 p.

Научная статья

УДК 94(44):94(57)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.11>**СИБИРЬ В РАБОТЕ ПЬЕРА ЛЕРУА-БОЛЬЁ «ОБНОВЛЕНИЕ АЗИИ: СИБИРЬ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ»****Екатерина Николаевна Моисеева^{1*}, Сергей Алексеевич Ковалевский²**

¹ Независимый исследователь (Саратов, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук
moiseevaen@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1051-457X>

² Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (д. 28, ул. Весенняя, Кемерово, 650000, Российская Федерация); Филиал Российского государственного института сценических искусств в г. Кемерово – «Сибирская высшая школа музыкального и театрального искусства» (д. 15, ул. Ворошилова, Кемерово, 650056, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
koyal71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>
moiseevaen@rambler.ru

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье речь пойдет о репрезентации Сибири в работе французского автора Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония» (1900 г.). **Материалы и методы.** Источник «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония» не переводился на русский язык и впервые вводится в научный оборот. В нем представлен позитивный образ России. Работа Пьера Леруа-Больё – это серьезный труд, основанный на статистических данных, научных исследованиях и личных наблюдениях автора, сделанных в ходе путешествия по Сибири. В работе использованы методологические принципы междисциплинарного научного направления имагологии, а также исследовательские подходы пространственной имперской истории, которая предполагает не только изучение практик освоения пространства, но и его репрезентации. **Анализ.** В статье на конкретных примерах показано, как Пьер Леруа-Больё конструировал пространство «новой» Сибири. Обновление Сибири он связывал со строительством Транссибирской железной дороги, которую считал «шедевром столетия». Автор акцентировал внимание читателей на свидетельстве прогресса, урбанизации, писал о потенциале Сибири, но не забывал о проблемах и препятствиях на пути развития. Он избавлялся от маркеров загадочности и опасности этой территории и разрушал сложившийся во французском дискурсе образ Сибири с «плохой славой». В статье показано, как автор помогал своим читателям «вообразить» огромное пространство Сибири. Сравнивая пространство Сибири с пространством Северной Америки, автор стремился сделать

Сибирь понятной европейцам и ментально приблизить пространство Сибири. Изучается образ сибирских городов в работе Пьера Леруа-Больё. Уделяется внимание представлению автора о толерантности русских и их взаимоотношениях с туземным населением. Представлены факты биографии автора, который происходил из хорошо известной семьи Леруа-Больё. **Результаты.** Проведенный анализ источника показал, что на смену старого образа Сибири с «плохой» славой, который не соответствовал новым реалиям конца XIX – начала XX вв. во французском дискурсе конструировался образ «новой» Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, образ Сибири, Транссибирская железная дорога, пространство Сибири, сибирские города, Пьер Леруа-Больё

Для цитирования: Моисеева Е. Н., Ковалевский С. А. Сибирь в работе Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония» // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 289–296. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

SIBERIA IN THE WORK OF PIERRE LEROY-BEAULIEU “RENEWAL OF ASIA: SIBERIA, CHINA, JAPAN”**Ekaterina N. Moiseeva^{1*}, Sergey A. Kovalevsky²**

¹ Independent researcher (Saratov, Russian Federation)
Cand. Sc. (History)

moiseevaen@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1051-457X>

² Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (28, Vesennaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation); Branch of the Russian State Institute of Performing Arts, “Siberian Higher School of Music and Theater Arts” (15, Voroshilova St., Kemerovo, 650056, Russian Federation)
Doctor Sc. (History), Associate Professor
koyal71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article discusses the representation of Siberia in the work of the French author Pierre Leroy-Beaulieu “The Renewal of Asia: Siberia, China, Japan” (1900). **Materials and Methods.** “The Renewal of Asia: Siberia, China, Japan” has not been translated into Russian and is being introduced into scientific circulation for the first time. It presents a positive image of Russia. Pierre Leroy-Beaulieu's paper is a serious work based on statistics, scientific research and personal observa-

tions that he made during his trips in Siberia. The work uses the methodological principles of the interdisciplinary scientific direction of imagology, as well as research approaches of spatial imperial history, which involves not only the study of the practices of space development, but also its representation. **Analysis.** With the reference to specific examples the article examines how Pierre Leroy-Beaulieu constructed the space of the “new” Siberia. He associated the renewal of Siberia with the construction of the

Trans-Siberian Railway, which he considered “the masterpiece of the century”. The author focused the reader’s attention on evidence of progress and urbanization, wrote about the potential of Siberia, but did not forget about the problems and obstacles to development. He destroyed the markers of mystery and danger of this territory and the image of Siberia with “bad reputation” that existed in French discourse. The article examines how the author helped his readers to “imagine” the great spaces of Siberia. Comparing the space of Siberia with the space of North America, the author sought to make Siberia understandable to Europeans and mentally bring the space of Siberia closer. The image of Siberian cities in the work of Pierre Leroy-Beaulieu is studied. Attention is paid to the author’s idea of the tolerance of Russians and their relationships with the native population. The article will also present facts from the biography of the author, who came from the well-known Leroy-Beaulieu family. **Results.** The analysis of the source showed that in place of the old image of Siberia with a

Введение. Укрепление международных связей между Францией и Россией на рубеже XIX – XX вв., заинтересованность обеих стран в торговых отношениях, строительство Россией Транссибирской магистрали требовало от французских интеллектуалов переосмысления образа Сибири. Как писал Клод Оланьон (1876-19?) в работе «Сибирь и ее экономическая будущность», переведенной на русский язык в 1903 г. (Книга была издана в Париже в 1901 г.): «Было время, когда слово «Сибирь» вызывало в нас представление об обширной, покрытой вечными снегами и мало доступной стране с редким населением, состоящим из преступников и каторжников, стране, которая по самому климату своему лишена плодородия; шкуры пушных зверей и золотоносные россыпи — вот её единственные богатства, о которых мы слыхали» [7, с. 1]. Оланьон К. не преувеличивал. В 1869 г. в книге «Мученики Сибири» (переиздана в 1873 г.) французский писатель Александр де Ламот (1823-1897) написал о Сибири следующее: «необходимо изучить это малоизвестное пространство, куда ведут все дороги империи русского царя, но никуда не приводят, одно упоминание о котором возбуждает во всех душах глубокое чувство ужаса и жалости» [14, р.17 Preface]. Начало книги о Сибири он предварил цитатой Данте «Оставь надежду, всяк сюда входящий» [14, р. 18 Preface]. Что это, если не сравнение Сибири с адом? Этот образ Сибири не соответствовал современным запросам. Географическое пространство Сибири требовало нового описания с учетом потребностей конкретной аудитории читателей текстов.

Изучению образа Сибири во франкоязычном дискурсе, в том числе исследованию процессов культурного конструирования географического пространства Сибири в XVIII – XIX вв. посвящен французский сборник «Открытие Сибири во французской литературе и путевых заметках XVIII – XIX вв.» [22]. (Сборник вышел в 2014 г. под редакцией Сарга Мусса и Александра Строева по итогам конференции в Лионе 2010 г. в рамках фестиваля «Неизвестная Сибирь». В нем опубликованы работы отечественных и французских историков). Сборник поделен на три части: «Путешественники, открывающие Сибирь», «Мифическая земля: ад или рай» и «Ли-

«bad» reputation, which did not correspond to the new realities of the late 19th – early 20th centuries, the image of a “new” Siberia was constructed in French discourse.

Keywords: Siberia, image of Siberia, Trans-Siberian Railway, space of Siberia, Siberian cities, Pierre Leroy-Beaulieu

For citation: Moiseeva EN, Kovalevsky SA. Siberia in the work of Pierre Leroy-Beaulieu “Renewal of Asia: Siberia, China, Japan”. *Humanities and law research*. 2024;11(2):289-296. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 02.12.2023.

The article was approved after reviewing: 23.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

тературное конструирование Сибири». В сборнике представлены исследования путевых заметок, начиная с первого описания Сибири французским путешественником, опубликованного в 1687 г. и завершая работами конца XIX в. Например, Ольга Данилова опубликовала результаты исследования трех поездок в Сибирь французского слависта Жюль Легра. Его работа вышла в 1899 г. [15]. В 2021 г. в Томске в издательстве ТГУ вышел перевод его книги «В Сибири» [5]. Профессор, доцент кафедры германо-романской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Мишель Дебрэнн отметила, что «Его книга – один из «камешков» в создании образа Транссиба и Сибири во Франции» [10].

Материалы и методы. Нам показалось актуальным ввести в научный оборот еще один французский источник, позволяющий изучить образ Сибири во Франции и представляющий интерес как частный случай встречи двух культур – работу Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония» [17], опубликованную во Франции в 1900 г. (К 1901 г. книга была переиздана два раза). Книга «Обновление Азии...» не переводилась на русский язык и лишь вскользь упоминалась некоторыми исследователями [1, 6]. В книге три части: Сибирь, Япония, Китай. В первой части, которая является объектом нашего интереса 12 глав. Глава 1 – Истоки русской колонизации Сибири и характер территории. Глава 2 – Сибирь и ее жители. Глава 3 – Сельское хозяйство в Сибири и сибирское крестьянство. Глава 4 – Минеральные богатства и промышленность. Глава 5 – Сибирская торговля и транзит чая. Глава 6 – Сибирские города. Глава 7 – Иммиграция. Глава 8 – Пути сообщения в Сибири. Глава 9 – Транссибирская железная дорога: ее маршрут и строительство. Глава 10 – Способы эксплуатации транссибирской железной дороги. Глава 11 – Железная дорога в Манчжурии. Глава 12 – Отношение Европы с Дальним Востоком и Транссибирская железная дорога [17]. Автор в своей работе опирался на статистические сведения, личные наблюдения, беседы с чиновниками. Для него характерен компаративистский подход.

В книге Пьер Леруа-Больё, возможно, меньше впечатлений и красочных описаний Сибири по

сравнению с книгой Ж. Легра, который искал и находил в Сибири экзотику, но больше конкретных сведений об экономике, миграции, ресурсах, путях сообщения, больше статистических данных. Кроме того, на наш взгляд, в работе Ж. Легра воспроизводились прежние стереотипы о «заснеженной Сибири каторжан» [15, р. 28, 34], в то время как Пьер Леруа-Больё стремился показать «обновленную Сибирь» (что не исключает, разумеется, того факта, что автор находился в рамках сформировавшихся во Франции представлений о России). Ж. Легра восхищались районы Сибири, куда еще не проникла цивилизация [15, р. 50], Пьер Леруа-Больё стремился показать своим читателям свидетельства урбанизации, прогресса, технических новшеств.

Дискурсивный подход в рамках имагологии, а также исследовательские подходы пространственной истории, использованные в статье, позволяют изучать образ Сибири и репрезентации пространства Сибири во французском дискурсе.

Цель исследования. Цель данной статьи – это исследование «нового» образа Сибири в работе Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония». Мы не претендуем в этой статье на подробный анализ всех 12 глав, посвященных Сибири, а лишь попытаемся на конкретных примерах показать, как Пьер Леруа-Больё создавал «новую» Сибирь, которая отвечала запросам времени. Известный французский политический деятель Фредерик Пасси высоко отзывался о работе Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии...», а его самого называл «молодым сотоварищем, достойным представителем великого имени» [7, с. 4 Предисловие].

Биография Пьера Леруа-Больё. Со времен Великой Французской революции представители семьи Леруа-Больё были в центре политической и интеллектуальной жизни Франции. Отечественным историкам хорошо известны Анатолий Леруа-Больё (1842 – 1912) – историк, писатель и публицист, специалист по истории России, а также его брат Поль Леруа-Больё (1843 – 1916) – экономист, публицист, пропагандист колонизации. Родина семьи была в Нормандии в городе Лизьё, где их дед был мэром после 1789 г., а затем депутатом от Кальвадоса в законодательном собрании. Отец Поля и Анатолия Леруа-Больё также был мэром Лизьё, дружил с Франсуа Гизо, который жил поблизости в Валь Рише. 22 августа 1859 г. Поль и Анатолий потеряли отца. Полю было шестнадцать лет, а Анатолию семнадцать с половиной. Им самим пришлось выбирать свой жизненный путь. Оба брата поступили в Париже в лицей Бонапарта. В 1860 – 1861 г. и Поль и Анатолий фигурировали в лицейских списках удостоенных наград. Братья посвятили себя научным исследованиям в области истории, политики, экономики. Их работы не раз были оценены почетными премиями [24, р. 533].

3 мая 1870 г. Поль Леруа-Больё женился на Корделии Мишель Шевалье – дочери известного экономиста и политического деятеля. 25 сентября 1871 г. у пары родился сын – Пьер. Он был единственным ребенком в семье и пошел по стопам

своего отца и дяди. Как пишет автор его биографии Рафаэль-Жорж Леви, опубликованной в 1915 г., в год гибели Пьера в Первой мировой войне: «Пьер был не менее выдающимся учеником в лицее, чем его отец и дядя» [21, р. 549]. После лицей Пьер поступил в Высшую Политехническую школу, затем служил артиллеристом в Фонтенбло. Свою первую статью он опубликовал в журнале «L'Économiste français» в 1894 г. [21, р. 550] Сюжет статьи был связан с проникновением французов в Тимбукту. Вслед за отцом он увлекся колониальной тематикой. Его интересовали многочисленные проблемы, связанные с управлением колониями. В 1895 г. молодой лейтенант Пьер Леруа-Больё предпринял кругосветное путешествие, которое рассматривалось им как завершение своего образования. Его интересовал Африканский континент, Австралия, Китай, Япония, США. В России наибольший интерес вызывала Сибирь. Он активно публиковался на рубеже веков в «Revue des Deux Mondes». Его отец был одним из редакторов этого журнала. Выходили отдельные работы, посвященные Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Китаю [17, 18, 19, 20].

С 1899 г. он стал преподавать в Высшей школе политических наук [21, р. 553]. В 1900 г. вышла его работа «Обновление Азии: Сибирь, Китай, Япония». К научно-публицистической деятельности добавилась политическая деятельность. В 1902 г. Пьер Леруа-Больё баллотировался в законодательное собрание. В этот год он не был избран. Он стал депутатом в 1906 г. от Монпелье и был депутатом два созыва до 1914 г. Подробно о перипетиях его предвыборной борьбы, которая сопровождалась даже покушением на него написано в статье «Пьер Леруа-Больё: импортер американских избирательных методов во Францию» [23]. 2 августа 1914 г. он ушел на фронт. Ему было 43 года, к этому времени у него родилось 6 детей. 13 января 1915 г. капитан Пьер Леруа-Больё был смертельно ранен в сражении. Умер 17 января 1915 года [13].

Анализ. Само название книги Пьера Леруа-Больё «Обновление Азии...» должно было способствовать формированию у читателей нового образа описываемых территорий. «Сегодня Сибирь начинает открываться» [17, р. 24], – писал автор. Используя терминологию «новой пространственной истории» (В 2019 г. 69 номер журнала «Диалог со временем» был посвящен пространственному повороту в истории) [8], автор сделал попытку сконструировать «обновленное» пространство Сибири. На смену Сибири с «плохой славой» должна была прийти «новая Сибирь». (В предисловии к работе К. Оланьона Фредерик Пасси использовал также термин «живая Сибирь») [7, с.5 Предисловие]. К. Оланьон считал, что у Сибири была «плохая слава» по двум причинам: «одной – материальной, а другой – нравственной или, точнее говоря, политической» [7, с.4 Предисловие]. Европейцы привыкли смотреть на Сибирь «как на административный тартар, как на страну, служащую невыносимым и ненавистным местом пребывания ссыльных и осужденных на каторгу» [7, с.7 Предисловие]. Исследователь англоязычных травелогов

по Сибири Сенюхин А. А. также обращает внимание на «плохую славу Сибири» в англоязычной литературе. Он пишет, что к концу XIX в. образ Сибири как земли, где отбывают наказание ссыльные и заключённые, закрепился в общественном мнении Англии и США [9].

Пьер Леруа-Больё в статье «Сибирь и Транссибирская железная дорога» опубликованной в журнале «Revue des Deux mondes» в 1898 г. [16] отмечал, что «еще недавно слово Сибирь вызывало в умах европейцев образ мрачной каторги, затерянной в огромных ледяных пространствах, где несчастные ссыльные влачат жалкое существование, в самом тяжелом климате, тяжело трудясь на шахтах и под самым строгим надзором» [16]. Все изменилось, по мнению автора, благодаря Транссибирской железной дороге. Мы не встретим в книге Пьера Леруа-Больё образа «каторжной и ледяной Сибири», напротив, прочитаем о том, что «цепи у ссыльных были не такие уж и тяжелые», а «тюрьма в Александровские недалеко от Иркутска в прекрасном состоянии» [17, р. 93]; прочитаем о благоустройстве сибирских городов, толерантности русских, развивающейся торговле, строящихся дорогах и т.п. Недостатки автор замечал, как и препятствия (писал о слабости промышленности, о варварских методах ведения сельского хозяйства, неграмотных и ленивых мужиках [17, р. 44]) на пути развития, но они не перекрывали положительного впечатления от увиденного.

Для того чтобы создать образ «новой» Сибири в глазах французских читателей, следовало окончательно избавиться от образа бескрайней, «покрытой снегами и мало доступной территории с редким населением» [7, с. 1]. Французам, вероятно, было трудно вообразить Сибирь, поэтому авторы, которые писали о Сибири, должны были сперва упорядочить ее пространство. Чтобы читателям было легче представить размеры Сибири, Пьер Леруа-Больё писал, что пространство Сибири «обширное и в двадцать раз больше Франции» [17, р. 4]. Очерчивая рамки пейзажа, он обратил внимание своих читателей на то, что Марсель и Владивосток лежат на одной широте [17, р. 6]. Пьер Леруа-Больё подчеркивал, что «необходимо различать разные части Сибири» [17, р. 7], таким образом, «новая» Сибирь не должна была восприниматься читателями как огромное бескрайнее ледяное пространство. О том, что Сибирь «разная» писал в это же время и Ж. Легра: «Когда оказываешься в Сибири, понимаешь, какая она разная, что нельзя применять к всем районам одну формулу» [15, р. 13 Preface]. И тем не менее, Сибирь для него «огромна, и ей не хватает равновесия» [15, р. 30]. О необходимости членить пространство Сибири в первой главе своей книги написал К. Оланьон. Он выделял Северо-Восточную Сибирь, именно ей, по его мнению, вся Сибирь обязана «плохой славой», затем «Среднюю Сибирь» с ее Восточной частью по Амуру, а в Средней Сибири особенно выделял часть от Урала до Байкала [7, с. 3–5]. Пьер Леруа-Больё разделял Сибирь на Западную (в ней он

выделял главные города Тобольск и Томск) и Восточную (Иркутск) [17, р. 35] и выделял три зоны Сибири: «с севера на юг зона тундры, зона лесов и сельскохозяйственная зона» [17, р. 7]. Конкретизируя, он писал: «лесная зона занимает 6 миллионов квадратных километров, что составляет половину Сибири» [17, р. 10], «2 миллиона квадратных километров составляет зона, где возможно земледелие» [17, р. 11].

В отличие от Ж. Легра, который писал о Сибири, что «эта страна не из таких, которую можно понять только усилием разума, потому что разум очень часто бывает бессилён» [15, р. 16 Preface] (он, словно, вторит известному стихотворению Ф. Тютчева), Пьер Леруа-Больё не наделял Сибирь маркерами загадочности. Для него Сибирь понятна. Описывая, например, озеро Байкал, он написал, что в него впадают реки, «также как в озера Шотландии» [17, р. 19]. На наш взгляд, Ж. Легра искал и находил экзотику в Сибири, использовал выражения «огромные ленивые реки», «неподвижные девственные леса» [15, р. 16 Preface], «неподвижное белое пространство, куда ни бросишь взгляд» [15, р. 18], «нетронутая степь» [15, р. 19] (не обошлось и без «галопа на тройке» [15, р. 49]), а Пьер Леруа-Больё мерил лес и тундру в гектарах, писал о рациональном использовании земли и просто перечислял читателям, какие именно деревья растут в Сибири и какая от них польза [17, р. 11].

Описывая климат Сибири, Пьер Леруа-Больё признавал, что «белому человеку не было бы удобно» [17, р. 7] проживать на берегу Северо-Ледовитого океана. Но есть части Сибири с более мягким климатом. В пример он привел Березово на Оби: «... средняя температура летом 13,5 градусов, а температура самого теплого месяца июля – 18 градусов, это почти как июль в Париже, правда, период тепла короче» [17, р. 8]. В Березово на Оби почти как в Париже! Автор так стремился сделать Сибирь более привлекательной в глазах французов, что прибегнул к такому сравнению. В качестве примера города с экстремально морозным климатом автор привел Верхоянск [17, р. 8].

Показывая читателям «разную» Сибирь, необходимо было также избавиться от образа Сибири как безлюдной территории. Это было сделать сложнее. На помощь приходил сравнительный анализ. По мнению Пьера Леруа-Больё, «плотность населения в Северной Азии не меньше, чем в Северной Америке» [17, р. 5]. «5 731 000 сибиряков по данным 1897 г. проживают на территории 12 440 000 квадратных километров». Далее, чтобы читателем легче было вообразить эти цифры, он привел аналогичные сведения по Канаде. «4 833 000 канадцев по сведениям 1891 г. проживают на территории в 9 620 000 квадратных километров» [17, р. 5]. Низкую плотность населения он связывал, например, с тем, что половину Сибири занимали леса, а «если варварски эксплуатировать леса, как делали это в Северной Америке», то там сможет проживать значительно больше населения

[17, р. 10-11]. Изучив сведения о миграции в Сибирь и посвятив вопросу миграции целую главу, Пьер Леруа-Больё отметил, что больше всего мигрантов приезжают в Барнаул, Бийск, Кузнецк Томской губернии; «климат там относительно мягкий и земля отличного качества» [17, р. 81]. Он считал, что «южная Сибирь более привлекательна и плодородна, чем Север России» [17, р. 75]. По его мнению, русская миграция в Сибирь была недостаточной.

Сравнивая пространства Северной Америки и Сибири, он писал: «И там и там обширные пространства покрыты прекрасными лесами, занимающими обширные территории, и там и там протекают замечательные реки, которые служат хорошими путями сообщения; и там и там из-за сурового климата реки покрываются льдом в течение долгих месяцев, по мере продвижения на север становится так холодно, что две трети или три четверти территории Сибири, как и Канады, кажутся обречены на вечную бесплодность» [17, р. 5]. То есть, нет ничего сверхнеобычного в пространстве Сибири. По мнению Пьера Леруа-Больё и «ресурсы Сибири схожи с ресурсами Канады» [17, р. 95]. Сравнивая пространство Сибири с пространством Канады, он признавал, конечно, более суровые условия Сибири и ее более северное расположение [17, р. 5]. Следует отметить, что сравнение с Канадой Сибири встречается и у других французских путешественников и исследователей Сибири [7]. В настоящее время сравнительным анализом Сибири и Канады как мегарегионов занимается в своих исследованиях О. А. Донских, В. И. Супрун [3, 4].

Образ «каторжной» Сибири в работе Пьера Леруа-Больё также претерпел изменения. Прежде всего, автор обратил внимание своих читателей на тот факт, что Николай II с 1899 г. отменил ссылку в Сибирь. Пьер Леруа-Больё расценил это как «блестящую меру колониальной политики» [17, р. 91]. Ссылных по политическим и административным причинам он называл «честными и дружелюбными людьми», среди них «студенты, которые приняли участие в антиправительственных демонстрациях, поляки, обвиняемые в сопротивлении, религиозные диссиденты» [17, р. 92]. Другая категория ссылных, такие же «как наши французские рецидивисты», – писал автор [17, р. 92]. Он намеренно привел это сравнение, чтобы французы не испытывали страха перед каторжанами и не переносили этот страх на всю Сибирь. Получалось, что одни ссылные «честные», а другие почти как наши, французские.

Далее автор уточнил, что преступники, совершившие легкие преступления отправлялись в Западную Сибирь, а тех, кто с точки зрения власти совершил серьезные преступления, отправляли на каторжные работы в восточные части Сибири. Убийц, а также тех, кто совершил побег с каторги, отправляли на остров Сахалин [17, р. 92]. «Чем более они виновны, тем дальше их отправляют» [17, р. 93], – писал Пьер Леруа-Больё. «Самых несчастных» селили в Якутске, Верхоянске, Усть-Янске, Нижнеколымске. Но после трех – десяти месяцев проживания в этих селах они могли свободно пере-

мещаться по Сибири. «Эти ссылные оказывают большую услугу Сибири» [17, р. 93], – писал Пьер Леруа-Больё. «Если в Иркутские вам приходилось попробовать хорошее пиво, при том, что оно там ужасное, то знайте, его сварил ссылный из балтийских земель» [17, р. 93]. «На севере ссылные занимаются метеорологическими наблюдениями и научными исследованиями» [17, р. 93]. Ссылные, по мнению автора, приносили пользу Сибири. Условия их содержания Пьер Леруа-Больё описывал как «мягкие». Он признавал, что есть осужденные, которых плохо содержали, но их «очень мало» [17, р. 93]. Про «нетяжелые кандалы» мы упоминали ранее. К плюсам, если можно так выразиться по отношению к ссылке, Пьер Леруа-Больё относил то, что женщинам и детям разрешалось сопровождать ссылных [17, р. 94]. Разумеется, образ Сибири как места ссылки невозможно было полностью разрушить, но Пьер Леруа-Больё не писал ни о каких «мучениках Сибири» и, разумеется, не сравнивал Сибирь с тюрьмой, как Александр де Ламот [14].

Большую главу Пьер Леруа-Больё посвятил описанию городов Сибири. Неоднократно останавливаясь в своей работе на вопросах демографии, он обращал внимание и на численности сибирских городов. «В отсутствии развитой промышленности, – писал автор, – сибирские города не многочисленны и недостаточно развиты» [17, р. 67]. 11 городов имеют население больше 10 000 человек. В Томске и Иркутске – по 50 000 в каждом [17, р. 67] (Сведения 1897 г.). По некоторым городам автор привел данные о численном составе населения. «Русское население Владивостока составляло в 1895 г. 2780 гражданских лиц, 189 ссылных, 555 служащих и священников, включая детей и жен и 10087 офицеров и солдат с их семьями» [17, р. 68].

Характеризуя города Сибири, он обратил внимание на большую разницу между городами Восточной Сибири и Сибири от «Урала до Байкала». Кроме Благовещенска, по словам Пьера Леруа-Больё, все города Восточной Сибири – это «просто большие деревни, как Чита и Нерчинск, в которых избы теряются по середине улиц и неизмеримых площадей», а вдалеке виднеются «огромные белые массы правительственных зданий» [17, р. 68]. В его представлении это были «ненастоящие города», в отличие от «настоящих городов» между Уралом и Байкалом, которые «развиваются естественным образом». Автор отмечал, что эти города похожи на города европейской части России, такие как Саратов и Самара, и даже на некоторые районы Москвы [17, р. 69]. К сведению, численность жителей Самары к 1897 г. достигла 89 999 человек, в Саратове в 1897 г. проживало 137 147 человек [11, с. 92]. Это были динамично развивающиеся города. Их численность превышала численность городов Сибири. Таким образом, сравнение сибирских городов с Саратовом и Самарой звучало как комплимент городам Сибири.

Пьер Леруа-Больё отмечал, что сибирские города «более красивые, чем мы от них ожидали» [17, р. 70]. Автор обратил внимание на городское

благоустройство городов «от Урала до Байкала», их инфраструктуру и отметил, что в каждом городе есть «музей, больница, гимназия или колледж для мальчиков и иногда для девочек» [17, р. 69]. Телефоны есть во всех «важных городах» [17, р. 70], – писал он. В главе о торговле и транзите чая он описал город Кяхту. «Как только мы въезжаем в город, дорога, обрамленная с двух сторон деревянными домами с выкрашенными фасадами, становится отличной, смежные улицы тоже чистые, все выглядит богато, город поддерживается в наилучшем состоянии из того, что я увидел в Сибири» [17, р. 57]. Автор обратил внимание на «большое каменное здание», которое занимало реальное училище, богатые дома торговцев чая и на «белую церковь, редкого богатства внутреннего убранства, с серебряными канделябрами и серебряным иконостасом» [17, р. 58]. Церквей в сибирских городах было много. Он привел в пример Иркутск: «В Иркутске на площади перед главным собором и недалеко от него можно насчитать семь церквей» [17, р. 69], – писал Пьер Леруа-Больё.

Сибирские города, по мнению автора, – это еще и «оазисы интеллектуальной жизни» [17, р. 70]. «В Томске теперь есть университет» [17, р. 71], – отметил Пьер Леруа-Больё. «В его просторных белых корпусах пока находится только медицинский факультет, который насчитывает 500 студентов... скоро откроется юридический факультет, это следствие Великих реформ Александра II» [17, р. 71]. Автор отметил хорошую университетскую библиотеку (200 000 экземпляров), где он обнаружил издания на английском и французском языках, обратил внимание на дома для малообеспеченных студентов, которые построили в университетском парке [17, р. 71]. Разумеется, автор не обошел стороной еще одно образовательное учреждение Томска – это Технологический институт, который был открыт в 1896 г. «Этот город станет интеллектуальным центром всей Сибири», – делал вывод Пьер Леруа-Больё. Очевидно, что Пьер Леруа-Больё восхищался Томском. Совсем иное ощущение остается от прочтения главы «Томск» в работе Ж. Легра. Он писал снисходительно: «обделенный природой, ни полностью торговый, ни полностью интеллектуальный, этот город страдает от такой двойственной ситуации» [15, р. 66]. Но отдадим должное, университетская библиотека поразила Ж. Легра своим богатством также, как и Пьера Леруа-Больё [15, р. 78]. Культурная жизнь сибирских городов не осталась без внимания Пьера Леруа-Больё. Так, например, он стал свидетелем завершения строительства каменного театра в Иркутске на 1000 мест [17, р. 72].

Интересны и неожиданны сравнения Пьера Леруа-Больё городов Сибири с городами США. «Если посмотрите на линии электропередач, то подумаете, что вы в Америке» [17, р. 70]. Улицы Владивостока оживлены так же, «как по другую сторону Тихого океана, в Ванкувере, Такоме, Сиэтле» [17, р. 85]. «Каменные дома в несколько этажей», большое количество иностранцев: «китайцы в голубом с

длинными косами, корейцы все в белом, волосы подняты в шиньоны, японцы в национальных костюмах и деревянных башмаках, а среди этих азиатов служащие, военные, моряки в униформах» [17, р. 85]. Китайцы, – писал автор, – «едут во Владивосток, как в Калифорнию» [17, р. 85]. Когда он замечал недостатки в сибирских городах, например, «трясину на улицах, когда шел дождь», то писал, «ну а что же, улицы Чикаго и Нового Орлеана тоже содержатся не в лучшем состоянии» [17, р. 70].

Следует отметить, что Пьер Леруа-Больё сравнивал не только природу, ресурсы, города Сибири и Северной Америки, он сравнивал также отношения между русским и туземным населением в Сибири с отношением между европейцами и туземцами в колониях. По мнению автора, между русским и туземным населением были «замечательные отношения». «Предрассудки по поводу цвета кожи, такие значимые для англо-саксов и которые быстро распространяются у всех европейцев, как только они оказываются на одной земле с представителями другой расы, не существуют ни в малейшей степени у русских, возможно потому, что они ближе к Востоку и всегда жили, контактируя с ним» [17, р. 22]. Русские, по словам Пьера Леруа-Больё, отличаются и большей толерантностью. «Они придерживаются своей веры, но они признают, что каждый имеет права верить в своего Бога» [17, р. 22]. Автор обратил внимание, что в таких городах, как Омск, Томск, Красноярск и Иркутск встречаются католические и лютеранские церкви, а «синагоги можно встретить даже в некрупных городах». «Маленький городок Каинск между Омском и станцией Обью, по количеству проживающих там евреев можно назвать Сибирским Иерусалимом» [17, р. 25]. Кроме того, в Сибири «насчитывают более ста тысяч раскольников. Они распространены по всей Сибири и пользуются уважением», – писал Пьер Леруа-Больё [17, р. 26].

Автор описал случай, свидетелем которого он стал на пути из Челябинска в Омск. Он видел, как Омский митрополит вышел на одной из станций, чтобы посмотреть, как идут работы по возведению церкви. В то время, как он благословлял мужиков, в 50 метрах от него молились, повернувшись в сторону Мекки, путешествующие татары, и никакой враждебности, даже насмешки не было на лицах православных [17, р. 23]. Русское правительство, по мнению Пьера Леруа-Больё, оставляло большую свободу своим азиатским подданным в религиозном вопросе. Таким образом, толерантность русских и свобода вероисповедания, которой, по мнению Пьера Леруа-Больё, пользовались жители Сибири, вызывали у него понимание, уважение.

Пьер Леруа-Больё видел потенциал Сибири и связывал большие надежды с открытием Транссибирской железной дороги. По его мнению, в Сибири необходимо было научиться «применять современные методы в разработке природных богатств, в сельском хозяйстве», их применение он связывал с притоком капиталов из-за границы и с приездом ино-

21. Lévy Raphaël-Georges, Pierre Leroy-Beaulieu // *Revue des Deux-Mondes*. 1915. Vol. 26. P. 548–567. URL: <https://www.jstor.org/stable/44816842> (accessed: 01.12.2023).
22. L'invention de la Sibérie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe -XIXe siècles). Sous la direction de SARGA MOUSSA et ALEXANDRE STROEV. Paris, Institut d'Études Slaves, «Eur'Orbem. Cultures et Sociétés de l'Est 50 », 2014. Un vol. de 232 p.
23. Secondy Philippe Pierre Leroy-Beaulieu : un importateur des méthodes électorales américaines en France // *Revue historique* 2005/2 (n°634), P. 309–341. URL: <https://www.cairn.info/revue-historique-2005-2-page-309.htm&wt.src=pdf> (accessed: 01.12.2023).
24. Stourm R. Paul Leroy-Beaulieu // *Revue des Deux Mondes*. 1917. 1 avril. P. 532–552. URL: <https://www.revuedesdeux-mondes.fr/article-revue/avril-1917/> (accessed: 01.12.2023).

References

1. Andreev Ch. The policy of the tsarist government and the way of life of the indigenous peoples of Siberia in the light of Western historiography of the 19th–20th centuries in *Vtorye universitetskie social'no-gumanitarnye chteniya 2008 goda : materialy / redkol.: AI Smimov (gl. red.), KS Zhukov, LP Zimina, YuA Zulyar (nauch. red.), NS Konoplev, NS Malova, V V Monzhievskaya, RF Prohodovskaya*. Irkutsk : Publishing house Irkutsk State University; 2008. P. 244-249. (In Russ.).
2. The Great Siberian Railway. P. Leroy-Beaulieu. Kharkov: VN Golovkin: Typo-lithography "Printing"; 1899. 69 p. (In Russ.).
3. Donskih OA. Megaregions of Siberia and Canada in the twentieth century: historical features of the formation of cultural diversity. *Idei i idealy*. 2019;11(2), part 2:251-271. (In Russ.).
4. Suprun V I. Megaregion Siberia in the context of New Industrialization Megaregions Siberia and Canada: historical features of the formation of cultural diversity. *Idei i idealy*. 2017;1(31), part 1:107-117. (In Russ.).
5. Legra ZhE. In Siberia: [diary of a French traveler: 1897] / Jules Legras; lane from fr. OV Krupitseva; scientific ed. VP Zinoviev; Volume. Tomsk State University, Scientific. library; Tyumen State University, School of Research. surrounding environment and society. Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2021. 320 p. (In Russ.).
6. Majzik EI. Formation and development of international scientific relations of the Yenisei Siberia in the last third of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;(439):160-164. (In Russ.).
7. Olan'on KI. Siberia and its economic future. Olanyon KI; preface Frederica Passy; lane from French AD Pogruzova. St.Petersburg: Prosveshcheniye; [1903]. 252 p (In Russ.).
8. Repina LP. History of regions, or "Historian's territory" after Spatial turn. *Dialog so vremenem*. 2019;(69):5-16. (In Russ.).
9. Senyuhin AA. Images of Siberia in English and American travelogues of the turn of the 19th–20th centuries. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2020;(6):107-115. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34114 (accessed: 30.11.2023). (In Russ.).
10. Tomsk Review December 16, 2022 URL: <https://obzor.city/news/664907---v-tomske-vyshla-kniga-v-sibiri-francuzskogo-puteshestvennika-konca-xix-veka-zhulja-legra-> (accessed:30.11.2023). (In Russ.).
11. Tyurin VA. Structure, numbers, social composition of the urban population of the Middle Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik SamGU*. 2013;(8.2):92-98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-chislennost-sotsialnyy-sostav-gorodskogo-naseleniya-srednego-povolzhya-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v> (accessed: 30.11.2023). (In Russ.).
12. Baudin Rodolphe Sarga Moussa, Alexandre Stroev, eds. The invention of Siberia by French travelers and writers (18th-19th centuries). *Cahiers du monde russe*. 2014;(55/3-4):379-382. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/8047> (accessed: 01.12.2023). (In French).
13. Férin Louis. Tribute to the heroic Captain Pierre Leroy-Beaulieu and his family. URL: <https://www.honneurshereditaires.net/index.php/service/serviteurs-de-la-nation/179-hommage-a-l-heroique-capitaine-pierre-leroy-beaulieu-et-a-sa-famille> (accessed: 01.12.2023). (In French).
14. Lamothe Al. From The Martyrs of Siberia, Paris; 1873. 4 vol. Tome 1. 296 p. (In French).
15. Legras J. In Siberia. Paris: A. Colin. 1899. 381 p. (In French).
16. Leroy-Beaulieu, Pierre. Siberia and the Trans-Siberian Railway. *Revue des deux mondes*, 1-er mars et 15 août 1898. [Document d'archives] URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53108022z.r=La%20Sib%C3%A9rie%20et%20le%20transsib%C3%A9rien%20Revue%20des%20deux%20mondes%2C%201er%20mars%20et%2015%20ao%C3%BBt%201898.?rk=21459;2> (accessed: 01.12.2023). (In French).
17. Leroy-Beaulieu Pierre. The renovation of Asia: Siberia, China, Japan. Paris: Armand Colin et Cie; 1900, 482 p. (In French).
18. Leroy-Beaulieu Pierre. Chinese Railways and the Opening of the Celestial Empire. Paris: Armand Colin et Cie; 1899. (In French).
19. Leroy-Beaulieu Pierre. The New Anglo-Saxon Societies: Australia, New Zealand, Southern Africa. Paris: Armand Colin et Cie; 1897. 493 p.
20. Leroy-Beaulieu Pierre. Social experiments in Australia. Paris: Armand Colin et Cie; 1892.
21. Lévy Raphaël-Georges, Pierre Leroy-Beaulieu. *Revue des Deux-Mondes*. 1915;26:548-567. URL: <https://www.jstor.org/stable/44816842> (accessed: 01.12.2023). (In French).
22. The invention of Siberia by French travelers and writers (18th-19th centuries). Edited by SARGA MOUSSA and ALEXANDRE STROEV. Paris, Institut d'Études Slaves, "Eur'Orbem. Cultures et Sociétés de l'Est 50"; 2014. Un vol. de 232 p. (In French).
23. Second Philippe Pierre Leroy-Beaulieu: an importer of American electoral methods in France. *Revue historique*. 2005/2;(634):309-341. URL: <https://www.cairn.info/revue-historique-2005-2-page-309.htm&wt.src=pdf> (accessed: 01.12.2023). (In French).
24. Stourm R. Paul Leroy-Beaulieu. *Revue des Deux Mondes*. 1917;532-552. URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/avril-1917/> (accessed: 01.12.2023). (In French).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.12>

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Вадим Михайлович Муханов

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (д. 23, ул. Профсоюзная, 117997, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа.
vadim_muhanov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются предыстория, причины и начальный этап грузино-осетинского конфликта, завязанные на агрессивной и националистической политике властей Грузинской демократической республики в период независимости – 1918–1921 гг. **Материалы и методы.** Исследование проведено на базе анализа российских, грузинских и осетинских источников разного формата, в том числе делопроизводственного характера и личного происхождения. В первую очередь, следует выделить воспоминания и речи крупных политических и военных деятелей рассматриваемой эпохи – Н. Жордания, В. Джугели, Г. Квинитадзе, Ф. Махарадзе. Посредством применения историко-сравнительного и ретроспективного методов научного исследования удалось выстроить цельную картину происшедшего в рассматриваемый период. **Анализ.** Грузинский диктат достаточно быстро привел к росту антигрузинских настроений среди жителей Южной Осетии и последовавшим затем выступлениям против грузинских властей. Тогда как последние занесли осетин в статус предателей и организовали беспрецедентную по жестокости и размаху карательную экспедицию 1920 г. В статье подробно отслеживается ход операции, бои с осетинскими повстанцами, перечисляются репрессивные действия грузинских вооружен-

ных сил на территории Южной Осетии, в особенности, отрядов Народной гвардии во главе с печально знаменитым руководителем Валико Джугели, который не препятствовал даже показательным убийствам местных осетин. Поэтому данную экспедицию можно однозначно оценить как этническую чистку, в ходе которой практически все население Южной Осетии вынуждено было бежать через горы на территорию Северной Осетии. **Результаты.** Именно трагические события 1920 г. стали базисным этапом в периодизации грузино-осетинского конфликта, отголоски которого мы наблюдаем и в XXI веке.

Ключевые слова: Грузия, Россия, Южная Осетия, Ной Жордания, Серго Орджоникидзе, Валико Джугели, Народная гвардия

Для цитирования: Муханов В. М. О начальном этапе грузино-осетинского конфликта // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 297–302. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

ON THE INITIAL STAGE OF THE GEORGIAN-OSSETIAN CONFLICT

Vadim M. Mukhanov

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation)

Cand. Sc. (Hist.), Head of Sector for the Caucasus

vadim_muhanov@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>

Abstract. Introduction. The article examines the background, causes and initial stage of the Georgian-Ossetian conflict, tied to the aggressive and nationalistic policy of the authorities of the Georgian Democratic Republic during the period of independence - 1918-1921. **Materials and Methods.** The analysis was carried out on Russian, Georgian and Ossetian sources of various formats, including those of administrative nature and personal origin. First of all, it is necessary to highlight the memoirs and speeches of major political and military figures of the era in question - N. Zhordania, V. Dzhugeli, G. Kvinitadze, F. Makharadze. By applying historical-comparative and retrospective methods of scientific research, it was possible to construct a complete picture of what happened during the period under review. **Analysis.** The Georgian dictatorship quickly led to an increase in anti-Georgian sentiment among the residents of South Ossetia and subsequent protests against Georgian authorities. While the latter classified the Ossetians as traitors and organized a punitive expedition of unprecedented cruelty and scope in 1920. The article tracks in detail the progress of the operation, the battles with the Ossetian rebels, and lists the repressive actions of the Georgian armed forces on the territory of South Ossetia, in par-

ticular, the People's Guard units led by the notorious leader Valiko Dzhugeli, who did not even interfere with the demonstrative killings of local Ossetians. Therefore, this expedition can be clearly assessed as ethnic cleansing, during which almost the entire population of South Ossetia was forced to flee through the mountains to the territory of North Ossetia. **Results.** It was the tragic events of 1920 that became the basic stage in the periodization of the Georgian-Ossetian conflict, echoes of which we can see in the 21st century.

Keywords: Georgia, Russia, South Ossetia, Noy Jordania, Sergo Ordzhonikidze, Valiko Dzhugeli, People's Guard

For citation: Mukhanov VM. On the initial stage of the Georgian-Ossetian conflict. *Humanities and law research*. 2024;11(2):297-302. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.12.2023.

The article was approved after reviewing: 21.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

Введение. В 2023 исполнилось ровно 15 лет со дня войны в Южной Осетии и последовавшего за этим признания независимости одноименной республики. Тогда в 2008 г. многие заявили о завершении почти 20-летнего конфликта между грузинами и осетинами, забывая о его гораздо более значительной давности. Последний также как и грузино-абхазский конфликт только обострился в позднесоветскую эпоху, тогда как его завязка и начальный этап относится к событиям уже более чем столетней давности [13, с. 81 – 86]. Эта была крайне тяжелая эпоха революций, Гражданской войны, оккупаций и советизации как для России, так и для ее окраин.

Многие окраинные земли получили шанс обрести независимость, но не смогли в полной мере им воспользоваться. Первый опыт обретения национальной независимости Грузии неизбежно повлек обострение отношений как с соседними закавказскими республиками – Арменией и Азербайджаном, так и крупными странами – Турцией и Россией, но, в первую очередь, с теми народами, оказавшимися в границах Грузинской демократической республики (далее – ГДР).

Социал-демократическая (меньшевистская) элита во главе с Н.Н. Жорданием, взявшая власть в республике с первого дня, достаточно быстро оказалась зажата национал-демократической идеологией. Именно на эту важную тенденцию обращает внимание современный британский историк-русист Фрэнсис Кинг, который в одной из своих последних статей подчеркивает, что «трагедия грузинских социал-демократов в том, что в 1918 г., вопреки своим ожиданиям и идеологическим убеждениям, они оказались лидерами не социальной, а национальной революции...» [10, с. 79]. Это привело к многочисленным территориальным спорам и конфликтам практически со всеми соседями по периметру границ новоиспеченной республики. Яркий пример – это армяно-грузинская война, вспыхнувшая с бывшим союзником по борьбе с турками уже в первый год независимого существования – в декабре 1918 г. Очевидно, что тяжелее всего пришлось тем народностям, которые по разным причинам оказались внутри молодой республики, управляемой крайне амбиционной национальной элитой. В первую очередь, это относится к осетинам и абхазам. Хотя, надо признать, что националистическая и ярко дискриминационная политика грузинских властей в разные годы существования Грузинской республики затрагивала и крайне болезненно задевала армянское и татарское/мусульманское население, аджарцев и русских.

Подобная однобокая политическая линия грузинской правящей элиты привела к вопиющей трагедии 1920 г. в Южной Осетии, когда практически все население вынуждено было спасаться от карателей, посланных властями, на территории Северной Осетии. Эта этническая чистка, проведенная грузинскими вооруженными силами, в первую очередь, Народной гвардией, заложила базис под тяжелый и многолетний межэтнический конфликт, отголоски которого мы наблюдаем до сих пор.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе анализа российских, грузинских и осетинских источников разного формата, в том числе делопроизводственного характера и личного происхождения. Особое внимание вызывают воспоминания, речи и оценки крупных политических и военных деятелей рассматриваемой эпохи – Н. Жордания, В. Джугели, Г. Квинитадзе, Ф. Махарадзе и др.

При написании статьи привлекались и сборники документов, вышедшие как в советское, так и в постсоветское время, а также основополагающие историографические работы по кавказской проблематике, включая и зарубежных авторов.

Посредством применения историко-сравнительного и ретроспективного методов научного исследования удалось выстроить цельную картину происходившего в рассматриваемый период.

Анализ. Отметим, что еще до объявления независимости Грузии ситуация в Цхинвальском районе была напряженной. Весной 1918 г. местное население потребовало решение наболевшего земельного вопроса, однако столкнулось с жесткой и бескомпромиссной позицией начальника Цхинвальского участка К. Казиашвили, заключавшейся по большому счету в грубом и хамском отношении к осетинам. Последние ходатайствовали у Закавказского Сейма прекращения самоуправства «диктатора Казиашвили» и его удалении, ну и, главное, о равном распределении земли (согласно закону, принятому Сеймом) [1, с. 343 – 344].

Однако вместо диалога с населением в Тифлисе по инициативе грузинских социал-демократов приняли решение о подавлении этого выступления силовым путем и направили в Южную Осетию двухтысячный отряд под командованием губернского комиссара Г. Мачабели (при котором был и Казиашвили). Последний взял под контроль Цхинвал, однако осетинские повстанцы, поднявшиеся на борьбу, в ходе двухдневных боев разбили закавказских гвардейцев и выбили их из Цхинвала (погибли и руководившие ими Г. Мачабели и К. Казиашвили) [4, с. 14]. В ответ на такой откровенный вызов своей власти, Сейм отправил в мятежный район крупные силы Красной гвардии под командованием революционера В. Джугели и армейские части под командованием генерала А. Коняева. Понятно, что повстанцы не могли оказать сопротивления многочисленному превосходившему их противнику как в живой силе, так и в вооружении. Выступление было подавлено к концу марта 1918 г., остатки осетинских сил самообороны бежали в горы, а войска Сейма остановились у Джавы.

Для лучшего управления мятежного участка Закавказское правительство постановило переименовать местечко Цхинвал «в город с введением в нем городского положения». Грузинские меньшевики в Тифлисе стали воспринимать данную территорию как враждебную и как форпост русского большевизма, поэтому поставили ее под особый контроль горьковского уездного комиссара Джапаридзе, который

обязан был регулярно докладывать о ситуации там в ведомство внутренних дел.

Сразу же за объявлением независимости в мае 1918 г. власти ГДР очутились перед проблемой налаживания действенного контроля над окраинными землями, автоматически вошедшими в состав новоиспеченного гособразования. Они были обеспокоены постоянными контактами осетин с братьями из Северной Осетии, которая очутилась в гуще событий Гражданской войны в России, и меняла красный окрас на белый и наоборот. Национал-демократическая идеология, ставшая быстро доминантой в действиях грузинского правительства, не позволяла ему с симпатией и доверием относиться к любым проявлениям инакомыслия и другой этнической консолидации на окраинных территориях. Поэтому обострение отношений с представителями абхазского и, в особенности, осетинского этносов было неминуемо.

Власти ГДР плотно занялись югоосетинской проблемой в 1919 г., когда по распоряжению Н.Н. Жордания как главы правительства в район были направлены регулярные войска под командованием генерала Каралова [1, с. 351 – 352]. В грузинскую столицу тут же посыпались многочисленные жалобы на бесчинства солдат и самоуправления офицеров из этого отряда. Осенью того же года последний был выведен из-за боязни нового обострения, а там остались только грузинские милиционеры, правда, подкрепленные батальоном регулярных войск.

Самые тяжелые времена для населения Южной Осетии пришли в 1920 г., когда в ответ новое выступление грузинские власти организовали ширококомасштабную военную операцию, которая однозначно может быть оценена как карательная. Причем некоторые ее неприглядные подробности зафиксировал фактический лидер Народной гвардии Грузии Валико Джугели, откровенно упивавшийся ролью палача и карателя.

Подчеркнем, что именно 1920-й стал ключевым годом в этом неофициальном еще грузино-осетинском противостоянии, когда успокоенные только что подписанным Московским договором с Советской Россией (от 7 мая 1920 г.) грузинские власти решили раз и навсегда закрыть югоосетинский вопрос. Непосредственным поводом для жесточайшей карательной экспедиции послужило известие об объявлении советской власти сформированным незадолго до этого Югоосетинским Ревкомом. Заметим, что грузинские обвинения советской стороны в подготовке и проведении восстания / антиправительственного мятежа представляются обоснованными, т.к. по вышеуказанному договору Советская Россия признавала югоосетинскую территорию в составе ГДР [12, с. 835–836]. Несмотря на это, по инициативе Кавказского бюро ЦК партии во главе с Серго Орджоникидзе осетинские большевики начали подготовку к восстанию с целью провозглашения советской власти. Очевидно, что в этом и последующих печальных событиях есть значительная вина Кавбюро.

Инициатива Кавбюро весной 1920 г. понятна: Орджоникидзе и товарищи, не особо веря в заключение быстрого мира с Тифлисом на фоне мгновенной и успешной советизации Азербайджана, хотели растянуть грузинские войска между направлениями – осетинским и азербайджанским (тем более что на грузино-азербайджанской границе в мае уже шли бои). Товарищ Серго считал перспективной диверсию в направлении Гори, что заставило бы грузинское руководство ослабить фронт против уже Советского Азербайджана.

Подтолкнув весной осетин к вооруженному восстанию против грузинских властей, советская сторона после заключения необходимого ей договора с Тифлисом (как определенная передышка на фоне провала в советско-польской войне) отказалась от дальнейшего активного вмешательства в разгоравшийся конфликт. Один из лидеров грузинских коммунистов Филипп Махарадзе впоследствии писал, что «весь трагизм этого восстания заключается именно в том, что оно и на этот раз оказалось совершенно изолированным... и это новое восстание с самого начала оказалось обреченным на гибель» [11, с. 225]. Фактически осетины были брошены на произвол судьбы, т.е. один на один с грузинскими вооруженными силами. Москва ограничилась только нотами протеста на имя главы МИД Грузии Е. Гегечкори, который в ответ прикрылся нужной статьей майского соглашения.

Грузинское правительство быстро отреагировало на объявление советской власти в Южной Осетии отправкой туда большого воинского контингента, состоявшего как из частей регулярной армии с артиллерией, так и из подразделений Народной гвардии под предводительством Валико Джугели. Именно последний оставил свои воспоминания (в некоторых местах просто шокирующие неподготовленного читателя!), где красочно описывает «подвиги» народогвардейцев [7]. Мемуары Джугели являются прямым свидетельством жесточайшего подавления осетинского выступления и бесчеловечного отношения к мирному населению, которое скопом записывалось в мятежники.

23 марта 1920 г. по инициативе Кавбюро создали Югоосетинский Ревком, на деятельность которого выделили 100 тыс. руб. [3, с. 76] В апреле повстанцы начали действовать, и рассеяли первый грузинский отряд, стоявший в Рокском районе, на границе с Терской областью. В мае они объявили советскую власть в этом районе и даже заявили о присоединении его к Советской России, попытавшись закрыться от грузинских войск. С конца мая начались ожесточенные бои. 25-го передовые грузинские части в Джавском районе были обращены в бегство после 8-часового боя [3, с. 86]. Югоосетинский ревком выпустил меморандум, в котором заявил, что «1) Южная Осетия – неотъемлемая часть Советской России; 2) Южная Осетия входит в состав Советской России на общем основании» и обратился к СНК и ЦК партии с призывом о помощи [3, с. 88–89].

Грузинскую сторону охватила легкая паника. Как вспоминал впоследствии главнокомандующий грузинской армией генерал Г. Квинитадзе, «из Гори местной администрацией присылались телеграммы, тон которых указывал мне, что местная администрация и население находились в сильном беспокойстве. Дело в том, что к югу от Гори также живут осетины, и там было замечено брожение. Первые направленные туда войска могли прибыть лишь через 1-2 дня, почему, не дожидаясь войск, я выехал туда, зная, что мой личный приезд успокоит власти и население. Окунувшись в обстановку, я там же принял первые меры: установил сторожевое охранение против осетин, обитающих к югу от Гори, занял все переправы через Мтквари и этим разобщил этих осетин от Цхинвальских. Все эти мероприятия были исполнены силами местной Гвардии и администрации» [9, с. 198].

Уже даже в этих высказываниях Квинитадзе видна одна очень характерная тенденция, которая отлично дополняется другими источниками эпохи – стойкое недоверие к осетинам (в данном случае, проживавшим вне Южной Осетии). Последние, несмотря на то, что восстание было в другом месте, были заблокированы (в профилактических целях?!). Отметим, что подобное недоверие быстро стало традиционным и только усугубило грузино-осетинский конфликт.

К 12 июня 1920 г. на осетинском направлении были сконцентрированы силы гвардии под командованием Джугели и армейские части с генералом Княевым, назначенным формально командующим операции (8 батальонов Народной гвардии, конный полк и 2 горные батареи) [7, с. 228]. Главнокомандующий генерал Квинитадзе лично разработал операцию и в дальнейшем осуществлял общее командование войсками, где доминировала гвардия, т.к. многие регулярные части оставались на границе с Азербайджаном [9, с. 197].

Как утверждал Квинитадзе, в Совете Гособороны в ходе обсуждения операции спор возник только по вопросу сжигания осетинских селений. Командующий, как кадровый офицер, выступил против этой жестокой меры, однако не смог настоять на своем. «Я протестовал, - пишет генерал, - и указывал, что эти меры не следует объявлять, что во время боевых действий и без того происходит много пожаров и что эти пожары происходят и без понукания. Решили не жечь, но штаб Гвардии объявил своим батальонам жечь» [9, с. 200]. Во время боев командующий не мог контролировать действия отрядов, большинство из которых состояли из батальонов Народной гвардии. Поэтому основная ответственность ложилась на плечи их командиров наподобие фанатика Джугели. Никто и не пытался ограничивать жестокость в отношении населения, которое скопом записывалось в ряды врагов. Более того, подобное отношение культивировалось в Народной гвардии, о чем открыто писал Валико Джугели, заявляя, что «этих изменников надо жестоко наказать» и

что «среди гвардейцев страшное раздражение» против них [7, с. 229].

Жгучий грузинский национализм проявился в отношениях с осетинами во всей красе. И Джугели, и ряд других местных политиков прямо отводили им место людей второго сорта, записывая в мятежники. Противостояние было хрестоматийным: прогрессивные грузины, сделавшие на всеобщее благо революцию, вынуждены бороться с отсталыми и неблагодарными осетинами. Никто и не вспоминал о равноправии, а требовали только беспрекословного подчинения революционным законам. Более того, это противостояние, оцениваемое Джугели как традиционное, он выводит из имперских времен. «Осетины, эти безмолвные рабы старого самодержавия, эти верные псы наших помещиков и старых приставов, эти прирожденные стражники – теперь выступают в красной мантии, под видом революционеров. Впрочем – в ноябре они выступали, как денкинцы! А завтра они вновь выступают как агенты Турции! А наши гвардейцы, эти старые рабочие-революционеры, которые уже давно подняли знамя борьбы против самодержавия, которые арестовывались и расстреливались теми же осетинскими стражниками, теперь объявляются контр-революционерами и слугами помещиков!», - заявлял грузинский революционер [7, с. 231].

Осетины обвинялись во всех провалах и трудностях грузинской демократии: «Несколько лет назад своим восстанием они облегчили туркам взятие Батума. В прошлом году они помогали Деникину, а теперь идут заодно с большевиками». Поэтому Джугели приходит к простому и понятному выводу, разделяемому многими грузинскими политиками, что осетины – «прохвосты» и «осетинские националисты – наши злейшие и неусыпные враги». «Вся наша демократия и все ответственные товарищи негодуют на осетинских востанцев. Наш больной Ной совсем рассердился на них. ... Они всегда пользуются нашими затруднениями и устраивают нам восстания, - добавлял он» [7, с. 227-228].

В ходе наступления грузинских войск начались грабежи осетинского населения, которые совершали народогвардейцы. Последние отличались и убийствами, что вынужден был признать даже генерал Квинитадзе. Последний признается, что ни ему, ни командованию гвардии не удалось прекратить ее буйство, только останавливать на время: «... действительно гвардейцы буйствовали. Мне тут же передали случай, который только что разыгрался. Когда В. Джугели вышел на улицу, то в этот момент к нему бросился один из осетин – местных жителей с просьбой о помощи. Его хотели убить, и он, ища спасения, бросился к Джугели и обнял его. Но раздался выстрел и осетин был убит на руках Джугели, причем стрелявший гвардеец извинился перед последним, говоря: «Извини, Валико, чуть-чуть тебя не задел» [9, с. 205]. В те же дни на городском кладбище над Цхинвалом состоялась показательная казнь 13 захваченных в плен осетинских повстанцев. Их заставили вырыть себе общую могилу, а затем рас-

стреляли [8, с. 94]. Военный успех над малочисленным и малоопытным противником Народная гвардия сразу стала закреплять карательными действиями, беспрецедентными по своей жестокости.

В телеграмме от 18 июня в Москву председатель Юго-осетинского ревкома В. Санаков с горечью констатировал, что «банды меньшевиков под предводительством Джугели сожгли дотла селения Корнис, Цунар, Тбет, Хеит и т.д. Всего сожжено двадцать пять крупных сел, не считая мелких. Жители от мала до велика истребляются» [3, с. 111].

Название, предложенное Джугели к этому выступлению, быстро прижилось и применяется многими грузинскими авторами до сих пор – «Югоосетинская Вандея» [7, с. 227]. Джугели откровенно наслаждался уничтожением осетинских населенных пунктов и насилием над местным населением, и тем страхом, которым оно охвачено при приближении его бравых народогвардейцев. Население получало только один шанс спастись – бегством через перевалы на север. По итогам карательной операции, организованной властями ГДР, территория Южной Осетии практически опустела, почти все осетинское население вынуждено было в спешке покинуть родные места и превратилось в беженцев. Осетины, проживавшие в других районах республики, опасаясь за свои семьи и жизни, должны были писать покаянные письма в Тифлис.

Наступление началось 12 июня на рассвете и в тот же день используя многократное превосходство батальоны Народной гвардии взяли Цхинвал. Слабая организация повстанцев и отсутствие боевого опыта не позволили им остановить противника. Джугели уже в день начала операции удовлетворенно писал: «Восставших осетин несколько тысяч. И я знаю, что мы их легко опрокинем и погоним. ... Враг всюду в беспорядке бежит. ... Банда!» [7, с. 229].

А в первую же ночь, сразу после взятия Цхинвала, Джугели приступил к карательной части операции – к уничтожению населенных пунктов, включая, в первую очередь, сожжение жилых домов осетин. Как зафиксировал он в своем дневнике, «... этих изменников надо жестоко наказать! Иного пути нет! ... среди гвардейцев страшное раздражение против неусыпных наших врагов и потому уже горело несколько домов. Теперь ночь. И всюду видны огни!.. Это горят дома повстанцев, но я уже привык и смотрю на это почти спокойно. Скрепя сердцем!» [7, с. 229]. В следующие дни каратели продолжили сжигать попадавшиеся им на пути селения. Командир Народной гвардии без стеснения и стыда записывает в дневнике: «И всюду вокруг нас горят осетинские деревни. Ужасная расправа, но иного пути нет... Ибо гораздо лучше наказать, разбить, уничтожить часть и спасти целое, чем, спасая единицы, разрушить и уничтожить целое! Лучше и милосерднее жестоко наказать, уничтожить южно-осетинскую Вандею, чем, спасая Вандею, погубить всю страну и Республику!» [7, с. 230].

Соппротивление осетин было сломлено буквально за несколько дней. 15 июня лавина карателей докатилась до Джавы и взяла ее, уничтожив до

этого целый ряд осетинских селений. Последние запылали сразу после их захвата. Джугели, как эстет, вносит и такую запись: «Отсюда чудный, волшебный вид во все стороны. Если бы было настроение наслаждаться красотой! А огни горят и горят!..» Однако, помимо восхищения красотами природы, он не скрывает радости по поводу бегства всего осетинского населения в горы и возможной их гибели там: «Осетины бегут и бегут. Бегут в горы, на снеговые горы! И там им будет холодно. Очень холодно!» [7, с. 232].

Джава была одной из главных целей карательной операции. «Джава – южно-осетинская столица. Эта очень богатая и живописная деревня. Она сердце Южной Осетии. Виновица всех интриг, всех восстаний. И это сердце надо вырвать!» – пишет Валико Джугели. Командование Народной гвардии не стало откладывать традиционное действие: ночью 15-го зарево пожара над Джавой было далеко видно на фоне звездной и ясной ночи [7, с. 234].

Операция по подавлению восстания и выдвиганию осетинского населения за хребет была практически завершена к 20-му числам. Джугели удовлетворенно записывает в дневнике: «Деревня Роки совершенно пуста. И все деревни кругом опустели! Большинство населения бежало за перевал, оставшиеся укрывшись в лесах и горах» [7, с. 237]. Несмотря на мощное силовое давление со стороны грузинских войск, как отмечает М.М. Блиев, «осетины сумели еще сохранить коридор, по которому тысячи и тысячи беженцев растянувшейся лентой двигались в сторону Рокского перевала, чтобы перейти через него и найти убежище в Северной Осетии. Значительная часть населения, оказавшаяся отрезанной от подступов к Рокскому перевалу, была вынуждена отходить в горы к другим перевалам и добираться в Дигорию или Балкарию... Это продолжалось 14, 15, 16 и 17 июня...» [1, с. 366-367].

Таким образом, в июне 1920 г. мирное население вынуждено было в спешном порядке бежать через перевал в Северную Осетию. Десятки тысяч людей оказались изгнанными из своих домов, несколько тысяч – убиты, более пяти тысяч осетин погибло во время бегства от карателей при переходе через горы (от холода, голода, а также начавшегося тифа и туберкулеза!). На июль того же года в Северной Осетии зафиксировали около 20 тыс. беженцев [2, с. 390]. В общей сложности более 130 селений оказалось уничтоженными, поголовно угнан крупный и мелкий рогатый скот, разграблен урожай. Согласно опубликованной в 1930-е гг. статистике, «убитых и погибших при отступлении было 4775 человек, избитых до смерти – 499 чел., несколько человек было заживо сожжено. Количество изнасилованных женщин не поддается учету. Посевов погибло – зерна из урожая 1919 г. на сумму 167707 рублей. Гибель скота – свыше 80%» [6, с. 29]. После установления советской власти в Грузии была создана специальная правительственная комиссия для определения общего материального ущерба, нанесенного в результате грузинской карательной экспедиции. В результате ее работы общий ущерб в денежном выраже-

нии оценили в 3 317, 5 тыс. рублей золотом [5, с. 104-105].

Результаты. Отметим, что отношения грузинских властей и осетинского населения не сложились с самого начала, и конфликт постепенно перерос из политико-экономического в этнический (кровавая экспедиция 1920 г. – прямое тому подтверждение!). Таким образом, можно четко заявить, что правительство ГДР проводило откровенно дискриминационную политику в отношении осетинского населения республики.

Пиком подобной политической линии стала масштабная и ничем не прикрытая этническая чист-

ка осетинского населения, проведенная в 1920 г. главным образом силами Народной гвардии Грузии, где проповедовалась откровенно националистическая идеология. Урон, причиненный местному осетинскому населению, нанесен поистине трудно поправимый, потери среди него были огромными. Восстановительный период, уже в советское время, занял много лет. Именно этот временной промежуток представляется базовым в том тяжелейшем и кровавом грузино-осетинском конфликте, горячую фазу которого мы наблюдали в 1990-е и затем снова стали очевидцами его обострения в 2000-е гг.

Литература

1. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношениях. М.: Издательство «Европа», 2006. 472 с.
2. Борьба за советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Ордзхоникдзе: Ир, 1972. 542 с.
3. Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть. 1917 – 1921. Документы и материалы / Сост. И. Н. Цховребов. 2-е изд. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. 312 с.
4. Ванев З. Н., Догузов П. В. Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за советскую власть. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1957. 60 с.
5. Геноцид осетин: 1920 год. Документы и материалы / сост. Р. С. Бзаров. Цхинвал: Ирыстон, 2009. 111 с.
6. XV лет Советской Юго-Осетии. Сталинир, Госиздат Юго-Осетии, 1935.
7. Джугели В. Тяжелый крест. Записки народогвардейца. Тифлис, 1920. 286 с.
8. Дзидзоев В. Д., Дзугаев К. Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал: Ирыстон, 2007. 271 с.
9. Квинитадзе Г. Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917-1921. Париж: YMCA-Press, 1985. 471 с.
10. Кинг Ф. Националисты поневоле? Социал-демократия и национальная независимость в Грузии в 1918-1921 гг. // Кавказский сборник. Т. 12(44) / Под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 77-102.
11. Махарадзе Ф. И. Советы и борьба за советскую власть в Грузии 1917-1920 гг. Тифлис: Госиздат Грузии, 1928. 370 с.
12. Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или история Первой Грузинской республики. М.: Кучково поле, 2019. 928 с.
13. Муханов В. М. О начальном этапе грузино-абхазского конфликта // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования. Сборник трудов конференции. Ростов н/Д, 2022. С. 81-86.

References

1. Bliev MM. South Ossetia in conflicts of Russian-Georgian relations. Moscow: Publishing house "Europe"; 2006. 472 p. (In Russ.)
2. The struggle for Soviet power in North Ossetia. Collection of documents and materials. Ordzhonikidze: Ir; 1972. (In Russ.)
3. The struggle of the working people of South Ossetia for Soviet power. 1917-1921. Documents and materials / comp. IN Tskhovrebov. 2nd ed. Stalinir: State Publishing House of South Ossetia; 1960. 312 p. (In Russ.)
4. Vaneev ZN, Doguzov PV. From the history of the struggle of the working people of South Ossetia for Soviet power. Stalinir: State Publishing House of South Ossetia; 1957. 60 p. (In Russ.)
5. Ossetian genocide: 1920. Documents and materials / compiler RS Bzarov. Tskhinvali: Iryston; 2009. 111 p. (In Russ.)
6. XV years of Soviet South Ossetia. Stalinir, State Publishing House of South Ossetia; 1935. (In Russ.)
7. Dzhugeli V. Heavy cross. Notes of a People's Guard. Tiflis; 1920. 286 p. (In Russ.)
8. Dzidzoev VD, Dzugaev KG. South Ossetia in retrospect of Georgian-Ossetian relations. Tskhinvali: Iryston; 2007. 271 p. (In Russ.)
9. Kvinitadze G. My memories during the years of independence of Georgia, 1917-1921. Paris: YMCA-Press; 1985. 471 p. (In Russ.)
10. King F. Reluctant Nationalists? Social democracy and national independence in Georgia in 1918-1921 in Caucasian collection. Vol. 12(44). Ed. VV Degoeva. Moscow: Aspect-Press; 2020. P. 77-102. (In Russ.)
11. Makharadze FI. Soviets and the struggle for Soviet power in Georgia 1917-1920. Tiflis: State Publishing House of Georgia; 1928. 370 p. (In Russ.)
12. Mukhanov V.M. "Socialism of winegrowers", or the history of the First Georgian Republic. Moscow: Kuchkovo pole; 2019. 928 p. (In Russ.)
13. Mukhanov V.M. On the initial stage of the Georgian-Abkhaz conflict. Ethnopolitical conflicts in the Caucasus and the Middle East and mechanisms for their resolution. Collection of conference proceedings. Rostov-on-Don; 2022. P. 81-86. (In Russ.)

Научная статья

УДК 94(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.13>

ЗЕМСТВА И КООПЕРАЦИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Николай Дмитриевич Судавцов^{1*}, Лариса Викторовна Печалова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

² Ставропольский строительный техникум (д. 73, ул. Комсомольская, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, преподаватель

254896@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1518-8937>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В условиях начавшейся Первой мировой войны и вовлеченности России в военные конфликты властью изыскиваются дополнительные источники решения возникших проблем. К выполнению государственных мероприятий правительство привлекало органы местного самоуправления, для чего даже были расширены компетенции земства. К решению социально-экономических проблем власть стала привлекать кооперацию. Интерес представляет опыт взаимодействия земства и кооперации. **Материалы и методы.** Исследование подготовлено на основе комплексного подхода, который позволил на основе сочетания сведений различных источников провести анализ деятельности земства и кооперативных объединений в годы Первой мировой войны. Применение принципов историзма, объективности, всесторонности позволило проанализировать исследуемую проблему, в том числе и в региональном аспекте. Источниками, привлечёнными к анализу, стали как опубликованные источники, так и неизученные ранее архивные документы, статистические материалы, периодическая печать по проблемам и истории деятельности органов местного самоуправления и истории кооперативных объединений. **Анализ.** В статье исследована деятельность земского самоуправления и кооперации Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Описываются направления работы земства и кооперативных объединений. Рассматривается процесс развития кооперативного движения в исследуемый период, анализируются возможности кооперации в решении задач внедрения методов хозяйствования, обеспечения населения товарами широкого по-

требления, снижения уровня социальной напряжённости. **Результаты.** В исследовании сделан обоснованный вывод о том, что в период Первой мировой войны учреждения земства и кооперативные объединения Ставропольской губернии осуществляли плодотворную деятельность, способствовали решению сложнейших задач военного времени. Кооператоры и земства внесли свой вклад в решение проблем обеспечения населения товарами первой необходимости, снабжении армии, оказания помощи семьям фронтовиков. В условиях войны кооперативным объединениям региона удалось укрепить свои позиции, значительно расширив сеть своих организаций.

Ключевые слова: Первая мировая война, земства, потребительская кооперация, кредитная кооперация, оказание помощи, хлебозаготовки, Московский народный банк, Россия, Ставропольская губерния

Для цитирования: Судавцов Н. Д., Печалова Л. В. Земства и кооперация Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 303–308. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

ZEMSTVOS AND COOPERATION OF THE STAVROPOL PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Nikolay D. Sudavtcov^{1*}, Larisa V. Pechalova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Researcher

nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

² Stavropol Construction College (73, Komsomolskaya St., Stavropol, 355035, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Teacher

254896@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1518-8937>

• Corresponding author

Abstract. Introduction. In the context of the outbreak of the First World War and the involvement of Russia in military conflicts, the authorities are looking for additional sources of solving the problems that have arisen. The government involved local governments in carrying out state activities. Why did they even expand the competence of the zemstvo? The authorities began to involve cooperation in solving socio-economic problems. The experience of interaction between zemstvo and cooperation is of interest. **Materials and Methods.** The study was prepared on the basis of an integrated approach, which made it possible, based on a combination of information from various sources, to analyze the activities of zemstvos and cooperative associations during the

First World War. The application of the principles of historicism, objectivity, and comprehensiveness made it possible to analyze the problem under study, including in the regional aspect. The sources involved in the analysis were both published sources and previously unstudied archival documents, statistical materials, periodicals on the problems and history of the activities of local governments and the history of cooperative associations. **Analysis.** The article examines the activities of zemstvo self-government and cooperation of the Stavropol province during the First World War. The directions of work of zemstvos and cooperative associations are described. The process of development of the cooperative movement in the period under study is examined,

the possibilities of cooperation in solving the problems of introducing management methods, providing the population with consumer goods, and reducing the level of social tension are analyzed. **Results.** The study made a reasonable conclusion that during the First World War, zemstvo institutions and cooperative associations of the Stavropol province carried out fruitful activities and contributed to solving the most difficult wartime problems. Cooperators and zemstvos contributed to solving the problems of providing the population with essential goods, supplying the army, and providing assistance to the families of front-line soldiers. During the war, cooperative associations in the region managed to strengthen their positions, significantly expanding the network of their *organizations*.

Введение. В современных условиях, в период серьезных преобразований в России, тема земского самоуправления, эффективности его деятельности является одной из приоритетных не только для исследователей, но и для практиков. История развития местного самоуправления в России, его место и роль в решении сложнейших проблем в годы Первой мировой войны является одной из наиболее исследуемых в последние годы. Интерес исследователей обусловлен возможностью проведения объективного анализа и оценки деятельности органов самоуправления в экстремальных условиях войны, а также вероятностью использования опыта решения проблем населения, семей фронтовиков, воинов-инвалидов, детей-сирот и т. д. Ценным и актуальным является опыт деятельности земских органов самоуправления в поддержке села, создания условий для его развития. Значимым является и рассмотрение опыта взаимодействия органов местного самоуправления с кооперативными объединениями.

Материалы и методы. Избранный автором комплексный подход позволил на основе принципа всесторонности осуществить исследование деятельности органов местного самоуправления и кооперации в условиях Первой мировой войны. Исследование построено на основе принципов историзма, объективности, всесторонности, что позволило проанализировать основные направления деятельности земства и кооперативных объединений Ставропольской губернии, а также процесс развития кооперативного движения в годы войны. Использовались методы исторического исследования: историко-сравнительного, историко-правового, историко-типологического, историко-системного. Так, историко-сравнительный метод дал возможность автору сравнить развитие потребительской кооперации и кредитной кооперации Ставропольской губернии, рассмотреть этот процесс в период войны. Проведению исследования государственной политики в отношении земства и кооперации способствовал историко-правовой метод. Использование историко-типологического метода, основанного на различающихся и тесно связанных между собой единичном, особенном, общем и всеобщем, позволило выявить специфику и способы реализации государственной политики на различных уровнях: общегосударственном, региональном, местном. Целостному охвату изучаемой реальности способ-

Keywords: The First World War, zemstvo, consumer cooperation, credit cooperation, assistance, grain procurements, Moscow People's Bank, Russia, Stavropol province

For citation: Sudavtsov ND, Pechalova LV. Zemstvo and cooperation of the Stavropol province during the First World War. *Humanities and law research*. 2024;11(2):303-308. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.13>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 18.10.2023.

The article was approved after reviewing: 21.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

ствовало применение историко-системного метода, позволившего проанализировать отдельные события и явления, характеризующие как общероссийские, так и региональные процессы развития кооперативной формы хозяйствования как целостный процесс, приблизиться к пониманию логики развития кооперации. Данный метод позволил рассмотреть формы и методы деятельности земского самоуправления, его эффективность в экстремальных условиях войны.

Для научного анализа проблемы были привлечены документы нормативного и законодательного характера, распорядительно-законодательные и делопроизводственные документы, статистические материалы, политические сочинения, научная литература и публицистика, периодическая печать.

Анализ. В условиях вступления России в 1914 г. в Первую мировую войну земское самоуправление приняло активное участие в решении задач социально-экономической сферы. Война потребовала перестройки форм и методов работы органов земского и городского самоуправления, усиления её взаимосвязи с кооперативными объединениями.

Правительство, привлекая органы местного самоуправления к выполнению государственных мероприятий, способствовало расширению их компетенций. При этом вынуждено было в некоторой степени уменьшить административную опеку и увеличить сферу деятельности земского самоуправления. Это сыграло положительную роль в усилении взаимодействия с кооперацией.

В условиях начавшейся войны государственные и местные органы власти стали активно использовать возможности кооперативных предприятий. Кооперация стала дополнительным источником обеспечения страны, вооружённых сил и населения всем необходимым.

Немаловажную роль в развитии деятельности кооперации сыграл учрежденный в 1912 г. Московский народный банк, ставший общегосударственным финансовым и торговым центром кооперативного развития и кооперативного кредита в России. Его первоначальный капитал банка в один миллион рублей был разделен на 4 тысячи именных акций по 250 рублей каждая. Акционерами банка были частные лица, которые видели перспективу развития кооперативного движения в России. Им

принадлежало 16 % акций банка. Право приобретения акций имели кооперативы и их союзы.

К 1914 г. в России наблюдался рост учрежденный мелкого кредита. Около 20 тыс. учреждений мелкого кредита располагали средствами в размере около 1 млрд руб. [2, с. 9]. Три кооперативных союза осуществляли свою деятельность на территориях Кубанской области, Терской области и Ставропольской губернии. Наиболее результативно действовал Кубанский союз, в состав которого входило 93 товарищества [4, с. 47–48]. Так, в Терской области действовало 20 кредитных товариществ, 34 сословных кредитных кооперативных учреждения, в Ставропольском отделении – 37 кредитных товариществ, 72 ссудо-сберегательных касс и сельских банков [12, с. 15].

Анализ источников показал, что свой вклад в рост учреждений мелкого кредита внесли местные органы самоуправления. Они активно сотрудничали с кооперативными союзами и их учреждениями, оказывали им существенную помощь в создании новых кооперативов и содействовали их развитию.

В связи с тем, что война началась в период, когда в южных и центральных губерниях России полным ходом шла уборка урожая, в стране создавалась реальная угроза срыва выполнения сельскохозяйственных работ.

Проведённая мобилизация негативно сказалась на уборке урожая. Значительная часть ушедших на фронт были жители сёл. Создавалась реальная угроза срыва уборки без потерь урожая. Из-за нехватки рабочих рук в значительной мере пострадали помещичьи хозяйства. Анализ показал, что в период с 1914 г. по 1916 г. крестьянские хозяйства сократились на 10,4 %, при этом помещичьи, использующие труд наёмных рабочих, – на 21,2 % [1, с. 280].

В целях предотвращения тяжёлых последствий как на уровне правительства, так и местных органов власти, а также земского самоуправления был принят ряд мер, направленных на облегчение положения крестьянских хозяйств. Например, в Ставропольской губернии Земское собрание, в целях оказания помощи семьям военнослужащих для выполнения работ по уборке урожая и осуществлению сева было выделено 75 тыс. руб. [3, л. 15].

Решению проблем нехватки рабочих рук на селе во многом могло способствовать снабжение деревни сельскохозяйственными машинами. Если до начала войны значительная часть такой техники закупалась и перевозилась в Россию из-за границы, то теперь, в условиях войны, это было практически невозможно. Имевшиеся сельскохозяйственные машины имели большой износ, их ремонт был проблематичен. Большая часть заводов, изготавливающих эти машины и запчасти к ним, были переведены на выпуск продукции для фронта. Органы земского самоуправления в сотрудничестве с кооперативными объединениями пытались способствовать решению данного вопроса. В некоторых земствах организовывались ремонтные мастерские [11, с. 129].

Земства поддерживали организацию кооперативных объединений различных направлений деятельности. Это было связано с нехваткой товаров первой необходимости, роста цен, значительных трудностей в сельском хозяйстве.

Свой вклад в решение проблем Ставропольской губернии внесли довольно успешно развивающиеся здесь такие виды кооперативных объединений: кредитная, потребительская и промысловая кооперация. Если потребительская и промысловая кооперация находились в стадии становления, то кредитная имела достаточно широкую сеть.

В Ставропольской губернии в условиях сокращения, а затем и полного упразднения сельских банков, созданных сельскими обществами, считавшимися тормозом в проведении реформы, кредитные кооперативы являлись практически единственным выходом из финансового кризиса, так как именно они предоставляли населению возможность получения выгодных кредитов. Земства всячески поддерживали создание ссудо-сберегающих товариществ. Благодаря им повышалась устойчивость и доходность хозяйств мелких производителей. Это оказывало положительное влияние на развитие экономики региона в целом.

При этом перед потребительской кооперацией ставились задачи развития торговли, улучшения обеспечения населения товарами первой необходимости, удешевления качественной продукции. Это приобрело особую актуальность в условиях войны. В эти годы кооператоры имели право на закупку товаров не только за пределами региона, но и страны. Доставляя товары, кооператоры способствовали удовлетворению спроса населения.

В Ставропольской губернии промышленность имела низкий уровень развития. Значительная часть продукции завозилась. Начавшаяся война привела к ухудшению поставок из других регионов. И, как следствие, существенное повышение цен, рост спекуляции.

Перед крестьянами стояли не только задачи посева и сбора урожая, но и проблема сбыта. В довоенный период существенная часть хлеба, выращенного на полях Ставропольской губернии, отправлялись на экспорт. С началом войны у крестьян оказалась нереализованная продукция.

Земства, привлекая к решению вопроса кредитные кооперативы, пытались решить проблемы реализации зерна. Так, в первый год войны в Ставропольской губернии через кредитные объединения было заготовлено 500 тыс. пудов зерна. В связи с тем, что земства не обладали необходимым количеством средств, под залог было взято 1168 тыс. пудов [9].

Поставка сельскохозяйственной продукции в армию осуществлялась кредитными товариществами через посредничество земских учреждений. Государство на военные нужды закупало зерно по твёрдым ценам. Всё это приводило к тому, что крестьяне вынуждены были снизить цены на зерно.

Производители сельскохозяйственной продукции нуждались в кредитах. Поэтому востребо-

ванность в учреждениях мелкого кредита сложно переоценить. Оборотные средства товарищество быстро развивались. Это было связано с ростом вкладных и ссудных операций.

В этот период для населения сел и деревень важную роль приобретает деятельность кредитных кооперативов, которые выдавали ссуды под залог хлеба. В регионах Северного Кавказа значительное распространение получили хлебозаготовительные мероприятия, проводимые кооператорами. В связи с ограниченными средствами кооператоры не могли удовлетворить основную массу товаропроизводителей, поэтому они вынуждены были продавать хлеб по низким ценам. Анализ показал, что только в 1914 г. хлебозаготовительные были проведены 26 кредитными товариществами Ставропольского района, что составляет 60 %. При этом 10 товариществ стали заниматься хлебозаготовками только после начала войны. В течение 1914 г. всеми кредитными объединениями было принято около 2 млн пудов хлеба, что составляет 10 % хлеба, который должен был поступить на рынок. Результатом работы кредитной кооперации за 1914 г. стала продажа через кредитные товарищества крестьянам 500 тыс. пудов хлеба. Так, на 1 января 1915 года под залогом состоял 1 млн 168 тыс. пудов зерна, идущего на продажу. При совершении сделок были чётко прописаны условия погашения. Наибольшую активность при осуществлении хлебозаготовительных операций проявили кредитные товарищества Благодарненского уезда 11, Медвеженского и Ставропольского по 7 [10].

В экстремальных условиях войны правительство ставило перед земствами следующие задачи: организацию помощи больным и раненым воинам, заботу о семьях фронтовиков, призрение инвалидов войны и детей-сирот; участие в решении проблем беженцев.

Земствами велась активная деятельность по обеспечению денежных пособий для семей воинов, по уходу за ранеными и воинами-инвалидами получившими увечья на фортах войны. Земства Ставропольской губернии совместно с кооперативными объединениями собирали и отправляли в действующую армию подарки в праздники Рождество, Пасха и др. Кооперация региона и земства внесли свой вклад в укомплектование действующей армии. Они совместными усилиями пересылали на фронт теплые вещи, табак, сухари и др. За активную помощь фронту от высших офицерских чинов в адрес кооперативных союзов и земских учреждений Ставропольской губернии поступали благодарности.

Большое внимание земские учреждения уделяли оказанию помощи семьям фронтовиков. Губернские и уездные земские управы уже в августе 1914 г. выделили их семьям значительные суммы из собственных средств для завершения уборки хлебов и приобретения семян для осеннего сева. Лицами, которым оказывалась помощь, были: жена, дети, отец, мать, сёстры, бабушка и дедушка. При условии, что все эти родственники содержались на

средства фронтовика. На каждого члена семьи выдавалось продовольственное пособие, которое включало муку, крупу, масло, соль. Местные кооператоры оказывали помощь в ремонте обуви и одежды семьям фронтовиков.

В условиях войны с каждым месяцем ухудшалось положение населения Ставропольской губернии. Население выражало недовольство острой нехваткой продуктов питания и ростом дороговизны. Наблюдалось усиление революционных настроений.

Земства всячески пытались организовать помощь населению в обеспечении его предметами первой необходимости, осуществляли контроль над ценами. Уездные земские управы ежеквартально устанавливали цены на определённый круг товаров и представляли на утверждение губернатору.

В целях решения проблем обеспечения городского и сельского населения товарами первой необходимости земские и городские управы вели активную деятельность по расширению связей с кооперацией. Они открывали кооператорам доступный кредит, способствовали развитию посреднических и залоговых операций. Значительное внимание уделялось поддержке кооператоров в организации потребительских лавок и магазинов, складов и т.д.

Земские и городские органы самоуправления располагали ограниченными финансовыми возможностями.

Значение кооперации в решении социально-экономических проблем в условиях войны неоднократно подчёркивалось в докладах председателей земских управ. Так, председатели отмечали рост кооперативного движения в деревне, подчёркивал жизнеспособность кооперации и необходимость её дальнейшей поддержки. Крестьяне в экстремальных условиях войны и разрухи, оценив выгоды потребительской кооперации, позволяющей дешевле, чем у частника приобретать товары, подчас создавали потребительские кооперативы без устава и соблюдения кооперативных принципов.

Исследование развития кооперативного движения на Северном Кавказе показало, что в годы Первой мировой войны на Ставрополье и Кубани наблюдалась общероссийская тенденция увеличения числа потребительских кооперативов. При этом негативно сказывался и огромный материальный ущерб, нанесённый в результате военных действий, потеря опытных кадров на фронтах войны. Несмотря на это, исследование показало, что в 1915 г. потребительская кооперация Ставропольской губернии превзошла кредитную 3–4 раза.

Интерес представляет опыт взаимодействия кооперативных объединений, принятие совместных решений в экстремальных условиях войны. Примером расширения связей между кооперативными союзами и координации совместных действий может служить совещание представителей Кубанского, Благодарненского и Терского союзов, проходившее в период с 1 по 3 сентября 1915 г. Инициатором стал Кубанский центральный союз. Основ-

ным вопросом были совместные поставки хлебных продуктов для армии.

Участниками совещания были разработаны условия договора между кредитными Союзам и Уполномоченным министерства земледелия по закупке хлеба на Северном Кавказе. Значимым было условие предоставления Союзам преимуществ в получении нарядов по поставкам продуктов. Благодаря чему в 1915 г. данными союзами для армии было поставлено 6,5 млн пудов хлебных продуктов [6, с. 22].

В исследуемый период резко изменились характер, цели и принципы кооперативного движения. Прежде всего следует отметить стремительный рост потребительских кооперативов и кооперированного населения.

В условиях военного времени властям приходилось в той или иной мере подчинять потребительские кооперативы государственным продовольственным органам. Поэтому кооперация превращалась в централизованную национальную систему снабжения населения нормированными товарами первой необходимости. По существу, это было первое широкомасштабное огосударствление потребительских и частично сельскохозяйственных кооперативов [7, с. 59].

К началу революционных событий место и роль кооперативного движения в экономической жизни России сильно возросли. Российская кооперация к 1917 г. имела свою материально-техническую базу, организационные структуры, соответствующие целям и задачам системы, опыт кооперативной работы, владела умением эффективно хозяйствовать, учитывая интересы своих членов и всего общества. А с другой стороны, реально, в отличие от многих других хозяйственных форм, соответствовала интересам широких масс [8, с. 87].

По мнению исследователей кооперативного движения, в 1917 г. число кредитных, ссудо-

сберегательных, сельскохозяйственных, потребительских обществ и товариществ составляло более 46 тыс., числом участников около 18 млн человек. В своих трудах А.В. Меркулов пишет, что российская кооперация по численности кооперативов, темпам их роста занимала первое место в мире. О масштабах развития могут говорить следующие данные, которые приводит Центросоюз. В середине 1917 г. в России кооперация имела: 469 кооперативных предприятий, сотни хлебопекарен, картофелетёрочных и маслодельных заводов и т. д. Некоторые предприятия были приобретены. Речь идёт о мельнице в Рыбинске и Саратове, обувной фабрике в Зарайске, кондитерской фабрике Леоновых и мыловаренном заводе в Москве и др. [5, с. 219–222]. Широкую товарную и производительную деятельность развернула кредитная кооперация России.

Результаты. Исследование показало, что в период Первой мировой войны учреждения земства и кооперативные объединения Ставропольской губернии осуществляли плодотворную деятельность, способствовали решению сложнейших задач военного времени. Этому во многом способствовало расширение компетенций органов местного самоуправления, которое вынуждено было осуществить правительство России в условиях военного времени. Снижение уровня административной опеки и расширение сферы деятельности земского самоуправления сыграло положительную роль в усилении взаимодействия с кооперацией.

Кооперативным объединениям региона удалось укрепить свои позиции, значительно расширить сеть своих организаций. Накопленный в этот период опыт и в дальнейшем использовался кооператорами для повышения эффективности внедрения методов хозяйствования, обеспечения населения товарами широкого потребления, снижения уровня социальной напряжённости.

Литература

1. Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М.: Соцгиз, 1962. 382 с.
2. Вместе ради будущего: 170 лет потребит. кооп. России / Ермаков В. Ф. и др. М.: Изд. дом Центросоюза: Литваин и Ко, 2001. 348 с.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 311. Оп. 1. Д. 34.
4. Мелкий неорганизованный кредит в Ставропольской губернии. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1915. 57 с.
5. Меркулов А. В. Вопросы кооперативного движения в России. Петроград: Мысль, 1918. 225 с.
6. Кооперативная мысль. 1917. Вып. 2.
7. Печалова Л. В., Кочкарова З. Р. История потребительской кооперации России: учебно-методическое пособие. Часть I. Ставрополь: Ставропольский кооперативный институт (филиал) БУКЭП, 2011. 252 с.
8. Прижигалинский В. П. Дитя нужды: История, теория и практика кооперативного движения. Ставрополь, 1995. 224 с.
9. Северокавказский край. 1914. 13 сентября.
10. Северокавказский край. 1915. 29 апреля.
11. Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 718 с.
12. Шебзухова Т. А. Кооперативное движение на Ставрополье XIX - начале XX века: автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998. 22 с.

References

1. Anfimov AM. Russian village during the First World War. Moscow: Sotsgiz; 1962. 382 p. (In Russ.).
2. Together for the future: 170 years will consumer cooperation in Russia. Ermakov VF and others. Moscow: Publishing house. House of the Centrosoyuz: Litvain and Ko; 2001. 348 p. (In Russ.).
3. State Archive of the Stavropol Krai. F. 311. Inv. 1. D. 34. (In Russ.).

4. Small credit and its establishment in general and in the Stavropol province in particular. Stavropol: Printing house of the provincial government; 1915. 57 p. (In Russ.).
5. Merkulov AV. Issues of the cooperative movement in Russia. Petrograd: Mysl; 1918. 225 p. (In Russ.).
6. Kooperativnaya mysl. 1917. Issue. 2. (In Russ.).
7. Pechalova LV, Kochkarova ZR. History of consumer cooperation in Russia: educational and methodological manual. Part I. Stavropol: Stavropol Cooperative Institute (branch) BUCEP; 2011. 252 p. (In Russ.).
8. Prizhigalinsky VP. Child of Need: History, theory and practice of the cooperative movement. Stavropol; 1995. 224 p. (In Russ.).
9. Severokavkazskii kray. 1914. September 13. (In Russ.).
10. Severokavkazskii kray. 1915. April 29. (In Russ.).
11. Sudavtsov ND. Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War. Moscow - Stavropol: SSU Publishing House; 2001. 718 p. (In Russ.).
12. Shebzukhova TA. Cooperative movement in the Stavropol region of the 19th - early 20th centuries: abstract of thesis. Stavropol; 1998. 22 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.14>

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ (1991–2001)

Зарина Арсеновна Тургиева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (д. 1, ул. Вильямса, с. Михайловское, РСО-Алания, 363110, Российская Федерация)

Младший научный сотрудник

zarina97.t@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-0244-4806>

Аннотация. Введение. Реформирование государственного устройства начала 90-х гг. XX в. затронуло все сферы общественной жизни в России, что во многом определило и вектор дальнейшего развития художественной культуры. Именно художественная культура является той областью, которая отражает и переосмысливает трансформационные и кризисные явления в любом государстве. Актуальность исследования обуславливается признанием государственной культурной политики в качестве неотъемлемой части стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Несомненно, художественная жизнь требует тщательного изучения с целью анализа государственной культурной политики и реализации исторической действительности в этнокультурной составляющей. Новизна исследования в том, что впервые проблема, выявляющая региональные особенности художественной культуры, освещается с привлечением массива архивных документов и материалов периодической печати Северной Осетии. Обращение к относительно прошлому периоду позволяет определить и сформулировать ключевые проблемы, а также задачи, имеющие релевантность в современном обществе для своевременного решения. **Материалы и методы.** В данной статье, на основе архивных документов и материалов периодической печати, рассматривается художественная жизнь Республики Северная Осетия-Алания в период с 1991 по 2001 гг. через призму региональной специфики общероссийских процессов. Применяя ретроспективный и историко-сравнительный методы, автор выявил основные направления художественной жизни республики, а также обнаружил ключевые проблемы, которые препятствовали её качественному развитию в регионе. **Анализ.** Исторически, в разные периоды, органы государственной власти использовали художественную культуру с целью формирования приоритетных ценностно-нравственных ориентиров. Культурная политика и художественная жизнь в СССР отличались преимущественным влиянием государственного сектора. С распадом СССР прежние

механизмы регулирования культурной и других сфер жизнедеятельности были разрушены. Перед новым российским государством стояла задача – создание и формирование обновленных культурных, моральных, нравственных ценностей как в целом по стране, так и в полиэтнических и поликонфессиональных регионах. Северная Осетия-Алания – многонациональная республика, поэтому приоритетной задачей в сфере культуры являлась необходимость в сохранении и развитии устоев традиционных культурных ценностей. Художественная жизнь как функционирование системы художественной культуры, включающая в себя различные виды деятельности по производству, распространению, усвоению художественных ценностей, является одной из ключевых составляющих в становлении современного российского государства и общества. **Результаты.** В результате исследования автор пришел к выводу, что развитие культуры в изучаемый период носило стихийный и противоречивый характер, а художественная жизнь оказалась уязвимой в условиях социально-экономических и политических изменений в стране.

Ключевые слова: художественная культура, Северная Осетия, культурная политика, региональные особенности, трансформационные процессы, художественная жизнь, периодическая печать.

Для цитирования: Тургиева З. А. Художественная жизнь Северной Осетии в условиях социально-политических и экономических изменений (1991–2001 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 309–316. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

ARTISTIC LIFE OF NORTH OSSETIA IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC CHANGES (1991-2001)

Zarina A. Turgieva

North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V.I. Abayev (1, Williams St., Mikhailovskoye village, North Ossetia-Alania, 363110, Russian Federation)

Associate Researcher

zarina97.t@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-0244-4806>

Abstract. Introduction. The reforming of the state structure in the early 90s of the XX century affected all spheres of social life in Russia, which largely determined the vector of further development of artistic culture. Artistic culture is the area that reflects and rethinks the transformational and crisis phenomena in any state. The relevance of the study is conditioned by the recognition of the state cultural policy as an integral part of the national security strategy of the Russian Federation. Undoubtedly, artistic life requires careful study in order to analyze the state cultural policy and the implementation of historical reality in the ethno-cultural component. The novelty of the study is that for the

first time the problem revealing regional features of artistic culture is covered with the involvement of an array of archival documents and periodical press materials of North Ossetia. The reference to the relatively past period allows us to identify and formulate key problems, as well as tasks that are relevant in modern society for timely solution. **Materials and Methods.** The article, based on archival documents and periodicals, examines the artistic life of the Republic of North Ossetia-Alania from 1991 to 2001 through the prism of regional specifics of all-Russian processes. Using retrospective and historical-comparative methods, the author has identified the main directions of the artistic life in the republic, as

well as the key problems that hindered its qualitative development in the region. **Analysis.** Historically, in different periods, state authorities have used artistic culture to form priority value and moral orientations. Cultural policy and artistic life in the USSR were characterised by the predominant influence of the public sector. With the collapse of the USSR the former mechanisms of regulation of cultural and other spheres of life were destroyed. The new Russian state faced with the task of creating and shaping renewed cultural, moral and ethical values both in the country as a whole and in multi-ethnic and multi-confessional regions. North Ossetia-Alania is a multi-ethnic republic, so the priority task in the sphere of culture was the need to preserve and develop the foundations of traditional cultural values. Artistic life as the functioning of the system of artistic culture, which includes various types of activities for the production, dissemination, assimilation of artistic values, is one of the key components in the formation of the modern Russian state and society. **Re-**

Введение. На всех этапах своего существования человеческие сообщества выражали свое отношение к окружающей действительности в художественно-образной форме, причем взаимодействующие между собой подсистемы лежат в основе создания системы художественной культуры. Означенная система претерпевала изменения эволюционного и революционного характера под влиянием различных внешних и внутренних факторов [3, с.22], активно взаимодействуя с изменяющейся социокультурной средой, в которую она бывает погружена.

Социокультурной среде в период с 1991 по 2001 г. был свойственен переменчивый, трансформационный характер. Демократизация всех сфер общественной жизни, переход к рыночной экономической системе привели к пересмотру культурных ценностей. Механизмы культурной политики, ценностные ориентиры, действовавшие в советский период, внезапно потеряли свою актуальность, а новые парадигмы, к сожалению, не успели сформироваться.

Предметом исследования является художественная жизнь РСО-Алании в трансформационный период – с 1991 по 2001-ый гг.

В статье анализируются основные формы (кинематография, театральная деятельность, музейное дело, творческие объединения, музыкальное искусство и т.д.), в которых отразилась художественная жизнь РСО-Алании в изучаемый период.

Материалы и методы. Исследование построено на принципах системности, историзма и объективности, что позволяет учесть работы исследователей по данной проблематике в предыдущий исторический период, выявить причинно-следственные связи, лежащие в основе трансформаций в художественной жизни республики. В процессе работы над исследованием применялись общепринятые исторические методы: ретроспективный, историко-сравнительный. Источниковую базу составили материалы Центрального Государственного архива РСО-Алания, а также периодической печати (журнал «Александровский проспект», газеты «Социалистическая Осетия», «Северная Осетия», «Стыр

sults. As a result of the study, the author came to the conclusion that the development of culture in the studied period had a spontaneous and contradictory character, and the artistic life was vulnerable in the conditions of socio-economic and political changes in the country.

Keywords: artistic culture, North Ossetia, cultural policy, regional peculiarities, transformation processes, artistic life, periodicals.

For citation: Turgieva ZA. Artistic life of North Ossetia in the context of socio-political and economic changes (1991-2001). *Humanities and law research*. 2024;11(2):309-316. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.10.2023.

The article was approved after reviewing: 21.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

Ныхас», еженедельная независимая газета «Эхо»). Составить целостную картину особенностей художественной жизни Республики в изучаемый период, выявить проблемы и препятствия в развитии культурной жизни в ней позволили материалы архивов и периодической печати.

Анализ. Рыночные отношения оказали беспрецедентное влияние на развитие культуры, в частности в изучаемый период коммерциализация в массовой культуре, нацеленная на извлечение прибыли, преобладали над качеством культурной продукции.

Киноискусство, – одна из форм художественной культуры, а также надежный механизм государственной культурной политики. Еще в 1960–1980-е гг. в республиках Северного Кавказа появилась телевизионная кинематографическая школа, которая являлась своего рода продуктом государственной национальной культурной политики. Большое количество кинокартин, вышедших в свет в 1960-е – 1980-е гг., впоследствии стали частью сокровищницы художественной культуры народов Северного Кавказа. Однако, в результате разрыва межкультурных связей национальных республик бывшего СССР, сокращения государственной поддержки, развития рыночных отношений, кинематограф оказался в состоянии глубокого кризиса [19, с.59]. Следовательно, 1990–2000-е гг. стали крайне сложными в развитии отечественного кинематографа.

Власти республики предпринимали шаги с целью улучшения кризисной ситуации в сфере кинематографии. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 января 1995 г. № 44 «О Федеральном фонде социальной и экономической поддержки кинематографии» правительство Республики Северная Осетия-Алания постановило принять предложение Союза кинематографистов Северного Кавказа о создании при Союзе кинематографистов Северного Кавказа Фонда социальной и экономической поддержки кинематографии РСО-Алания в качестве некоммерческой организации. Данная организация была наделена в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации правом заниматься предпринимательской дея-

тельностью, необходимой для достижения общественно полезных целей, стоящих перед Фондом, и соответствующей этим целям. В целях государственной поддержки выявления и координации кинематографических проектов, имеющих высокую художественную ценность и общественно-политическую значимость для республики, Министерству финансов было рекомендовано ежегодно предусматривать в бюджете республики средства на их осуществление, а также на содержание аппарата и помещения Фонда, льготных кредитов для оказания финансовой поддержки Фонду [15, л.13–14].

В целях сохранения и развития осетинского кинематографа, материальной поддержки кинематографистов, правительством республики также было постановлено учредить с 1 января 1997 г. 15 ежемесячных стипендий осетинским кинематографистам, членам Союза кинематографистов России – в размере 4 минимальных заработных плат на начало каждого года без повышения размеров стипендий в течение года. Стипендии назначались персонально, в количестве 15 по списку, предоставленному Правлением Союза кинематографистов как особо одаренным и творчески активным кинематографистам, которые в силу высокохудожественного уровня их киноработ были удостоены принятия в члены Союза кинематографистов России [17, л.89–90].

Однако ситуация в сфере кинематографии не разрешалась в благоприятную сторону, о чем свидетельствуют материалы периодических изданий. Владимир Акоев, директор Северо-Кавказской студии кинохроники, сокрушался: «Расположенные во Владикавказе две некогда крупнейшие на Кавказе кинематографические базы, Северо-Кавказская студия кинохроники и кинопроизводства телевидения, уже второй год простаивают. Талантливые кинематографисты, за неимением возможности снимать кинофильмы, «балуются» на видео. Ситуация – кризисная» [1, с.7]. Огромный пласт проблем связан был с нехваткой кадров. По словам директора Северо-Кавказской студии кинохроники, кинематографистов творческих профессий младше 50 лет можно «сосчитать на пальцах одной руки» [1, с.8].

Следующей формой, оказывавшей влияние на культурную жизнь региона, считалось музейное дело, которое в 90-х гг. XX века в республике не смогло избежать кризисных явлений. Интересна ситуация, сложившаяся после распада СССР в Государственном объединенном музее истории, архитектуры и литературы Северной Осетии. Ранее финансирование музея осуществлялось посредством двух каналов. Наиболее крупные проекты обеспечивались федеральным центром – Москвой, текущая же деятельность финансировалась из республиканского бюджета. По словам Тимура Дзеранова, директора Государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы Северной

Осетии, финансирование из Москвы было свернуто, а республикой сведено лишь к выплате заработной платы. Система хранения также оставляла желать лучшего: «Документация музея по своей системе устарела. Это та же система фиксации, которая была в прошлом веке. А то количество экспонатов, которое набрано, фактически становится неуправляемым. Трудно найти что-либо. Единственный выход – это компьютерный учет. И это все еще усугубляется условиями хранения. В хранилищах нет кондиционеров, нет правильно организованной вентиляционной системы. Что касается ремонта, то сегодня он завершен. Спасибо реставрационным мастерским, которые в долг отремонтировали нам это помещение. Ремонт завершен, но построение экспозиции тоже требует денег», – говорил Тимур Дзеранов [1, с.8].

Вместе с тем кризисная обстановка не помешала внести в музейное дело ряд позитивных и важных для культурной жизни республики событий. К примеру, во Владикавказе в 1994 г. был открыт музей театрального искусства в доме, в котором жил народный артист СССР Владимир Тхапсаев. На оригинальных щитах и стендах были представлены уникальные фотографии, афиши, рассказывающие как о жизни и творчестве выдающегося актера, так и о театральной жизни республики. На открытии музея выступили министр культуры Анатолий Дзантиев, драматург Раиса Хубецова, министр культуры республики Южная Осетия Кромвель Бязарти, режиссер Георгий Хугаев и другие [6, с.3]. Кроме того, после затяжного ремонта открыл двери художественный музей им. М. Туганова. Интересно, что с открытием музея была организована выставка из новых поступлений, ознакомившая любителей искусства с творчеством современных художников Осетии. Среди представленных работ были как произведения ведущих мастеров – Юрия Дзантиева, Магрета Келехсаева, Магомета Чочиева, Шалвы Бедоева, Хсара Гассиева и др., так и известных представителей среднего и младшего поколений – Юрия Абисалова, Нателлы Левчук, Валерия Биджелова, Мадины и Алана Климановых [6, с.3].

18 мая 2001 г. в Северной Осетии состоялось празднование международного Дня музеев, которое привлекло внимание общественности и правительства республики. Многим деятелям музейного дела были присвоены почетные звания, вручены знаки за достижения в сфере культуры, денежные премии. Нагрудным знаком Министерства культуры России была отмечена благотворительная деятельность Ахурбека Дзагурова, благодаря меценатству которого Художественный музей Махарбека Туганова приобрел достойный облик. Примечательно, что министерство республики подарило Северо-Осетинскому государственному объединенному музею истории, архитектуры и литературы, а

также Художественному музею М. Туганова два полных комплекта оргтехники, что позволило им демонстрировать виртуальные выставки из экспонатов своих запасников [22, с.5].

Для художественной жизни республики 1990–2000-х гг. характерно развитие театральной деятельности. В Северной Осетии еще с XIX в. театр являлся местом притяжения жителей республики и одной из важнейших форм художественной жизни. Однако, в результате процессов демократизации, российское театральное искусство подверглось воздействию коммерциализации, что сказалось на качестве репертуарной политики. Российские театры стали отдавать предпочтение легким ненавязчивым комедиям, классические пьесы получали новое, современное прочтение, место имела режиссерская трактовка действий персонажей классической драматургии [4, с.19]. Многие театры страны стали использовать контрактную систему.

Яркой иллюстрацией влияния коммерциализации на театральную жизнь Осетии может служить эксперимент, проведенный режиссером Маратом Мерденовым, решившим проверить действие контрактной системы в Осетинском театре постановкой пьесы Георгия Хугаева «Моя теща». Идея режиссера заключалась в том, чтобы один раз показать этот спектакль, а далее эксплуатировать его в сельской местности. Спектакль был подготовлен за двадцать восемь дней. Любопытно, что на первых трех – четырех спектаклях ажиотажа не было замечено, однако, после рекламы на телевидении, «активно стали поступать звонки от зрителя». Подводя итог своего эксперимента, режиссер Марат Мерденов отметил, что: «Каждый актер, который был занят в этом спектакле, перестал курить «Приму» или «Астру» и перешел на добротные сигареты, хотя мы работали только четыре раза в месяц. Самое главное для настоящего артиста – это аншлаг, а не деньги. Сейчас – время контрактной системы в театре. Я убедился в этом на своем опыте. Нельзя смотреть в рот правительству и ждать. Надо действовать самим» [1, с.7]. Эксперимент режиссера позволяет сделать следующие выводы: коммерциализация в сфере культуры стала выходить на передний план, активная рекламная кампания в переходный период имела преобладающее значение вне зависимости от качества и репертуара культурной продукции, привлекая внимание зрителей и повышая кассовую результативность. Многие деятели искусства постепенно стали осознавать «преимущества» массовой культуры и производить продукцию, направленную на массовое потребление.

Главным событием театрального сезона во Владикавказе 1996 г. явилась постановка трагедии «Отелло» У. Шекспира в Русском драматическом театре. Примечателен факт, что спектакль стал громкой местной сенсацией задолго до премьеры, которая была приурочена к 125-

летию Русского театра во Владикавказе, являвшимся одним из старейших на Северном Кавказе. Постановкой спектакля занимался театральный педагог и режиссер Вадим Демин, занимавший пост заместителя Министра культуры России. В главной роли выступал актер театра и кино Бимболат Ватаев, являвшимся, в свою очередь, министром культуры республики. Постановка отличалась от классического прочтения пьесы. В еженедельной независимой газете «Эхо» описывали концепцию новой театральной постановки: «Возможно, в противовес концепции «социалистического» Шекспира с героическим пафосом и комплексом справедливости, создатели нынешнего спектакля сделали его более приземленным и тем самым добились неожиданного эффекта – трагедия незаурядной личности, не утратив свой масштаб и накал, в то же время обнажила во всей ее глубине и проблему ответственности любого человека, каждого из нас. Лейтмотивом деминской интерпретации стала тема платка. Для Дездемоны платок – сувенир. Для Отелло – священный дар предков, залог прочности и преемственности рода. В платке зашифровано сближение двух культур, двух миров, явственно проступают христианство и ислам, Европа и Восток» [20, с.4].

Во время постановки спектакля оба министра на собственном опыте испытали все сложности существования театральной труппы в современных реалиях: «Во время мартовских репетиций в промерзшем зале у обоих функционеров повалил пар изо рта. В конце концов, Ватаев не выдержал и прямо со сцены заявил актерам, сохраняя все интонации шекспировского героя: «Я обещаю вам котельную!» [20, с.4].

В 90-е годы XX в. в РСО-Алания наравне с социально-политическими и экономическими потрясениями, осуществлялись процессы возрождения национальной культуры. На протяжении веков в республике складывались традиционные нормы культуры, развивались национальный язык, литература и искусство, что составило вкпе культурное наследие нации. Отметим, что появление нового национального театра – Дигорского – стало одним из важнейших событий культурной жизни республики в 1991–2001 гг. [21, с.6]. Важность развития национальных театров в национальной республике сложно переоценить, особенно в условиях кризиса духовной культуры. Национальный театр отражает культуру, традиции народа, способствует сохранению его национальной идентичности, языка, истории и культуры. Посредством творческой деятельности национальный театр передает ценности и идеалы народа, сообщает об актуальных проблемах и сложившейся социально-политической и экономической обстановки, воспитывает молодое поколение.

Тем не менее, несмотря на позитивную событийную повестку, новый театр испытывал те

же самые проблемы и трудности, которые переживали Русский драматический и Осетинский театры. В газете «Эхо» было опубликовано «Обращение» к гражданам республики с просьбой финансовой поддержки: «Однако молодой театр, несмотря на помощь правительства и отдельных спонсоров, испытывает острую нехватку средств, что не дает возможности полностью развернуться талантливому коллективу. Мы знаем, что без поддержки народа республики один из ярких очагов национальной культуры Осетии может погаснуть, и поэтому мы приняли решение, несмотря на материальные трудности, перечислить месячную зарплату или пенсию в фонд поддержки Дигорского драмтеатра» [21, с.6].

Примечательно, что были указаны личности (Арбиева Лариса – педагог, Габеев Роберт – педагог, Кудзоев Фидар – депутат парламента РСО-А, Рамонова Эльза – педагог, Тавитов Николай – пенсионер, Тедеев Казбек – рабочий, Туаев Гурам – заслуженный артист ЮОР, Тургиев Таймураз – пенсионер, Цаголов Тамерлан – депутат парламента РСО-А, Хаев Владимир – заслуженный художник РСО-А, лауреат Гос. премии им. К. Хетагурова), примеру которых призывали следовать составители обращения [21, с.6]. Это яркий показатель стремления граждан развивать национальную культуру, собственными силами поддерживать традиционные виды искусства.

Следовательно, особенностью развития художественной жизни и культурной политики РСО-Алании в изучаемый период является нацеленность на сохранение и поддержание этнокультурных ценностей многонационального общества. Стоит отметить, что Северная Осетия дала миру значительное количество знаменитых и талантливых людей. В переходный период правительством республики был предпринят ряд мер по финансированию произведений искусства, посвященных известным деятелям. К примеру, в 1998 г. правительство республики Северная Осетия-Алания распорядилось выделить республиканскому Министерству культуры 60 тыс. рублей на издание выставочного каталога-альбома «Батрадз Дзиов» из резервного фонда Правительства РСО-Алания [18, л.120], необходимого для проведения выставки заслуженного художника России Батраза Дзиова в российских городах и за рубежом [18, л.124].

Правительство РСО-Алания постановило также выделить Художественному фонду Союза художников республики за исполнение специального заказа правительства республики – картины «Победитель. Генерал армии И.А. Плиева» – 23 млн рублей из его резервного фонда [14, л.17].

В переходный период особо сложно приходилось продолжать деятельность многочисленным творческим коллективам; к примеру, танцевальному ансамблю «Амазонки» под художественным руководством Лилии Владимировны Гу-

сиевой. Он продолжал активную творческую деятельность, несмотря на постоянное отсутствие финансовой поддержки. По словам Л.В. Гусиевой, «Амазонки» «выжили» благодаря помощи меценатов: «Сейчас мы, наконец, обрели солидного постоянного спонсора. Чтобы не сглазить, не буду называть эту организацию. Спонсор будет оплачивать все наши расходы, выплачивать скромную зарплату ребятам (40-50 тыс. руб.). Мы, в свою очередь, взяли на себя обязательство отдавать спонсору 50 процентов доходов от гастролей – вполне джентльменское соглашение» [7, с.4].

Культурная жизнь республики зачастую выходила за рамки Северной Осетии и Российской Федерации. Немалое количество коллективов, деятелей культуры получили славу и за рубежом. Камерный хор Северо-Осетинской госфилармонии под руководством Агунды Кокойти на протяжении семи дней в 1994 г. давал концерты в Стокгольме. На концертах, помимо осетинских песен, звучали песни народов мира, в том числе и церковные [9, с.3]. В 1999 г. хор вернулся после двадцатидневного тура по Северной Италии. Из 25 хоров на выступлении в Градо Владикавказскому хору вручили Золотой кубок Международного фестиваля «*Isola Del Sole*». Во время турне хор получил два приглашения – на фестиваль Шумана в Цвикау и на Международную хоровую олимпиаду в Линце [2, с.27]. С 5 по 16 февраля 1998 г. в Париже состоялась выставка двух осетинских художников – Юрия Абисалова и Юрия Дзантиева, представлено было 33 живописных полотна художников. Примечательно, что на открытии выставки присутствовали члены осетинской диаспоры в Париже: Тереза Бирагова, Фатима Салказанова, Владимир Беликов и т.д. [1, с.19].

Начало 1994 г. было ознаменовано созданием Государственного национального эстрадного оркестра министерства культуры Северной Осетии. Еще в 1950 – 1960-х гг. почти в каждом кинотеатре Владикавказа располагался свой эстрадный оркестр. Презентация проходила в зале Доме искусств, оркестр показал высокий профессионализм и большой творческий потенциал. Художественным руководителем коллектива стал Ким Суанов. По словам Кима Суанова, репертуар оркестра был достаточно обширен – от Вивальди до современных сложных джазовых композиций: «На Северном Кавказе и в России по своему составу, творческому потенциалу наш оркестр входит в первую тройку, и нам предстоит в будущем доказать свое первенство на лестнице профессионализма». Появление эстрадного оркестра благоприятно сказывалось в решении проблемы озвучивания местных кинофильмов: «Ведь для этого едут специально в Москву, расходуют большие деньги», – говорил Ким Суанов [8, с.3].

Согласно реалиям 1990-х гг., оркестру пришлось столкнуться с рядом препятствий. В первую

очередь – вопрос о помещении для оркестра. Какое-то время он временно базировался в училище искусств. По словам Кима Суанова, даже в зале Доме искусств во время презентации оркестр еле-еле поместился на сцене. Другая проблема – отсутствие современной аппаратуры, в данном случае японской фирмы «Ямаха». Вопрос о приобретении качественной аппаратуры, костюмов для артистов упирался в отсутствие достаточных финансовых ресурсов: «Далее, мы, конечно, пошили костюмы, приобрели для наших артистов обувь. Можно сказать, как-то приодели. Но хорошими концертными эти костюмы не назовешь». Художественный руководитель отмечал в качестве одной из финансовых трудностей и отсутствие красивого задника сцены с видом вечернего Владикавказ: «У нас есть спонсор в лице директора «Осавтостроя» Г. Албегова, который подарил нам автобус, оказывает посильную помощь, но и его возможности не беспредельны» [8, с.3].

Художественная жизнь республики не обходилась без крупных массовых мероприятий, которые способствовали консолидации жителей республики и их участию в ней. Инициаторами подобных мероприятий являлись как местные власти, так и известные деятели республики. К примеру, в июне 1996 г. советский и российский дирижер Валерий Гергиев организовал для жителей республики концерт лучших мастеров классического искусства под девизом «Мир Кавказу!». Данное событие было достаточно позитивно встречено общественностью. Концертный зал во Владикавказе, в котором проходил фестиваль, был переполнен, а жители республики, не попавшие на мероприятие, смотрели его по телевизору. Помимо самого концерта классической музыки, состоялся концерт поп-звезд во главе с народным артистом РСО-Алании, режиссером, киноактером и певцом Акимом Салбиевым. Говоря о целях проведения фестиваля, В.А. Гергиев отметил сложную социально-политическую обстановку на Северном Кавказе: «Сегодня Кавказ неспокоен. Воюющий Кавказ. Это трагедия, которая не безразлична мне и очень многим людям. И я хочу выразить огромную благодарность всем, кто откликнулся на предложение провести фестиваль – большой и яркий праздник интернациональной дружбы. Здесь, на фестивале, встретились не только знаменитые музыканты, исполнители, композиторы, актеры, но и единомышленники по своим убеждениям, настоящие интернационалисты. И все мы не только друзья культуры, но и, в какой-то мере, выходцы из нее» [11, с.3].

Крупные мероприятия (относящиеся к памятным событиям истории Отечества) также проводились с поддержкой республиканского правительства. К примеру, в связи с празднованием 100-летия со дня рождения маршала Советского Союза Г.К. Жукова 15 декабря 1996 г. По постановлению правительства РСО-Алания

министерство культуры республики должно было подготовить и провести торжественный концерт. Также правительство республики поручило организовать проведение мероприятий в районах республики, посвященных 100-летию со дня рождения маршала Г.К. Жукова [16, л. 100].

При анализе художественной жизни нельзя не остановиться на личности зрителя – потребителя культурной продукции. На страницах североосетинских изданий довольно часто публиковались мнения о культурной жизни как деятелей искусства, так и граждан республики. Примечательно мнение М. Хамицаева в газете «Социалистическая Осетия» о появившихся тенденциях в сфере культуры: «На республиканском телевидении с постоянством включали одни и те же музыкальные номера в исполнении одних и тех же лохматых, бородатых, чаще всего одетых кое-как «звезд» эстрады в программу «Иристон сегодня», а также передачи «Коммерческого канала». Нетрудно понять телевизионщиков, не желающих отставать от времени и делать бизнес. Но никак нельзя в угоду коммерции выдавать в эфир все подряд, а в ряде случаев – откровенную безвкусицу, начисто забывая о том, как воспринимается в молодежной среде весь этот музыкальный суррогат, и какова бывает реакция на подобные передачи более пожилой половины телезрителей» [10, с.5].

Результаты. Проанализировав художественную жизнь Северной Осетии в период с 1991 по 2001 гг., мы пришли к следующим выводам:

1). Турбулентный период 1990-х не стал препятствием развития творческой деятельности республики. Однако рыночные механизмы, коммерциализация всех сфер жизни общества внесли свои коррективы, в результате чего деятели культуры и зрители оказались не готовы к стихийным переменам. Большинство культурных организаций имело проблемы с финансированием, которые касались не только самостоятельных творческих объединений, но и государственных (таких, как Русский театр, Осетинский театр и т.д.). Вопросы поддержки решались при участии и с помощью меценатов, деятелей культуры, а в отдельных случаях – просто неравнодушных граждан.

2) Исходя из приведенных нами примеров, заметим, что культурная сфера имела сильную зависимость от государственной поддержки. В результате социально-политических и экономических изменений, художественная культура не сумела быстро адаптироваться к рыночным отношениям, что оказало воздействие как на качество культурной продукции, так и на развитие культурной деятельности в дальнейшем.

3). Художественная жизнь Северной Осетии имела довольно широкий диапазон, не ограничивалась уже существовавшими театрами, музеями, творческими коллективами. В республике были открыты новые музеи, театры, сформировывались

творческие коллективы, появлялись новые деятели культуры. Многие коллективы из Северной Осетии имели успех и за рубежом.

Несмотря на характерные для изучаемого периода упадок культурных и нравственных ценностей, на значительное снижение качества

культурной продукции, все же тенденция к художественному просвещению сохранялась. Таким образом, ключевой задачей в культурной политике государства стала необходимость выработки новой культурной парадигмы в условиях современных вызовов.

Литература

1. Александровский проспект. Апрель. 1998.
2. Александровский проспект. Сентябрь/октябрь. 1999.
3. Жидков В. С. О специфике искусства XXI века // Государственный институт искусствознания. 2012. № 3. С. 22–37.
4. Загребин С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991–2015 г. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 18–22.
5. Канукова З. В., Туаева Б. В., Плиева З. Т. Художественная культура в процессах формирования гражданской идентичности // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 77–87.
6. Северная Осетия. 19 января 1994. № 10.
7. Северная Осетия. 30 апреля 1994. № 82(21637).
8. Северная Осетия. 28 апреля 1994. № 80 (21635).
9. Северная Осетия 4 февраля 1994. № 22 (21577).
10. Социалистическая Осетия. 1991. 2 февраля. № 24-25 (20818, 20819).
11. Стыр Ныхас. 1996. № 6.
12. Туаева Б. В. Вопросы сохранения этнокультурного разнообразия России: Северо-Кавказский регион // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 84. С. 218–224.
13. Указ Президента РФ от 24.12.2014 №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/737b492c61c01d2908bb4f021e36e6fe3aa9f443/ (дата обращения: 04.09.2023).
14. ЦГА РСО-А. Ф.958. Оп.1. Д. 512.
15. ЦГА РСО-А. Ф.958. Оп. 1. Д.518.
16. ЦГА РСО-А. Ф.958. Оп.1. Д.522.
17. ЦГА РСО-А. Ф.958. Оп. 1. Д.526.
18. ЦГА РСО-А. Ф.958. Оп.1. Д.822.
19. Цориева И. Т. Кинематограф народов Северного Кавказа в 1960-е –1980-е гг.: историко-политические аспекты развития // Известия СОИГСИ. № 24 (63). 2017. С. 59–69.
20. Эхо. 1996. №6 (28) с 29 апреля по 6 мая.
21. Эхо. 1999. №15-16 (103) с 11 по 17 октября.
22. Эхо. 2001. № 9-10 (146) с 12 по 19 июня.

References

1. Aleksandrovskii prospect. April. 1998. (In Russ.).
2. Aleksandrovskii prospect. Sentyabr/oktyabr'. 1999. (In Russ.).
3. Zhidkov VS. On the specificity of art of the XXI century. Gosudarstvennyi institut iskusstvovznaniya. 2012;(3):22-37. (In Russ.).
4. Zagrebin SS. Cultural policy in post-Soviet Russia 1991-2015. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2015;15(4):18-22. (In Russ.).
5. Kanukova ZV, Tuayeva BV, Plieva ZT. Artistic culture in the processes of formation of civil identity. Izvestiya SOIGSI. 2017;25(64):77-87. (In Russ.).
6. Severnaya Osetiya. January. 19. 1994. No. 10. (In Russ.).
7. Severnaya Osetiya. April 30. 1994. No. 82 (21637). (In Russ.).
8. Severnaya Osetiya. April 29. 1994. No. 80 (21635). (In Russ.).
9. Severnaya Osetiya. February 4. 1994. No. 22 (21577). (In Russ.).
10. Sotsialisticheskaya Osetiya. February 2. 1991. № 24-25 (20818, 20819). (In Russ.).
11. Styr Nykhas. 1996. No. 6 (In Russ.).
12. Tuayeva BV. Issues of preserving the ethnocultural diversity of Russia: the North Caucasus region. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008;(84):218-224. (In Russ.).
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 24.12.2014 No. 808 "On Approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/737b492c61c01d2908bb4f021e36e6fe3aa9f443/. (accessed: 04.09.2023). (In Russ.).
14. Central state archive of North Ossetia-Alania Republic (TsGA RSO-A). F.958. Inv.1. D.512. (In Russ.).
15. TsGA RSO-A. F.958. Inv. 1. D.518. (In Russ.).
16. TsGA RSO-A. F.958. Inv.1. D.522. (In Russ.).
17. TsGA RSO-A. F.958. Inv. 1. D.526. (In Russ.).
18. TsGA RSO-A. F.958. Inv.1. D.822. (In Russ.).
19. Tsorieva IT. Cinematography of the peoples of the North Caucasus in the 1960s-1980s: historical and political aspects of development. Izvestiya SOIGSI. 2017;24(63):59-69. (In Russ.).

20. Ekho. 1996. No. 6 (28). (In Russ.).
21. Ekho. 1999. No. 5-16 (103). (In Russ.).
22. Ekho. 2001. No. 9-10 (146). (In Russ.).

Научная статья

УДК 93(37).03

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.15>**РИМСКО-САМНИТСКАЯ БОРЬБА ЗА АПУЛИЮ В 326-290 ГГ. ДО Н.Э.****Артём Игоревич Черкасов**

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

artemocherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Аннотация. Введение. В IV в. до н.э. в древней Италии происходили масштабные перемены, связанные с перемещением «центров силы», что приводило к крупным военным столкновениям в различных регионах. Одним из подобных эпизодов являлась борьба за Апулию между двумя новыми центрами силы в лице самнитов и римлян. Однако, несмотря на историческое значение их противостояния, исследователи не уделяли специального внимания данной теме, а в рамках общих работ упускали из виду последние археологические открытия. **Материалы и методы.** Именно поэтому в исследовании применяется комплексный подход, нацеленный на изучение интересов всех задействованных сторон в контексте иерархии центров силы на Апеннинском полуострове. Для анализа различных аспектов римско-самнитской борьбы используются как давно известные письменные и нумизматические источники, так и новые археологические данные, ранее широко не привлекаемые для изучения военно-дипломатических отношений в древней Италии. **Анализ.** Длительное военное противостояние в Апулии началось в результате вторжения Рима в исключительную сферу самнитского влияния в землях давниев после заключения союза с восставшими Арпами в 326 г. до н.э. В наиболее активный период борьбы в 323 – 317 гг. до н.э. римляне сумели установить контроль над большинством крупных поселений, такими как Теан и Канузий, а также стратегически значимой Луцерией. Римляне умело воспользовались дипломатическими и военными просчётами самнитов, что в совокупности с созданием сфер

ответственности и колоний в северной Апулии позволило им прочно укрепиться на новых территориях. В последующие годы все попытки самнитов восстановить утраченные позиции, прежде всего в Луцерии, не принесли какого-либо значимого успеха. В то время как Рим продолжал расширять свой стратегический плацдарм в Апулии, пока не подавил последние опорные пункты самнитской власти в регионе после взятия Сильвия в 306 г. до н.э. и Венузии в 291 г. до н.э. **Результаты.** Римско-самнитская борьба в своей первооснове являлась следствием меняющихся условий международных отношений в древней Италии в IV в. до н.э. Обе стороны стремились установить контроль над локальными центрами силы в Апулии, однако Рим в конечном итоге одержал победу в противостоянии, что открыло ему путь для экспансии в южной Италии и лишило самнитов возможности влиять на дела в регионе.

Ключевые слова: Самнитские войны, Апулия, раннереспубликанский Рим, самниты, давнии, певкеты, Арпы, Канузий, Теан, Луцерия, Венузия, Сильвий

Для цитирования: Черкасов А. И. Римско-самнитская борьба за Апулию в 326–290 гг. до н.э. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 317–330. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 13.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

ROMAN-SAMNITE STRUGGLE FOR APULIA IN 326-290 BC**Artem I. Cherkasov**

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

artemocherckasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1030-197X>

Abstract. Introduction. In the IV century BC in ancient Italy there were large-scale changes associated with the displacement of «centres of power», that was leading to major military clashes in various regions. One such episode was the struggle for Apulia between two new centres of power in the person of the Samnites and Romans. However, despite the historical significance of their confrontation, the researchers did not pay special attention to this topic, and within the framework of general works they overlooked the latest archaeological discoveries. **Materials and Methods.** The research uses an integrated approach aimed at studying the interests of all involved sides in the context of the hierarchy of centres of power in the Apennine Peninsula. To analyse various aspects of the Roman-Samnite struggle the author uses both long-known written and numismatic sources and new archaeological data, previously not widely involved for the study of military-diplomatic relations in ancient Italy. **Analysis.** The long-term military confrontation in Apulia began as a result of Rome invasion into the exclusive sphere of Samnite influence in the Daunian lands after the conclusion of an alliance with the rebellious Arpi in 326 BC. During the most active period of the struggle in 323-317 BC the Romans were able to establish control over majority of the large settlements,

such as Teanum and Canusium, as well as the strategically important Luceria. The Romans skilfully took advantage of the diplomatic and military miscalculations of the Samnites that, together with the creation of spheres of responsibility and colonies in northern Apulia allowed them, to firmly establish themselves in new territories. In subsequent years, all attempts by the Samnites to regain lost positions, primarily in Luceria, failed to achieve any significant success. While Rome continued to expand its strategic foothold in Apulia, until it suppressed the last strongholds of Samnite power in the region after the capture of Silvium in 306 BC and Venusia in 291 BC. **Results.** The Roman-Samnite struggle in its primary basis was a consequence of the changing conditions of international relations in ancient Italy in the IV century BC. Both sides sought to establish control over the local centres of power in Apulia, but Rome eventually won the confrontation that opened it the way for expansion in southern Italy and deprived the Samnites of the opportunity to influence affairs in the region.

Keywords: Samnite wars, Apulia, early republican Rome, Samnites, Daunians, Peucetians, Arpi, Canusium, Teanum, Luceria, Venusia, Silvium

For citation: Cherkasov A.I. Roman-Samnite struggle for Apulia in 326-290 BC. *Humanities and law research*. 2024;11(2):317-330. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.15>

Введение. Масштабные военно-политические перемены на Апеннинском полуострове в IV в. до н.э. кардинальным образом изменили расстановку сил, выведя на первый план новые ведущие центры и места борьбы. Прежде доминировавший в северной части Италии Этрусский додекаполис в IV в. до н.э. уже был неспособен поддерживать широкое влияние в регионе, находясь в состоянии глубокого упадка. Аналогичным образом на юге полуострова Тарент как гегемон Союза Италиотов ко второй половине IV в. до н.э. окончательно утратил способность самостоятельно справляться с внешними угрозами, в связи с чем он начал делегировать задачу обеспечения безопасности наёмным полководцам из Балканской Греции. Образовавшийся вследствие этого вакуум власти в различных регионах начал замещаться народами, находящимися на стадии восходящего развития, такими как римляне и самниты, которые постепенно приобретали статус новых «центров силы»¹. Самниты начали проводить масштабную экспансию в направлении Кампании, долины Лириса и Апулии, однако после начала территориального расширения Рима за пределы Лация с середины IV в. до н.э. обозначенные выше три региона также постепенно вошли в сферу его интересов, что в итоге привело к закономерному противостоянию двух сторон.

Материалы и методы. Апулия являлась одним из трёх ключевых мест борьбы между римлянами и самнитами в ходе их продолжительного противостояния, однако, несмотря на своё значение, данная тема почти не исследовалась в специальных работах. В историографии военно-политические события 326 – 290 гг. до н.э. кратко затрагивались только в контексте истории отдельных народов, таких как римляне [9; 13; 25; 30; 35; 42; 46; 48; 51; 73; 80], апулийцы [64; 100; 102; 110], самниты [93; 98], вследствие чего они были лишены целостного осмысления и комплексного анали-

¹ «Центр силы» – термин из теории международных отношений, разработку которого связывают с работой В. П. Лукина ««Центры силы»: концепции и реальность» [6]. На сегодняшний день существует множество различных трактовок понятия, а все сформулированные определения основаны преимущественно на материале новейшей истории и современности, поэтому во избежание двойного прочтения термина в контексте статьи обозначим, что мы подразумеваем под «центром силы» – это субъект международных отношений, который способен оказывать влияние на других акторов и подчинять их действия своей воле на одном или нескольких уровнях иерархии (глобальном, региональном, локальном). В данном случае борьба самнитов и римлян происходила на региональном уровне древней Италии за господство над локальными центрами силы в Апулии.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.10.2023.

The article was approved after reviewing: 13.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

за взаимодействия различных сил в меняющихся условиях международных отношений в древней Италии в IV в. до н.э. Кроме того, археологические открытия последних десятилетий крайне слабо интегрированы в общую картину изучаемых событий, поскольку археологи не углублялись в анализ письменных источников, а историки, по большей части, игнорировали результаты новых раскопок, которые на современном этапе исследований позволяют расширить понимание отдельных аспектов темы и переосмыслить сохраняющиеся дискуссионные вопросы. Именно поэтому в изучении римско-самнитской борьбы за Апулию необходимо использовать комплексный подход, учитывающий интересы всех задействованных сторон, на основе не только сведений античных авторов, но и новых археологических данных с привлечением нумизматических источников с целью определить причины и предпосылки, методы и характер, а также итоги и последствия столкновения двух сторон на юго-востоке Италии.

Анализ. Однако для дальнейшего понимания различных аспектов римско-самнитской борьбы необходимо предварительно остановиться на рассмотрении политической ситуации в Апулии в IV в. до н.э. В этно-территориальном плане регион подразделялся на три крупные области: северная часть была населена давниями, центральная – пеккетами, южная – мессапами и саллентинами [22, р. 21; 94, р. 676; 110, р. 337]. Каждое из племён формировало отдельные конфедерации, которые в силу этнического родства могли совместно выступать против единого врага. Однако уже к началу IV в. до н.э. крупные монархические объединения апулийцев распались на обособленные аристократические республики [94, р. 687; 100, р. 279–280; 102, р. 20]. В процессе политического разделения вместо старых племенных центров на первый план выдвинулось несколько крупных поселений, которым подчинялись или, по крайней мере, тяготели малые общины [106, р. 102].

Наиболее могущественные республики сосредотачивались в землях давниев, они же приобрели статус локальных центров силы в северной Апулии. В их числе, прежде всего, стоит выделить Арпы (окрестности совр. Фоджи), которые, по словам Страбона, являлись одним из крупнейших поселений в древней Италии (VI.3.9), что также археологически подтверждается длиной их стен в 13 км с охватом площади почти в 1000 гектаров [20, р. 219; 33, р. 126; 90, р. 2; 109, р. 53]². В сфере влияния Арп

² Для сравнения – размеры укрепленных поселений в центральной и южной Апулии в IV в. до н.э. варьирова-

находились Салапия (Strab.VI.3.9) [74, s. 2218; 92, p. 76, 80], Сипонт (Liv.XXXIV.45.3), а также, возможно, Экэ (Аесае) и малые общины в совр. Сан-Северо и Купола-Беккарини [106, p. 103], которые в совокупности обеспечивали им доминирование на внутренних равнинах северной Апулии. Другим гегемонистским центром был Канузий (совр. Каноза), который, наряду с Арпами, являлся одним из крупнейших поселений в древней Италии (Strab.VI.3.9), хотя археологическое подтверждение его размеров пока отсутствует [20, p. 219]. В сферу влияния Канузия входил торговый порт Барлетта (Strab.VI.3.9), а также, вероятно, Канны [48, p. 410; 106, p. 103], что позволяло ему контролировать южные земли давниев в долине реки Офанто. Особое положение в иерархии поселений занимала Гердония (совр. Ордона), учитывая её размеры в 800 гектаров [110, p. 340], можно предположить, что ей подчинялись малые общины, такие как Аускул, в долине реки Карапелле. Отдельным гегемонистским центром, вероятно, также являлся Теан (окрестности совр. Сан-Паоло-ди-Чивитате), окружённый стенами длиной в 11 км [20, p. 241; 62, p. 68]. Благодаря своим размерам и географическому положению он, по всей видимости, доминировал в северных землях давниев в долине реки Форторе. Ещё один центр в северной Апулии можно связать с доримской Венузией (совр. Казалини Соттана), располагавшейся на площади в 400 гектаров [65, p. 186], вероятно, в сферу её влияния входили близлежащие Форент и неопределённая община в совр. Мельфах. К ведущим давнийским поселениям, по всей видимости, также относилась Луцерия (совр. Лучера), именуемая Диодором «важнейшим городом в том регионе» (XIX.72.8), но слова греческого автора пока не нашли археологического подтверждения. Свои ведущие поселения существовали в центральной и южной Апулии, однако они практически не были затронуты римско-самнитским противостоянием, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться.

Образовавшаяся градация апулийских общин являлась составной частью более широкой иерархии различных центров силы в древней Италии. Однако, несмотря на возникновение нескольких консолидирующих поселений, распад единых племенных объединений значительно ослабил общую обороноспособность региона, чем и воспользовались самниты. Последние начали широко экспансию в направлении северной Апулии, о которой стало известно только благодаря результатам раскопок последних десятилетий. Следы самнитского присутствия в землях давни-

ев³ прослеживаются с конца V в. до н.э. в Венузии [64, p. 272; 105, p. 243–244], Форенте [14, p. 81–82], совр. Мельфах [47, p. 56–57; 69, p. 150], совр. Монте-Кьянконе [67, p. 10; 68, p. 333–334], совр. Пьетрамонтекорвино [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, p. 10], совр. Ла-Мургетте [28, p. 335], а во второй половине IV в. до н.э. в Арпах [63, p. 8; 90, p. 13–14; 104, s. 26], Канузии [26, p. 175. n. 57; 39, p. 55–56], Гердонии [24, p. 1248; 27, p. 118], Теане [83, p. 176–178], Аускуле [58, p. 247–248; 59, s. 119–121]. Только в Луцерии пока отсутствует прямое археологическое подтверждение присутствия самнитов, однако оскское влияние прослеживается как в эпиграфике [8, s. 55–56], так и в этимологии поселения [50, s. 264; 57, p. 288; 93, p. 54. n. 120]. Остальные области Апулии не были затронуты вторжением, за исключением двух певкетских поселений: Руво, где погребения самнитских воинов появляются с конца V в. до н.э. [71, p. 53–54; 72, p. 30], и Сильвия, в котором, по сведениям Диодора, находился самнитский гарнизон в 306 г. до н.э. (XX.80.1–2).

В итоге к моменту военного столкновения с Римом в 320-е гг. до н.э. самниты контролировали все ключевые центры давниев и большую часть северной Апулии. Внешняя политика покорённых общин закономерно была подчинена интересам самнитов, однако многие из них сохраняли внутреннюю автономию, о чём свидетельствует монетная чеканка с именами собственных правящих должностных лиц [94, p. 687; 100, p. 279–280; 102, p. 20], и, вероятно, местную иерархию поселений с несколькими ведущими центрами, через которые завоеватели осуществляли контроль над регионом. Однако сохранение внутренней автономии и очагов политической консолидации делали самнитскую гегемонию крайне шаткой и создавали опасность для возникновения сепаратистских настроений, чем вскоре и воспользовались римляне.

Апулия длительное время находилась вне военно-политических интересов Рима, притязания которого до середины IV в. до н.э. ограничивались лишь Лацием и сопредельными областями. Однако по мере нарастания противоречий с самнитами он начал действовать в более широких масштабах, что в итоге и привело, в определённом смысле, к преждевременному проникновению в Апулию, с которой ещё даже не была налажена прямая территориальная связь. Рим стремился использовать отдалённый регион в качестве плацдарма для реализации стратегии окружения Самния в ходе Второй Самнитской войны 327–304 гг. до н.э. [3, s. 120; 10, p. 194; 49, p. 116–117; 61, p. 43; 70, p. 174;

лись от 25 до 140 гектаров со стенами длиной от 2,5 до 4 км [110, p. 352]. Даже Рим в пределах «Сервиевых» стен в данный период не достигал масштабов крупнейших давнийских поселений, занимая площадь в 426 гектаров с укреплениями длиной в 11 км [23, p. 81].

³ Фиксируются преимущественно на основе погребальных обрядов, нехарактерных для давниев, но типичных для самнитов, таких как камерные гробницы, труположение на спине и полукремация, причём захоронения в большинстве случаев связаны с воинами.

77, p. 8], однако конкретным поводом для вмешательства послужило предложение «апулийцев» заключить союз в 326 г. до н.э. (Liv.VIII.25.3 ср. 27.2). Ливий не уточняет с какими именно поселениями Рим подписал договор, в связи с чем исследователи выдвинули множество различных трактовок. Одни придерживались версии о соглашении со всем народом апулийцев, не ставя под сомнение сведения римского автора [1, с. 563; 53, s. 3; 60, p. 443; 87, p. 27; 96, p. 200], другие выдвигали гипотезу о договоре с отдельными поселениями [4, с. 171; 9, p. 598; 10, p. 195; 25, p. 353], третьи – ограничивали новых союзников Рима только Арпами [7, с. 559; 11, p. 95; 12, s. 175; 16, p. 270; 28, p. 329; 33, p. 127; 37, p. 37; 69, p. 147; 80, p. 197; 100, p. 285], к которым иногда добавлялась и Луцерия [29, p. 171; 48, p. 415; 51, p. 329]. Гиперкритики и вовсе отрицали факт установления связей между сторонами в 326 г. до н.э. [93, p. 230], перенося их первый контакт на 320 г. до н.э. [79, p. 65], либо на 319 г. до н.э. [18, s. 21]. Ещё более неординарную гипотезу предложил Д. Каяцца, по мнению которого союз был заключён с отдельной группой апулийцев, поселившихся в кампано-самнитской области [19, p. 265].

Многие из выдвинутых версий, по большому счёту, опровергаются всего одним фактом господства самнитов в северной Апулии в IV в. до н.э., в других же областях региона наличие римских союзников представляется сомнительным, поскольку почти все военные действия в 326 – 290 гг. до н.э. проходили в землях давниев. В свою очередь, предположения гиперкритиков и другие «экзотические» гипотезы являются крайне шаткими, поскольку основываются на чрезмерно вольных построениях в отрыве от прямых сведений источников или даже вопреки им. В традиционных же трактовках, учитывая существование локальной иерархии поселений, Рим должен был заключить союз с одним из местных ведущих центров, однако почти все они, находясь под самнитским контролем, были ему напрямую враждебны: Канузий (Diod.XIX.10.2; Liv.IX.20.4), Теан (Liv.IX.20.4), Венузия (Dion.Hal.XVII–XVIII.5.1), и особенно Луцерия (Liv.IX.26.4). Неизвестной остаётся только позиция Гердони, поскольку поселение не упоминается в период Самнитских войн, поэтому её нельзя однозначно связать с «апулийцами», упоминаемыми Ливием. Из всех крупных давнийских поселений лишь Арпы были дружественны Риму, поставляя продовольствие его войскам в 320 г. до н.э. (Liv.IX.13.9), что позволяет согласиться с гипотезой о заключении союза именно с ними в 326 г. до н.э.

Некоторое противоречие возникает только в отношении самнитского контроля над Арпами, но его можно разрешить, если предположить, что к Риму с предложением о союзе обратилась от имени всего государства местная аристокра-

тия [34, p. 98], которая, возможно, перед этим подняла восстание. Отдельные археологические и нумизматические свидетельства также подтверждают данную гипотезу, в частности в конце IV в. до н.э. в Арпах заметен явный культурный разрыв с осским прошлым [11, p. 95], что отражает осознанный отказ от всех предшествующих связей с самнитским миром. На этом фоне в поселении проявились ускоренные процессы романизации, выраженные в новой монетной чеканке по римско-кампанскому образцу, которая также присутствовала в подконтрольной Арпам Салапии [107, p. 94]. Настолько резкие перемены не были зафиксированы ни в одной давнийской общине, например, в Луцерии культурное влияние осков сохранялось даже после основания римской колонии [8, с. 55–56]. Кроме того, в Арпах с последней четверти IV в. до н.э. и вплоть до Ганнибаловой войны прослеживается преемственность руководящей аристократии. На протяжении почти столетия в правящей элите поселения находились представители одного знатного семейства с преноменами Дазий и Пиллий [74, s. 2218; 92, p. 76], вероятно из рода Альтиниев (Liv.XXIV.45.1), что подразумевает их изначальные особые связи с Римом, которые могли быть установлены только в результате добровольного перехода на его сторону.

В контексте новых археологических данных преобладающая на сегодняшний день гипотеза, согласно которой союз 326 г. до н.э. был заключён в результате военного давления самнитов [34, p. 98; 37, p. 37; 51, p. 329; 53, s. 3; 77, p. 8; 84, p. 158; 100, p. 285], оказывается полностью несостоятельной. Обращение Арп к Риму было обусловлено не долгосрочной внешней угрозой, а краткосрочными внутривосточными изменениями, в частности недовольством местной аристократии самнитским господством. Аналогичным образом и предположение В. Сираджо о разделении поселений давниев на два лагеря (просамнитский и проримский) также не находит подтверждения в источниках [100, p. 288]. Рим сумел заключить союз только с Арпами, однако большая часть давнийских земель вместе с остальными ведущими общинами оставалась лояльной самнитам.

Вторжение Рима в исключительную сферу самнитского влияния в начале Второй Самнитской войны привело к активной борьбе двух сторон за гегемонию в Апулии, которая превратилась в один из ключевых театров военных действий. Однако римлянам для отправки войск в отдалённый регион требовалось преодолеть земли марсов, пелигнов, вестинов, марруцинов и френтанов. Учитывая дальнейший ход событий, они, вероятно, сумели дипломатическими методами обеспечить нейтралитет и право прохода со стороны большинства упомянутых племён, за исключением вестинов, которые были выведены из войны силовым путём в 325 г. до

н.э. (Liv.VIII.29.1–12). Первостепенная задача по формированию стратегического «апулийского пути» несколько отсрочила прибытие римских войск в земли давниев, чем и воспользовались самниты. Первые военные столкновения в регионе начались в 323 г. до н.э., однако в источниках существует несколько версий, по одной из них, римляне воевали против «апулийцев», по другой – в их защиту от нападений самнитов, а по третьей – против обеих сторон (Liv.37.3–5). Большинство исследователей, придерживаясь последней версии, пишет о восстании союзных Риму «апулийцев» [4, с. 172; 10, р. 205; 38, р. 451; 99, р. 141; 100, р. 288], однако все три трактовки источников не противоречат друг другу, если учесть самнитский контроль над давнийскими поселениями и наличие в регионе дружественных квириатам Арп. Вероятно, самниты в 323 г. до н.э. перешли в наступление в северной Апулии [98, р. 137], попытавшись вернуть контроль над восставшими Арпами, однако прибывшие войска консула Сульпиция Лонга вынудили их отступить без сражения (Liv.VIII.37.6). Осада настолько большого укрепленного поселения требовала длительного времени и расщепления войска на 13-километровую длину по всей окружности стен, что фактически было невозможно реализовать в условиях угрозы нападения извне, именно поэтому самниты решили отступить. Римляне же, довольствуясь отходом сил противника, принялись опустошать враждебные давнийские земли (Liv.VIII.37.6).

Только в 322 г. до н.э. римские войска приступили к захвату местных поселений. Источники сообщают, что Фабий Руллиан захватил много добычи в Апулии (Liv.VIII.40.1), а также совместно со вторым консулом взял 81 поселение самнитов и давниев (AP.Samn.IV.1), в результате чего был удостоен триумфа (Tr.Fasti ad.an. 322; De Vir.III.XXXII). Несмотря на краткость имеющихся сведений, события 322 г. до н.э. породили различные исследовательские трактовки. Гиперкритики отрицали все военные кампании 323–322 г. до н.э. [9, р. 598; 13, с. 397; 93, р. 235], среди которых Д. Морелли трактовал триумф Фабия над апулийцами как победу над наёмниками, которые сражались в рядах самнитов [73, р. 117]. В свою очередь, С. Окли попытался скорректировать сведения Аппиана, предположив, что захват огромного числа поселений произошёл не в рамках одного года, а в течении нескольких лет [82, р. 8]. Однако данные античной традиции не содержат настолько серьёзных противоречий, чтобы полностью их отрицать или кардинальным образом переписывать. Все источники, за исключением основной версии Ливия, подтверждают факт присутствия римских войск в Апулии, что, вероятно, обусловлено опорой на единую традицию, восходящую к историку Фабию Пиктору [97, с. 39]. В свою очередь, захват 81 поселения не кажется чем-то

невероятным, учитывая обнаружение археологами множества малых поселений, по сути небольших деревень, рассредоточенных по всей Апулии [66, р. 237]. Вероятно, в этом же 322 г. до н.э. Фабий Руллиан захватил Луцерию [48, р. 416; 80, р. 201; 96, р. 202], поскольку уже в следующем году она упоминается как союзная римлянам (Liv.IX.2.5; De Vir.III.XXX.2). Самниты же не смогли ничего противопоставить, поскольку сосредоточили основные войска для наступления на Фрегеллы в долине Лириса (AP.Samn.IV.1), по всей видимости, ошибочно полагая, что давнийские центры сумеют обеспечить защиту Апулии.

Однако первоначальные военные успехи римлян в регионе были нивелированы их поражением в Кавдинском ущелье в 321 г. до н.э. Ливий с целью оправдать стратегический провал консулов, оказавшихся в засаде, пишет, что их рискованные действия были обусловлены стремлением спасти осаждённую самнитами Луцерию (IX.2.3–5). Однако фактически римляне преследовали цель переломить неопределённый ход войны решительным вторжением в Самний [5, с. 76; 30, р. 75; 40, р. 239; 41, р. 145; 42, р. 458; 43, р. 76; 44, р. 40; 79, р. 64; 80, р. 210; 82, р. 26; 93, р. 236], в то время как Луцерию, вероятно, добровольно перешла на сторону самнитов после Кавдинской битвы [30, р. 76; 38, р. 460], учитывая, что далее Ливий называет её «двукратным изменником» (IX.26.4), подразумевая восстание давнийского поселения не только в 314 г. до н.э., но и в 320 г. до н.э.

Самниты, воспользовавшись плодами своего кавдинского успеха, ввели крупный гарнизон в Луцерию в 320 г. до н.э. (Liv.IX.13.10), однако римляне, опасаясь утратить все завоеванные позиции в Апулии, сразу же отправили войска против восставшего поселения. Осада Луцерии оказалась изнурительной не только для осаждённых, но и для самих римлян, находившихся в окружении враждебных давнийских общин, из которых только союзные Арпы поставляли им продовольствие (Liv.IX.13.6–12). В это время Тарент, ощутив угрозу своей сфере влияния в центральной и южной Апулии со стороны Рима, призвал стороны прекратить военные действия (Liv.IX.14.8–16). Однако греческий город чрезмерно переоценил степень своего влияния в регионе и одновременно недооценил возросшее могущество Рима, которое было ослаблено Кавдинским поражением только временно, именно поэтому попытка арбитражного урегулирования со стороны Тарента полностью провалилась. В конечном итоге римляне продолжили войну против самнитов и успешно завершили осаду Луцерии (Liv.IX.15.3–9).

В современной исследовательской литературе преобладает мнение [15, р. 29; 16, р. 272; 17, р. 307; 46, р. 300; 54, с. 64; 79, р. 68; 82, р. 35], доставшееся в наследие от гиперкрити-

ческой историографии [13, s. 399; 18, s. 35; 31, p. 2; 35, p. 316; 36, p. 82; 52, p. 400–401; 76, s. 32; 81, s. 33; 88, p. 48; 95, p. 14; 96, p. 204], что все события 320 г. до н.э. являлись вымыслом Ливия. В данном случае повествование римского историка действительно содержит огромное число противоречий, подробный разбор которых занял бы непозволительно много места в рамках небольшой статьи, однако полный отказ от сведений Ливия представляется контрпродуктивным, как минимум по той причине, что его описание 320 г. до н.э. основывалось на более ранних трудах анналистов (FRHist 24 F.16 ср. Liv.IX.14.6–7; 15.3). В имеющемся повествовании можно принять факт осады и захвата Луцерии вместе с самнитским гарнизоном, помощь Арпа и вмешательство Тарента, но без детальных подробностей, достоверность которых остаётся под вопросом.

Римский успех в Луцерии значительно ограничил возможности самнитов для проведения дальнейших наступательных действий в регионе, поскольку поселение занимало важное стратегическое положение, которое обеспечивало контроль над пограничной областью между горным Самнием и равнинной Апулией. Поэтому из всех локальных центров силы именно Луцерия стала ключевым местом для военного противостояния сторон. Однако позиции римлян в давнийских землях продолжали оставаться шаткими, поскольку они напрямую зависели от расположения ряда италийских племён, находящихся на «апулийском пути». Так, например, вооружённое выступление френтанов в 319 г. до н.э. полностью лишило римлян связи с северной Апулией. Несмотря на то, что контроль над прибрежным племенем был достаточно быстро восстановлен (Liv.IX.16.1), в сенате, по всей видимости, начали осознавать всю ненадёжность нейтралитета италийских народов. Для снижения зависимости от шаткого «апулийского пути» требовалось создать обширный и автономный военно-стратегический плацдарм в землях давниев, который позволил бы союзным поселениям вместе с римскими гарнизонами самостоятельно обеспечивать безопасность в случае повторения событий 319 г. до н.э. Именно поэтому сенат решил сконцентрировать основные силы на апулийском направлении, где самниты всё ещё контролировали большую часть региона.

В ходе нового наступления, по сведениям античных авторов, римские войска в 318 г. до н.э. опустошили давнийские земли, вынудив капитулировать два крупных центра Теан и Канузий (Liv.IX.20.4; Diod.XIX.10.2), затем в 317 г. до н.э. они захватили Форент (Liv.IX.20.9 ср. Diod.XIX.65.7), что также подтверждается следами пожара на поселении, которые датируются второй половиной IV в. до н.э. [77, p. 256]. Некоторые исследователи трактовали описанные события не-

сколько в ином русле, одни историки предположили, что Теан и Канузий добровольно перешли на сторону Рима [13, s. 401; 32, p. 144; 52, p. 404; 78, p. 9; 93, p. 241], другие, напротив, выдвинули гипотезу о подавлении восстания трёх давнийских поселений [48, p. 416; 95, p. 15]. Однако все предложенные версии вступают в прямое противоречие со сведениями источников: античные авторы совершенно однозначно сообщают о военном давлении Рима на Теан и Канузий, а археологические данные указывают на самнитский контроль над упомянутыми давнийскими поселениями, что в совокупности опровергает гипотезы о добровольном союзе или восстании.

После активных наступательных действий в 318 – 317 г. до н.э. римляне заняли доминирующие позиции в северной Апулии (Liv.IX.20.9), подчинив своей власти почти все ведущие поселения. В свою очередь, самниты, лишившись стратегического контроля над Луцерией, оказались неспособны противодействовать стремительному натиску противника, поскольку были частично отрезаны от своей апулийской сферы влияния. Давнийские же поселения, оставшиеся лояльными самнитам, не имели возможности самостоятельно обороняться против крупных сил противника без подкрепления, именно поэтому Теан и Канузий капитулировали сразу, как только консульское войско начало разорять их округу. Напротив, Форент, сохранявший прямую связь с горным Самнием, не сдавался до тех пор, пока римляне не захватили поселение.

Система контроля над подчинёнными апулийскими территориями во многом соответствовала принципам Римско-италийской федерации, в рамках которой отдельным поселениям предоставлялся союзный договор с рядом привилегий, так, например, его получили, наряду с Арпами, Теан в 317 г. до н.э. и, возможно, Канузий годом ранее [56, p. 301]. Однако принципиально новым элементом являлось создание сфер ответственности в давнийских землях на базе договоров, предоставленных местным ведущим поселениям. Контуры сформированной системы можно проследить на основе одного крайне примечательного сообщения Ливия, ранее упускаемого из виду исследователями, в частности античный историк пишет, что Теан получил союзный договор только после своего заверения «обеспечить для римского народа мир по всей Апулии» (IX.20.7–8). Сведения о предоставлении контроля над целым регионом одному поселению, по всей видимости, являлись некоторым преувеличением, поскольку Теан и другие давнийские общины не могли обеспечить даже собственную безопасность. Однако сам факт частичной передачи ответственности за поддержание порядка в северной Апулии локальному центру силы в рамках договора может свидетельствовать о попытке Рима интегрировать существующую иерархию посе-

лений в собственные федеративные структуры с учётом постоянной внешней угрозы.

Местные ведущие поселения изначально являлись опорой Рима в регионе, однако не все из них были удостоены союзного договора, подобную привилегию получали только крупные центры, которые не проявляли особой враждебности, так, например, Арпы добровольно перешли на его сторону, а Теан и Канузий сдались сразу после появления консульского войска в их округе. Именно между ними и были распределены сферы ответственности: Теан контролировал территории в долине реки Форторе на границе с френтанами, Арпы поддерживали римскую власть во внутренних землях давниев, а Канузий обеспечивал безопасность вдоль реки Офанто в пограничной области с певкетами. Образованные сферы ответственности, по всей видимости, создавались на базе уже существующей иерархии поселений, что особенно заметно в случае Арп, от которых в III в. до н.э. продолжали зависеть как Сипонт (Liv.XXXIV.45.3), так и Салапия (Strab.VI.3.9). Контроль за поддержанием лояльности других малых общин, вероятно, также передавался в сферу ответственности трёх упомянутых центров, но все они подчинялись верховной власти Рима. Прямое управление сохранялось только в отношении наиболее враждебных или стратегически важных поселений, подобных Луцерии, в которой римляне оставили постоянный гарнизон (Liv.IX.26.1). Смешанная система контроля в северной Апулии позволила, с одной стороны, обеспечить лояльность большинства давнийских общин за счёт сохранения прежних сфер влияния и в отдельных случаях правящих элит, а с другой – укрепить безопасность в регионе, по крайней мере, теперь местные поселения могли скоординировано противостоять внешнему вторжению небольших войск.

Утверждение римской власти в северной Апулии вынудило самнитов сконцентрироваться на других ключевых театрах военных действий, в частности на Кампании, где они начали крупное наступление в 316 – 315 гг. до н.э. Однако самниты не теряли надежды вернуть утраченные позиции, в связи с чем отдельная часть их войск постоянно находилась на границе с давнийскими землями, выжидая благоприятного момента для вторжения. На протяжении 316 – 315 гг. до н.э. римляне продолжали держать одно консульское войско в северной Апулии (Liv.IX.23.1) [21, р. 142; 73, р. 161; 75, S. 1046; 86, s. 4; 89, р. 13], однако после крупного поражения при Лавтулах и последовавшего опасного наступления самнитов в Лаций в 315 г. до н.э. (Diod.XIX.72.5–8; Strab.V.3.5; 4.11 ср. Liv.IX.23; Front.Strat.I.11.21; IV.1.34), они вынуждены были стянуть все силы для обороны столицы. В условиях резкого сокращения военного присутствия в регионе и общего ослабления Рима после Лавтульского поражения наиболее непо-

пулярная Луцерия подняла восстание, передав его гарнизонные войска в распоряжение прибывших самнитов (Liv.IX.26.1). Однако римляне быстро восстановили утраченные позиции, действуя крайне жестокими методами – воины перебили самнитов и многих из местных жителей, а в сенате начали звучать призывы к уничтожению всего поселения (Liv.IX.26.2–3). Тем не менее, благоразумие возобладало и в 314 г. до н.э. было решено выслать колонию в Луцерию численностью в 2,5 тыс. человек (Liv.IX.26.5; Diod.XIX.72.8 ср. Vell.Pat.I.14.4). Однако, опасаясь очередного предательства со стороны непопулярной общины (Liv.IX.26.4), прибывшие римляне обосновались не в самом поселении, а несколько западнее, на стратегическом холме Монте-Альбано [57, р. 290], который был наспех укреплен стенами в конце IV в. до н.э. [91, р. 70]. Археологическое исследование местности в округе совр. Лучеры также показало, что в этот же период в окрестностях древнего поселения исчезло большинство ранее существовавших давнийских ферм, по всей видимости, в результате перераспределения земли между колонистами [45, р. 31].

Укрепление контроля над Луцерией, в которой теперь находился постоянный контингент в 2,5 тыс. колонистов-воинов, позволило римлянам высвободить силы для действий на других направлениях. В последующие годы в северной Апулии обозначилось некоторое затишье, самниты больше не предпринимали попыток крупного вторжения в регион, за исключением небольшого грабительского рейда в 310 г. до н.э. Однако римляне, полностью полагаясь на местные сферы ответственности и колонию в Луцерии, вместо защиты давнийских земель атаковали самнитов с другого направления, вынудив их перебросить войска на западные рубежи (Diod.XX.35.2).

Стратегическая инициатива в северной Апулии полностью перешла на сторону Рима, благодаря чему он активизировал военные действия в других областях региона. В 307 г. до н.э. консульское войско Волумния Виолента отправилось в земли саллентинов, где были разбиты силы противника и захвачено несколько поселений (Liv.IX.42.5). Однако военная экспедиция консула проходила вне контекста борьбы с самнитами [см.: 78, р. 16], в связи с чем мы не будем подробно останавливаться на данных событиях. В следующем 306 г. до н.э. римляне «вторглись в Япигию», осадив поселение Сильвий, где уже непосредственно находился самнитский гарнизон (Diod.XX.80.1). Некоторые исследователи предположили, что военная кампания 306 г. до н.э., о которой сообщает Диодор, являлась продолжением саллентинского похода 307 г. до н.э., описываемого Ливием [60, р. 461, п. 149; 78. P. 15; 80, р. 253]. Однако обе экспедиции выполняли абсолютно разные стратегические задачи и проходили в отдельных обла-

стях Апулии: если поход 307 г. до н.э. был направлен на поддержку отдельных саллентинских общин на полуострове Саленто [78, р. 16], то «вторжение в Япигию» было нацелено на борьбу с самнитами в землях певкетов, где располагался Сильвий (совр. Ботроманьо) (Strab.VI.3.8). Предельно краткие сведения Диодора также подтверждаются археологическими данными: после появления римских войск в округе Сильвия самнитский гарнизон, ранее прибывший в поселение (Diod.XX.80.1), в спешке возвёл дополнительные укрепления, датируемые концом IV в. до н.э. [101, р. 37]. Именно поэтому осада затянулась на продолжительный срок, однако в конечном итоге римляне захватили Сильвий, поработив более 5 тыс. человек (Diod.XX.80.1–2), что привело к запустению пригородов и резкому сокращению размеров поселения, зафиксированных в этот же период [101, р. 38]. Аналогичные следы упадка прослеживаются в близлежащей певкетской деревне в совр. Джаццо Форнасьелло в конце IV в. до н.э., которая, вероятно, также подверглась разграблению римскими войсками [55, р. 34–36]. Упомянутые Диодором цифры, на первый взгляд, могут показаться слишком незначительными для того, чтобы привести к упадку целого поселения, однако подсчёты археологов, произведённые на основе размеров и структуры населённых пунктов, полностью подтверждают сведения греческого автора. В IV в. до н.э. в центральной и южной Апулии в укрепленных поселениях проживало в среднем 3–4 тыс. человек и только в нескольких наиболее крупных центрах прослеживается более высокая численность населения [110, р. 352]. В данном случае Сильвий, занимавший площадь в 140 гектаров со стенами длиной в 3,7 км [103, р. 123], являлся одним из крупнейших певкетских центров, в котором, по оценке А. Смолла, проживало не менее 10 тыс. человек [101, р. 39]. Ведущее место Сильвия в местной иерархии поселений также показывает, что столкновение самнитов и римлян в певкетской области являлось не случайным, поскольку обе стороны осознанно стремились обеспечить контроль над локальным центром силы.

По завершении Второй Самнитской войны римляне окончательно утвердили своё господство в области давние, создали военный плацдарм на территории певкетов и обрели союзников в отдалённых саллентинских землях. Однако опорный пункт самнитской власти ещё сохранялся в давнийской Везузии, которая в предшествующие годы не была затронута военными действиями. Вследствие этого новый этап противостояния между сторонами в ходе начавшейся Третьей Самнитской войны 298–290 гг. до н.э. вновь затронул апулийские поселения, хотя и в значительно меньшем масштабе.

В первые годы военных действий юго-восток Италии находился в стороне от основных

мест сражений, однако в 297 г. до н.э., по сообщению Ливия, войско «апулийцев» численностью в несколько тысяч человек выступило в поддержку самнитов, но ещё до объединения с союзниками оно было разбито консулом Децием Мусом под Малевентом (X.15.1–2). Очередное упоминание неопределённых «апулийцев» обусловило появление различных исследовательских трактовок. В. Вегнер предположил, что против римской власти восстали союзные апулийцы [2, с. 332], В. Сираджо, напротив, связал их войско с малыми общинами, которые ещё оставались независимыми [100, р. 295], в свою очередь, В. Костанци выдвинул гипотезу о прибытии в Самний военных сил из Везузии [29, р. 196]. Последняя версия представляется наиболее вероятной, поскольку первые два предположения не находят даже косвенного подтверждения в источниках, в то время как гипотеза с Везузией соотносится как со сведениями античных авторов (см.: Dion.Hal.XVII–XVIII.5.1), так и с археологическими данными, о которых будет сказано далее.

В последующие годы основные силы всех задействованных сторон были сосредоточены на северном направлении, где в 295 г. до н.э. произошла переломная битва при Сентине, в которой римляне одержали победу над объединённой коалицией противника. После поражения самниты вынуждены были вновь сосредоточиться на обороне Самния, однако в 294 г. до н.э. они предприняли последнюю попытку вернуть утраченные позиции в северной Апулии, осадив Луцерию (Liv.X.35.1). Римляне своевременно отправили войско в поддержку колонистов, однако в сражении возле давнийского поселения оно потерпело поражение, а его остатки укрылись в Луцерии (FRHist 24 F. 35; FRHist 1 F. 18; Oros.III.22.1 ср. Liv.X.35–36; Front.Strat.II.8.11; IV.1.29). Но и самниты, несмотря на одержанную победу, понесли большие потери, в связи с чем не имели возможности дальше продолжать осаду, тем более в условиях внешнего вторжения в Самний с западного направления.

В 291 г. до н.э. римляне окончательно подавили опорные пункты самнитской власти в северной Апулии, захватив последнее ключевое поселение Везузию (Dion.Hal.XVII–XVIII.5.1). Учитывая особое стратегическое положение поселения, находящегося на пересечении четырёх областей Самния, Лукании, Давнии и Певкетии, римляне сразу же выслали колонию в Везузию (Vell.Pat.I.14.6), причём невиданной ранее численностью в 20 тыс. человек (Dion.Hal.XVII–XVIII.5.2). Полагаясь на методы, ранее апробированные в Луцерии, прибывшие колонисты обосновались не в самом поселении, а к северу от него, на территории совр. Венозы [65, р. 186; 108, р. 468], где они возвели стены, окружившие площадь в 40 гектаров [20, р. 241]. Продолжительные археологические исследования местности в Казалини Соттана в 1990 – 2010-х гг. также показали, что римское

завоевание и перераспределение земли привели к исчезновению в округе ок. 88% выявленных деревень и ферм, вероятно, ранее принадлежавших самнитам [66, р. 238; 105, р. 243–244; 108, р. 468]. Кроме того, военный захват давнийской Венузии повлек за собой упадок поселения, который археологически прослеживается в начале III в. до н.э. [85, р. 286].

Результаты. Таким образом, продолжительная борьба за Апулию в своей первоначальной основе являлась следствием меняющихся условий международных отношений в древней Италии в IV в. до н.э. Утверждение новых центров силы привело к серии крупных военных столкновений, среди которых римско-самнитское противостояние занимало ключевое место. Борьба двух народов за контроль над отдельными регионами постепенно охватила большую часть древней Италии, включая и Апулию. Имея важное значение в стратегических планах обеих сторон, она превратилась в одно из ключевых мест для противостояния в годы Второй Самнитской войны в результате вторжения римлян в исключительную сферу самнитского влияния в 326 г. до н.э. Последующие военные столкновения приняли характер борьбы за контроль над давнийскими центрами силы, через которые стороны стремились утвердить свою власть над регионом. Несмотря на то, что самниты изначально занимали доминирующие позиции в северной Апулии, за небольшой период 323 – 317 гг. до н.э. они утратили контроль над большинством ведущих поселений, что являлось следствием ряда дипломатических и военных провалов. Во-первых, самниты не сумели

привлечь на свою сторону центрально-италийские племена и френтанов, что позволило римлянам беспрепятственно отправлять войска в отдалённую область по «апулийскому пути». Во-вторых, они не уделили должного внимания организации обороны в землях давниев, полагаясь вместо этого на местные центры, которым отправлялось подкрепление только в моменты военной активности римлян в регионе. В-третьих, самниты потеряли стратегический контроль над Луцерией, что лишило их прямой связи с другими давнийскими поселениями, которые без внешней поддержки быстро капитулировали. Умело воспользовавшись всеми просчётами противника, Рим сумел в короткие сроки занять доминирующие позиции в северной Апулии, а также укрепить свою власть и оборону в регионе посредством создания сфер ответственности в сочетании с прямым военным присутствием в стратегических пунктах. Образованный баланс между лояльностью и безопасностью в северной Апулии в рамках смешанной системы контроля позволил римлянам успешно отражать все последующие попытки самнитов восстановить утраченные позиции. После 317 г. до н.э. борьба между сторонами проходила в русле военных столкновений в пограничных областях давнийских и певкетских земель. Однако самниты после потери контроля над Сильвием в 306 г. до н.э. и Венузией в 291 г. до н.э. окончательно утратили всё влияние в Апулии, в результате чего Рим утвердил безраздельное господство над большей частью региона и открыл себе путь для дальнейшей экспансии в южной Италии.

Литература

1. Беккер К. Ф. Древняя история. Полное издание в одном томе: монография. М.: Альфа-Книга, 2012. 947 с.
2. Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян: монография. Т. 1. Минск: Харвест, 2002. 656 с.
3. Герцберг Г. Ф. История Рима: монография. Киев; Харьков: Ф. А. Иогансон, 1898. 150 с.
4. Голицын Н. С. Всеобщая военная история древних времён: монография. Ч. 2. СПб.: Типография А. Траншеля, 1873. 234 с.
5. Зелинский Ф. Ф. Римская республика: монография. СПб.: Алетейя, 2017. 441 с.
6. Лукин В. П. «Центры силы»: концепции и реальность: монография. М.: Международные отношения, 1983. 252 с.
7. Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей: монография. Т. 1. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2014. 704 с.
8. Фёдорова Е. В. Ранняя латинская письменность VIII–II вв. до н.э.: монография. Москва: МГУ, 1991. 237 с.
9. Adcock F. E. The Conquest of Central Italy // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1928. P. 581–616.
10. Arnold T. History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al., 1845. 676 p.
11. Basile L., Pouzadoux C. Arpi (Puglia), città aperta? // The Archaeology of Death: proceedings of the Seventh Conference of Italian Archaeology (16–18 April 2016). Oxford: Archaeopress, 2018. P. 86–97.
12. Beloch K. J. Der Italische Bund. Der italische Bund unter Roms Hegemonie: staatsrechtliche und statistische Forschungen. Leipzig: B.G. Teubner, 1880. 237 s.
13. Beloch K. J. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig: De Ciryter & Co, 1926. 664 s.
14. Bottini A. Tra Oriente e Occidente: un gruppo di recipienti metallici da Lavello // Ostraka: rivista di antichità. 2002. No. 11. P. 81–91.
15. Briquel D. La guerre à Rome au IVe siècle: une histoire revue et corrigée, remarques sur le livre 9 de Tite-Live // Guerre et diplomatie romaines (IVe – IIIe siècles). Provence: Université de Provence, 2006. P. 27–40.
16. Briquel D., Brizzi G. La marche vers le sud // Histoire romaine. T. 1. Paris: Fayard, 2000. P. 245–292.
17. Briscoe J. Q. Claudius Quadrigarius: commentary // The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 300–329.

18. Burger C. P. *Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr.* Amsterdam: J. Müller, 1898. 80 s.
19. Caiazza D. *Rufrium sannitico e romano // In Itinere. Ricerche di archeologia in Campania.* Naples: Lavieri, 2007. P. 265–286.
20. Caliò L. *Le fortificazioni in Puglia tra età arcaica ed ellenistica. Un'analisi preliminare // Thiasos: rivista di archeologia e architettura antica.* 2021. No. 10.1. P. 215–253.
21. Cassola F. *I Gruppi politici romani nel III secolo A.C.* Trieste: Istituto di Storia antica, 1962. 438 p.
22. Ceraudo S., Parise M. *Ambiente e paesaggio // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 21–27.
23. Cifani G. *The Servian Walls // The Atlas of Ancient Rome: Biography and Portraits of the City.* Vol. 1. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017. P. 81–84.
24. Cinquantaquattro T. E. *Attività della Soprintendenza per i Beni Archeologici della Puglia // Alle origini della Magna Grecia: mobilità, migrazioni, fondazioni: atti 50° Convegno di studi sulla Magna Grecia (4 ottobre 2010).* Taranto: Istituto per la Storia e l'Archeologia della Magna Grecia, 2012. P. 1209–1255.
25. Cornell T. J. *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC).* London; New York: Routledge, 1995. 507 p.
26. Corrente M. *Red-Figure Vases in Fourth-Century B.C.E. Canosa: Images, Assemblages, and the Creation of a Social Hierarchy // The Italic people of Ancient Apulia: new evidence from pottery for workshops, markets and customs.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 168–185.
27. Corrente M., Albanesi C., Castaldo F., Distasi V., Fiadino R., Gordini M., Liseno M. G., Petrolini S., Rossi F. *Prima e dopo Roma. Sostrati formativi e profilo culturale della Daunia alla luce delle recenti attività di scavo della Soprintendenza per i Beni Archeologici della Puglia // Atti 28° Convegno Nazionale sulla Preistoria – Protostoria – Storia della Daunia (25–26 novembre 2007).* San Severo: Archeoclub San Severo, 2008. P. 99–128.
28. Corrente M., Camaiani S., Gasperi N., Quaglia L. *Per una storia della presenza Sannita nella Daunia del IV sec. a.C.: i recenti scavi tra Aecae e Arpi in località Macchia di Pierno e la Murgetta // Atti 30° Convegno Nazionale sulla Preistoria – Protostoria – Storia della Daunia (21–22 novembre 2009).* San Severo: Archeoclub San Severo, 2010. P. 325–356.
29. Costanzi V. *Osservazioni sulla terza guerra sannitica // Rivista di Filologia.* 1919. No. 48. P. 161–215.
30. Cowan R. *Roman Conquests: Italy.* Barnsley: Pen and Sword, 2009. 232 p.
31. Crawford M. H. *Foedus and sponsio // Papers of the British School at Rome.* 1973. No. 41. P. 1–7.
32. De Benedittis G. *La costa molisana tra Sanniti e Frentani // Realtà medioadriatiche a confronto contatti e scambi tra le due sponde. Atti del Convegno (22–23 luglio 2016).* Campobasso: Lampo, 2018. P. 135–148.
33. De Luca F., Merola P. *Arpi // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 125–128.
34. De Luca F., Valchera A. *Taranto e le popolazioni indigene della Puglia // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 95–100.
35. De Sanctis G. *Storia dei Romani.* Vol. 2. Torino; Milano; Roma: Fratelli, Bocca, 1907. 575 p.
36. De Visscher F. *La deditio internationale et l'affaire des Fourches caudines // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1946. No. 1. P. 82–95.
37. Del Monte R. *La Puglia e il mondo romano // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 36–38.
38. Devaux P. *Études politiques sur les principaux événements de l'Histoire romaine.* T. 1. Bruxelles; Leipzig; Paris: Librairie Muquardt; Librairie Hachette et C-ie, 1880. 556 p.
39. Distasi V. *L'abitato preromano e la successiva riorganizzazione di età romana. Testimonianze da vico Pasubio (Canosa) // Canosa. Ricerche Storiche 2009. Atti del convegno di Studio (12–15 febbraio 2009).* T. 1. Fasano: Pugliesi, 2010. P. 53–80.
40. Devoto G. *Gli antichi italici.* Florence: Vallecchi, 1931. 309 p.
41. Eckstein A. *Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2006. 369 p.
42. Engerbeaud M. *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.).* Paris: Les Belles lettres; Ministère des armées, 2017. 590 p.
43. Esposito G. *Armies of Ancient Italy 753–218 BC: From the Foundation of Rome to the Start of the Second Punic War.* Barnsley; Philadelphia: Pen & Sword Military, 2020. 178 p.
44. Fields N. *Roman Battle Tactics 390–110 BC.* Oxford; New York: Osprey, 2010. 64 p.
45. Finocchietti L. *Luceria: su alcune questioni di topografia storica del territorio // Cahiers du Centre Gustave Glotz.* 2012. No. 23. P. 7–35.
46. Forsythe G. *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2005. 400 p.
47. Frederiksen M. *Archaeology in South Italy and Sicily, 1973–76 // Archaeological Reports.* 1977. No. 23. P. 43–76.
48. Fronda M. P. *Livy 9.20 and Early Roman Imperialism in Apulia // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 2006. No. 4(55). P. 397–417.
49. Gilman A. *The Story of Rome, from the earliest times to the end of the republic.* New York; London: G. P. Putnam's sons, 1889. 355 p.
50. Helbig W. *Studien Über die Älteste Italische Geschichte // Hermes.* 1876. No. 11. S. 257–290.
51. Heurgon J. *Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques.* Paris: Presses Universitaires de France, 1969. 411 p.
52. Ihne W. *The History of Rome.* Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 575 p.
53. Klimke C. *Der zweite Samniterkrieg.* Königshütte: Druck von Franz Ploch, 1882. 18 s.
54. Kreiler B. M. *Ober- und Unterkommandierende der römischen Republik 509–27 v. Chr.* München: Utzverlag, 2020. 531 s.
55. Lambrugo C., Pace A. *Il «Complesso Alfa», fasi di vita e rituali di abbandono // I Peuceti a Jazzo Fornasiello: scavi archeologici a Jazzo Fornasiello, Gravina in Puglia.* Milano: Università degli Studi di Milano, 2017. P. 31–37.
56. Landriscina S. *Canusium // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 300–303.
57. Landriscina S. *Luceria // Puglia.* Bologna: BraDypUS, 2014. P. 288–291.

58. Larcher A., Laimer M. A controllo del Carapelle: la comunità di Giarnera Piccola // Atti 30° Convegno Nazionale sulla Preistoria – Protostoria – Storia della Daunia (21–22 novembre 2009). San Severo: Archeoclub San Severo, 2010. P. 241–258.
59. Larcher A., Müller F. M. Die «Tomba del Guerriero» in Ascoli Satriano (Provinz Foggia/Italien) // Akten des 10. Österreichischen Archäologentages in Graz (7–9 November 2003). Wien: Phoibos, 2006. S. 119–123.
60. Lewis G. An inquiry into the credibility of the early Roman history. Vol. 2. London: J.W. Parker and Son, 1855. 594 p.
61. Lomas K. Rome and the Western Greeks 350 BC – AD 200. London; New York: Taylor & Francis, 2005. 243 p.
62. Lomas K. The city in southeast Italy. Ancient topography and the evolution of urban settlement 600–300 BC // *Accordia Research Papers*. 1993. No. 4. P. 63–77.
63. Marcella L. Arpi. Formes et modes de vie d'une cité italote (IVe–IIe siècle av. n. è.). Campagne d'étude 2021 // *Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. Italie*. Roma: Écoles françaises à l'étranger, 2022. P. 1–15.
64. Marchi M. L. Dinamiche insediative della romanizzazione in Daunia: fra Dauni, Sanniti e Romani // Atti del IV Convegno Internazionale di Studi Veleiati (20–21 settembre 2013). Bologna: Ante Quem, 2014. P. 265–278.
65. Marchi M. L. Landscape of Daunia: Ager Venusinus // *Beyond Vagnari: new themes in the study of Roman South Italy*. Bari: Edipuglia, 2014. P. 181–192.
66. Marchi M. L. Le colonie di Luceria e Venusia. Dinamiche insediative, urbanizzazione e assetti agrari // *Roman Republican Colonization: New Perspectives from Archaeology and Ancient History*. Rome: Palombi, 2014. P. 233–253.
67. Marchi M. L., Forte G., Frangiosa A., La Trofa M., Savino G. Riscoprendo i paesaggi archeologici: nuovi dati per il progetto Ager Lucerinus dai territori di Castelnuovo della Daunia e Pietramontecorvino // Atti 39° Convegno Nazionale sulla Preistoria – Protostoria – Storia della Daunia (17–18 novembre 2018). San Severo: Archeoclub San Severo, 2019. P. 3–25.
68. Marchi M. L., Forte G., Muntoni I., De Leo A. Dalle ricerche topografiche all'archeologia preventiva. Il GIS del progetto Ager Lucerinus: modelli di indagine e strategie di intervento nei Monti Dauni // *Archeologia e Calcolatori*. 2015. No. 26. P. 325–340.
69. Mazzei M., Labellarte M., Guzzo P. G. Aspetti della cultura daunia durante l'età ellenistica // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*. 1991. No. 1(21). P. 147–173.
70. Meiklejohn K. W. Roman Strategy and Tactics from 509 to 202 B.C. // *Greece & Rome*. 1938. No. 21(7). P. 170–178.
71. Montanaro A. Due tombe sannitiche da Ruvo di Puglia // *Taras: rivista di archeologia*. 2005. No. 25. P. 29–58.
72. Montanaro A. Gli ori di Ruvo di Puglia tra Greci ed Etruschi. Bari: M. Adda, 2006. 138 p.
73. Morelli D. Atti diplomatici romani, 338–270 a.C.: Cronologia e contesto storico: thesis. Roma, 2020. 601 p.
74. Münzer F. Dasius // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 4.2. Stuttgart: J. B. Metzler, 1901. S. 2218.
75. Münzer F. Papius 52 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 18.3. Stuttgart: J. B. Metzler, 1949. S. 1039–1051.
76. Münzer F. Pontius 4 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 22.1. Stuttgart: J. B. Metzler, 1953. S. 31–33.
77. Nava M. L., Cracolici V., Fletcher R. Osservazioni sulla topografia di Forentum-Lavello alla luce dei più recenti rinvenimenti // Atti 32° Convegno Nazionale sulla Preistoria – Protostoria – Storia della Daunia. T. 1. San Severo: Archeoclub San Severo, 2006. P. 253–274.
78. Nedu D. Expediții militare romane în regiunea salentină, 307 și 302 a.Chr. // *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. 2007. No. 11.1. P. 7–27.
79. Nedu D. Rome and Tarentum in Apulia, 326–320 B.C. // *Peuce (serie noua)*. 2009. No. 7. P. 63–72.
80. Niebuhr B. G. The History of Rome. Vol. 3. London: Taylor and Walton, 1842. 717 p.
81. Nissen H. Der Caudinische Friede // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1870. No. 25. S. 1–65.
82. Oakley S. A Commentary on Livy books VI–X. Vol. 3: Book IX. Oxford: Clarendon Press, 2005. 758 p.
83. Pacilio G., Montanaro A. La «Tomba dei Capitelli Ionici» di Tiati. San Paolo di Civitate (Fg) // *Archeologia Classica: nuova serie*. 2013. No. 64. P. 169–221.
84. Pallottino M. Storia della prima Italia. Milan: Rusconi, 1984. 253 p.
85. Pelgrom J., Lecce L., Sanchez J., Stek T. Le indagini olandesi sul pianoro di Masseria Caslini Sottana (2013–2014) // *Palazzo San Gervasio: modalità insediative e pratiche funerarie dal territorio*. Venosa: Osanna, 2016. P. 277–288.
86. Pflug K. Diodor und Livius als Quellen für den zweiten Samniterkrieg. Waldenburg: Paul Schmidt's Druckerei (H. Roedenbeck), 1889. 16 s.
87. Pirro A. La seconda guerra sannitica. Parte 1. Salerno: Tipografia J. Fratelli, 1898. 46 p.
88. Pirro A. La seconda guerra sannitica. Parte 2. Salerno: Tipografia J. Fratelli, 1898. 50 p.
89. Pirro A. La seconda guerra sannitica. Parte 3. Salerno: Tipografia J. Fratelli, 1898. 72 p.
90. Pouzadoux C., Munzi P., Santoriello A., Muntoni I. M., Amato V., Basile L., Leone M., Patete S., Pollini A., Rossi M. Arpi. Formes et modes de vie d'une cité italote (IVe–IIe siècle av. n. è.) // *Chronique des activités archéologiques de l'École française de Rome. Italie du Sud*. Roma: École française de Rome, 2015. P. 1–33.
91. Ridgway D. Archaeology in South Italy 1977–81 // *Archaeological Reports*. 1982. No. 28. P. 63–83.
92. Rutter N. K. *Historia numorum: Italy*. London: British Museum Press, 2001. 223 p.
93. Salmon E. T. Il Sannio e i Sanniti. Torino: G. Einaudi, 1995. 462 p.
94. Salmon E. T. The Iron Age: the peoples of Italy // *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 676–719.
95. Salmon E. T. The Pax Caudina // *The Journal of Roman Studies*. 1929. No. 19. P. 12–18.
96. Schmitz L. A History of Rome, From the Earliest Times to the Death of Commodus, A.D. 192. 5th ed. London: Walton and Maberly, 1853. 673 p.
97. Schwegler A. *Römische Geschichte*. Bd. 5 / Hrsg. O. von Clason. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. 372 s.

98. Scopacasa R. *Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
99. Shuckburgh E. S. *A History of Rome to the battle of Actium*. New York: Macmillan and Co, 1894. 809 p.
100. Sirago V. *L'Apulia dall'indipendenza all'occupazione romana // Extrait des Études Étrusco-Italiennes du Recueil de Travaux d'Histoire et de Philologie*. 1963. No. 31. P. 269–319.
101. Small A. Changes in the pattern of settlement and land use around Gravina and Monte Irsi (4th century BC – 6th century AD) // *Modalità insediative e strutture agrarie nell'Italia meridionale in età romana*. Bari, Edipuglia, 2012. P. 36–53.
102. Small A. Pots, Peoples, and Places in Fourth-Century B.C.E. Apulia // *The Italic people of Ancient Apulia: new evidence from pottery for workshops, markets and customs*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 13–35.
103. Small A., Small C. *Archaeology on the Apulian – Lucanian Border*. Oxford: Archaeopress, 2022. 884 p.
104. Steingraber S. *Neu entdeckte Gräber im hellenistischen Apulien // Spektrum der Wissenschaft*. Heidelberg: GmbH, 1992. S. 25–26.
105. Stek T. Review of M.L. Marchi, *Ager Venusinus II. Forma Italiae 43 // Babesch: bulletin Antieke Beschaving*. 2015. No. 87. P. 246.
106. Valchera A. *Città e territorio // Puglia*. Bologna: BraDypUS, 2014. P. 101–122.
107. Valchera A. *Età greca // Puglia*. Bologna: BraDypUS, 2014. P. 91–95.
108. Volpe G., Goffredo R., Romano A. V. *La Daunia nell'età della romanizzazione spunti critici di (ri)lettura // La Magna Grecia da Pirro ad Annibale. Atti del 52° Convegno di Studi sulla Magna Grecia (27–30 settembre 2012)*. Taranto: Istituto per la Storia e l'Archeologia della Magna Grecia, 2015. P. 465–501.
109. Yntema D. *The Archaeology of South-East Italy in the first millennium BC*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013. 299 p.
110. Yntema D. *The Pre-Roman Peoples of Apulia (1000–100 BC) // The Peoples of Ancient Italy*. Boston; Berlin: De Gruyter, 2018. P. 337–368.

References

1. Becker KF. *Ancient history. Complete publication in one volume: monograph*. M.: Alfa-Kniga; 2012. 947 p. (In Russ.).
2. Wegner V. *Rome: The beginning, spread and fall of the worldwide empire of the Romans: monograph*. Vol. 1. Minsk: Harvest; 2002. 656 p. (In Russ.).
3. Hertzberg GF. *History of Rome: monograph*. Kyiv; Kharkov: FA loganson; 1898. 150 p. (In Russ.).
4. Golitsyn NS. *General military history of ancient times: monograph*. Part 2. St. Petersburg: Printing house of A. Transchel; 1873. 234 p. (In Russ.).
5. Zelinsky FF. *The Roman Republic: monograph*. St. Petersburg: Aletheia; 2017. 441 p. (In Russ.).
6. Lukin VP. "Centres of Power": concepts and reality: monograph. Moscow: International Relations; 1983. 252 p. (In Russ.).
7. Netushil IV. *Essay on Roman state antiquities: monograph*. Vol. 1. Kharkov: KNU named after V. N. Karazin; 2014. 704 p. (In Russ.).
8. Fedorova EV. *Early Latin writing of the VIII–II centuries. BC: monograph*. Moscow: MGU; 1991. 237 p. (In Russ.).
9. Adcock FE. *The Conquest of Central Italy in The Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press; 1928. P. 581–616.
10. Arnold T. *History of Rome*. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al.; 1845. 676 p.
11. Basile L., Pouzadoux C. *Arpi (Puglia), an open city? In The Archaeology of Death: proceedings of the Seventh Conference of Italian Archaeology (16-18 April 2016)*. Oxford: Archaeopress; 2018. p. 86-97. (In Ital.).
12. Beloch KJ. *Der Italische Bund. The Italian Bund. The Italian Confederation under Rome's hegemony: state law and statistical research*. Leipzig: B.G. Teubner; 1880. 237 p. (In Germ.).
13. Beloch KJ. *Roman history up to the beginning of the Punic Wars*. Leipzig: De Ciryter & Co, 1926. 664 p. (In Germ.).
14. Bottini A. *Between East and West: a group of metal vessels from Lavello*. *Ostraka: rivista di antichità*. 2002;11:81-91. (In Ital.).
15. Briquel D. *War in Rome in the 4th century: a revised and corrected history, remarks on book 9 of Titus Livius*. In: *Roman War and Diplomacy (4th-3rd centuries)*. Provence: Université de Provence; 2006. p. 27-40. (In French).
16. Briquel D, Brizzi G. *The march south in Roman history*. Vol. 1. Paris: Fayard; 2000. p. 245-292. (In French).
17. Briscoe JQ. *Claudius Quadrigarius: commentary in The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 3: *Commentary*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 300–329.
18. Burger CP. *The struggle between Rome and Samnium, until Rome's complete victory, around 312 BC*. Amsterdam: J. Müller; 1898. 80 s. (In Germ.).
19. Caiazza D. *Samnite and Roman Rufrium in In Itinere. Archaeological Research in Campania*. Naples: Lavieri; 2007. p. 265-286. (In Ital.).
20. Caliò L. *Fortifications in Puglia between the Archaic and Hellenistic Ages. A Preliminary Analysis*. *Thiasos: rivista di archeologia e architettura antica*. 2021;10.1:215-253. (In Ital.).
21. Cassola FI. *Roman political groups in the 3rd century BC*. Trieste: Istituto di Storia antica; 1962. 438 p. (In Ital.).
22. Ceraudo S, Parise M. *Environment and landscape in Puglia*. Bologna: BraDypUS; 2014. p. 21-27. (In Ital.).
23. Cifani G. *The Servian Walls in The Atlas of Ancient Rome: Biography and Portraits of the City*. Vol. 1. Princeton; Oxford: Princeton University Press; 2017. p. 81-84.
24. Cinquantaquattro TE. *Activities of the Superintendence for Archaeological Heritage of Puglia*. In: *The Origins of Magna Graecia: Mobility, Migrations, Foundations: Proceedings of the 50th Conference on Magna Graecia (4 October 2010)*. Taranto: Istituto per la Storia e l'Archeologia della Magna Grecia; 2012. p. 1209-1255. (In Ital.).
25. Cornell T. J. *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. London; New York: Routledge; 1995. 507 p.
26. Corrente M. *Red-Figure Vases in Fourth-Century B.C.E. Canosa: Images, Assemblages, and the Creation of a Social Hierarchy in The Italic people of Ancient Apulia: new evidence from pottery for workshops, markets and customs*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. p. 168-185.

27. Corrente M, Albanesi C, Castaldo F, Distasi V, Fiadino R, Gordini M, Liseno MG, Petrolini S, Rossi F. Before and after Rome. Educational substrata and cultural profile of Daunia in the light of recent excavation activities of the Superintendency for Archaeological Heritage of Puglia in Proceedings of the 28th National Conference on Prehistory – Protohistory – History of Daunia (25-26 November 2007). San Severo: Archeoclub San Severo; 2008. p. 99-128. (In Ital.).
28. Corrente M, Camaiani S, Gasperi N, Quaglia L. For a history of the Samnite presence in Daunia in the 4th century BC: the recent excavations between Aecae and Arpi in the locality of Macchia di Pierno and the Murgetta in Proceedings of the 30th National Conference on Prehistory – Protohistory – History of Daunia (21-22 November 2009). San Severo: Archeoclub San Severo; 2010. p. 325-356. (In Ital.).
29. Costanzi V. Observations on the Third Samnite War. *Rivista di Filologia*. 1919;48:161-215.
30. Cowan R. Roman Conquests: Italy. Barnsley: Pen and Sword; 2009. 232 p. (In Ital.).
31. Crawford MH. Foedus and sponsio. *Papers of the British School at Rome*. 1973;41:1-7.
32. De Benedittis G. The Molise coast between the Samnites and the Frentani. In: Comparison of the Middle Adriatic Realities, Contacts and Exchanges between the Two Shores. Proceedings of the Conference (22–23 July 2016). Campobasso: Lam-po; 2018. p. 135-148. (In Ital.).
33. De Luca F, Merola P. Arpi in Puglia. *Bologna: BraDypUS*; 2014. p. 125-128.
34. De Luca F, Valchera A. Taranto and the indigenous peoples of Puglia. In: Puglia. *Bologna: BraDypUS*; 2014. p. 95-100. (In Ital.).
35. De Sanctis G. History of the Romans. Vol. 2. Torino; Milano; Roma: Fratelli, Bocca; 1907. 575 p. (In Ital.).
36. De Visscher F. The international edition and the case of the Caudine Forks. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1946;1:82-95. (In French).
37. Del Monte R. Apulia and the Roman world in Apulia. *Bologna: BraDypUS*; 2014. p. 36-38. (In Ital.).
38. Devaux P. Political studies on the main events of Roman history. Vol. 1. Bruxelles; Leipzig; Paris: Librairie Muquardt; Librairie Hachette et C-ie; 1880. 556 p. (In French).
39. Distasi V. The pre-Roman settlement and the subsequent reorganization of the Roman period. Testimonies from vico Pasubio (Canosa) in Canosa. *Historical Research 2009. Proceedings of the Study conference (12-15 February 2009)*. Vol. 1. Fasano: Pugliesi; 2010. p. 53-80. (In Ital.).
40. Devoto G. The ancient Italics. Florence: Vallecchi; 1931. 309 p. (In Ital.).
41. Eckstein A. Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press; 2006. 369 p.
42. Engerbeaud M. Rome before the defeat (753-264 BC). Paris: Les Belles lettres; Ministère des armées; 2017. 590 p. (In French).
43. Esposito G. Armies of Ancient Italy 753–218 BC: From the Foundation of Rome to the Start of the Second Punic War. Barnsley; Philadelphia: Pen & Sword Military; 2020. 178 p.
44. Fields N. Roman Battle Tactics 390–110 BC. Oxford; New York: Osprey; 2010. 64 p.
45. Finocchietti L. Luceria: on some issues of historical topography of the territory. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2012;23:7-35. (In Ital.).
46. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press; 2005. 400 p.
47. Frederiksen M. Archaeology in South Italy and Sicily, 1973-76. *Archaeological Reports*. 1977;23:43-76.
48. Fronda MP. Livy 9.20 and Early Roman Imperialism in Apulia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2006;4(55):397-417.
49. Gilman A. The Story of Rome, from the earliest times to the end of the republic. New York; London: G. P. Putnam's sons, 1889. 355 p.
50. Helbig W. Studien Über die Älteste Italische Geschichte. *Hermes*. 1876;11:257-290. (In Germ.).
51. Heurgon J. Rome and the Western Mediterranean until the Punic wars. Paris: Presses Universitaires de France; 1969. 411 p.
52. Ihne W. The History of Rome. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co; 1871. 575 p. (In French).
53. Klimke C. The Second Samnite War. *Königshütte: Druck von Franz Ploch*; 1882. 18 s. (In Germ.).
54. Kreiler BM. Supreme and subordinate commanders of the Roman Republic 509–27 BC. München: Utzverlag; 2020. 531 s. (In Germ.).
55. Lambrugo C, Pace A. The "Alpha Complex", phases of life and abandonment rituals in I Peuceti a Jazzo Fornasiello: archaeological excavations at Jazzo Fornasiello, Gravina in Puglia. *Milano: Università degli Studi di Milano*; 2017. p. 31-37. (In Ital.).
56. Landriscina S. Canusium. In: Puglia. *Bologna: BraDypUS*; 2014. p. 300-303. (In Ital.).
57. Landriscina S. Luceria. In: Puglia. *Bologna: BraDypUS*; 2014. p. 288-291. (In Ital.).
58. Larcher A, Laimer M. In control of the Carapelle: the community of Giamera Piccola in Acts 30 Convegno National Conference on Prehistory-Protohistory-History of Daunia (21-22 November 2009). *Archeoclub San Severo*; 2010. p. 241-258. (In Ital.).
59. Larcher A, Müller F. M. The "Tomba del Guerriero" in Ascoli Satriano (Province of Foggia/Italy). In: Proceedings of the 10th Austrian Archaeological Day in Graz (7–9 November 2003). Wien: Phoibos; 2006. s. 119-123. (In Ital.).
60. Lewis G. An inquiry into the credibility of the early Roman history. Vol. 2. London: J.W. Parker and Son; 1855. 594 p.
61. Lomas K. Rome and the Western Greeks 350 BC – AD 200. London; New York: Taylor & Francis; 2005. 243 p.
62. Lomas K. The city in southeast Italy. Ancient topography and the evolution of urban settlement 600-300 BC. *Accordia Research Papers*. 1993;4:63-77.
63. Marcella L. Arpi. Forms and ways of life in an Italiote city (4th–2nd century BCE). 2021 study campaign in *Archaeological Bulletin of French Schools Abroad. Italy. Roma: Écoles françaises à l'étranger*; 2022. p. 1-15. (In French).
64. Marchi ML. Dinamiche insediative della romanizzazione in Daunia: fra Dauni, Sanniti e Romani in *Atti del IV Convegno Internazionale di Studi Veleiati (20–21 settembre 2013)*. Bologna: Ante Quem; 2014. p. 265-278. (In Ital.).
65. Marchi ML. Landscape of Daunia: Ager Venusinus in Beyond Vagnari: new themes in the study of Roman South Italy. *Bari: Edipuglia*; 2014. p. 181-192.
66. Marchi ML. The colonies of Luceria and Venusia. Settlement dynamics, urbanization and agrarian structures in Roman Republican Colonization: New Perspectives from Archaeology and Ancient History. Rome: Palombi; 2014. p. 233-253. (In Ital.).
67. Marchi ML, Forte G, Frangiosa A, La Trofa M, Savino G. Rediscovering archaeological landscapes: new data for the Ager Lucerinus project from the territories of Castelnuovo della Daunia and Pietramontecorvino in Proceedings of the 39th Na-

- tional Conference on Prehistory – Protohistory – History of Daunia (17-18 November 2018). San Severo: Archeoclub San Severo; 2019. p. 3-25. (In Ital.).
68. Marchi ML, Forte G, Muntoni I, De Leo A. From topographical research to preventive archaeology. The GIS of the Ager Lucerinus project: survey models and intervention strategies in the Monti Dauni. *Archeologia e Calcolatori*. 2015;26:325-340. (In Ital.).
  69. Mazzei M, Labellarte M, Guzzo P. G. Aspects of Daunian culture during the Hellenistic age. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*. 1991;1(21):147-173. (In Ital.).
  70. Meiklejohn KW. Roman Strategy and Tactics from 509 to 202 B.C. *Greece & Rome*. 1938;21(7):170-178.
  71. Montanaro A. Two Samnite tombs from Ruvo di Puglia. *Taras: rivista di archeologia*. 2005;25:29-58. (In Ital.).
  72. Montanaro A. The golds of Ruvo di Puglia between Greeks and Etruscans. Bari: M. Adda; 2006. 138 p. (In Ital.).
  73. Morelli D. Roman Diplomatic Acts, 338-270 BC: Chronology and historical context: thesis. Roma; 2020. 601 p. (In Ital.).
  74. Münzer F. Dasius. In: *Paulys Real encyclopedia of classical ancient science*. Bd. 4.2. Stuttgart: JB Metzler; 1901. S. 2218. (In Germ.).
  75. Münzer F. Papius 52. In: *Paulus Real encyclopedia of classical ancient science*. Bd. 18.3. Stuttgart: JB Metzler; 1949. S. 1039-1051. (In Germ.).
  76. Münzer F. Pontius 4. In: *Paulys Real encyclopedia of classical ancient science*. Bd. 22.1. Stuttgart: JB Metzler; 1953. S. 31-33. (In Germ.).
  77. Nava ML, Cracolici V, Fletcher R. Observations on the topography of Forentum-Lavello in the light of the most recent findings. In: *Proceedings of the 32nd National Conference on Prehistory – Protohistory – History of Daunia*. Vol. 1. San Severo: Archeoclub San Severo; 2006. p. 253-274. (In Ital.).
  78. Nedu D. Roman military expeditions in the Sallentine region, 307 and 302 BC. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. 2007;11.1:7-27. (In Roman.).
  79. Nedu D. Rome and Tarentum in Apulia, 326–320 B.C. *Peuce (serie noua)*. 2009;7:63-72.
  80. Niebuhr BG. *The History of Rome*. Vol. 3. London: Taylor and Walton; 1842. 717 p.
  81. Nissen H. *Der Caudinische Friede*. *Rheinisches Museum für Philologie*. 1870;25:1-65.
  82. Oakley S. *A Commentary on Livy books VI–X*. Vol. 3: Book IX. Oxford: Clarendon Press; 2005. 758 p.
  83. Pacilio G, Montanaro A. The "Tomb of the Ionic Capitals" of Tiati. San Paolo di Civitate (Fg). *Archeologia Classica: nuova serie*. 2013;64:169-221. (In Ital.).
  84. Pallottino M. *History of early Italy*. Milan: Rusconi; 1984. 253 p.
  85. Pelgrom J, Lecce L, Sanchez J, Stek T. Dutch investigations on the Masseria Caslini Sottana plateau (2013–2014) in Palazzo San Gervasio: settlement methods and funerary practices from the territory. Venosa: Osanna; 2016. p. 277-288. (In Ital.).
  86. Pflug K. Diodorus and Livy as sources for the Second Samnite War. Waldenburg: Paul Schmidt's Druckerei (H. Roedenbeck); 1889. 16 p. (In Germ.).
  87. Pirro A. *The Second Samnite War*. Part 1. Salerno: Tipografia J. Fratelli; 1898. 46 p. (In Ital.).
  88. Pirro A. *The Second Samnite War*. Part 2. Salerno: Tipografia J. Fratelli; 1898. 50 p. (In Ital.).
  89. Pirro A. *The Second Samnite War*. Part 3. Salerno: Tipografia J. Fratelli; 1898. 72 p. (In Ital.).
  90. Pouzadoux C, Munzi P, Santoriello A, Muntoni IM, Amato V, Basile L, Leone M, Patete S, Pollini A, Rossi M. Arpi. Forms and ways of life in an Italic city (4th–2nd century BCE) in *Chronicle of the archaeological activities of the French School of Rome. Southern Italy*. Roma: École française de Rome; 2015. p. 1-33. (In French).
  91. Ridgway D. *Archaeology in South Italy 1977–81*. *Archaeological Reports*. 1982;28:63-83.
  92. Rutter NK. *History of numbers: Italy*. London: British Museum Press; 2001. 223 p. (In Ital.).
  93. Salmon ET. *The Samnium and the Samnites*. Torino: G. Einaudi; 1995. 462 p.
  94. Salmon ET. *The Iron Age: the peoples of Italy in The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IV. Cambridge: Cambridge University Press; 1988. p. 676-719.
  95. Salmon ET. *The Pax Caudina*. *The Journal of Roman Studies*. 1929;19:12-18.
  96. Schmitz L. *A History of Rome, From the Earliest Times to the Death of Commodus, A.D. 192*. 5th ed. London: Walton and Maberly; 1853. 673 p.
  97. Schwegler A. *Roman History*. Vol. 5 / Ed. O. von Clason. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses; 1876. 372 p. (In Germ.).
  98. Scopacasa R. *Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
  99. Shuckburgh E. S. *A History of Rome to the battle of Actium*. New York: Macmillan and Co, 1894. 809 p.
  100. Sirago V. *Apulia from independence to Roman occupation*. *Extrait des Études Étrusco-Italiques du Recueil de Travaux d'Histoire et de Philologie*. 1963;31:269-319. (In Ital.).
  101. Small A. Changes in the pattern of settlement and land use around Gravina and Monte Irsi (4th century BC – 6th century AD) in *Modalità insediative e strutture agrarie nell'Italia meridionale in età romana*. Bari, Edipuglia; 2012. p. 36-53.
  102. Small A. *Pots, Peoples, and Places in Fourth-Century B.C.E. Apulia in The Italic people of Ancient Apulia: new evidence from pottery for workshops, markets and customs*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. p. 13-35.
  103. Small A, Small C. *Archaeology on the Apulian – Lucanian Border*. Oxford: Archaeopress; 2022. 884 p.
  104. Steingraber S. Newly discovered graves in Hellenistic Apulia in *Spectrum of Science*. Heidelberg: GmbH; 1992. P. 25-26. (In Germ.).
  105. Stek T. Review of M.L. Marchi, *Ager Venusinus II. Forma Italiae 43*. *Babesch: bulletin Antieke Beschaving*. 2015;87:246.
  106. Valchera A. *City and territory in Puglia*. Bologna: BraDypUS; 2014. p. 101-122. (In Ital.).
  107. Valchera A. *Greek age in Apulia*. Bologna: BraDypUS; 2014. p. 91-95. (In Ital.).
  108. Volpe G, Goffredo R, Romano AV. *Daunia in the age of Romanization: critical insights for (re)reading in Magna Graecia from Pyrrhus to Hannibal*. *Proceedings of the 52nd Conference on Magna Graecia (27–30 September 2012)*. Taranto: Istituto per la Storia e l'Archeologia della Magna Graecia; 2015. p. 465-501. (In Ital.).
  109. Yntema D. *The Archaeology of South-East Italy in the first millennium BC*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2013. 299 p.
  110. Yntema D. *The Pre-Roman Peoples of Apulia (1000–100 BC) in The Peoples of Ancient Italy*. Boston; Berlin: De Gruyter; 2018. p. 337-368.

Научная статья

УДК 94(497.11+497.2)“1920/1926”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К «РАСШИРЕНИЮ» НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ (1920–1926 ГГ.)

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350040, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Введение. Настоящая статья посвящена актуальной теме формирования модели взаимоотношения большевиков с российским крестьянством в условиях экономического и военно-политического кризиса начала 1920-х гг. Рассматриваемый вопрос приобретает не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость. В условиях современных перманентных реформ важной задачей становится разработка оптимальной стратегии взаимодействия государства и общества. Возможность обратиться к историческому опыту позволяет избежать повторения конфронтационных сценариев, а с другой стороны, использовать апробированный опыт преодоления кризиса взаимоотношений. Историкография вопроса весьма обширна и в своём развитии прошла четыре основных этапа: первый – 1920-е – 1930-е гг., второй – 1930-е – первая половина 1950-х гг.; третий – середина 1950-х – 1980-е гг. и четвёртый – вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время, для которых характерна зависимость исследователей от политической конъюнктуры, складывающейся в стране. **Материалы и методы.** Исследование основано на новых документальных источниках, содержащихся в федеральных и региональных архивах, которые позволяют изучить процесс формирования внутренней политики большевиков в аграрном регионе. В ходе исследования использованы ретроспективный, проблемно-хронологический методы, а также сравнительно-исторический и системно-структурный подходы. **Анализ.** Советская Россия в начале

1920-х гг. пережила военно-политический кризис. Логика и содержание внутренней политики РКП(б) была сведена к удержанию власти и подавлению сопротивления части сельского населения, активно выражавшее своё несогласие. **Результаты.** В ходе исследования мы пришли к следующим выводам, что в период нэпа, эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения зависела от результатов продовольственной, земельной политики и выборов в советы, но при этом элементы военного коммунизма присутствовали во всех сферах общественной и экономической жизни.

Ключевые слова: большевики, военный коммунизм, власть, казаки, «лицом к деревне», насилие, расширение «новой экономической политики», советы, сельское население

Для цитирования: Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 331–338. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

FROM WAR COMMUNISM TO THE "EXPANSION" OF THE NEW ECONOMIC POLICY: THE EVOLUTION OF THE BOLSHEVIKS DOMESTIC POLICY TOWARDS THE RURAL POPULATION OF KUBAN AND THE BLACK SEA REGION (1920–1926)

Yuri A. Yahutli

Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. Introduction. The article studies a topical issue of forming a model of the relationship between the Bolsheviks and the Russian peasantry in the conditions of the economic and military-political crisis of the early 1920s. The issue under consideration acquires not only theoretical, but also pronounced practical significance. In the context of modern permanent reforms, the development of an optimal strategy for interaction between the state and society becomes an important task. The opportunity to turn to historical experience makes it possible to avoid repetition of confrontational scenarios, and on the other hand, to use proven experience in overcoming the crisis of relationships. The historiography of the issue is very extensive and has passed through four main stages in its development: the first – 1920s – 1930s, the second – 1930s - the first half of the 1950s; the third – mid-1950s – 1980s and the fourth – the second half of the 1980s – to the present time, which is characterized by the dependence of researchers on the political situation prevailing in

the country. **Materials and Methods.** The research is based on new documentary sources contained in federal and regional archives, which allow us to study the process of forming the internal policy of the Bolsheviks in the agrarian region. The research uses retrospective, problem-chronological methods, as well as comparative-historical and systemic-structural approaches. **Analysis.** Soviet Russia experienced a military and political crisis in the early 1920s. The logic and content of the internal policy of the RCP(b) was reduced to retaining power and suppressing the resistance of a part of the rural population that actively expressed their disagreement. **Results.** In the course of the study, we came to the following conclusions that during the NEP period, the evolution of the Bolsheviks domestic policy towards the rural population depended on the results of food, land policy and elections to the soviets, but at the same time, elements of war communism were present in all spheres of social and economic life.

© Яхутль Ю. А., 2024

Keywords: bolsheviks, war communism, government, cossacks, "facing the countryside", violence, expansion of the "new economic policy", Soviets, rural population

For citation: Yahuti YuA. From War Communism to the "expansion" of the New Economic Policy: the Evolution of the Bolsheviks Domestic Policy towards the Rural Population of Kuban and the Black Sea region (1920–1926). *Humanities and*

law research. 2024;11(2):331-338. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

Введение. Главной темой с момента установления советской власти в Кубано-Черноморской области было формирование региональной политики в отношении сельского населения, особенно казачества. Эти отношения не носили линейный характер и во многом были предопределены содержанием продовольственной, земельной политики и выборов в местные органы власти. Большевики признавали, что казаки не всегда были настроены «контрреволюционно». На начальном этапе Российской революции РКП(б) получал поддержку со стороны казаков-фронтовиков. После повторного восстановления советской власти весной 1920 г. на Юге России началось, по образному выражению самих большевиков, «лихорадочное советское строительство». На этом этапе коммунисты получили поддержку со стороны иногородних, а часть казачества, в первую очередь из числа её зажиточных слоёв, заняли антигосударственную или выжидательную позицию.

Последние подразделения белой армии во главе с генералом Морозовым сдались в районе г. Сочи и г. Адлера весной 1920 г. Сдавшиеся рядовые казаки вступили в РККА, а часть была распущена по домам. Офицерский состав подвергся серьёзному воздействию со стороны спецслужб, были проведены аресты, часть офицеров отправили в концентрационные лагеря, а некоторые скрылись в станицах и городах Кубани и Черноморья. В регионе можно было отметить определённое смятение – казачье население ждало ответных действий со стороны большевиков, опасаясь мести за события 1918 г.

Стратегическая цель большевиков – строительство социализма путём установления диктатуры пролетариата неминуемо вело к конфликту с крестьянством и казачеством России, составлявшем большинство населения страны [1, с. 144]. Воспринимая сельское население как мелкобуржуазную массу, большевики считали необходимым преодоление «частнособственнической» природы на основе технического перевооружения и создания коллективных форм хозяйствования в аграрном секторе экономики. Получив свою практическую реализацию в годы Гражданской войны, идеология военного коммунизма стала для большевиков приемлемой формулой в достижении поставленной цели – строительства социализма. Таким образом, наработанный опыт получил в регионе широкое применение в начале 1920-х гг., за исключением лишь комбедов, от создания которых пришлось большевикам отказаться [21].

Материалы и методы. Исследование основано на принципах объективности, историзма. Это позволило изучить существующие точки зрения по вопросам повстанческого движения 1920-х гг., как следствие военно-коммунистических методов большевиков при реализации продовольственной и земельной политики. В статье применяется комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию продовольственной, земельной политики и процесс советизации Кубано-Черноморской области за период с 1920 г. по 1926 г. Историко-сравнительный метод способствовал сопоставлению результатов начального этапа нэпа и политики «лицом к деревне». Таким образом, эти методы позволили изучить нэповскую действительность на различных этапах её развития и определить соотношение закономерностей и региональных особенностей в период 1920–1926 гг. Исследование основано на архивных источниках. Автор использует материалы из центральных и региональных архивов для уточнения и подкрепления своих позиций. Комплекс документов представлен аналитическими материалами, отчётами органов РКП(б), РККА и местных советских органов. В статье использованы архивные фонды Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 64. – Кавказское бюро ЦК РКП(б)), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (Ф. 1. – Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)), Государственного архива Краснодарского края (Р–102 – Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома, Р–104 – Краснодарская отдельско-городская советская рабоче-крестьянская милиция исполнительного комитета Краснодарского отдельского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, Р–158. – Кубано-Черноморский областной революционный комитет), Отдела специальных фондов ГУ МВД России по Краснодарскому краю (Ф. 18 – Кубанский окружной отдел О.Г.П.У.), которые позволяют объективно изучить содержание конфликта и коммуникативные связи сельского населения казачьего региона и власти. Следует отметить, что историки продолжают активно изучать процесс формирования советских органов власти, формы протестного движения крестьян и казаков на разных этапах нэпа [22, 16, 24, 15, 12, 2, 14]

Анализ. Большевики пытались избегать крайних мер, добиваясь «умиротворения» обла-

сти. Однако повторная советизация на Кубани и Черноморье ознаменовалась началом активного протестного движения, основу которого составляли бывшие офицеры, солдаты белой армии и местное население. Отсутствие надлежащего руководства деятельностью местных советских органов, опытных работников оказали значительную роль на позицию кубанских казаков, которые стали ориентироваться на антибольшевистские лозунги [27, л. 81]. На местах стали активно реализовывать политику преследования казаков по сословным признакам – «расказачивание». Форма и методы проявления этой политики были различными: захватывали земельные наделы казаков, конфисковывали продовольствие и имущество, срывали черкески, папахи, кинжалы и др. Так назревал крестьянский бунт, который стал составной частью Гражданской войны [17, с. 285].

Следует отметить, что большевики исходили из классовых принципов в ходе решения продовольственного и земельного вопроса, поэтому больших различий не делали между зажиточными хозяйствами иногородних и казаков. Население восторгалось советской властью лишь до начала продразвёрстки. Казачество выступило против военно-коммунистических мероприятий, прежде всего продразвёрстки, порождавшее негодование всего сельского населения [23, л. 136.]. Правда, региональные руководители попытались обвинить в этих действиях, так называемых лже-революционеров, тем самым дистанцироваться от непопулярных действий местных партийных и советских органов. Такая накалённая военно-политическая обстановка усиливала репрессии со стороны РКП(б) и воинских частей, дислоцированных в области. В августе 1920 г. на основании приказа Особо Уполномоченного Революционного Военного Совета IX армии и революционного комитета Баталпашинского отдела во внесудебном порядке к высшей мере наказания были приговорены 20 человек, обвиняемых в различных видах преступлений, а именно: антисоветские высказывания, принадлежность к белой армии, убийства советских работников. [8, л. 26]. Такая практика стала составной частью региональной политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья. Центром подавления протестного движения стали «чрезвычайные тройки». Политика насилия и военного террора приносила как пользу по умиротворению казачьего региона, так и создавала новые проблемы для власти, которая фиксировала рост повстанческих отрядов, активный уход казаков в бело-зелёные отряды, пассивное сопротивление реализуемой продовольственной политике. Некоторые крупные населённые пункты области были на осадном положении из-за активности бело-зелёных формирований [7, л. 124]. Проведённая

же мобилизация молодёжи 1901 г. рождения ещё больше увеличила численный состав повстанческих отрядов Кубани и Черноморья, так как казаки активно уклонялись от призыва в РККА и уходили в бело-зелёные отряды. Таким образом, за первые полгода после восстановления советской власти в регионе нарастает повстанческое движение, в особенности в таких отделах как Приморско-Ахтарский, Славянский, Темрюкский, Каневской и др. Только в районе станиц Ахтарской, Абинской, Шапсугской, Эриванской были сосредоточены отряды бело-зелёных общей численностью более 700 человек. Реакция большевиков на такой рост сопротивления со стороны местного сельского населения была мгновенной и жёсткой. Отряды ЧОН (частей особого назначения) и части IX армии РККА провели «красный террор», взяли заложников, расстреляли активных участников антиправительственных выступлений. Численность отрядов после таких акций, по словам участников «красного террора», сократилась с 700 до 150 [10, л. 24]. Применялись и меры агитации, которые на этом этапе не имели существенного результата. В свою очередь, казаки-повстанцы тоже обращались к красноармейцам, предлагая «перестать вести борьбу с оружием в руках против казаков» [5, л. 168].

Главным источником конфликта был продовольственный вопрос. Ещё на I Всероссийском съезде трудового казачества В.И. Ленин призывал хлеборобов отдать государству излишки хлеба [18, с. 186,187]. Большевики признавали наличие в регионе проблем с продовольственным снабжением населения, но, по их мнению, в сравнении с центральной Россией положение на Кубани было лучше. Однако объективная ситуация свидетельствовала о наличии острого продовольственного кризиса в кубанских станицах. Отказ станичников Кубани сдавать хлеб и посевной материал провоцировал РКП(б) на насильственную конфискацию хлеба, проводимую 65 продовольственными отрядами численностью 1 400 человек, которым помогали воинские подразделения в количестве 12 000 красноармейцев [11, с. 73]. Как следствие радикальных действий со стороны Советской власти с августа 1920 г. весь регион был охвачен повстанческим движением. Наступивший 1921 г. стал началом реализации новой продовольственной политики РКП(б) – продналог, содержание которого было озвучено на X съезде партии в марте 1921 г. Но это решение не оказало существенного влияния на содержание взаимоотношений власти и сельского населения Советской России, в том числе и Кубано-Черноморской области. Средства и методы продразвёрстки продолжали активно применяться в отношении сельского населения региона. Станицы, не исполнившие план продналога, а на практике продразвёрстки подвергались

полной экономической блокаде, конфискации имущества и т.д. [9, л. 5].

Большевики стали активно отменять итоги выборов и возвращаться к ревкомам [6, л. 126.]. Наряду с возвратом к ревкомовским практикам устанавливался контроль партии над окружными советами. Одновременно продолжался рост повстанческого движения, которое возглавили Фостиков, Белов-Рутецкий, Серебряков и др. В конце лета 1921 г. нависла угроза штурма г. Красnodара отрядами генерала М. А. Пржевальского, но они были разбиты регулярными частями РККА. В последующем, инициатива в противостоянии с советской властью перешла полковнику Жукову. Однако повстанческое движение казаков и крестьян, которое состояло из многочисленных отрядов не имело политического и организационного единства, что и предопределило преимущество советской власти. Бело-зелёное движение было разнородным как по социальному составу, так и по политическим целям, содержание которых можно было увидеть в лозунгах: от казачьей самостийности, граничащей с сепаратизмом до монархических и эсеровских призывов. Осенью 1922 г. отряды Жукова и Дубины, как наиболее боеспособные, потерпели поражение – массовое повстанческое движение пошло на убыль. По мнению руководства Северо-Кавказского края, «политический бандитизм» был ликвидирован в основном к 1922 г. [19, с. 211]. Всего на территории Кубани и Черноморья за период с 1920 г. по 1924 г. было ликвидировано 417 бело-зелёных отрядов, 4 повстанческие армии общей численностью 46 343 человека, на вооружении которых находилось 12 орудий и 188 пулемётов. В ходе этих событий военно-полевыми судами к высшей мере наказания приговорили 2 000 человек [10, л. 32, 35].

Особое место в общественной жизни кубанской станицы занимали первые выборные кампании в советы. Однако цели и организация этих выборов расценивалась казаками и большевиками по-разному. Для большевиков советы без коммунистов были не легитимны, в отличие от казаков, которые надеялись на сохранение своих традиционных форм самоуправления. Часто на выборных собраниях звучал лозунг: «Надо выбирать в советы только коммунистов» [6, л. 123]. В этом противостоянии прошли выборы периода 1920 – 1923 гг. Партия большевиков на этом историческом отрезке столкнулась с кризисом выживания в ходе выборных кампаний. Военно-политическая обстановка в регионе приобретала для большевиков характер всеобъемлющего кризиса, разрешение которого было передано военным структурам и реввоенсоветам.

Проблемы российского крестьянства и казачества в начале 1920-х гг. во многом были предопределены незавершённостью реформ предшествующего периода и началом радикальной политики большевиков по непосред-

ственному строительству социализма методами политики военного коммунизма. Жители станиц и сел Советской России не могли противостоять власти по ряду объективных причин, которые характеризовали в целом крестьянское движение: отсутствие единой политической партии, способной выражать и защищать их интересы, разобщённость, региональный характер сопротивления и ментальность. Следовательно, протест российских крестьян, в том числе, казаков Кубано-Черноморской области в начале 1920-х обусловленный откровенными военно-коммунистическими методами руководства со стороны большевиков, был обречён. В этих условиях для казаков и крестьян фактор времени имел важное значение, так как он определял содержание компромиссного решения, которое неминуемо должно было быть принято. Обе стороны конфликта, уставшие от войны, преследовали свои цели: большевики должны были сохранить власть под контролем, а казаки и крестьяне хотели вернуться к мирной жизни и работать в своём хозяйстве, гарантируя себя от репрессий заключённым компромиссом.

Таким образом, с момента завершения Гражданской войны, принципы взаимоотношений казачества и крестьянства с правящей партией РКП(б), которые формировались на этапе новой экономической политике (1921 – 1929 гг.) можно разделить на два субэтапа. Водоразделом между субэтапами выступила политика «лицом к деревне», которая в казачьих регионах трансформировалась в политическую кампанию «лицом к казачеству». В первой половине 1920-х гг. взаимоотношение между РКП(б) и казачеством можно было характеризовать как настороженно-недоверчивое, вследствие активного участия казачества на стороне белой армии и бело-зелёном движении. В последующем, после ослабления военно-коммунистических методов и принятия решения по продовольственному вопросу, отвечавшего интересам сельского населения, эти отношения улучшились. Показателем роста доверия друг к другу стали выборы в советы в период «расширения» нэпа 1924 – 1926 гг. В ходе выборных кампаний возросла активность сельского населения, в том числе и казачества чьё представительство в местном самоуправлении увеличилось [26, с. 224].

Поводом к изменению курса РКП(б) послужило восстание в Грузии в августе 1924 г. и результаты выборов в советы, явка на которых в некоторых случаях составила менее 35%. Президиум ЦИК СССР 29 декабря 1924 г. принял беспрецедентное решение, отменив итоги выборов, назначив соответственно новые. Видные деятели РКП(б) – Н.И. Бухарин, А.И. Рыков в острых дискуссиях на партийных форумах отстаивали идею ослабления государственного контроля и регулирования экономической и общественной жизни в СССР. На пленуме ЦК

РКП(б) 25 – 27 октября 1924 г. были одобрены значительные изменения в аграрной политике, а также в организации и проведении выборов в советы, что должно было расширить и упрочить социальную базу большевиков в советской деревне. Этот период в истории экономических реформ Советской России (осень 1924 г. – весна 1926 г.) исследователи определили как «расширения нэпа» [3, с. 112].

На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1925 г. большинство участников партийного форума поддержали программу нового курса «лицом к деревне», что означало учёт интересов всех социальных слоёв российской деревни, а не только её беднейшей части и лояльное отношение к развитию капиталистических отношений. Была разрешена сдача земли в аренду на 12 лет и возможность выделения из общины на хутора, а также узаконен найм сельскохозяйственных рабочих. Снизилась сельскохозяйственный налог на 40%. Взятые активные темпы коллективизации, были признаны несостоятельными, государство перестало поддерживать убыточные колхозы и совхозы. Резолюция пленума по казачьему вопросу запрещала насильственные формы уничтожения сословности. Казаки получили право служить в РККА, занимать выборные и административные должности. На региональном уровне формировалась новая тактика во взаимоотношении с казачеством, основным содержанием которой было сотрудничество [13, с. 340–351].

Решения, принятые в центре, воспринимались на местах неоднозначно и были оценены как очередные уступки зажиточной части сельского населения. Но эти реформы отвечали в большей мере интересам середняцких слоёв доколхозной деревни. Таким образом, на общероссийском уровне прозвучали призывы к терпению, добровольности и перехода к методам убеждения в работе с сельским населением [20, с. 90].

Руководство Кубанского округа к середине 1920-х гг. с учётом происходящих событий в рамках реализации политики «лицом к деревне» понимало необходимость новой оценки общественно-политической и экономической обстановки и формирования региональных перспектив развития. По мнению партийных структур и органов ОГПУ Кубани, следовало тщательно изучить содержание многосложных процессов, происходивших в казачьей среде. Эта точка зрения нашла своё отражение в решениях пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 21–24 ноября 1924 г., в результате чего большевикам пришлось пойти на значительные уступки хлеборобам региона.

Реализация реформ к середине 1920-х гг. способствовала хозяйственному возрождению аграрного сектора экономики региона. Всего по Кубанскому округу насчитывалось 245 479 индивидуальных хозяйств. Валовая продукция сель-

ского хозяйства округа в 1924/25 финансовом году составила около 176 млн р., а промышленности лишь 41 млн р. Годовой прирост основного капитала индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств достигал 10%. Но темпы восстановления казачьих и крестьянских хозяйств, по мнению РКП(б), были невысокими и не отвечали политическим, экономическим задачам социалистического строительства. Выборочное обследование индивидуальных хозяйств свидетельствовало о том, что 43,5% хозяйств не имели инвентаря, а 40,8% – были безлошадными. В сельском хозяйстве было занято до 20 000 батраков, которые работали в хозяйствах зажиточных казаков и иногородних [10, с. 45].

Таким образом, восстановительный процесс способствовал дальнейшему имущественному и социальному расслоению кубанской станицы, что вело к очередному конфликту с властью, которая откровенно поддерживала беднейшую часть сельского населения. Казаки-середняки, составлявшие большинство сельского населения, проявляли лояльность, но она была не в пользу советской власти.

Остро стоял вопрос землеустройства, который служил очередным источником конфликта между зажиточной частью кубанской станицы и большевиками. Сословные противоречия становились главным фактором, препятствовавшим перераспределению земли. Зажиточные казаки использовали как откровенное давление, так и подкуп бедняцких хозяйств, экономически зависевшие от них. Они вели активную агитацию среди середняков и беднейшей части казачества, и иногородних против передела земли. При этом, использовали и прямые угрозы, вплоть до убийства, аргументирую это тем, что: «...мы, казаки, рассчитаемся с вами, когда придут наши» [10, с. 36]. В результате Кубанский округ смог к 1925 г. провести землеустроительные работы лишь на площади 1 749 212 дес. из 3 277 711 дес. предназначенных для этих работ [10, с. 6–8].

Наиболее ярко последствия политики «лицом к казачеству» проявились в процессе очередных выборов, прошедших в марте 1925 г. Используя подкуп и шантаж зажиточная часть казачества в ходе выборов блокировала кандидатов в депутаты от иногородних или казаков-бедняков. В станичных советах по итогам выборов до 61,7% депутатов были представлены казачеством, и только 8,7% были членами РКП(б). Органы ОГПУ области зафиксировали факты избрания бывших офицеров, членов Кубанской Рады и атаманов, и др. антисоветски настроенных элементов, которые составляли 5,9% от общего числа избранных депутатов [10, с. 30]. Новая избирательная кампания в условиях ограничения военно-коммунистических методов демонстрировала активность зажиточной части казачества, в том числе, желание быть избранными в руководящие органы местных

советов. На избирательных собраниях звучали лозунги избирать только «своих» и формировать «советы без коммунистов», которые были известны ещё в начале 1920-х гг. в период активного повстанческого движения. Жители станиц Кубани и Черноморья были против назначения на руководящие должности приезжих красноармейцев и коммунистов, которые отличались своими антиказачьими настроениями и допускали грубое отношение к местному населению, игнорируя основы казачьей самобытности. Такие идеи высказывались на выборных собраниях в большинстве станиц округа – Гривенской, Восточной, Ладожской, Некрасовской и др. Но казаки при этом отказывались возглавлять финансово-налоговые секции в местных исполкомах, так как это было связано с сбором налогов и сохраняло конфликтную ситуацию в станицах. Период «расширения» нэпа воспринимался казачеством как возможность возрождения своих сословных привилегий.

Отношение большевиков к проявлениям антигосударственных настроений было сдержанным. Явно выраженных репрессий не проводилось. Даже в ходе выборной кампании 1925/1926 гг. сельсоветы были переименованы в станичные советы. Но вместе с тем, представители областной партийной организации РКП(б) считали политику «лицом к казачеству» очередной уступкой сельскому населению, как и нэп в целом. Перестройка работы на местах велась посредством формирования беспартийного актива, который мог стать социальной базой будущих выборных кампаний. И уже в ходе подготовки к очередным выборам большевики вернулись к испытанным административным методам, мобилизуя своих сторонников, прибегая к помощи милиции и спецслужб, составляя списки кандидатов из числа коммунистов и комсомольцев. На это казаки отвечали: «Пусть рекомендуют, а на избирательных собраниях будет видно кого проводить в советы» [10, с. 38].

Однако выборная кампания 1926 г. продемонстрировала стремление зажиточной части сельского населения «оказачить» советы, подчинить низовой советский аппарат, взять под контроль передел земли, исключить иногородних и коммунистов из общественной жизни кубанской станицы. В ходе выборной кампании 1926 г. число коммунистов, комсомольцев депутатов в станичных советах сократилось почти в двое. Казаки-середняки продолжали занимать нейтральную позицию, но были солидарны с зажиточными казаками, голосуя за коренных жителей-казачков и отвергая кандидатуры бедняков и коммунистов. Лозунг «Кубань для кубанцев-казачков», который присутствовал в начале 1920-х гг. оставался актуальным на очередном этапе экономических и политических реформ. В период выборной кампании активно звучали призывы к созданию «Союза хлеборобов», с такой инициативой, как

правило, выступали зажиточные казаки и станичная интеллигенция.

Результаты. Большевики в начале 1920-х вынуждены были приступить к реформам, временно отказавшись от явно выраженных революционных действий, балансируя между расширением рынка, плановыми принципами и демократией. Необходимость укрепления социальной базы политической системы требовало принятия компромиссных решений.

Эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья в период с 1920 г. по 1926 гг. отличалась сочетанием военно-коммунистических, принудительных, внесудебных мер с элементами гражданского мира и расширения политических и экономических свобод крестьян и казаков. Идеология военного коммунизма на местном уровне, активно используемая партийными и советскими структурами, продолжала приносить результаты, поэтому воспринималась как эффективное средство государственного управления.

Корректировка курса в 1924 г. способствовала частичному отступлению от идеологии периода Гражданской войны, но принципы и классовое её содержание кардинально не изменились, продолжая в случае необходимости обращаться к насильственным, принудительным мерам воздействия на сельское население. Период с 1924 г. по 1926 г., характеризующейся «расширением нэпа», стал временем не только ослабления репрессивных мер со стороны большевиков, но и потерей их влияния на сельское население Кубани и Черноморья. Зажиточные казаки и их союзники откровенно, не боясь насильственных мер воздействия со стороны государства, выступали с антисоветскими лозунгами. Выборы в советы и активное сопротивление землеустроительным работам, проводимых в пользу бедняцких хозяйств, а также продналогу, стали реперными точками противостояния казаков и советской власти.

Если в отношении политических оппонентов большевики не применяли активных мер насильственного характера, то бывшие члены бело-зелёных формирований, которые находились под административным надзором становились объектом судебных решений. В 1926 г. суды области рассмотрели 111 дел, по результатам которых было вынесено 51 смертный приговор, а 18 человек отправлены в концентрационные лагеря [10, с. 58].

Власть и сельское население в 1924–1926 гг., согласившись на компромисс, отказались от военно-политического противостояния, достигнув промежуточных целей: большевики сохранили власть под контролем, а крестьяне и казаки вернулись к мирному созидательному труду, результатами которого могли распоряжаться самостоятельно. Это стало возможным в ре-

зультате эволюции внутренней политики большевиков, которые вынуждены были временно отказаться от явно выраженных радикальных

средств и методов государственного управления, регулирующих взаимоотношение власти и сельского населения.

Литература

1. Алешкин П. Ф. Крестьянство и власть: военный коммунизм в советской России // *Власть*. 2012. № 5. С. 143–145.
2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. 345 с.
3. Баранов А. В. Новейшая история России. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // *Новейшая история России*. 2013. №3. С. 112–125.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 241.
5. ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАКК. Ф. Р–102. Оп. 1. Д. 30.
7. ГАКК. Ф. Р–104. Оп. 1. Д. 678.
8. ГАКК. Ф. Р–158. Оп. 1. Д. 32.
9. ГАКК. Ф. Р–581. Оп. 1. Д. 189.
10. ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Отдел специальных фондов МВД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1.
11. История Кубани с древнейших времён до конца XX века: Ч. 2 / А. В. Баранов, А. Н. Еремеева, А. В. Жинкин. Краснодар: Перспективы образования. 2011. 272 с.
12. Кожура О. И. Социально-психологический облик кубанского крестьянства и казачества в годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 244 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. Пленум ЦК РКП(б). Москва 23–30 апреля 1925 г. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 340–351.
14. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / отв. ред. В. В. Кондрашин, В. А. Юрченко. М., Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 1046 с.
15. Кубань: 1920-е годы: сборник научных трудов / В.Е. Щетнев. Краснодар, 1996. 100 с.
16. Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Издательство МГУ, 1968. 294 с.
17. Литвин А. Л. Красный террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.
18. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1977. Т. 40. С. 166–187.
19. Микоян А. И. В начале двадцатых... М.: Издательство политической литературы, 1975. 383 с.
20. Муравьева Л. А. Закат новой экономической политики // *Финансы и кредит*. 2002. № 23 (113). С. 87–95.
21. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 272 с.
22. Перехов Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1966. 270 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96.
24. Рожков А. Ю. Молодое поколение в условиях новой экономической политики: облик, проблемы, противоречия. 1921–1929 гг. (На материалах Кубани и Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 230 с.
25. Россия нэповская / Павлюченков С. А. [и др.]; под ред. А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.
26. Скорик А. П., Бондарев В. А., Матишов Г. Г. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27. № 5. С. 219–236.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.

References

1. Aleshkin PF. Peasantry and Power: Military Communism in Soviet Russia. *Vlast'*. 2012;5:143-145. (In Russ.).
2. Baranov AV. Multicultural society of the North Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar: Kuban State University; 1999. 345 p. (In Russ.).
3. Baranov AV. Political sentiments of farmers of the Cossack South of Russia in the conditions of the "expansion" of the NEP of 1924-1926 (based on the materials of the OGPU information reports). *Novejshaya istoriya Rossii*. 2013;3:112-125. (In Russ.).
4. State Archive of the Krasnodar Territory (SAKT). F. R-102. Inv. 1. D. 241.
5. SAKT. F. R–102. Inv. 1. D. 32.
6. SAKT. F. R–102. Inv. 1. D. 30.
7. SAKT. F. R–104. Inv. 1. D. 678.
8. SAKT. F. R–158. Inv. 1. D. 32.
9. SAKT. F. R–581. Inv. 1. D. 189.
10. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory. Department of Special Funds of the Ministry of Internal Affairs. F. 18. Inv. 1. D. 1.
11. The history of Kuban from ancient times to the end of the XX century: Part 2 / A.V. Baranov, A. N. Eremeeva, A.V. Zhinkin. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. 2011. 272 p. (In Russ.).
12. Kozhura OI. Socio-psychological appearance of the Kuban peasantry and Cossacks during the NEP years: PhD thesis. Krasnodar; 1999. 244 p. (In Russ.).
13. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Plenum of the Central Committee of the RCP (b). Moscow April 23–30, 1925. Moscow: Publishing of political literature. 1984. P. 349-351. (In Russ.).

14. The Peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: the national-regional aspect). Ed. by V.V. Kondrashin, V.A. Jurchenkov. Moscow, Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; 2017. 1046 p. (In Russ.).
15. Kuban: 1920s: collection of scientific works. Ed. by VE Shhetnev. Krasnodar; 1996. 100 p.
16. Kukushkin YS. Village Councils and class struggle in the countryside (1921–1932). Moscow: Moscow State University Publishing House; 1969. 294 p. (In Russ.).
17. Litvin AL. Red Terror in Russia. 1918-1922. Moscow: Jeksmo, Jauaza; 2004. 448 p. (In Russ.).
18. Lenin VI. Report at the I All-Russian Congress of Labor Cossacks in Full composition of writings. Moscow: Publishing of political literature; 1977. Vol. 40. P. 166-187 (In Russ.).
19. Mikojan AI. In the early twenties. Moscow: Publishing of political literature; 1975. 383 p. (In Russ.).
20. Muravyova LA. The decline of the new economic policy. *Finansy i kredit*. 2002;23(113):87-95. (In Russ.).
21. Pavljuchenkov SA. War Communism in Russia: power and the masses. Moscow: RKT-Istoriya; 1997. 272 p. (In Russ.).
22. Perehov JaA. The Communist Party's policy of involving the Cossacks of the Don and Kuban in Socialist Construction (1920–1925): PhD thesis. Rostov-on-Don; 1966. 270 p. (In Russ.).
23. Russian State Archive of Socio-Political History. F. 64. Inv.1. D. 96. (In Russ.).
24. Rozhkov AJ. The young generation in the conditions of the new economic policy: appearance, problems, contradictions, 1921-1929, based on the materials of the Kuban and the Black Sea region: PhD thesis. Krasnodar; 1992. 230 p. (In Russ.).
25. NEP Russia. Ed. by SA Pavljuchenkov. Moscow: Novyj hronograf; 2002. 468 p. (In Russ.).
26. Skorik AP, Bondarev VA, Matishov GG. Cossacks of the South of Russia in the Soviet Era: problems and prospects of scientific research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2022;27(5):219-236. (In Russ.).
27. Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory. F. 1. Inv.1. D. 18. (In Russ.).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 930.1:316.334 (470.63)

[https://doi.org/ 10.37493/2409-1030.2024.2.17](https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.17)

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Елена Валерьевна Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук (д. 10, ул. Знаменка, Москва, 119019, Российская Федерация)
Доктор юридических наук, профессор
evigpran@igpran.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3568-9042>

Аннотация. Введение. Актуализация процессов совершенствования конституционных предписаний в современной России обуславливает необходимость поиска теоретических основ конституционных преобразований. Поводом для написания статьи послужила юбилейная дата – 30-летие принятия Конституции Российской Федерации в 2023 г. Любой юбилей – это всегда повод задуматься, проанализировать, вернуться во времена, когда все начиналось. В качестве цели исследования определен анализ эволюции российского конституционализма в период с 1993 – 2023 гг., переосмысление подходов к моделям, способам и инструментам изменения отечественной правовой реальности. **Материалы и методы.** Трансформация конституционной модели государства как предмет научного исследования в данной работе основана на анализе преобразований Конституции за три десятилетия, изучении отечественного опыта правового регулирования общественных отношений, интерпретации конституционных положений и институтов. **Анализ.** Конституция Российской Федерации определяет структуру и принципы организации публичной власти, права и обязанности граждан и многое другое. Однако, несмотря на свою значимость, Конституция Российской Феде-

рации, как, впрочем, и основные законы других стран, не всегда соответствует реалиям жизни и нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании. **Результаты.** Статья посвящена исследованию конституционных преобразований в аспекте ретроспективного и сравнительно-правового анализа некоторых конституционно-правовых институтов – федерализма, публичной власти, особое внимание в статье уделяется вопросам эволюции конституционных гарантий реализации прав и свобод человека.

Ключевые слова: преобразования конституции, права человека, публичная власть, федерализм, местное самоуправление

Для цитирования: Виноградова Е. В. Российский конституционализм 30 лет спустя // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 339–344. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

RUSSIAN CCONSTITUTIONALISM 30 YEARS LATER

Elena V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10, Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Professor
evigpran@igpran.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3568-9042>

Abstract. Introduction. The actualization of the processes of improving constitutional prescriptions in modern Russia necessitates the search for the theoretical foundations of constitutional reforms. The reason for writing the article was the anniversary date – the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation. Any anniversary is always an occasion to reflect, analyze, return to the times when everything began. As the purpose of the analysis of the evolution of Russian constitutionalism, it is possible to define a rethinking of approaches to models, methods and tools for changing the legal reality. **Materials and Methods.** The transformation of the constitutional model of the state as a subject of scientific research in this work is based on the analysis of the transformations of the Constitution over three decades, the study of domestic experience in the legal regulation of public relations, the interpretation of constitutional provisions and institutions. **Analysis.** The Constitution of the Russian Federation defines the structure and principles of the organization of public power, the rights and obligations of citizens and much more. However, despite its importance,

the Constitution of the Russian Federation, as well as the basic laws of other countries, does not always correspond to the realities of life and needs constant updating and improvement. **Results.** The article is devoted to the study of constitutional transformations in the aspect of retrospective and comparative legal analysis of some constitutional and legal institutions – federalism, public power, special attention is paid to the evolution of constitutional guarantees of the realization of human rights and freedoms.

Keywords: constitutional transformations, human rights, public power, federalism, local government

For citation: Vinogradova EV. Russian cconstitutionalism 30 years later. *Humanities and law research*. 2024;11(2):339-344. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.09.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение. Принятие в 1993 г. российской Конституции – значимый этап развития современ-

ного отечественного конституционализма. 30-летие этого события – очевидный повод для раз-

мышлений, в которых и ретроспективный анализ, и осмысление итогов, и возможность для прогнозов. Исследованию эволюции российского конституционализма посвящено значительное количество работ [13; 22: 23, с. 107-113], в данной статье основной акцент сделан на периоде с 1993–2023 гг. Важность исследований, посвященных юбилею российского основного закона, определена не только актуальностью этого события, они создают теоретические основы для переосмысления правового содержания российских конституционных институтов, отражающих время.

Материалы и методы. Трансформация конституционной модели государства как предмет научного исследования в данной работе основана на анализе преобразований Конституции за три десятилетия, изучении отечественного опыта правового регулирования общественных отношений, интерпретации конституционных положений и институтов.

Воспроизведение в конституционном тексте концептуальных идей правовой государственности предопределяет необходимость трансформации права как регулятора отношений, которое, наряду с нравственными основами, формирует базовые критерии современной модели конституционализма.

Институционализация доктрины конституционализма в России имеет многовековую историю. Вопреки мнению об отсутствии в отечественной государственно-правовой науке конституционных традиций, следует напомнить, что идеи нормативного закрепления основ государственного устройства российской государственности существовали в нашей стране задолго до принятия в 1918 г. Конституции РСФСР.

Абстрагируясь от полемики о предмете конституционного права, которая отражена в исследованиях российских и советских ученых [9; 10; 11; 17; 20, с. 49-57], следует отметить, что в него, очевидно, входит изучение основных принципов организации и функционирования публичной власти. Это с определенной долей условности позволяет оценивать дошедшие до нас правовые тексты как источники, выполнявшие функции конституционного регулирования.

Исторический и сравнительно-правовой аспекты становления и развития российского конституционализма. Древнерусские памятники права, принятые с IX по XV век - Правда Ярослава Мудрого, Русская Правда, Устав Владимира Мономаха и др. являются важными для изучения истории российского государственного устройства. В частности, в Уставе князя Владимира Святославича, изначально составленного в конце X – начале XI веков, впервые нормативно закрепляется разграничение государственных функций, определяется подведомственность дел между светскими и церковными судами [23]. Великокняжеский и Царский судебники также содержали нормы, определяющие государственное устройство. Уже во второй половине XVIII века в

России появляются реальные конституционные проекты Д.И. Фонвизина, графа Н.И. Панина и др. В XIX веке труды П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева, князя П.В. Долгорукова [5], М.М. Сперанского [19], сенатора Н.Н. Новосильцева [16] содержали конституционные проекты государственного устройства Российской империи.

На протяжении веков формировалась конституционная модель российской государственности, в которой присущее российскому пониманию права морально-философское нравственное начало сливается с формально-нормативистским. Специфика отечественного правосознания, определяющая будущее российского права, по мнению член-корреспондента Российской академии наук Г.В. Мальцева, заключается «...В соединении научного рационализма и этического сознания» [12].

Процесс принятия конституционных поправок на протяжении тридцати лет каждый раз детерминирован переменами в отечественном политико-правовом пространстве. Существование института трансформации Российской Конституции, для которого Митюков М.А. предложил термин «преобразование» [14, с. 7, 14], обусловлено происходящими и во всем мире, и в конкретной стране переменами. Конституционные положения меняются в разных форматах. Иногда просто принимается новый закон (Так предусмотрено Основными законами Монако (Конституция 1911 г.), Ганы (Конституция 1960 г.), Италии (Статут королевства короля Карла Альберта 1848 г.) и др.), который устанавливает новые положения. Конституционные акты некоторых стран манифестируются как жесткие, считается, что их текст должен сохраняться неизменным. Компромиссный вариант в виде наличия жесткой и гибкой частей Конституции предполагает возможность нахождения консенсуса между парализующей возможностью пересмотра чрезмерной жесткостью и мягкостью, позволяющей подвергать испытанию, иногда без достаточных оснований, стабильность устройства общества.

Важно отметить, что и в странах, где действуют т.н. «жесткие» Конституции (например, французские Конституции, в которых, начиная с 1791 г., когда был установлен запрет на любой пересмотр в течение первых трех лет легислатур, сохранился и в Конституциях XX в. (1946 и 1958 гг.)), например, в Японии (в которой трансформация Конституции Мейдзи происходила весьма любопытным образом) [2, с. 17-21], во Франции, где установлено, что положения Конституции не могут быть пересмотрены при вакансии поста главы государства, а также в период оккупации [6, с. 110-111], тем не менее, при определенных обстоятельствах трансформации текста основного закона страны происходит.

Говоря о преобразованиях конституционных текстов, очень важно осознавать то, что стабильность конституционного акта, обуславлива-

ется необходимостью обеспечить функционирование системы государственной власти, сохранение достигнутого уровня гарантий прав и свобод. Кроме того, в современных конституциях закрепляются положения, предопределяющие суверенную идентичность страны «...именно в основном законе государство обозначает свои базовые ценности, фундаментальные цели, планы и программы развития» [4, с. 18].

Наличие в основном законе страны положений, предусматривающих процедуру преобразования его установлений, позволяет следовать конституционным предписаниям.

Положения главы 9 российской Конституции устанавливают возможность внесения в нее изменений, поправок и пересмотр. Эта глава вместе с главой 1, устанавливающей основы конституционного строя России, и главой 2, закрепляющей гарантии прав и свобод человека и гражданина, расположены в ее т.н. «жесткой части», положения которой могут преобразовываться только в формате пересмотра, поскольку статьей 135 Конституции установлен порядок пересмотра положений глав 1.2 и 9 предусматривающий процедуру, в соответствии с которой преобразование положений этих глав возможно только с принятием новой Конституции. Необходимость переосмысления правовой природы отечественного конституционного устройства и гарантий прав личности, закрепленных в статьях «жесткой» части Российской Конституции, предполагается исключительно в процедуре пересмотра. Вместе с тем, отечественными конституционалистами был предложен подход укрепления конституционных гарантий прав личности в формате поправок и интерпретации положений конституционного текста.

Конституционные гарантии прав человека. Одним из важных направлений преобразования конституционных предписаний можно считать усиление гарантий реализаций прав и свобод человека и гражданина. Актуальная задача укрепления эффективности защиты прав и свобод на протяжении трех десятилетий решается внесением поправок в главы Конституции, положения которых могут изменяться. Эти преобразования происходили в разных сферах. Одним из направлений можно считать гарантии вновь появляющихся отношений. В частности, поправками были закреплены гарантии в сфере информационной безопасности. Очевидно, что несколько десятилетий назад сложно было представить, что информатизация и цифровизация, наряду с безусловными благами, наполнившими нашу жизнь режимом online, формирующими практически бесконечные возможности, создаст трудноразрешимые проблемы. Одна из таких проблем – защита прав лиц, не являющихся уверенными пользователями новых технологий. Таких людей значительное количество. Для них возможности получения услуг в медицинских и банковских учреждениях, в государственных органах, а порой

и в сфере торговли, зачастую становятся недоступными. Вероятно, вскоре станет необходимо решать вопрос о защите прав этих лиц.

Кроме прав в информационной сфере конституционные преобразования коснулись прав в сфере экологии. Эти отношения возникли немного раньше, чем информационные, но проблемы закрепления гарантий их реализации на конституционном уровне по-прежнему актуальны.

Вместе с тем, следует напомнить и о правах, защита которых традиционно закреплена конституционными положениями. Интересным видится трансформация гарантий права на жизнь в контексте интерпретации конституционно-правовых норм. Основанием для отказа от применения смертной казни считается подписание Россией 16.04.1997 г. Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни и Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П. Важно отметить, что подписанный протокол до сегодняшнего дня не ратифицирован российским парламентом. Не вдаваясь в полемику о своевременности и целесообразности отказа от применения смертной казни в России, важно отметить, что интерпретационным актом был найден компромисс. Его сущность заключается в том, что КС РФ признал неконституционной возможность вынесения смертных приговоров до тех пор, пока на всей территории страны не будут действовать суды присяжных. Конституционно-правовым основанием этого решения послужил анализ конституционного предписания, установленного ст. 20 Конституции. В ее контексте право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей является уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты конституционного права каждого на жизнь, и должно обеспечиваться всем обвиняемым вне зависимости от обстоятельств, влияющих на территориальную и иную подсудность. Это решение послужило основанием для легитимации в национальной юрисдикции моратория на вынесение приговоров, устанавливающих в качестве наказания смертную казнь.

Принятие и образование в составе Российской Федерации новых субъектов позволило ренансировать позицию Конституционного суда, так как возникла необходимость предоставления конституционных гарантий гражданам, проживающим на территориях новых субъектов федерации – Республик Крым, ДНР, ЛНР, города федерального значения Севастополь, Запорожской и Херсонской областей.

Это пример того, что в литературе часто называют «живой Конституцией». Принятые решения, интерпретирующие конституционные положения после нескольких лет «забвения», вновь приобретают свою актуальность. В данном случае отсутствие реализации права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей как конституционной гаран-

тии права на жизнь, контекстно связано с принципом федерализма.

Российский федерализм. Конституционные основы отечественного федерализма обусловлены целостностью российского государства, единством системы при разграничении предметов ведения и полномочий между разными уровнями публичной власти, равноправием и самоопределением народов России.

Специфика российского федерализма предопределена тем, что он представляет собой совокупность разнотипных территориальных (края, области, города федерального значения) и национально-территориальных (республики, автономная область, автономные округа) единиц.

История федерализма в России богата событиями, которые оказали влияние на формирование федеративной системы страны и включает в себя периоды как усиления, так и ослабления федеральных принципов в системе управления. Федерализм в России остается объектом постоянной дискуссии и реформ в целях нахождения оптимального баланса между централизацией и децентрализацией власти. Сегодня очевидна направленность процессов на централизацию власти. Об этом свидетельствуют новые опции системы органов власти в виде создания федеральных округов, которые подчиняются «центру».

Вероятно, здесь нелишним будет напомнить позицию российского ученого правоведа И.Е. Андриевского, который, рассуждая об эффективности власти, полагал, что успех, которого достигает администрация, может развиваться по пути союза с общественными силами, если, опираясь на свои расчеты, она «...будет строить централизованную систему, олицетворяющую наличие государственного единства» [1].

В дискуссиях об эффективности такой модели часто возникает аргумент об асимметричности Российской Федерации, что основано на конституционных положениях, предусматривающих разницу в статусе ее субъектов. Полемизуя в этом ключе, часто предлагается сделать федерацию в России симметричной, то есть сравнять права всех субъектов РФ [8, с. 23].

Наиболее актуальной проблемой российского федерализма является адаптация вошедших в состав Российской Федерации новых территорий. Договорами предусматривается переходный период, в течение которого должны быть урегулированы «вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации, а также вопросы исполнения воинской обязанности и несения военной службы. Перед федеральными властями стоит сложная задача – не только перестроить все системы органов государственной власти новых территорий, но и в самой мягкой форме провести интеграцию населения в но-

вую культурологическую среду. При этом всем народам гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, однако осознание себя частью другой страны - процесс весьма болезненный.

Именно федерализм обеспечивает гарантии прав и свобод граждан в различных регионах России, учитывая их специфические потребности и интересы. Федерация учитывает национальные особенности и традиции различных этнических групп, что отражается в статусе республик и других автономных образований. Федерализм в России представляет собой уникальную систему управления, которая учитывает разнообразие культур, традиций и потребностей различных регионов страны.

В современной России федерализм стал одной из основ организации государственной власти. Один из принципов российского федерализма - единство системы государственной власти, закрепленный в части 3 статьи 5 Конституции, обусловил «запуск» еще одного процесса преобразования – формирование института публичной власти.

Публичная власть. После принятия в 2020 г. поправок нормативное закрепление получил институт публичной власти. Появление этого института основывалось на научных исследованиях и правовых позициях Конституционного Суда РФ. В исследованиях правовой природы публичной власти обосновывалась необходимость ее закрепления в качестве родового, обобщающего понятия, объединяющего в Российской Федерации государственную власть и местное самоуправление [18, с. 18-29]. Конституционный Суд в Постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П, определяя правовую природу местного самоуправления указал на то, что оно признается как развивающаяся на принципах самоорганизации населения по месту жительства форма осуществления народом своей власти в рамках единого конституционного механизма управления публичными делами в федеративном государстве. Местное самоуправление определяется как один из уровней публичной власти, призванный в единой системе народовластия совместно с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечивать признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, создавать условия для достойной жизни и свободного развития человека, на что указывалось в Постановлении от 18 мая 2011 г. № 9-П.

Научная дискуссия о природе взаимодействия между муниципальной и государственной властью, основанная на анализе положений статьи 12 Конституции существует давно. Проблема дисбаланса, «разрыва» между государственным и муниципальным уровнем власти во многих сферах жизни российского общества обсуждалась многократно.

Между тем, Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин неоднократно высказывал позицию, что «...статья 12 Конституции Российской Федерации дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органами государственной власти, в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти Российской Федерации» [7].

В ходе обсуждения поправок к Конституции было неоднократно отмечено в качестве проблемы отсутствие единства между федеральной, региональной и муниципальной властью. Закрепление в Конституции принципа единства системы публичной власти направлено на создание эффективного взаимодействия между государственными органами и органами местного самоуправления. Это в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации», предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан. Появление в конституционно-правовом пространстве современной России нового института публичной власти вписывается в

процесс поиска эффективной модели взаимодействия элементов внутри единой системы власти.

Этот подход обуславливает одно из важных изменений российской политической жизни – инкорпорирование в конституционный текст института публичной власти [3, с. 14–21]. Принятый Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации устанавливает особую роль, публичной власти в новом прочтении положений Конституции.

Результаты. Достижение баланса между необходимостью отражения в тексте Основного закона страны реальных перемен и сохранения неизменного объема конституционных гарантий можно считать весьма непростой задачей, требующей юридических конструкций высокой степени точности, созвучных основам конституционной идентичности. Принятие конституционных изменений – событие значимое для каждой страны, которое в большинстве случаев сопряжено с задачами развития общества и государства. Даже когда действующие положения Конституции не нуждаются в коренном пересмотре, необходимо учитывать конкретные социально-исторические условия. Очевидно, что основной закон должен соответствовать уровню развития общества, отвечать его запросам, поэтому важна коррекция конституционно-правового пространства, определяющего стратегию дальнейшего развития того или иного государства.

Можно предположить, что необходимые перемены конституционно-правовых институтов, созвучные политико-правовым реалиям, обосновывают аргумент, что действующая российская Конституция еще не исчерпала свой потенциал.

Литература

1. Андриевский И. Е. Русское государственное право. Т.1. Введение и Ч.1. О правительстве. Спб.; М.: Типография М. О. Вольфа. 1866. 496 с.
2. Виноградова Е. В., Виноградова С. А. Влияние Европейского права на Конституцию как источник права в современной Японии // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 31–36.
3. Виноградова Е. В. Грани современного российского конституционализма. М.: Ритм, 2021. 240 с.
4. Данилевская И. Л. О программных положениях отечественных конституций периода советского конституционализма // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 31–36.
5. Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Т. 1, 2. Париж: А. Франк, 1861.
6. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М.: Юрист, 2002. 365 с.
7. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranito-technymi-izmeneniami.html>. (дата обращения: 02.11.2023).
8. Калинин А. С. Симметричная и асимметричная модели федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 21–24.
9. Коток В. Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. М.: АН СССР, 1959. С. 3–93.
10. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 443 с.
11. Лепешкин А. И., Махненко А. Х., Щетинин Б. В. О понятии, предмете и источниках государственного права // Правоведение. 1965. № 1.
12. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: ИНФРА-М., 2014. 800 с.
13. Мамитова Н. В. Эволюция российского конституционализма. Монография М.: Изд-во РАГС, 2005. 172 с.
14. Митюков М. А. Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документа, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М.: Проспект, 2014. 340 с.
15. Памятник русского права / Под ред. С. В. Юшкова. В 7 т. М.: Госюриздат, 1952.
16. Полный сборник платформ всех русских политических партий: с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и всеподданнейшего доклада графа Витте. СПб.: Тип. Север, 1906. 102 с.

17. Попова А. В. Неoliberalная модель государственного и общественного устройства России на рубеже XIX—XX вв. М.: Юрлитинформ, 2012. 229 с.
18. Савенков А. Н., Чиркин В. Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12. С. 18–29.
19. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.): с прил.: «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России», (1803 г.), статьей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. 359 с.
20. Фадеев В. И. И. Е. Фарбер о предмете конституционного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 49–57.
21. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. С. 6–12.
22. Шоткин С. А. Эволюция конституционализма в России на современном этапе // Современное право в условиях реформирования общества и государства: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25 мая 2022 года / Под ред. А. В. Семенова, С. Н. Бабурина, Т. В. Слюсаренко, О. А. Егерева. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. С. 107–113.
23. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 241 с.

References

1. Andrievsky IE. Russian state law. T.1. Introduction and Part 1. About the government. St. Petersburg; Moscow: Printing house MO Wolf; 1866. 496 p. (In Russ.).
2. Vinogradova E.V., Vinogradova S.A. The influence of European law on the Constitution as a source of law in modern Japan. *Pravo i Gosudarstvo: Theory i Practica*. 2019;11(179):31-36 (In Russ.).
3. Vinogradova EV. Facets of modern Russian constitutionalism. Moscow: Rhythm; 2021. 240 p. (In Russ.).
4. Danilevskaya IL. On the program provisions of domestic constitutions during the period of Soviet constitutionalism. *Eurasian Advocatura*. 2022;1(56):31-36. (In Russ.).
5. Dolgorukov PV. The truth about Russia, expressed by Prince Pyotr Dolgorukov. Vol. 1, 2. Paris: A. Frank; 1861. (In Russ.).
6. Jacquet J-P. Constitutional law and political institutions. Moscow: Urist; 2002. 365 p. (In Russ.).
7. Zorkin VD. The letter and the spirit of the Constitution. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>. (accessed: 02.11.2023). (In Russ.).
8. Kalinicheva AS. Symmetrical and asymmetrical models of federal relations. *Constitutionnoe i municipalnoe pravo*. 2008;14:21-24 (In Russ.).
9. Kotok VF. On the subject of Soviet state law in Questions of Soviet state law. Moscow: SA of USSR publ.; 1959. P. 3-93. (In Russ.).
10. Kutafin OE. Subject of constitutional law. Moscow: Yurist; 2001. 443 p. (In Russ.).
11. Lepeshkin AI, Makhnenko AKh, Shchetinin BV. On the concept, subject and sources of state law. *Pravovedenie*. 1965;1. (In Russ.).
12. Maltsev GV. Social foundations of law. Moscow: INFRA-M; 2014. 800 p. (In Russ.).
13. Mamitova NV. The evolution of Russian constitutionalism. Monograph. Moscow: Publishing house RAGS; 2005. 172 p. (In Russ.).
14. Mityukov MA. Constitutional meeting of 1993: the birth of the Russian Constitution: articles, speeches, interviews, documents, diary and notebook entries (1993-2012). Moscow: Prospekt; 2014. 340 p. (In Russ.).
15. Monument to Russian law / Ed. SV Yushkova. In 7 vols. Moscow: Gosurizdat; 1952. (In Russ.).
16. A complete collection of platforms of all Russian political parties: with the appendix of the highest manifesto of October 17, 1905 and the most loyal report of Count Witte. Saint Petersburg: Sever; 1906. 102 p. (In Russ.).
17. Popova AV. Neoliberal model of the state and social structure of Russia at the turn of the 19th-20th centuries. Moscow: YurLitinform; 2012. 229 p. (In Russ.).
18. Savenkov AN, Chirkin VE. Constitutional foundations of social and territorial unity and differentiation of public power. On a new reading and 25 years of experience in implementing some provisions of the Constitution of the Russian Federation of 1993. *Gosudarstvo i Pravo*. 2018;12:18-29. (In Russ.).
19. Speransky MM. Plan of state transformation of Count M.M. Speransky: (Introduction to the Code of State Laws of 1809): with appendix: “Notes on the structure of the judiciary and governments. institutions in Russia” (1803), articles “On State Establishments”, “On Serfs” and “Perm Letter to Emperor Alexander”. М.: Russkaya Mysl; 1905. 359 p. (In Russ.).
20. Fadeev VI. I E Farber on the subject of constitutional law. *Bulletin Saratovskoy Gosudarstvennoi Akademii*. 2013;4:49-57. (In Russ.).
21. Khabrieva TYa. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Bulletine Rossiyskoi Akademii Nauk*. 2020;90:6-12. (In Russ.).
22. Shotkinov SA. Evolution of constitutionalism in Russia at the present stage / SA Shotkinov, NN Mukhin in Modern law in the context of reforming society and the state: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, May 25, 2022 of the year. Edited by AV Semenova, SN Baburina, TV Slyusarenko, OA Egereva. Moscow: Moscow University named after. S.Yu. Witte; 2022. P. 107-113. (In Russ.).
23. Shchapov YaN. Old Russian princely charters of the 11th-15th centuries. Moscow: Nauka; 1976. 241 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.18>

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС: НАПРАВЛЕНИЯ СБЛИЖЕНИЯ И ИНСТИТУТЫ

Элеонора Сергеевна Навасардова¹, Андрей Николаевич Захарин^{2*}

- ^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
¹ Доктор юридических наук, профессор
¹ navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>
² Кандидат философских наук, доцент
² anzakharin@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4862-5494>
* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. К числу основных приоритетов развития, созданного в 2015 г., Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) относится завершение работы, направленной на устранение существующих ограничений, унификацию таможенных правил, пересмотр отдельных норм, в том числе с учётом существующей международной экологической повестки и особенностей каждого государства. Расширение сотрудничества России с другими государствами ЕАЭС в эксплуатации природных ресурсов делает межгосударственное взаимодействие в природоохранной сфере все более актуальным. В условиях активизации отдельных сфер экономического развития и перехода к функционированию единого рынка товаров, работ и услуг существует потребность совершенствования правовых механизмов сотрудничества в экологической сфере, необходимость проведения согласованной политики на уровне ЕАЭС. Сращивание национальных рынков товаров, работ, услуг, капиталов и рабочей силы взаимосвязано с разработкой и имплементацией политики и механизмов «зеленой» экономики, что будет содействовать стабильности социально-экономического развития, гарантируя вместе с тем и охрану окружающей среды. **Материалы и методы.** Для анализа направлений сближения и институтов экологической политики в национальном законодательстве стран-участниц ЕАЭС и преодоления имеющихся проблем применялись логический, индукции, дедукции, сравнительно-правового анализа и синтеза, аналогии, статистический и другие методы научного познания. Авторами проведен сравнительный анализ общих положений наднационального законодательства и актов государств-членов Евразийского экономического союза, опосредующих проведение государственной экологической политики. **Анализ.** Сближение национальной экологической политики следует считать отправной точкой для сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в области зеленой экономики и формирования соответствующей повестки интеграционного взаимодействия. Подавляющее

число ученых и экспертов соглашались с отставанием ЕАЭС как в развитии зеленой экономики и зеленой энергетики, так и в реализации согласованной экологической политики и законодательства. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сближение экологической политики стран-участниц ЕАЭС будет способствовать дальнейшему развитию интеграции, снятию барьеров, изъятий и ограничений в регулировании природопользования и охраны окружающей среды. С целью сближения экологической политики, проводимой странами-участницами ЕАЭС необходимы, разработка и принятие общего наднационального законодательства, закрепляющего стратегические цели и направления развития природопользования и охраны окружающей среды. Действующие законодательные акты национального уровня опираются на схожий набор целей, задач и направлений развития, что открывает возможности для их гармонизации и унификации. При этом первостепенное внимание нужно уделить вопросам экологической безопасности.

Ключевые слова: экологическая политика, охрана окружающей среды, Евразийский экономический союз, национальное законодательство

Для цитирования: Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Экологическая политика стран-участниц ЕАЭС: направления сближения и институты // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 345–354. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.18>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.12.2023.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

ENVIRONMENTAL POLICY OF THE EAEU MEMBER STATES: AREAS OF CONVERGENCE AND INSTITUTIONS

Eleonora S. Navasardova¹, Andrey N. Zakharin^{2*}

- ^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
¹ Dr. Sc. (Law), Professor
¹ navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>
² Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
² anzakharin@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4862-5494>
* Corresponding author

Abstract. Introduction. The main development priorities of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU, the Union), established in 2015, include the completion of work aimed at eliminating existing restrictions, unification of customs rules, revision of certain norms, including taking into account the existing international environmental agenda and the specifics of

each state. The cooperation expansion of Russia with other EAEU states in the exploitation of natural resources makes interstate cooperation in the environmental sphere increasingly relevant. In the context of activation of certain areas of economic development and the transition to the functioning of a single market for goods, works and services, there is a need to improve legal mechanisms for co-

operation in the environmental sphere, the need for a coordinated policy at the EAEU level. The merging of national markets for goods, works, services, capital and labor is interconnected with the development and implementation of policies and mechanisms of the green economy, which will contribute to the stability of socio-economic development, while at the same time guaranteeing environmental protection. **Materials and Methods.** Logical, induction, deduction, comparative legal analysis and synthesis, analogy, statistical and other methods of scientific cognition were used to analyze the areas of convergence and institutions of environmental policy in the national legislation of the EAEU member states and overcome existing problems. The authors conducted a comparative analysis of the general provisions of supranational legislation and acts of the member states of the Eurasian Economic Union, mediating the implementation of state environmental policy. **Analysis.** The convergence of national environmental policy should be considered a starting point for cooperation between the EAEU member states in the field of green economy and the formation of an appropriate agenda for integration cooperation. The overwhelming number of scientists and experts agree with the lag of the EAEU both in the development of a green economy and green energy, and in the implementation of a coordinated environmental policy and legislation. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the convergence of the environmental policies of the EAEU member states will contribute to the further development of integra-

Введение. На текущий момент времени углубление региональной экономической интеграции создает предпосылки для стратегического партнерства стран-участниц ЕАЭС в экологической сфере. Распространение интеграционных процессов на охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности предполагает совершенствование экологической политики, обеспечение рационального использования природно-ресурсного потенциала, согласование национального природоохранного законодательства с международными правовыми актами [3, с. 6,7]. Несмотря на провозглашение в рамках ЕАЭС стремления развивать сотрудничество и обеспечить согласованные подходы в регулировании охраны окружающей среды, взаимодействие стран-участниц Союза остается малоэффективным.

Статья посвящена сравнительному анализу экологического законодательства стран-участниц ЕАЭС в части регламентации охранительной политики в отношении объектов окружающей среды, выявлению наиболее перспективных направлений сближения и сложных для сотрудничества сфер природоохранной деятельности на уровне ЕАЭС.

Материалы и методы. Исследование вопросов правового обеспечения и сближения экологической политики в законодательстве ЕАЭС и стран-участниц Союза основано на использовании логического, системного, сравнительно-правового, формально-юридического и других методов научного познания.

Применение совокупности указанных методов позволило провести комплексный анализ направлений сближения и институтов экологической политики стран-участниц ЕАЭС, сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

tion, the removal of barriers, exemptions and restrictions in the regulation of environmental management and environmental protection. In order to bring together the environmental policies pursued by the EAEU member states, it is necessary to develop and adopt common supranational legislation that enshrines strategic goals and directions for the development of environmental management and environmental protection. The current legislative acts at the national level are based on a similar set of goals, objectives and directions of development, which opens up opportunities for their harmonization and unification. At the same time, priority should be given to environmental safety issues.

Keywords: environmental policy, environmental protection, Eurasian Economic Union, national legislation

For citation: Navasardova ES, Zakharin AN. Environmental policy of the EAEU member states: areas of convergence and institutions. *Humanities and law research*. 2024;11(2):345-354. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.18>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.12.2023.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

Анализ. Объявленные цели Евразийского экономического союза подразумевают прогресс всех без исключения сфер экономики и нуждаются в более активной эксплуатации природных ресурсов. Благодаря чему усиливается отрицательное влияние на окружающую среду сопредельных территорий государств-членов ЕАЭС.

Однако Договор об учреждении ЕАЭС (далее – Договор) не содержит раздела, регламентирующего разработку и осуществление единой экологической политики на уровне стран-участниц Союза. Регулирование указанной сферы общественных отношений в Договоре определяется отдельными разрозненными нормами. Так, интеграция в области природопользования и охраны окружающей среды на уровне ЕАЭС определяется общностью подходов к нетарифному регулированию, небольшим количеством норм технических регламентов, которые содержат в себе категории определённых товаров и устанавливают обязательные требования к безопасности производства.

Причиной этого является отсутствие в актах национального законодательства конкретных обязательств и механизмов, гарантирующих их реализацию. Помимо этого, урегулирование взаимоотношений в определенных областях природопользования и охраны окружающей среды в странах-участницах Союза характеризуется несоответствующим уровнем развития и непоследовательностью применения нормативной базы, правовых актов в экологической сфере. По-прежнему имеются сферы, состояние регулирования в которых не позволяет обеспечить эффективного наднационального взаимодействия и препятствует дальнейшему развитию интеграционных процессов. По нашему мнению, к их числу следует отнести и проведение охранительной политики в сфере использования компонентов окружающей среды и ее охраны.

Как пишут Т.И. Макарова и И.П. Кузьмич, в ЕАЭС осуществление согласованной экологической политики отсутствует в перечне самостоятельных целей его учреждения. По этой причине исключить негативное воздействие на состояние окружающей среды при формировании единого экономического пространства не представляется возможным, страны-участницы Союза будут вынуждены в будущем осуществлять разработку и принятие нормативных актов, предусматривающих охрану окружающей среды [8, с. 394]. В то же время недостаточность международно-договорных норм, образующих право ЕАЭС, актуализирует постановку целого ряда вопросов относительно правовых основ, в том числе их модели, которая наиболее эффективно способствовала бы усилению взаимодействия стран-участниц ЕАЭС при разработке и применении этого рода технологий [21, с. 143].

Положения Договора получили дальнейшую конкретизацию при подготовке и утверждении технических регламентов «О безопасности химической продукции», «О требованиях к удобрениям» и т.д. В настоящее время технические регламенты, принимаемые для РФ и других стран-участниц ЕАЭС на межгосударственном уровне, стали основными документами, определяющими требования к продукции и услугам. Технические регламенты в связи с необходимостью обеспечения экологической и смежных видов безопасности товаров и услуг вводят экологические требования, ранее не учитываемые производителем. Например, требования по утилизации использованной продукции или выведенных из эксплуатации машин и оборудования.

Процедура подготовки и утверждения технических регламентов первое время в рамках Таможенного союза, а в данный момент и в рамках ЕАЭС, создает возможности для организованного перехода к техническому регулированию, непосредственно либо косвенно предусмотренным документами Союза требованиям, содействует осуществлению компетенции разных органов данного межгосударственного объединения в области регламентации охраны окружающей среды, экологической безопасности и рационального природопользования [9, с. 378].

Стремление обеспечить достижение перечисленных целей, по нашему мнению, находит отражение и в Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 декабря 2021 г. № 184 «О предоставлении Евразийской экономической комиссии официальной статистической информации уполномоченными органами государств - членов Евразийского экономического союза». Одним из разделов документа в качестве статистических показателей учтены затраты на ведение природоохранной деятельности и сохранение эксплуатируемых природных объектов, включая рациональное использование водных объектов, земельного

фонда, лесных ресурсов, минеральных ресурсов, атмосферного воздуха, воспроизводство объектов растительного и животного мира, их охрану от загрязнения отходами производства, а также обезвреживание различных видов отходов [16]. А.С. Алихаджиева считает невозможным улучшение экологической обстановки в современной России без качественного роста инвестиций в природоохранное оборудование и деятельность, а также в экологически чистые производства [2, с. 83].

В некоторых из разделов Договора установлены стратегии формирования отраслевых направлений евразийской интеграции, включая сферу аграрной политики, осуществление системы ветеринарно-санитарных, санитарных и карантинных фитосанитарных мер, предусмотрена координация действий в сфере электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, основных сфер согласованной транспортной деятельности. Но наличие указанных норм никак не сказывается на отсутствии на уровне ЕАЭС единого экологического права как свода объективных правил и мер ответственности за их несоблюдение [17, с. 42].

Разрозненность правовых предписаний в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды становится объектом критики среди ученых и практиков. Согласно позиции некоторых исследователей, отсутствие общих правил экологической политики Евразийского экономического союза считается признаком несовершенства Договора и уменьшает конкурентоспособность экономик стран-участниц ЕАЭС в условиях глобальных вызовов. Этим обосновывается потребность в гармонизации национального экологического законодательства и осуществление общей экологической политики, учитывающей ряд экономических, социальных, географических и климатических особенностей стран-участниц Союза [12, с. 41].

Значимость проведения согласованной политики в области охраны окружающей среды и рационального природопользования определяется тем, что территории республик бывшего СССР, поэтапно становились участниками СНГ, Таможенного союза, ЕАЭС, имеют огромную протяженность с большими водными, лесными, и земельными ресурсами, запасами полезных ископаемых. Значительная часть водных объектов, которые находятся в границах региона, могут быть отнесены к межгосударственным и трансграничным. Перемещение воздушных масс может привести к трансграничному либо трансрегиональному загрязнению окружающей среды и сделает необходимой реализацию оперативных мер предупреждения. Дополнительным препятствием для формирования общих позиций по вопросам природопользования и охраны окружающей среды, по мнению В.В. Савченко, является нахождение стран-участниц

ЕАЭС в различных экологогеографических зонах. Его устранению будет способствовать выполнение специальных исследований в области природопользования и охраны окружающей среды [18, с. 151].

По мнению С.А. Боголюбова, разработка положений национальных политик «постсоветских» стран должна вестись с учетом следующих условий: сходства в развитии исторической, этнической, политической и иных сфер, размеров территорий, современных моделей социально-экономического развития и государственного и политического устройства, обладания природными ресурсами и количеством их запасов, а также ратификации государствами различных международных договоров, регламентирующих охрану окружающей среды.

Общее политико-экономическое прошлое, наличие общих целей, направлений и стремление государств-членов ЕАЭС развивать экономическое сотрудничество делают актуальным проведение сравнительного исследования имеющихся и реализуемых механизмов осуществления государственной политики в сфере охраны окружающей среды [6, с. 45].

За время прошедшее после принятия Договора в государствах-участниках ЕАЭС произошли основательные изменения, выразившиеся в разработке и принятии стратегических документов развития страны, актуализации основ природоохранного законодательства, заключении новых международных договоров в сфере охраны окружающей среды, создании системы управления природоохранной деятельностью.

Проведение активных экономических и социальных реформ, нацеленных на реализацию модели устойчивого развития, предотвращение угроз продовольственной безопасности сопровождается появлением проблем в области природопользования и охраны окружающей среды. При этом страны-участницы ЕАЭС в большей или меньшей степени сталкиваются с рядом вызовов в развитии экологической сферы. Исследователи считают их ключевыми показателями современного состояния системы государственного управления охраной окружающей среды, экологической безопасностью и рациональным природопользованием, которое предстоит обеспечить в ближайшее время [9, с. 378].

Поэтому существенное значение придается анализу институтов и направлений сближения охранительной политики государств-членов ЕАЭС в области рационального природопользования и охраны окружающей среды, прежде всего, в ключевых для данного интеграционного объединения, отраслях (ТЭК, аграрный сектор и другие). Важной проблемой для обеспечения экологической безопасности признается несоответствие международного законодательства ЕАЭС и внутреннего законодательства стран-участниц ЕАЭС.

Содержание термина «экологическая политика» в отношении взаимодействия государств ЕАЭС по вопросам природопользования и охраны окружающей среды раскрывается посредством анализа действующего национального законодательства и сложившихся научных подходов к определению этого понятия и может трактоваться как комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер.

Для Российской Федерации сотрудничество со странами-участницами ЕАЭС в реализации экологической политики имеет существенное значение и провозглашается в качестве неотъемлемой части экономической интеграции. В свою очередь совместные проекты в сфере добычи природных ресурсов и охраны окружающей среды определяют потребность в гармонизации национального законодательства в части экологического сотрудничества, определение (выработку) общих правовых подходов к осуществлению хозяйственной и природоохранной деятельности. Анализ действующих нормативно-правовых актов национального законодательства стран-участниц ЕАЭС будет способствовать выявлению целей, перспективы, основных направлений и проблем правового сопровождения экологической политики на пространстве ЕАЭС.

В подготовленном Департаментом макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии аналитическом докладе «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов зелёной экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе», содержится предложение о совместной со странами-участницами Союза разработке в 2023 г. Концепции ЕАЭС по внедрению принципов зелёной экономики. При этом авторами доклада зелёная трансформация ЕАЭС рассматривается в качестве инструмента формирования нового технологического и мирохозяйственного уклада, перехода экономик стран-участниц ЕАЭС к модели низкоуглеродного и устойчивого развития, отличающейся снижением уровня выбросов парниковых газов, научно-обоснованной системой природопользования, а также применением современных экологических и промышленных технологий».

Эксперты ЕЭК придерживаются позиции о целесообразности внедрения в ЕАЭС собственной климатической повестки и основ углеродного регулирования, базирующихся на международных договорах в области климата, принятых государствами-членами Союза. Для ее принятия необходимы взаимное признание национальных углеродных правил, в том числе критериев соответствия зелёным и адаптационным проектам, выработка единой методологии и методики расчетов и оценок углеродного следа и углеродных единиц.

Это даст возможность осуществить «сквозные» евразийские и международные инвестиционно-климатические проекты, исключить внедрение климатических препятствий для внутренней торговли на пространстве ЕАЭС, обосновываемых несопадением регуляторной нагрузки, сглаживать отрицательное влияние на экспорт ЕАЭС от применения вероятных трансграничных мер климатического регулирования на рынках третьих стран.

Тем самым общая система экологического и углеродного регулирования ЕАЭС способна обеспечить появление у государства и предпринимателей ряда преимуществ. Например, в результате перечисления в экологические фонды денежных средств за осуществление загрязняющих и углеродных выбросов государство получит еще один источник финансирования климатических проектов, а предпринимателям, в свою очередь, будут обеспечены эффективные налогово-экономические стимулы к уменьшению выбросов.

Сближение национальной экологической политики следует считать отправной точкой для сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в области зеленой экономики и формирования соответствующей повестки интеграционного взаимодействия. Подавляющее число ученых и экспертов соглашаются с отставанием ЕАЭС как в развитии зеленой экономики и зеленой энергетики, так и в реализации согласованной экологической политики и законодательства. Несмотря на закрепление перехода к зеленым технологиям в числе официальных ориентиров на практике в основном он носит декларативный характер.

В настоящее время развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС признается одним из приоритетных векторов внешней политики стран-участниц. В числе важнейших направлений сотрудничества, согласно части третьей Договора, могут быть отнесены транспортная, энергетическая, агропромышленная, финансовая и другие сферы. Однако гораздо меньше внимания уделяется сотрудничеству в области природопользования и охраны окружающей среды. Направленность сотрудничества стран-участниц ЕАЭС на развитие экономической сферы приводит к ухудшению состояния отдельных природных объектов и окружающей среды в целом, способствует истощению природных ресурсов, отрицательно сказывается на здоровье человека, снижает возможности сохранения биологического разнообразия. В будущем стремление к усилению торгового и экономического сотрудничества без учета экологического фактора будет оказывать все более негативное влияние на все сферы человеческой жизни.

Усиливающееся взаимодействие стран-участниц ЕАЭС в согласованных сферах хозяйственной деятельности, реализация проектов и программ экономического сотрудничества без

должного уровня правового обеспечения приводит к нанесению ущерба экосистемам. При этом государственная экологическая политика должна быть направлена на обеспечение гармонизации национальных и международных стандартов в области природопользования и охраны окружающей среды по тем направлениям сотрудничества, где его наращивание наиболее целесообразно.

В соответствии с положениями Энергетической стратегии России на период до 2035 г., к числу проблем для топливно-энергетического комплекса следует относить и определяющую зависимость предприятий топливно-энергетического комплекса от ввозимых технологий, оборудования, материалов, услуг и программного обеспечения по нескольким из наиболее перспективных сфер развития энергетики [14]. Для ее преодоления необходимо определение основ национальной политики в области обеспечения эколого-экономической эффективности и безопасности государств-членов ЕАЭС. Для обеспечения их единства целесообразно предусмотреть аналогичные положения в документах, принимаемых на уровне ЕАЭС.

Одним из способов обеспечения взаимодействия экономической и экологической сфер на уровне интеграционного объединения для сохранения и функционирования общего евразийского пространства может являться разработка и реализация технологических платформ [19, с. 49]. Технологическая платформа представляет собой объект инновационной инфраструктуры, имеющий целью интеграцию науки и бизнеса, объединение интеллектуальных и материальных ресурсов в перспективных направлениях научно-технологического развития той или иной отрасли.

Целью разработки и реализации некоторых из создающихся и функционирующих платформ является объединение потенциалов стран-участниц Союза для инновационного развития сферы природопользования и обеспечения охраны объектов окружающей среды. Вследствие интеграции внутреннего законодательства стран-участниц Союза действующие технологические платформы могут стать основой для активизации сотрудничества государств в наиболее важных областях научно-технологического развития ЕАЭС [10, с. 141]. Такое взаимодействие будет возможно благодаря повышению уровня гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС.

Еще одним инструментом сближения охранительной политики, по нашему мнению, могут считаться «еврорегионы» как форма международной интеграции, опосредующая координацию деятельности двух или более территориальных образований сопредельных государств, находящихся в приграничных районах и имеющих набор целостнообразующих характеристик, и направ-

ленная на организацию водных (речных) бассейнов и управление трансграничными водными объектами, развитие социально-экономических связей прибрежных государств [7, с. 45,50].

Природоохранная политика государства в качестве разновидности социально-экономической политики, определяется в документах прогнозного и стратегического планирования. Из содержания указанных документов следует, что целями государственной политики в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и стабильного развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в ситуации возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. По мнению А.С. Алихаджиевой, интенсивное взаимодействие государственных органов различных уровней и общественных организаций содействует повышению эффективности мер государственной экологической политики и стимулированию роста «зеленой экономики». Прилагаемые усилия направлены как на финансовое участие, так и на создание необходимых законодательных условий [2, с. 84].

В Стратегии от 19.04.2017 г. к числу важнейших вызовов состоянию экологической безопасности отнесены рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов, что в условиях глобализации экономики обостряет конкуренцию за доступ к природным ресурсам и негативно сказывается на состоянии национальной безопасности Российской Федерации, загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов из-за трансграничного переноса загрязняющих, в том числе токсичных и радиоактивных веществ с территорий сопредельных государств. В качестве угрозы рассматривается размещение на территории страны опасных для окружающей среды производств, а также отходов производства и потребления недобросовестными иностранными или транснациональными организациями, отстрел мигрирующих видов животных и др.

В Основах от 30.04.2012 г. основной задачей в сфере экологического развития страны, наряду с другими, признается «углубление международного сотрудничества в сфере природопользования и охраны окружающей среды для защиты национальных интересов» [20]. Однако приведенными нормативными актами не предусмотрены механизмы сотрудничества, они ограничиваются лишь указанием на необходимость совершенствования договорной базы и применение к странам принуждения в случае отказа от выполнения условий международных соглашений [13, с. 31].

В Республике Казахстан с 2013 г. осуществляется реализация концепции перехода к «зеленой» экономике, имеющей целью поиск баланса экологических и социально-экономических интересов общества и человека. Этому способствует и вступление в силу с 1 июля 2021 г. Экологического кодекса Республики Казахстан, который включает в себя лучшие мировые практики стран ОЭСР и ЕС.

Б.Е. Насакаева объясняет нормативное закрепление экологизации экономики и ее принципов с непрерывным сокращением запасов исчерпаемых природных ресурсов, растущими темпами добычи сырья для использования в промышленном производстве. Сдерживанию процесса экологизации экономики Республики Казахстан, по мнению исследователя, способствуют в том числе следующие факторы: неясность долгосрочной стратегии государства в области природопользования и охраны окружающей среды; необходимость доработки организационного, экономического, правового и институционального механизмов управления природопользованием и охраной окружающей среды. В этих условиях утверждение стратегии экологизации, базирующейся на принципе единства экономики и окружающей среды как равнозначных факторов общественного развития, способствует обеспечению законодательного закрепления совокупности социально-экономических, институциональных и нормативно-правовых мер, формированию у населения экологического менталитета [11, с. 35].

В Кыргызской Республике принята и реализуется Концепция экологической безопасности от 23 ноября 2007 г. № 506, предусматривающая основополагающие принципы, экологические вызовы глобального, регионального и национального уровня, а также первоочередные меры и механизмы обеспечения экологической безопасности страны. Общей целью Концепции признается теоретически-обоснованное обеспечение экологической безопасности Кыргызской Республики в ситуации перехода к рыночной экономике и формирования кыргызской государственности посредством объединения усилий ученых и практиков в преодолении наиболее актуальных прикладных и фундаментально-методологических проблем эколого-безопасного развития страны.

Вместе с тем, стратегические и программные документы содержат указание на наличие существенных недостатков в осуществлении природоохранной деятельности. Об этом свидетельствуют и продолжающие ухудшаться показатели состояния окружающей среды, значения некоторых из них в ряде районов страны приближаются к кризисным. Перечисленные факты послужили основанием для принятия Указа Президента Республики Кыргызстан от 19.03.2021 г. УП № 77 «О мерах по

обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости Кыргызской Республики». Данным документом утверждается система государственных мер, направленных на предотвращение угроз экологической безопасности и обеспечение климатической устойчивости.

В Республике Армения с 2008 г. действует Национальная программа действий по охране окружающей среды, содержащая перечень вызовов и угроз состоянию окружающей среды, комплекс предлагаемых мер по их устранению, направления совершенствования экологического законодательства. В указанном документе указывается на отсутствие в Республике Армения нормативно-правового акта, который бы формировал экологическую политику в целом, а также существование ряда противоречий или отсутствия механизмов выполнения положений правовых актов, регулирующих экологическую сферу. Национальная программа действий по охране окружающей среды признается документом стратегического характера, отражающим приоритеты экологического развития и создающим основу для комплексного управления состоянием окружающей среды, имеющим целью повышение эффективности природопользования в стране и выработку общей политики в сфере охраны окружающей среды.

Основы национальной экологической политики Республики Армения должны получить закрепление в отдельном законе. Принятие такого документа, по мнению Т.М. Астабацияна, будет способствовать созданию правовых основ комплексного управления различными элементами в целях обеспечения экологической устойчивости и единого подхода при принятии законодательных актов на основании международных соглашений (политику, программы, стратегии и отчеты, подходы к устойчивому развитию и управлению, стандарты, методы и нормы, передачу, обмен и применение технологий, осуществление мониторинга и исследований, сбор, предоставление информации и обмен информацией), а также привлечения общественности к участию в принятии решений в сфере охраны окружающей среды [5, с. 16].

В соответствии с документами государств-членов Союза механизмы реализации национальной политики в области охраны окружающей среды включают в себя систему технического регулирования, определяющую условия экологической и технологической безопасности. В рамках ЕАЭС техническое регулирование в области ветеринарной медицины, применения санитарных и фитосанитарных мер, в соответствии с пунктом 3 Приложения № 1 к Договору, отнесено к согласованным направлениям деятельности Союза, управление и выработка подходов к правовому регулированию, которыми составляет компетенцию Евразийской экономической ко-

миссии. Содержание данной нормы рассматривается как основа для наращивания усилий, направленных на развитие сотрудничества государств-членов ЕАЭС, выполнения ими конкретных договоренностей по внедрению в хозяйственную деятельность общих процедур технического регулирования.

Руководствуясь приведенными нормами законодательства ЕАЭС, М.В. Шугуров подчеркивает присущий им сквозной характер, в том числе и при регулировании природоохранной деятельности. По мнению исследователя, несмотря на отсутствие международно-договорных положений, входящих в право Союза, на практике позволяет выделять наличие зеленых промышленных, сельскохозяйственных, транспортных, энергетических и др. технологий. Что соответствует большинству направлений экономического сотрудничества применительно к которым государства – члены стремятся к интенсификации сотрудничества в рамках ЕАЭС. Именно сквозной характер норм Договора и протоколов к нему может стать инструментом реализации согласованной природоохранной политики и позволит сформировать на теоретическом уровне концептуальную модель эффективного правового обеспечения взаимодействия государств – членов в рассматриваемой области сотрудничества [21, с. 143].

Важным аспектом формирования правовых основ региональной экологической политики в контексте евразийской интеграции является разработка странами-участницами ЕАЭС документов и двусторонних соглашений о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, об использовании и охране трансграничных природных комплексов и объектов. Для государств-членов ЕАЭС сохраняет свою значимость проблема обеспечения продовольственной и экологической безопасности. В связи с этим весьма важной является выработка единых принципов и правил в части охраны здоровья человека и окружающей среды [1, с. 179].

Статья 16 п. «к» Устава Союза Беларуси и России гласит: «В целях реализации задач Союза государства - участники Союза принимают согласованные решения по вопросам координации деятельности в области охраны окружающей среды, гидрометеорологии, обеспечения экологической безопасности, ликвидации последствий стихийных бедствий и аварий, прежде всего, аварии на Чернобыльской АЭС». Договоренность о соблюдении правил охраны окружающей среды между Россией и Республикой Казахстан была достигнута при подписании Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке деятельности предприятий и организаций, воинских частей, других юридических лиц на территории комплекса «Байконур» в

части, касающейся вопросов охраны окружающей среды [15].

Для политики стран-участниц ЕАЭС в экологической сфере характерны ориентированность на отсутствие в актах ЕАЭС самостоятельных разделов по вопросам охраны окружающей среды, неравномерность развития сотрудничества по охране окружающей среды в разных сферах хозяйственной деятельности, превалирование развития экономики над проблемами сохранения окружающей среды, значительная роль добычи природных ресурсов для экономики государства. При заключении двусторонних соглашений государства-члены ЕАЭС обязаны не упускать из поля зрения экологическую составляющую, так как любая сфера производства напрямую связана с прямым или косвенным воздействием на окружающую среду.

Важной проблемой является отставание технологий в сфере переработки отходов от мировых стандартов и низкий уровень заинтересованности Правительств стран ЕАЭС в решении задачи по их безопасной утилизации. Анализируя региональное законодательство государств – членов ЕАЭС, С.Б. Аникин и Т.А. Смагина отмечают отсутствие нормативно установленного единства измерений требований к классификации объектов. Выходом из сложившегося положения исследователи считают внедрение наилучших доступных природоохранных технологий, улучшение экологических показателей региона, совершенствование системы управления отходами. Определение единых принципов устойчивого влияния на обращение с отходами промышленных производств позволит развивать единую союзную «зеленую» политику управления отходами и выделить методы управленческого воздействия. В целях формирования устойчивой экологической правовой базы в ЕАЭС следует объединить правовые позиции регионального законодательства государств – членов Союза [4, с. 179].

Результаты. Анализ законодательства ЕАЭС показывает, что в стратегических документах приоритет отдан внутренней политике в сфе-

ре природопользования и охраны окружающей среды, а принципы международного сотрудничества регулируются двусторонними и многосторонними международными соглашениями.

Вместе с тем, сближение экологической политики стран-участниц ЕАЭС будет способствовать дальнейшему развитию интеграции, снятию барьеров, изъятий и ограничений в регулировании природопользования и охраны окружающей среды. Результатом согласованной деятельности государств-членов по реализации экологической политики в рамках такого интеграционного объединения как ЕАЭС может стать создание эффективных национальных и международных институтов как механизма преодоления негативных последствий и предотвращения деградации окружающей среды и истощения ее ресурсов.

Благодаря чему произойдет углубление интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза, улучшение условий торговли и инвестиций, создание новых возможностей для устойчивого роста, дальнейшее развитие институтов и механизмов экологической политики ЕАЭС.

С целью сближения экологической политики, проводимой странами-участницами ЕАЭС необходимы, разработка и принятие общего наднационального законодательства, закрепляющего стратегические цели и направления развития природопользования и охраны окружающей среды. Действующие законодательные акты национального уровня опираются на схожий набор целей, задач и направлений развития, что открывает возможности для их гармонизации и унификации. При этом первостепенное внимание нужно уделить вопросам экологической безопасности.

Важное значение для выработки общих положений наднационального законодательства могут иметь ключевые документы государственной экологической политики, принятые странами-участницами в последние годы. Эти документы могут составить основу общей экологической политики стран-участниц ЕАЭС.

Литература

1. Алимов А. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1(92). С. 177–181.
2. Алихаджиева А. С. Экологическая Россия в условиях ЕАЭС: перспективы развития // Современные евразийские исследования. 2015. № 1. С. 81–86.
3. Антюфеева Т. В. Правовое регулирование водных ресурсов в трансграничных речных бассейнах стран Евразийского экономического союза // Институциональное партнерство в целях устойчивого трансграничного водопользования: Россия и Казахстан: сборник тезисов международной научно-практической конференции, электронный ресурс, Ханты-Мансийск, 16–19 октября 2017 года / Под ред. Е. А. Зарова. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2018. С. 6–7.
4. Аникин С. Б. Некоторые концептуальные вопросы управления природоохранной деятельностью в условиях глобализации и регионализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3(43). С. 118–122.
5. Астабациян Т. М. Экологическая ситуация в Республике Армения: основные проблемы, неблагоприятные регионы, источники загрязнения // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2019. № 4. С. 15–19.

6. Каримова Д., Татаркин С., Сконеchnый М., Логвиненко А. Особенности реализации концепции устойчивого развития в природоохранном законодательстве государств-членов ЕАЭС // Энергетический вестник. 2017. № 23. С. 45–54.
7. Курбанов Р. А. Региональная интеграция и право. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2016. 235 с.
8. Макарова Т. И., Кузьмич И. П. Правовые проблемы формирования институциональной среды аграрной и экологической сфер в условиях формирования единого экономического пространства ЕАЭС // Проблемы гражданского права и процесса: Сборник научных статей. основан в 2016 году / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. Гродно: Гродненский госуд. ун-т имени Янки Купалы, 2019. С. 388–398.
9. Мاستушкин М. Ю. Проблемы трансформации административно-правового и экономического механизмов охраны окружающей среды в условиях дальнейшей интеграции России в международные экономические отношения // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. М.: "КДУ", "Университетская книга", 2018. С. 376–382.
10. Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 141–146.
11. Насакаева Б. Е. Экологизация экономики как один из приоритетов современной политики Казахстана // Управление устойчивым развитием. 2021. № 5(36). С. 31–36.
12. Плотникова Ю. А. К вопросу о роли Евразийского экономического союза в международном сотрудничестве в области рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 19. С. 38–41.
13. Попова И. В. Сотрудничество России и Китая в сфере экологии и добычи природных ресурсов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 4. С. 28–33.
14. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 15.06.2020. № 24. ст. 3847.
15. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2014 года № 1300-р «О подписании Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке деятельности предприятий и организаций, воинских частей, других юридических лиц на территории комплекса «Байконур» в части, касающейся вопросов охраны окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 29. Ст. 4199.
16. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.12.2021 № 184 «О предоставлении Евразийской экономической комиссии официальной статистической информации уполномоченными органами государств - членов Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 06.11.2023).
17. Ронжина Н. А. Тенденции развития экологического права Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы науки и техники. Инноватика: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 05 января 2022 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2022. С. 40–44.
18. Савченко В. В. Организационно-правовые вопросы экологической безопасности в Евразийском экономическом Союзе // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и экологическая эффективность: Мат-лы V Международной науч.практ. конференции преподавателей, практик. сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. (Саратов, 05 октября 2018 года). – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. С. 150–153.
19. Салиева Р. Н. Единая научно-техническая политика как основа развития научнотехнического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в сфере природопользования и охраны окружающей среды // Бизнес, менеджмент и право. 2020. № 3(47). С. 43–52.
20. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.04.2017. № 17. ст. 2546.
21. Шугуров М. В. Правовые вопросы развития сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере зеленых технологий // Аграрное и земельное право. 2021. № 10(202). С. 142–144.

References

1. Alimov AA. Prospects for the participation of Russia in international cooperation in the field of environmental protection within the framework of the development of Eurasian economic integration. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. 2016;1(92):177-181. (In Russ.).
2. Alihadzhieva AS. Ecological Russia in the conditions of the EAEU: development prospects. *Sovremennye evrazijskie issledovaniya*. 2015;1:81-86. (In Russ.).
3. Antjufeeva TV. Legal regulation of water resources in transboundary river basins of the countries of the Eurasian Economic Union In Institutional partnership for sustainable transboundary water use: Russia and Kazakhstan: collection of abstracts of the international scientific and practical conference, electronic resource, Khanty-Mansiysk, October 16-19, 2017. Edited by EA. Zarov. Khanty-Mansiysk: Yugra State University; 2018;6-7. (In Russ.).
4. Anikin SB. Some conceptual issues of environmental management in the context of globalization and regionalization. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2018;3(43):118-122. (In Russ.).
5. Astabacjan TM. The environmental situation in the Republic of Armenia: the main problems, unfavorable regions, sources of pollution. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekologija*. 2019;4:15-19. (In Russ.).
6. Karimova D, Tatarkin S, Skonechnyj M, Logvinenko A. Features of the implementation of the concept of sustainable development in the environmental legislation of the EAEU Member States. *Jenergeticheskij vestnik*. 2017;23:45-54. (In Russ.).
7. Kurbanov RA. Regional integration and law. Moscow: JuNITI-DANA; 2016. 235 p. (In Russ.).
8. Makarova TI, Kuz'mich IP. Legal problems of the formation of the institutional environment of the agrarian and environmental spheres in the context of the formation of the single economic space of the EAEU. Problems of civil law and the process:

- A collection of scientific articles. founded in 2016 / Grodno State University named after The Yankees of Kupala. Grodno: Yanka Kupala Grodno State University; 2019. P. 388-398. (In Russ.).
9. Mastushkin MJu. Problems of transformation of administrative, legal and economic mechanisms of environmental protection in the context of Russia's further integration into international economic relations. Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects: Proceedings of the 15th International Conference, Moscow, May 25, 2017. Moscow: "KDU", University Book; 2018;376-382. (In Russ.).
  10. Navasardova JeS, Zaharin AN. Comparative analysis of the legislation of the EEC Member States in the field of organic agriculture. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2019;(2):141-146. (In Russ.).
  11. Nasakaeva BE. Greening the economy as one of the priorities of modern policy in Kazakhstan. *Upravlenie ustojchivym razvitiem*. 2021;5(36):31-36. (In Russ.).
  12. Plotnikova JuA. On the role of the Eurasian Economic Union in international cooperation in the field of rational use of natural resources and environmental protection. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*. 2016;(19):38-41. (In Russ.).
  13. Popova IV. Cooperation between Russia and China in the field of ecology and extraction of natural resources. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika*. 2018;(4):28-33. (In Russ.).
  14. Decree of the Government of the Russian Federation from 09.06.2020 № 1523-p "On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2020. No.24. Art. 3847. (In Russ.).
  15. Decree of the Government of the Russian Federation from 14.07.2014 № 1300-p "On signing the Protocol between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on the Procedure for the Activities of Enterprises and Organizations, military Units, and Other Legal Entities on the Territory of the Baikonur complex in terms of environmental protection issues". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2014. No. 29. Art. 4199. (In Russ.).
  16. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 12/28/2021 No. 184 "On the provision of official statistical information to the Eurasian Economic Commission by authorized bodies of the Member States of the Eurasian Economic Union". Official website of the Eurasian Economic Union. URL: <http://www.eaeunion.org> (accessed: 06.11.2023). (In Russ.).
  17. Ronzhina NA. Trends in the development of environmental law of the Eurasian Economic Union. Actual problems of science and technology. *Innovatika: Collection of scientific articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 05, 2022*. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science"; 2022. P. 40-44. (In Russ.).
  18. Savchenko VV. Organizational and legal issues of environmental safety in the Eurasian Economic Union. Legal institutions and methods of environmental protection in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation and environmental efficiency: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference of Teachers, Practitioners, students, undergraduates, postgraduates. Collection of scientific articles, Saratov, 05 октября 2018 года. Saratov: Publishing house "Saratov source"; 2018; 150-153. (In Russ.).
  19. Salieva RN. Unified Scientific and Technical Policy as the basis for the development of scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the CIS countries, the EAEU in the field of environmental management and environmental protection. *Biznes, menedzhment i pravo*. 2020;3(47):43-52. (In Russ.).
  20. Decree of the President of the Russian Federation of 19.04.2017 No. 176 "On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2017. No. 17. Art. 2546. (In Russ.).
  21. Shugurov MV. Legal issues of the development of cooperation between the EAEU Member States in the field of green technologies. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2021;10(202):142-144. (In Russ.).

Научная статья

УДК 342.951:351.82

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.19>

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДОКТОРАНТОВ И НАУЧНЫХ КОНСУЛЬТАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Сергей Михайлович Рукавишников

Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, стр. 1, ул. Чернышевского Н.Г., Саратов, 410056, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, докторант
privet085@yandex.ru

Аннотация. Введение. Статья посвящена вопросу оценке эффективности современной отечественной докторантуры сквозь призму правового статуса докторантов и научных консультантов. Учитывая важнейшую роль докторантуры в подготовке исследователей высшего уровня квалификации, обладающих ученой степенью доктора наук, а также действующие нормативные положения и специфику подготовки кадров в докторантуре, требует рассмотрения и критической оценки совокупность прав, обязанностей и гарантий, предоставляемых докторантам и научным консультантам. **Материалы и методы.** Применение методов формально-правового анализа вкупе с рассмотрением позиций исследователей по вопросам совершенствования системы государственной научной аттестации позволило выявить ряд позиций, требующих уточнения в нормативно-правовых актах, либо не урегулированных вовсе, несмотря на их высокую значимость в создании условий для подготовки исследований в докторантуре. **Анализ.** Рассмотрено действующее регулирование материальных гарантий, обеспечивающих деятельность докторантов и научных консультантов, выявлена недостаточность и неопределенность, касающаяся отдельных нормативных положений в данном вопросе. Затронут также вопрос ответственности научного консультанта за недобросовестное выполнение своих обязанностей, круг которых в настоящее время определяется

сторонами самостоятельно, что подвергается мотивированной критике. Отдельным аспектом обеспечения условий для осуществления исследовательской работы докторантами является вопрос предоставления им долгосрочного отпуска, что в настоящее время охватывается лишь общими нормативными положениями, привязанными к десятилетнему стажу соответствующего специалиста. **Результаты.** Совокупность предлагаемых автором мер направлена на повышение эффективности института докторантуры, являющегося важным элементом системы государственной научной аттестации, потенциал которого в настоящее время не раскрыт и требует развития.

Ключевые слова: научно-образовательная политика, высшее образование, послевузовское образование, научная аттестация, докторантура, докторант, научный консультант

Для цитирования: Рукавишников С. М. Правовой статус докторантов и научных консультантов: проблемы и возможные решения // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 355–362. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 27.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

LEGAL STATUS OF DOCTORAL STUDENTS AND SCIENTIFIC CONSULTANTS: PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

Sergey M. Rukavishnikov¹

Saratov State Law Academy (104, building 1, N.G. Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Doctoral student
privet085@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article studies the issue of assessing the effectiveness of modern domestic doctoral studies through the prism of the legal status of doctoral students and scientific consultants. Taking into account the critical role of doctoral studies in the training of researchers of the highest level of qualifications who have an academic degree of Doctor of Science, as well as the current regulations and the specifics of training in doctoral studies, the totality of rights, responsibilities and guarantees provided to doctoral students and scientific consultants requires consideration and critical assessment. **Materials and Methods.** The use of methods of formal legal analysis, coupled with consideration of the positions of researchers on the issues of improving the system of state scientific certification, made it possible to identify a number of positions that require clarification in regulatory legal acts, or are not regulated at all, despite their high importance in creating conditions for the preparation of research in doctoral studies. **Analysis.** The current regulation of material guarantees ensuring the activities of doctoral students and scientific consultants is considered, and the insufficiency and uncertainty regarding certain regulations in this matter is identified. The issue of the responsibility of a scientific consultant for the dishonest performance of their duties is also touched upon, the scope of which is currently determined by the parties independently, which is subject to motivated criticism. A sepa-

rate aspect of providing conditions for the implementation of research work by doctoral students is the issue of providing them with long-term leave, which is currently covered only by general regulations tied to the ten-year experience of the relevant specialist, which has been criticized in the context of the need to reduce the average age of scientific and scientific-pedagogical personnel. **Results.** The set of measures proposed by the author is aimed at increasing the efficiency of the doctoral education institute, which is an important element of the state scientific certification system, the potential of which is currently not revealed and requires development.

Keywords: scientific and educational policy, higher education, postgraduate education, scientific certification, doctoral studies, doctoral student, scientific consultant.

For citation: Rukavishnikov SM. Legal Status of Doctoral Students and Scientific Consultants: Problems and Possible Solutions. *Humanities and law research*. 2024;11(2):355-362. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 25.01.2024.

The article was approved after reviewing: 27.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

Введение. Многочисленные исследования современной отечественной докторантуры, со ссылками на статистические данные указывают на ее низкую эффективность [2, 6, 14], что говорит о необходимости пересмотра тех условий, которые должны быть созданы для докторантов с целью подготовки и защит ими диссертаций. В частности, авторами справедливо указывается на то, что проблемы в системе подготовки высококвалифицированных научных кадров несут в себе риск кризиса и утраты потенциала самостоятельного научного развития государства, во избежание которого, в частности, указывается на необходимость кардинального пересмотра объемов и механизмов финансирования, направленного на его более широкое и справедливое распределение в противовес недостаточно эффективной грантовой системе поддержки, многие получатели которой представлены столичными организациями [4].

Признавая оправданность пересмотра ряда решений при реализации образовательной политики в сфере высшего образования, необходимо отметить важность системного подхода в подготовке научных кадров, вне зависимости от ученых степеней, над получением которых они работают в тот или иной момент времени. На важность выстраивания научно ориентированного образования указывают, в частности, исследователи Республики Беларусь, отмечая цель такого образования в виде подготовки специалистов, владеющих навыками, позволяющими подготовить кандидатскую или докторскую диссертацию [7]. Вместе с тем нельзя не отметить, что подобная подготовка обучающихся по программам высшего образования на приобретение базовых исследовательских навыков, формирование и развитие мотивации к построению исследовательской карьеры и поступления в аспирантуру. Все это охватывается научно-исследовательской работой с обучающимися, чья направленность, наряду с приращением компетенций обучающихся, следуя общей цели освоения ими образовательных программ, должна быть также ориентирована на отбор обучающихся к дальнейшему развитию исследовательских навыков, их профессиональной ориентации в ряды научных и научно-педагогических кадров. В то же время обращает на себя внимание, что Концепция развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации [12] не содержит положений, указывающих на работу с молодежью, направленную на приобщение ее представителей к научной работе, что выглядит несправедливым упущением, особенно в свете и без того невысокой популярности профессии научно-педагогического работника среди молодежи.

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании методов формально-правового анализа и обращения к исследованиям в области административного права, посвященным проблемам образования. Обращение к

трудам исследователей позволило критически оценить положения действующего законодательства и подзаконных актов, которые регулируют правовой статус докторантов и их научных консультантов.

Анализ. Вместе с тем трансформация существующей системы подготовки научных и научно-педагогических кадров согласно западным традициям так называемой Болонской системы, не выглядит оправданной в отличие от ее значительной модернизации на основе учета лучших управленческих решений не только и не столько зарубежных государств, сколько отечественных наработок, в том числе периода СССР. В частности, авторами предлагается упразднить аспирантуру с передачей ее основных функций магистратуре и частично докторантуре, что мотивируется низкой эффективностью аспирантуры и потенциалом повышения престижа и значимости магистратуры [13, С. 50]. Подобное решение не выглядит целесообразным в свете реализуемой в настоящее время образовательной политики и ее приоритетов, обозначенных главой государства. В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации предлагается вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием, а также указывается, что аспирантура будет выделена в отдельный уровень профессионального образования, задача которого готовить кадры для научной и преподавательской деятельности [9]. Данные предложения заслуживают безусловной поддержки как ввиду фактической политически мотивированной закрытости европейского образовательного пространства для российских студентов, так и по причине явной переоценки преимуществ болонских принципов в российских реалиях. К примеру, министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальков, комментируя характерное для болонской системы разделение высшего образования на уровни, справедливо обратил внимание на существующую некорректность смешения различных уровней подготовки и специальностей вкуче с их пересечением, что приводит к ситуации, когда выпускник гуманитарного профиля может поступить в магистратуру для освоения точных наук и квалификация такого специалиста по завершению обучения остается не вполне определенной [1].

Вместе с этим, признавая значительное влияние предварительной (в том числе на самых ранних этапах) подготовки исследователей на прирост научных и научно-педагогических кадров, обладающих ученой степенью доктора наук, определяющим является вопрос содержания подготовки соответствующих кадров в докторантуре, который требует уточнения в своем нормативно-правовом регулировании по ряду позиций.

Прежде всего, остается открытым вопрос о подготовке докторской диссертации вне докто-

рантуры. Закон о науке, устанавливая общие требования к соискателям степени доктора наук (в виде подготовки на основе проведенных исследований диссертации и наличия ученой степени кандидата наук), диспозитивно устанавливает, что соответствующая диссертация может быть подготовлена в докторантуре организации, в которой создан соответствующий диссертационный совет, очевидно допуская подготовку работы и без привязки к статусу докторанта. При этом, как справедливо отмечают А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев, такая альтернатива пользуется у исследователей гораздо большим спросом – мало того, что число лиц, осуществляющих подготовку докторской диссертации вне докторантуры, в разы превышает количество докторантов, так и процент защит у первых также значительно выше [15, С. 895]. Иными словами, даже при наличии гарантированных государством ежемесячных выплат соискатели докторской степени не спешат в докторантуру, что явно указывает на многочисленные проблемы в нормативно-правовом регулировании, определяющем содержание подготовки кадров в докторантуре. Данное обстоятельство закономерно объясняется названными авторами неравномерной правовой политикой в отношении подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и докторантуре, адаптацию которой к Болонской образовательной системе в условиях отечественного уклада нельзя признать успешной [15, С. 888].

Другим фактически неурегулированным вопросом является правовой статус научного консультанта, равно как и в принципе его роль в процессе подготовки докторанта. Согласно Положению о докторантуре, для оказания помощи докторанту в подготовке диссертации принимающей организацией может быть назначен научный консультант из числа докторов наук, оплата труда такого специалиста осуществляется в порядке, установленном принимающей организацией. Данное положение, которым названным документом регулирование статуса научных консультантов и ограничивается, очевидно допускает ситуацию подготовки докторантом диссертации и без научного консультанта. Вопросы же прав, обязанностей, ответственности, а также материальных гарантий (за исключением представленной нормы, делегирующей данный вопрос образовательным и научным организациям) остаются нерешенными. Вместе с этим, несмотря на то, что докторант, в отличие от аспиранта, является профессиональным исследователем, обладающим ученой степенью кандидата наук, и не нуждается в научном руководителе, научное консультирование представляется объективно необходимым по причине значительно более высокой сложности и большего объема исследования, эффективное и своевременное проведение которого требует опыта доктора наук как с методологической стороны, так и с точки зрения

учета новейших наработок соответствующей отрасли знаний. В связи с этим участие научного консультанта в подготовке докторантом исследования выглядит не просто факультативно-желательным, а императивно-обязательным в свете показанной ранее низкой эффективности института докторантуры. Иным вопросом является нормирование требований, предъявляемых к научному консультанту, а также совокупность его прав и обязанностей. Тогда как Положение о присуждении ученых степеней устанавливает требование к официальным оппонентам по диссертации о наличии публикаций в соответствующей сфере исследования, что выступает подтверждением их компетентности, в отношении наставника по научной работе высшего уровня сложности такого требования не предусмотрено. Следует согласиться с предложением о целесообразности введения данного требования с конкретизацией минимального количества публикаций в размере пяти [15, С. 893] (данная цифра не закреплена в отношении официальных оппонентов нормативно, однако применяется фактически).

Круг прав и обязанностей научного консультанта также остается за пределами нормативной регламентации, находясь на уровне договорного регулирования. В то же время в отношении научного руководителя Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) (далее – Положение об аспирантуре) [10] содержит формальную определенность в отношении того, каким образом происходит научное руководство. Представляется, что круг общественных отношений, связанных с научным консультированием, представляет не меньшую значимость и также должен быть нормативно урегулирован.

Иным значимым аспектом статуса научного консультанта является порядок финансирования его деятельности. Согласно Положению о докторантуре, оплата труда научного консультанта осуществляется в порядке, установленном принимающей организацией. Вместе с тем, данная норма не создает прочной материальной базы для соответствующей работы, что негативно влияет на мотивацию научных консультантов. В свою очередь, речь идет не о руководстве дипломными, магистерскими или даже кандидатскими работами, а о контроле и направлении исследования высшей степени сложности, значительного объема и значимости для концептуального решения наиболее актуальных научных задач. Несмотря на закономерное отсутствие жестких требований к объему диссертации на соискание ученой степени доктора наук, фактически она может превышать 500 и 700 страниц машинописного текста, содержать десятки положений, выносимых на защиту, оценка которых должна производиться комплексно и системно с учетом следования цели и задачам исследования и существующей теоретической и эмпирической ба-

зы. Даже единовременное рецензирование подобной работы требует значительных временных и интеллектуальных затрат, не говоря о разработке темы и дальнейшем сопровождении работы на всех ее этапах вплоть до публичной защиты. Следует согласиться с исследователями, обращающими внимание на проблему недофинансирования системы высшего образования [5, С. 91], с которой неразрывно связан и институт докторантуры и не являющийся в этом смысле исключением. В то же время представляется обоснованным утверждать, что работа по консультированию докторантов является сочетанием наставнической и научной работы высшего уровня сложности, что должно отдельно оплачиваться в размере не меньшем, чем оклад ведущего научного сотрудника с ученой степенью доктора наук. Нормирование подобных вопросов повлечет за собой нагрузку на государственный бюджет в противовес существующему состоянию, неурегулированность которого фактически делает докторантуру финансируемой посредством внебюджетных доходов соответствующих организаций. Вместе с тем достижение цели заметного повышения эффективности докторантуры и приращения числа докторов наук в отсутствие финансовых обременений представляется труднодостижимым и едва ли возможным.

Возможное совершенствование механизма финансирования деятельности научных консультантов делает более актуальным вопрос ответственности за полученные результаты, который в настоящее время также не урегулирован. В значительной степени данная проблема решается вне нормативного регулирования, будучи охваченной таким понятием, как деловая репутация исследователя. Нарработка научным консультантом профессионального авторитета посредством проведения успешных защит его учеников, вплоть до присвоения ученого звания профессора и далее, вместе с накапливаемым объемом знаний той или иной сферы науки, обуславливает интерес докторантов к работе под научным консультированием такого специалиста. В то же время формальному отсутствию обязанностей научного консультанта корреспондирует и отсутствие ответственности, что нельзя назвать приемлемым примером нормативного регулирования общественных отношений, значимость которых не оставляет сомнений. Не исключена ситуация, когда научный консультант в отсутствие адекватного финансирования своей деятельности по консультированию, о котором сказано выше, но при безусловном наличии значительного объема работы других видов, неизбежно присутствующего у каждого востребованного научного или научно-педагогического работника, обладающего ученой степенью доктора наук, отнесется к своим обязанностям формально, не предприняв все возможное для направления исследования в нужное русло и организации успешной за-

щиты. В таком случае докторант просто не доведет исследование до конца в обозначенный срок, либо не сможет найти поддержку диссертационного совета при голосовании по результатам защиты. Безусловно, обе такие ситуации могут возникнуть по причине различных обстоятельств, необязательно указывающих на недобросовестность научного консультанта. Вместе с тем систематическое возникновение таких ситуаций (в виде невыполнения индивидуального плана в срок либо отрицательного решения диссертационного совета по вопросу присуждения ученой степени доктора наук) может указывать на ненадлежащее выполнение или невыполнение научным консультантом своих обязанностей и может предусматривать отстранение от научного консультирования на определенный срок (на один год). Круг таких обязанностей представляется целесообразным установить нормативно, основой в данном случае может послужить Положение об аспирантуре в части установления обязанностей научного руководителя. В частности, это могут быть обязанности по:

- оказанию докторанту содействия в выборе темы диссертации и составлении индивидуального плана;

- осуществлению консультирования по вопросам подготовки диссертации (в том числе при необходимости выполнения экспериментов, технических разработок, при проведении наблюдений и измерений, изучении научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по исследуемой тематике);

- консультированию докторанта по вопросам подготовки диссертации к защите;

- осуществлению первичного рецензирования подготовленного докторантом текста диссертации, а также текстов научных статей и (или) докладов, подготовленных докторантом в рамках выполнения индивидуального плана для представления на конференциях, симпозиумах и других коллективных обсуждениях;

- осуществлению контроля за выполнением докторантом индивидуального плана.

В свою очередь, для докторанта особенности правового статуса, требующие нормативного закрепления, должны быть выстроены вокруг цели докторантуры в виде подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Соответственно, ключевой обязанностью, требующей официальной фиксации, должно стать выполнение индивидуального плана по аналогии с аспирантами (адъюнктами). Вместе с тем такой обязанности также должна корреспондировать и ответственность. На фоне очевидных различий аспирантуры и докторантуры в части специфики (и де-юре присутствия как такового) образовательного компонента, в докторантуре отсутствует механизм отчисления, который выступает для аспиранта, как и для любого обучающегося, наиболее строгой мерой дисциплинарной ответственности.

Также это обстоятельство можно объяснить и спецификой проводимого докторантом исследования, которое, в отличие от кандидатской диссертации, очевидно сложнее, объемнее и поэтому менее прогнозируемо в части строгого соответствия индивидуальному плану. В то же время для дополнительного стимулирования докторантов к своевременной подготовке исследования, а также в целях равномерного распределения бремени ответственности между научным консультантом и докторантом, представляется целесообразным предусмотреть возможность отчисления из докторантуры в связи с невыполнением индивидуального плана по решению ученого (научного, научно-технического) совета организации, на базе которой действует докторантура.

Другой, тесно связанный с этим вопрос, также требующий уточнения для эффективного воплощения предложений, высказанных выше, – вопрос сроков подготовки исследования в докторантуре. На фоне многочисленных примеров пробельности действующего Положения о докторантуре, в части сроков подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук оно вполне определенно и устанавливает императивный трехлетний срок для подготовки указанного исследования. Исключение может быть установлено договором в сторону сокращения данного срока. В данном случае, также признавая условность сравнения аспирантуры и докторантуры, однако наблюдая значительно более тщательную нормативную урегулированность первой, следует обратить внимание на сроки освоения образовательных программ в аспирантуре, которые по смыслу привязаны к срокам подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. В соответствии с федеральными государственными требованиями такой срок может варьироваться в зависимости от формы обучения (очная либо заочная) и научной специальности и составлять от 3 до 5 лет [11]. Таким образом, следуя буквальному толкованию нормативных установлений, подготовка диссертации на соискание ученой степени доктора наук требует времени, равного либо почти вдвое меньшего, чем подготовка диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Излишне говорить, что подобное положение вещей далеко от действительности. Более того, трехгодичный срок для подготовки докторского исследования выглядит наиболее реалистичным при условии значительных наработок соискателя по теме исследования, накопленных к моменту зачисления в докторантуру, либо в случае посвящения всего времени докторанта своему исследованию. Второй случай малореален по причине объемов финансового обеспечения докторанта, равного размеру минимального размера оплаты труда и очевидно требующего от докторанта осуществления трудовой деятельности, которая сопряжена с затратами времени и сил, необходимых так-

же и для подготовки исследования в срок. Все это указывает на некорректное установление срока для подготовки исследования в докторантуре, что отчасти также объясняет невысокую востребованность данного института. Исследователю выгоднее и удобнее не быть привязанным к срокам, работая над докторской диссертацией в удобное время и планируя реализацию этапов подготовки самостоятельно по согласованию с фактическим научным консультантом, чей статус юридически не урегулирован и чья работа не оплачивается, что также может вызвать вопрос такой оплаты неофициально. Возможность финансирования в случае наличия официального статуса докторанта, как было отмечено, для научного консультанта четко не определена, а для докторанта составляет сумму минимального размера оплаты труда, что непропорционально прилагаемым к работе усилиям и ее сложности с учетом необходимости соблюдения столь жестких сроков. Принимая во внимание разнообразие отраслей наук, специфика которых может существенно влиять на сроки подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук, признавая оправданность положения о возможности сокращения срока подготовки работы, представляется целесообразным установить общий срок такой подготовки, вдвое превышающий установленный действующим Положением о докторантуре и равный шести годам. При этом, необходимо сделать логичное уточнение по поводу возможности завершения работы над диссертацией ранее данного срока, что будет влечь за собой отчисление из докторантуры.

Как было отмечено выше, объем ежемесячных выплат, причитающихся докторанту, в размере минимального размера оплаты труда, не представляет собой ту сумму, которая может позволить докторанту значительно снизить объем выполняемой работы (к примеру, преподавательской ставки в вузе), либо вовсе отказаться от нее для сосредоточения на подготовке исследования в срок, установленный индивидуальным планом. Вкупе со сжатым сроком подготовки диссертации в докторантуре подобная мера стимулирования может фактически давать обратный эффект, не оказывая решающего влияния на материальное благополучие докторанта, но накладывая на него дополнительное обязательство, для своевременного выполнения которого необходима, фактически, полноценная двойная занятость – по трудовому договору для получения средств к существованию и по договору между направляющей организацией и докторантом. В результате исследователь прежде всего видит не преимущество, а риск в направлении в докторантуру, во избежание которого соглашается осуществлять подготовку исследования без ежемесячных выплат, но без контроля за соблюдением сроков. Преломление данной ситуации видится исключительно через повышение объема ежемесячных выплат до

уровня оклада научного сотрудника с ученой степенью кандидата наук. Вместе с сохранением положений о конкурсном отборе претендентов на направление в докторантуру данная мера позволит сосредоточиться на наиболее талантливых претендентах, способных к подготовке докторского исследования и поддерживаемым в этом материально для полного сосредоточения на выполнении обязательств качественно и в срок. Интересный механизм поддержки обладателей ученых степеней можно встретить в практике регионального законодательства. Так, Саратовской областной Думой была введена мера, предусматривающая единовременную выплату в размере 400 и 450 тысяч рублей для молодых специалистов – кандидатов и докторов наук, которые устроились на промышленные предприятия [16]. Такой подход призван создавать условия для молодых высококвалифицированных кадров во избежание их трудовой миграции в иные регионы и обладает высоким потенциалом. Применительно к научно-педагогической сфере данная практика была принята также в Саратове – в Саратовской государственной юридической академии. В случае успешной и своевременной защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук вкпе с обязательством по осуществлению трудовой деятельности в данном вузе в течение трех лет для таких специалистов предусматриваются единовременные стимулирующие выплаты в размере 250 000 и 500 000 рублей соответственно. Примечательно, что научный руководитель и научный консультант в таких случаях также получают единовременную стимулирующую выплату в размере 100 000 и 250 000 рублей соответственно [8].

На федеральном же уровне для поддержки докторантов целесообразно развивать механизм грантовой поддержки. Следует согласиться с исследователями, что данный механизм обладает привлекательностью для государства ввиду точечного выделения ресурсов, направляемых на поддержку наиболее талантливых специалистов, отобранных в результате соответствующего конкурсного отбора [3]. Необходимо развитие грантовых программ для докторантов с целью создания таких условий труда, которые смогут сделать докторантуру и статус доктора привлекательным, в том числе, в общественном сознании, что имеет значимость в контексте повышения престижа научно-исследовательской деятельности, необходимого для притока новых кадров.

Еще один важный вид гарантий для докторантов, фактически применяемый, но не нашед-

ший должного нормативного отражения, – право на длительный отпуск сроком до одного года (так называемый «творческий отпуск»). В соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 46 Закона об образовании, педагогические работники имеют «право на длительный отпуск сроком до одного года не реже чем через каждые десять лет непрерывной педагогической работы в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования». В то же время данная мера очевидно неприменима к работникам научных учреждений, не относящимся к педагогическим работникам. Кроме того, привязка к десятилетнему стажу в данном случае не способствует снижению среднего возраста научных и научно-педагогических кадров, в частности – докторов наук. В связи с этим предлагается предусмотреть право ученого (научного, научно-технического) совета принимающей организации предоставления докторанту длительного отпуска на срок до одного года вне зависимости от трудового стажа, для проведения (завершения) работы над диссертацией на соискание ученой степени доктора наук.

Результаты. Подводя итоги, можно сделать вывод, что нормативно-правовое регулирование понятия докторантуры, правового статуса докторанта и научного консультанта, а также содержания подготовки кадров в докторантуре, характеризуется значительной пробельностью и фрагментарностью, для устранения которых требуется продолжение исследования проблем данного института с целью выработки рекомендаций по его совершенствованию. В то же время уже сейчас можно сформулировать ряд предложений по уточнению нормативных положений, направленному на создание условий для докторантов и научных консультантов, что прямо влияет на эффективность докторантуры и системы подготовки научных и научно-педагогических кадров в целом. Совокупность предложенных мер, часть из которых требует финансирования за счет федерального бюджета, обладает значительным потенциалом и способна оказать существенное влияние как на повышение эффективности института докторантуры, так и реализацию кадровой политики в научно-исследовательской сфере в целом.

Литература

1. «Будут и бакалавриат, и магистратура». Министр Валерий Фальков раскрыл подробности отказа от Болонской системы URL: <https://www.kommersant.ru/amp/5381815> (дата обращения: 21.01.2024).
2. Бенц Д. С. О воспроизводстве научных кадров: сложившиеся тенденции и целевые ориентиры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 250–259.

3. Денисевич А. А. Особенности подготовки докторантов в области истории в Республике Беларусь, Российской Федерации и Великобритании // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 4. № 90. С. 51–56.
4. Зайцева Е. В., Запарий В. В., Асрян Г. Г. Результаты реформ в области подготовки кадров высшей квалификации в конце XX– начале XXI века: аспирантура и докторантура // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 3. С. 103–110.
5. Клишина К. А. Развитие и отличительные особенности системы высшего образования современной России // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 84–3. С. 84–91.
6. Нечаев В. И., Санду И. С. Совершенствование государственной научно-технической политики в России: сущность и специфика формирования // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 1. (Аграрная наука). С. 45–53.
7. Павлова Н. Ф., Захаров А. Г., Мурзич И. К. Исходные положения по оценке эффективности функционирования системы подготовки научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь // Новости науки и технологий. 2023. № 3 (66). С. 3–15.
8. Положение об оплате труда работников федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (утв. 08.12.2015, в ред. решения ученого совета ФГБОУ ВО «СГЮА» от 26.09.2023, протокол № 10) // Саратовская государственная юридическая академия URL: http://сгюа.рф/documents/norm_doc/2021/pologenie_ob_OT.pdf (дата обращения: 21.01.2024).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 февраля.
10. Постановление Правительства РФ от 30.11.2021 № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2021. № 49 (часть II), ст. 8308.
11. Приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.11.2021 № 65943) // В последней редакции документ опубликован не был. Доступ предоставлен СПС «Консультант-Плюс».
12. Приказ Минспорттуризма РФ от 23 декабря 2008 г. № 72 «Об утверждении Концепции развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации» // Вестник Минспорттуризма РФ. 2008. № 3.
13. Романов В. П., Ширяева Н. А. Непрерывное высшее образование: поэтапное обучение с ветвлением // The Scientific Heritage. 2022. № 97. С. 43–50.
14. Рясов С. Ю. Трудовой потенциал научных работников: анализ качественных и количественных характеристик // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 3. С. 272–276.
15. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая политика в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров вне системы высшего образования // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 886–901.
16. Установлена новая мера поддержки молодых ученых URL: <https://srd.ru/index.php/80-lenta-novostej/novosty/38709-ustanovlena-novaya-mera-podderzhki-molodykh-uchenykh.html> (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. There Will be Both Bachelor's and Master's Degrees. Minister Valery Falkov Revealed the Details of the Abandonment of the Bologna System. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/5381815> (accessed 21.01.2024) (In Russ.).
2. Benc DS. On the Reproduction of Scientific Personnel: Current Trends and Targets. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023;3(473):250-259. (In Russ.).
3. Denisevich AA. Features of Training Doctoral Students in the Field of History in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Great Britain. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2022;4(90):51-56. (In Russ.).
4. Zajceva EV, Zaparij VV, Asryan GG. Results of Reforms in the Field of Training Highly Qualified Personnel at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century: Postgraduate and Doctoral studies. Istoriya i sovremennoe mirovzrenie. 2022;3(4): 103-110. (In Russ.).
5. Klishina KA. Development and Distinctive Features of the Higher Education System of Modern Russia. Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022;84(3):84-91. (In Russ.).
6. Nechaev VI, Sandu IS. Improving State Scientific and Technical Policy in Russia: the Essence and Specifics of Formation. Economics of Agriculture of Russia. Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii. 2022;1:45-53. (In Russ.).
7. Pavlova NF, Zaharov AG, Murzich IK. Initial Provisions for Assessing the Effectiveness of the Functioning of the System for Training Highly Qualified Scientists in the Republic of Belarus/ Novosti nauki i tekhnologij. 2023;3(66):3-15. (In Russ.).
8. Regulations on the Remuneration of Employees of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (approved on December 8, 2015, as amended by the Decision of the Academic Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "SSAL" dated September 26, 2023, protocol № 10). URL: http://сгюа.рф/documents/norm_doc/2021/pologenie_ob_OT.pdf (accessed: 21.01.2024). (In Russ.).
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 21, 2023). Rossijskaya gazeta. 2023. February 22. (In Russ.).
10. Decree of the Government of the Russian Federation of November 30, 2021 № 2122 "On approval of the Regulations on the Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in Graduate School (Adjunct)". Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2021; 49 (Part II):8308 (In Russ.).
11. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 20, 2021 № 951 "On Approval of Federal State Requirements for the Structure of Training Programs for Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in Graduate School (Postgraduate Studies), the Conditions for their Implementation, the Timing of Mastering these Programs, taking into account Various Forms of Training, Educational Technologies and Features of Certain Categories of Graduate Students (Adjuncts)". LRS "Konsultant-Plyus" (In Russ.).

12. Order of the Ministry of Sports and Tourism of the Russian Federation dated December 23, 2008 № 72 “On Approval of the Concept for the Development of Personnel Potential of Youth Policy in the Russian Federation”). Vestnik Minsportturizma RF. 2008;3. (In Russ.).
13. Romanov VP, Shiryayeva NA. Continuing Higher Education: Step-by-Step Learning with Branching. The Scientific Heritage. 2022;97:43-50. (In Russ.).
14. Ryasov SYu. Labor Potential of Scientists: Analysis of Qualitative and Quantitative Characteristics. Russian Economic Bulletin. 2021;3:272-276. (In Russ.).
15. Sokolov AYu, Lakaev OA. Legal Policy in the Field of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel Outside the Higher Education System. RUDN Journal of Law. 2023;4:886-901. (In Russ.).
16. A New Measure of Support for Young Scientists has been Established. URL: <https://srd.ru/index.php/80-lenta-novostej/novosty/38709-ustanovlena-novaya-mera-podderzhki-molodykh-uchenykh.html> (accessed: 21.01.2024). (In Russ.).

Научная статья
УДК 347 347.2/.3
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.20>

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА В РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Евгения Сергеевна Сагалаева¹, Лейла Эмербековна Боташева^{2*}

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
¹ Кандидат юридических наук, доктор философских наук, доцент
962439000@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9371-9991>
² Кандидат юридических наук, доцент
² botasheval@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7704-2960>
* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются вопросы междисциплинарного регулирования централизованной цифровой валюты, эмитируемой центральными банками. Уделяется внимание публично-правовым и частно-правовым началам цифровой валюты Центрального Банка. **Материалы и методы.** Теоретическую основу составили научные публикации отечественных и зарубежных авторов по вопросам исследования. Исследование построено на основе анализа правовых положений финансового и гражданского законодательства, определяющих правовой режим цифрового рубля. Формально-юридический метод, как основной метод проведенного исследования, позволил раскрыть содержание межотраслевой правовой природы цифровой валюты. **Анализ.** Исследуются вопросы правовой природы цифровой валюты Центрального Банка. Пристальное внимание уделяется положениям «О цифровом рубле», сосредоточенным в нормах публичного и частного права. Отмечается, что отсутствие четкого понятийного аппарата вызывает сложности в толковании базовых категорий. Обосновывается двойственная правовая природа цифрового рубля. Эта двойственность проявляется в том, что цифровой рубль является объектом финансового права, как национальная цифровая валюта, эмитируемая Банком России, с другой стороны, обязательственная природа цифрового рубля, отра-

жающаяся в положениях частного права и Федерального закона «О национальной платежной системе». **Результаты.** Цифровые валюты центральных банков (CBDC) рассматриваются или находятся в процессе внедрения многими центральными банками по всему миру. Несмотря на важность и потенциальные последствия таких кардинальных изменений в национальных валютах, остается еще много неизвестных.

Ключевые слова: правоотношение, гражданское право, финансовое право, цифровая валюта, цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка

Для цитирования: Сагалаева Е. С., Боташева Л. Э. Публично-правовые и частно-правовые начала в регулировании цифровой валюты // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 363–367. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.20>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.04.2024.

Статья принята к публикации: 27.05.2024.

Research article

PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW PRINCIPLES IN THE REGULATION OF DIGITAL CURRENCY

Evgeniya S. Sagalaeva¹, Leila E. Botasheva^{2*}

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
¹ Cand. Sc. (Law), Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor
962439000@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9371-9991>
² Cand. Sc. (Law), Associate Professor
² botasheval@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7704-2960>
* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article discusses issues of interdisciplinary regulation of centralized digital currencies issued by central banks. Attention is paid to the public legal and fair principles of digital currency of the Central Bank. **Materials and Methods.** The theoretical basis was formed by scientific publications of domestic and foreign authors on research issues. The study is based on the analysis of legal provisions of financial and civil legislation that determine the legal regime of the digital ruble. The formal legal method, as the main method of the research, made it possible to reveal the content of the intersectoral legal nature of digital currency. **Analysis.** The issues of the legal nature of the Central Bank digital currency are explored. Close attention is paid to the provisions “On the Digital Ruble”, concentrated in the norms of public and private law. It is noted that the lack of a clear conceptual apparatus causes difficulties in the interpretation of basic categories. The dual legal nature of the digital ruble is substantiated. This duality is manifested in the fact that the digital ruble is an object of financial law, as a national digital currency issued by the Bank of Russia, on the other hand, the obligatory nature of the digital ruble, reflected in the provisions of private

law and the Federal Law “On the National Payment System”. **Results.** Central bank digital currencies (CBDCs) are being considered or are in the process of being implemented by many central banks around the world. Despite the importance and potential consequences of such dramatic changes in national currencies, many uncertainties remain.

Keywords: legal relationship, civil law, financial law, digital currency, digital ruble, digital currency of the central bank

For citation: Sagalaeva ES, Botasheva LE. Public law and private law principles in the regulation of digital currency. *Humanities and law research*. 2024;11(2):363-367. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.20>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 20.03.2024.

The article was approved after reviewing: 23.04.2024.

The article was accepted for publication: 27.05.2024.

Введение. Цифровой эксперимент по введению собственной цифровой валюты центральными банками (CBDC) приобретает масштабный характер и продолжает набирать обороты. Все большее число правительств желают продвигать свою цифровую валюту центрального банка (далее CBDC). CBDC как цифровая инновация публичной власти, может фундаментально изменить структуру внутренней финансовой системы государств, изменить роль центрального банка [12]. Платежные системы и, что более важно, деньги быстро развиваются. Развитие цифровых платформ и сетей, а также растущая доля интернет-торговли создали спрос и технологическое пространство для цифровых транзакций, которые могут радикально изменить системы платежей и финансового посредничества. Финансовая система давно перешла на систему электронных платежей. Скорость транзакций и удобство электронных платежей служат их активному применению. По статистике Банка России в I квартале 2023 года граждане совершили через Систему быстрых платежей (СБП) более 1,2 миллиарда операций, что превышает показатель аналогичного периода прошлого года почти в 3 раза. Сумма операций за отчетный период составила 5,4 триллиона рублей (рост более чем в 2 раза) [3]. Сетевые, цифровые эффекты являются важнейшей особенностью современной платёжной системы.

Хотя с момента создания первой криптовалюты Биткойн прошло чуть больше десяти лет, взаимодействие с криптовалютами достигло всех слоев общества, включая предприятия, инвесторов, потребителей, а также государственные и частные учреждения. Активный рост криптовалюты заставил Центральные банки задуматься над тем, стоит ли адаптироваться и как это сделать. Несколько лет назад многие регуляторы стали изучать идею выпуска цифровой валюты центрального банка — новой формы денег. В условиях продолжающегося роста цифровизации глобальной финансовой системы CBDC должна служить формой централизованного цифрового актива. Это может сыграть важную роль в своевременном обеспечении финансовой стабильности, построении более современной технологичной платёжной системы, актуализации денежно-кредитной политики, установлении новой денежно-кредитной эры [14]. Однако, несмотря на возросшую популярность цифровых валют, остается много безответных вопросов о целесообразности и реализации CBDC. Есть мнение, что развитие цифровых валют ставит под угрозу нормы финансового суверенитета и влияет на глобальную финансовую систему [4].

Банк России в настоящее время претворяет в жизнь технологические решения, по выпуску и вводу в обращение цифрового рубля. Нормативные положения о цифровом рубле приняты в прошлом году, в результате в отдельные нормативно-правовые акты внесены поправки, опреде-

ляющие правовой режим цифрового рубля. Появление третьей формы денег, обновление финансового и гражданского законодательства, вызывают научный интерес к данной проблематике. CBDC требует большего научного осмысления, учитывая проблемы замены традиционных валют.

Материалы и методы. Основой проведенного исследования стали научная и специальная литература, доктрина, научные публикации зарубежных авторов, российское законодательство и правоприменительная практика, относящиеся к рассматриваемым вопросам. Прежде всего, был использован диалектический метод, а также применялись иные общенаучные и специально-юридические методы научного познания. Выводы и предложения основаны в первую очередь на анализе действующих нормативно-правовых актов и практики их применения.

Анализ. Цифровые валюты — это тип валюты, которая существует исключительно в цифровой форме и не имеет физического аналога, такого как бумажные деньги или монеты. Они часто используются для онлайн-транзакций и могут передаваться между сторонами в электронном виде. Цифровые валюты продолжают набирать популярность и все чаще используются предприятиями и потребителями по всему миру. Цифровые валюты можно разделить на две категории: цифровая валюта Центрального банка и криптовалюта.

Цифровая валюта Центрального банка — это цифровая форма денежных знаков, выпускаемая центральным банком. CBDC набрали обороты, когда правительства и центральные банки во всем мире начали осознавать потенциал технологий блокчейна и цифрового реестра для революционного преобразования денежных систем [14].

По аналитическим данным, размер мирового рынка блокчейн-технологий в 2023 г. составлял 17,57 миллиарда долларов, а к 2030 г., по оценкам, он составит 469,49 миллиарда долларов, темпы роста к 2030 году будут расти благодаря значительному улучшению нормативно-правовой базы, растущим правительственным инициативам и увеличению спроса на финансовые услуги [9].

В отличие от децентрализованных криптовалют, которые появились в качестве альтернативы традиционным бумажным валютам, CBDC призваны дополнять и сосуществовать с существующими денежными системами. [14]

Из-за технологичной формы и сути, появление цифровых денег было встречено населением со значительным пессимизмом. Также были высказаны опасения по поводу его децентрализации, которая создала крайне нестабильную атмосферу для криптовалют и стейблкоинов. Однако распространенность этих форм цифровой валюты со временем возросла, что оказывает давление на центральные банки по всему миру, чтобы они могли удовлетворить этот спрос. Это особенно верно, если принять во внимание массовое предпочтение цифровых платежей, а также растущие

расходы и операционные трудности, связанные с печатью денег.

Международный валютный фонд (МВФ) определяет CBDC как новую форму бумажных денег, выпущенных в цифровом виде центральным банком и служащих законным платежным средством [5].

Центральный банк выпускает цифровые валюты в виде цифровых токенов, которые сопоставимы с криптовалютами и другими цифровыми валютами. CBDC – это цифровое законное платежное средство или бумажная цифровая валюта, выпущенная центральным банком [7]. Хотя Китай сделал шаг первым, десятки других стран в настоящее время изучают возможность создания собственных цифровых валют центральных банков или других форм суверенной цифровой валюты. Цифровые валюты центральных банков на конец 2023 года полностью введены в обращение в трех странах: Нигерия, Багамы и Ямайка. Еще в 13 странах, в том числе в Китае, России, запущены пилотные проекты по использованию цифровых валют [10].

Считается, что CBDC станет следующей вехой в эволюции денег, поскольку многие исследования показали значительные преимущества использования цифровой валюты, выпущенной государством. Основными мотивами CBDC являются повышение безопасности, надежности и эффективности платежей, снижение стоимости эмиссии и повышение удобства транзакций. Однако, чтобы функционировать как деньги, CBDC должны выполнять фундаментальную роль денег, среди прочего, утверждаемую государственной теорией денег [11]. С момента представления Концепции цифрового рубля в апреле 2022 г., не утихают дебаты вокруг его правовой природы [6]. Именно в 2022 г. Банк России запустил пилотную версию платформы цифрового рубля (в тестовой среде), а пилотный этап с реальными деньгами начался в августе 2023 г. В настоящее время 13 банков принимают участие в тестировании реальных операций с цифровым рублем.

Реализация пилотных этапов— это возможность узнать о возможностях CBDC и изучить потенциальное использование, давая новые возможности населению в повседневной жизни. Отдельные исследователи считают, что разработка, внедрение и обмен уроками пилотных проектов CBDC представляются правильным направлением для глобального ответа на эту проблему. Все текущие пилотные планы позволяют центральным банкам тестировать различные решения, но они открывают новые вопросы о том, как вся платежная система будет внедрять новый финансовый инструмент. Исследования центральных банков обогатят опыт, а уроки, извлеченные из каждого процесса, дадут больше информации для принятия более эффективных решений [2].

Пожалуй, вступившие в законную силу 1 августа нормативные положения о национальной

цифровой валюте, стали самыми значительными в сфере регулирования расчетов и платежей с момента принятого законодательного акта о национальной платёжной системе. Несмотря на то, что на момент принятия указанных поправок уже действовал Федеральный закон «О цифровых «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон «О ЦФА», закрепивший легальное определение цифровой валюты, ситуация с правовым статусом цифрового актива мегарегулятора, до сих пор остается неоднозначной и должным образом урегулированной нормами права. Комплексных работ, посвященных анализу правовой сущности виртуального актива Банка России, как современного явления и учет операций с ними, пока нет. Кроме того, на теоретическом уровне отсутствует единый подход к использованию понятийного аппарата по указанному вопросу. В части понятийного аппарата, также отсутствует понятие цифрового рубля. Следует сказать, что цифровой рубль не является цифровой валютой в понимании положений Закона «О ЦФА» в силу своей публично-правовой природы. Гражданский кодекс РФ в ст. 128 признает цифровые рубли – разновидностью безналичных денежных средств, которые, в свою очередь, относятся к имущественным правам.

В системе CBDC есть три типа участников: центральный банк, коммерческие банки и конечные пользователи. Центральный банк отвечает за разработку денежно-кредитной политики, выпуск, изъятие и обращение валюты и выступает оператором цифрового рубля. Коммерческие банки выступают в качестве посредников, связывающих центральный банк и конечных пользователей. Конечные пользователи могут создавать транзакции и осуществлять прямые платежи. Конечными пользователями могут быть частные лица, малые предприятия и крупные компании, а платежи могут быть внутрибанковскими, межбанковскими и трансграничными платежами.

Таким образом, Банк России стал единственным эмитентом CBDC, которая будет обмениваться на наличные или безналичные деньги в соотношении один к одному. Коммерческие банки получили возможность создавать для своих клиентов цифровые рублевые кошельки на специальной цифровой рублевой платформе (хотя эти кошельки не будут числиться на балансах банков, их безопасность будет гарантироваться Банком России). На цифровые рублевые кошельки не будут начисляться проценты, поэтому цифровые рубли будут использоваться в первую очередь для транзакций, а не как средство сбережения. Выпуск CBDC не добавит в систему новых денег, по мнению Грищенко В. и др. скорее, это приведет лишь к изменениям в составе широкой денежной массы (CBDC частично заменит как наличные деньги, так и депозиты) [1].

Исходя из сложившейся конструкции правоотношения, налицо неопределённость договорных связей между участниками платформы цифрового рубля. Центральный Банк как оператор цифрового рубля становится ключевым субъектом гражданского правоотношения, замыкая договорную связь на себе и выступая в качестве обязанного лица в отношении национальной цифровой валюты [10]. Вопросы нового правового статуса мегарегулятора как участника гражданского правоотношения обсуждались экспертами XII Петербургского Международного Юридического форума.

Ученое сообщество также активно обсуждает вопросы правового режим платформы цифрового рубля, как структурного элемента национальной платежной системы. Введение CBDC вызвало появление нового элемента национальной платежной системы - платформы цифрового рубля.

Существует мнение о том, что CBDC, если они в конечном итоге будут реализованы на определенной территории, могут представлять угрозу для существующих платежных систем, что может привести к отказу от некоторых цифровых и инновационных средств оплаты. Вместе с тем нельзя исключать позитивный альтернативный вариант возможного альянса инноваций между компаниями, занимающимися платежными технологиями, и центральными банками, что объединило бы доверие и безопасность, обеспечиваемые центральным банком, с динамизмом и инновациями, характерными для этого компаний, занимающимися электронными платежами. [8]

Следует отметить, что открытыми остаются вопросы урегулирования споров между Центральным Банком и кредитными организациями, а также между кредитными организациями и пользователями.

Результаты. Проведенный анализ показал, что единого подхода для определения цифровой валюты пока нет. Национальной цифровой валюте свойственны все функции денег в полной ме-

ре (как единицы расчета, средства сохранения стоимости), она обеспечиваются Центральным Банком. Из-за новизны и отсутствия полноты законодательного регулирования, использование национальной цифровой валюты имеет такие риски, как угроза и уязвимость в информационной безопасности. Остается открытым вопрос о правовых последствиях потери паролей от цифрового кошелька, наследовании таких активов и др. В связи с чем перспективным кажется дальнейшее исследование правовой сущности национальной цифровой валюты, ее обязательственной природы, а также финансово-правовой природы, включая вопросы внесения соответствующих поправок в Бюджетный кодекс РФ, Налоговый Кодекс РФ и осуществление финансового контроля в данной сфере.

Оборот национальной цифровой валюты должен осуществляться в правовой и нормативной среде, которая должна быть благоприятной и определенной. Сложная правовая природа определяет соответствующие требования к нормативно - правовой среде, призванной обеспечивать баланс публичных и частных интересов, одновременно решая такие вопросы, как конфиденциальность и безопасность данных. Следует отметить, что несмотря на свои преимущества, цифровой рубль, как и другие технологии такого типа, несет и очевидные угрозы свободе личности, потому что ведет к предельной централизации и абсолютной прозрачности.

Успех проекта цифрового рубля зависит от принятия ее общественностью и участниками рынка. Учитывая разнообразность населения и разный уровень технологической грамотности, для обеспечения широкого внедрения, проект цифровой валюты должен учитывать эти важные факторы.

Таким образом, теоретические преимущества цифровой валюты очевидны, но возможность реализации будет зависеть от ряда факторов, включая техническую инфраструктуру, нормативно-правовую базу и общественное признание.

Литература

1. Грищенко В., Пономаренко А., Селезнев С. Реальный подход к прогнозированию спроса домохозяйств на цифровой рубль в России // Обзор биржи // Журнал Стамбула. 2024. Март. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214845024000528> (дата обращения: 18.03.2024).
2. Ситник А.А. Цифровой рубль как финансово-правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 18 (153). С. 29.
3. СБП: основные показатели // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/nps/sbp/1_2023/ (дата обращения: 18.03.2024).
4. Цецше Д., Бакли Р., Арнер Д., Диденко А., Ван Ромбург Л. Суверенные цифровые валюты: изменение конструкции денег и платежных систем // Журнал платежной стратегии и систем. 2021. № 15 (1). С. 7–22. URL: <http://hdl.handle.net/10993/50125/> (дата обращения: 18.03.2024).
5. Тобиас А., Мартин М., Морис О. Пролить свет на цифровые валюты центральных банков // Записки для обсуждения сотрудников. 2018. № 008. С. А001. URL: 10.5089/9781484384572.006.A001 (дата обращения: 18.03.2024).
6. Концепция цифрового рубля // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 18.03.2024).
7. Alora A., Sahoo P., Sasidharan A. Central bank digital currency adoption challenges- The case of an emerging nation. Finance Research Letters. 2024. No. 59. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1544612323011285> (accessed: 18.03.2024).
8. Alonso S., Jorge-Vazquez J., Forradellas R. Central Banks Digital Currency: Detection of Optimal Countries for the Implementation of a CBDC and the Implication for Payment Industry Open Innovation. Journal of Open Innovation: Technology, Market,

- and Complexity. 2021. No. 7. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2199853122008411> (accessed: 18.03.2024).
9. Blockchain Market Size, Share, Trends and Analysis by Application, Vertical, Region, and Segment Forecast to 2030 // GlobalData. URL: <https://www.globaldata.com/store/report/blockchain-market-analysis/> (accessed: 18.03.2024).
  10. Dionysopoulos L., Marra M., Urquhart A. Central bank digital currencies: A critical review. *International Review of Financial Analysis*. 2024. No. 91. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057521923005471> (accessed: 18.03.2024).
  11. Kuehnlenz S., Orsi B., Kaltenbrunner A. Central bank digital currencies and the international payment system: The demise of the US dollar? *Research in International Business and Finance*. 2023. No. 64. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0275531922002203> (accessed: 18.03.2024).
  12. Wang H. How to understand China's approach to central bank digital currency? *Computer Law & Security Review*. 2023. September. Volume 50: 105788. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364922001315> (accessed: 18.03.2024).
  13. Wang Y., Lucey B.M., Vigne S.A., Yarovaya L. The effects of central bank digital currencies news on financial markets *Technol. Forecast. Soc. Change*. 2022. No. 180. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85129618644&origin=inward&txGid=7f0079028463d9fec2e20d5bc7149a80> (accessed: 18.03.2024).
  14. Wu W-T., Chen X-Q., Zvorych R., Huang W-L. The Stackelberg duel between Central Bank Digital Currencies and private payment titans in China // *Technological Forecasting and Social*. 2024. No. 200. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162523008545> (accessed: 18.03.2024).

References

1. Grishchenko V, Ponomarenko A, Seleznev S. A realistic approach to forecasting household demand for the digital ruble in Russia in *Obzor birzhi Stambula*. 2024. March. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214845024000528> (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
2. Sitnik AA. Digital ruble as a financial and legal category. *Aktualnye problemy-rossijskogo prava*. 2023;18(153):29. (In Russ.).
3. SBP: main indicators in Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/analytics/nps/sbp/1_2023/ (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
4. Zetzsche D, Buckley R, Amer D, Didenko A, Van Romburg L. Sovereign digital currencies: changing the design of money and payment systems. *Zhurnal plateznoj strategii i sistem*. 2021;15(1):7-22. URL: <http://hdl.handle.net/10993/50125/> (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
5. Tobias A, Martin M, Maurice O. Shedding light on central bank digital currencies. *Zapiski dlya obsuzhdeniya sotrudnikov*. 2018;008:A001. URL:10.5089/9781484384572.006.A001 (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
6. Concept of digital ruble in Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
7. Alora A, Sahoo P, Sasidharan A. Central bank digital currency adoption challenges-The case of an emerging nation. *Finance Research Letters*. 2024. No. 59. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1544612323011285> (accessed: 18.03.2024).
8. Alonso S, Jorge-Vazquez J, Forradellas R. Central Banks Digital Currency: Detection of Optimal Countries for the Implementation of a CBDC and the Implication for Payment Industry Open Innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021;7. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2199853122008411> (accessed: 18.03.2024).
9. Blockchain Market Size, Share, Trends and Analysis by Application, Vertical, Region, and Segment Forecast to 2030 in GlobalData. URL: <https://www.globaldata.com/store/report/blockchain-market-analysis/> (accessed: 18.03.2024).
10. Dionysopoulos L, Marra M, Urquhart A. Central bank digital currencies: A critical review. *International Review of Financial Analysis*. 2024; 91. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057521923005471> (accessed: 18.03.2024).
11. Kuehnlenz S, Orsi B, Kaltenbrunner A. Central bank digital currencies and the international payment system: The demise of the US dollar? *Research in International Business and Finance*. 2023;64. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0275531922002203> (accessed: 18.03.2024).
12. Wang H. How to understand China's approach to central bank digital currency? *Computer Law & Security Review*. 2023; September. Volume 50: 105788. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364922001315> (accessed: 18.03.2024).
13. Wang Y, Lucey BM, Vigne SA, Yarovaya L. The effects of central bank digital currencies news on financial markets *Technol. Forecast. Soc. Change*. 2022. №180. (2022). Article 121715. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85129618644&origin=inward&txGid=7f0079028463d9fec2e20d5bc7149a80> (accessed: 18.03.2024).
14. Wu W-T, Chen X-Q, Zvorych R, Huang W-L. The Stackelberg duel between Central Bank Digital Currencies and private payment titans in China. *Technological Forecasting and Social*. 2024;200. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162523008545> (accessed: 18.03.2024).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.21>

КОМПОЗИЦИОННО-СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРЕСУПОЗИЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ДЕФЕКТЫ СГЕНЕРИРОВАННЫХ КОРОТКИХ ТЕКСТОВ В ЯЗЫКОВОЙ НЕЙРОСЕТИ GIGACHAT

Сергей Викторович Гусаренко¹, Марина Константиновна Гусаренко^{2*}^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор филологических наук, профессор
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Кандидат филологических наук, доцент² mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Актуальность выполненного исследования состоит прежде всего в том, что все более активное обращение самых широких кругов пользователей к генерации текстов разных жанров, свойств и объёмов с помощью так называемых LLM (Large Language Model, Большая Языковая Модель, БЯМ) порождает необходимость изучения собственно лингвистических возможностей этих генеративных моделей, в том числе необходимость лингвистического исследования порождаемых ими текстов. Немаловажным также представляется тот факт, что большое количество специалистов из разных областей деятельности активно используют генеративные возможности языковых нейросетей в своих сугубо профессиональных целях, из чего следует, что качество генерируемых текстов приобрело статус производственного фактора и непосредственным образом влияет на успех в профессиональной деятельности, что также указывает на актуальность предпринятого нами исследования. **Материалы и методы.** В качестве объекта исследования были избраны тексты коротких рассказов, поскольку в определенном отношении такого рода тексты могут рассматриваться как архетипические структуры, лежащие в основе текстов некоторых функциональных типов (сценарии, рекламные тексты, рассказы). **Анализ.** Такое положение дел потребовало изучения сгенерированных рассказов в том числе в аспекте репрезентации в нём фреймовых структур, поскольку это позволяет составить представление о том, как устроены тексты этого типа с точки зрения стандартной языковой семантики, включая синтаксическую семантику. **Результаты.** Установлено, что при всей грамматической, структурно-семантической и композиционной адекватности,

сгенерированные в GigaChatPro тексты коротких рассказов, созданные сетью на определенную тему или по определенному фрейму, могут содержать нарушения в глобально-семантической организации, порожденные как пресуппозиционально-прагматическими нарушениями, так и нарушениями текстовой референции. Отмечены также нарушения в общей функциональной прагматике сгенерированных рассказов: выраженная назидательность, длина предложений в них – 5-7 слов свойственны рассказам для детей младшего школьного возраста, при том, что темы этих рассказов изначально не соответствуют их возрастным интересам.

Ключевые слова: текст, генерация, LLM, языковая модель, нейросеть, семантический, прагматический, дефект, галлюцинация.

Для цитирования: Гусаренко С.В., Гусаренко М.К. Композиционно-структурные, семантические и пресуппозиционально-прагматические параметры и дефекты сгенерированных коротких текстов в языковой нейросети GigaChat // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 368–379. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.02.2024.

Статья принята к публикации: 27.04.2024.

Research article

COMPOSITIONAL-STRUCTURAL, SEMANTIC AND PRESUPPOSITIONAL-PRAGMATIC PARAMETERS AND DEFECTS OF GENERATED SHORT TEXTS IN THE GIGACHAT LANGUAGE NEURAL NETWORK

Sergey V. Gusarenko¹, Marina K. Gusarenko^{2*}^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (Philology), Professor¹ sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Cand. Sc. (Philology), Associate Professor² mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The relevance of the study lies primarily in the fact that the increasingly active appeal of the widest circles of users to the generation of texts of different genres, properties and volumes using the so-called LLM (Large Language Model) creates the need to study the actual linguistic capabilities of these generative models, including the need for linguistic research of the texts they

generate. It is also important that a large number of specialists from different fields actively use the generative capabilities of linguistic neural networks for purely professional purposes, which means that the quality of generated texts has acquired the status of a production factor and directly affects success in professional activities, which also indicates the relevance of our research. **Materials and Methods.** The

© Гусаренко С. В., Гусаренко М. К., 2004

texts of short stories were chosen as the object of study, since in a certain respect, such texts can be considered as archetypal structures that underlie texts of certain functional types (scripts, advertising texts and stories). **Analysis.** This state of affairs requires studying the generated stories, including in the aspect of the representation of frame structures in it, since this will allow us to get an idea of how texts of this type are structured from the point of view of standard linguistic semantics, including syntactic semantics. **Results.** It has been established that, despite all grammatical, structural-semantic and compositional adequacy, the texts of short stories generated in GigaChatPro, created by the network on a certain topic or according to a certain frame, may contain violations in global semantic organization, generated by both presuppositional-pragmatic violations and violations in text reference. Violations in the general functional pragmatics of the generated stories were also noted: pronounced edification and the length of sentences up to 5-7 words are characteristic of stories for children of primary

Введение. Все более активное обращение самых широких кругов пользователей к генерации текстов самых разных жанров, свойств и объёмов с помощью так называемых LLM (Large Language Model, Большие Языковые Модели) порождает естественную необходимость изучения генеративных возможностей таких моделей, в том числе необходимость лингвистического исследования порождаемых ими текстов. Таким образом, цель статьи – рассмотреть композиционно-структурные и семантические параметры текстов, генерируемых языковой нейросетью GigaChatPro, созданной специалистами Сбера [13], при этом особое внимание уделялось анализу лингвистических дефектов в сгенерированных текстах. В ходе изучения композиционно-структурных параметров полученных текстов использовался также анализ с позиций фреймовой семантики нарратива [2; 12].

Большое количество специалистов из разных областей деятельности активно используют генеративные возможности языковых нейросетей в своих сугубо профессиональных целях, из чего следует, что качество генерируемых текстов приобрело статус производственного фактора и самым непосредственным образом влияет на успех в профессиональной деятельности, что указывает на актуальность предпринятого нами исследования.

В качестве объекта исследования избраны короткие рассказы, поскольку в определенном отношении они могут рассматриваться как архетипические структуры, лежащие в основе текстов некоторых функциональных типов (сценарии, рекламные тексты, рассказы). Из сказанного следует, что необходимо изучать сгенерированный рассказ с точки зрения репрезентации в нём фреймовых структур, поскольку это позволит составить представление о том, как устроены тексты этого типа с точки зрения стандартной языковой семантики, включая синтаксическую семантику.

Материалы и методы. Специалисты в области создания и применения LLM уделяют много внимания вопросам порождения правильных, семантически полноценных нарративных текстов. Так, в статье MaxProb: Controllable Story Generation from Storyline (MaxProb: Управляемое генерирование рассказов по сюжетной линии) приведены виды контроля, применяемого при порождении текстов с заданными параметрами, а также представ-

school age, despite the fact that the themes of these stories initially do not correspond to their age interests.

Keywords: text, generation, LLM, Large Language Model, neural network, semantic, pragmatic, defect, hallucination.

For citation: Gusarenko SV, Gusarenko MK. Compositional-structural, semantic and presuppositional-pragmatic parameters and defects of generated short texts in the GigaChat language neural network. *Humanities and law research*. 2024;11(2):368-379. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 19.12.2023.

The article was approved after reviewing: 20.02.2024.

The article was accepted for publication: 27.04.2024.

лен авторский метод разработки контролируемой генерации текстов [19]. Много внимания уделяется настройке параметров генеративной языковой модели [14], разработке эффективных методов управления генерацией текста [18], свойствам генерируемых художественных текстов [8; 4], качеству в том числе и коротких текстов [7] и др.

Особый интерес у исследователей вызывают сгенерированные нейросетями тексты, в которых содержатся разного рода семантические дефекты, или галлюцинации, как их называют в среде специалистов по генеративным языковым моделям. Под галлюцинациями понимаются определенные нарушения в семантическом устройстве сгенерированных текстов, такие, как несоответствие между входными данными и полученным результатом, фактологические отклонения, нерелевантные фрагменты в полученных текстах [16; 15]. Михайловский Н., Чурилов И. указывают на такую особенность сгенерированных текстов, как неспособность выстраивать долгосрочные семантические зависимости в тексте, что иногда приводит к вырождению текста [17]; Остякова Л., Петухова К. и др. отмечают подобные отклонения и приходят к выводу, что генеративные языковые модели необходимо контролировать в процессе их реального общения с пользователями [18]. Снижение качества генерируемых текстов при увеличении длины последовательности отмечают Кривошеев Н.А., Иванова Ю.А., Спицын В.Г. в статье «Автоматическая генерация коротких текстов на основе применения нейронных сетей LSTM и SecGAN» и предлагают решения, которые позволили бы повысить качество генерации коротких текстов [7].

Более подробно о проблемах порождения когерентного текста пишут Козловский А. В., Мельник Я. Э., Волощук В. И. в работе «О подходе для автоматической генерации сюжетно связанного текста», где отмечают, что при более или менее подробном анализе выявляются изъяны, допущенные языковой моделью, и выделяют такой недостаток, как учёт только семантики слов, что «создаёт проблемы с логичностью повествования, поэтому для этого необходимо будет принимать во внимание и другие характеристики (персонажей и предметов их окружающих). Таким образом должны устраниться проблемы с потерей контекста и

общей сути происходящего на продолжительном промежутке времени» [6, с. 161].

Качество текстов, генерируемых большими лингвистическими моделями, неуклонно повышается, и те дефекты, о которых писалось в статьях даже двухлетней давности, уже во многом устранены, тем не менее работа с практическим материалом показала, что такие отклонения, как нарушения логичности, непоследовательность, семантическая аномальность сгенерированных текстов (в терминах проблем LLM), все еще присутствуют, что обусловило проблематику, материал и методы нашего исследования.

Как отмечено выше, в качестве материала исследования избраны короткие рассказы, сгенерированные языковой нейросетью GigaChatPro, размещенном в сети Telegram. Как следует из функционального описания языковой нейросети GigaChat, размещенного на сайте разработчика, этот ресурс предназначен в том числе для порождения текстов самой разной функциональной направленности: рекламные слоганы, сценарии мультфильмов и компьютерных игр, рассказы, рекламные тексты, рейтинговые списки продуктов, научные доклады и т.п. [10].

В качестве основных избраны методы композиционно-семантического, структурно-семантического и фреймового анализа текстов коротких рассказов, что позволило выявлять и описывать дефекты сгенерированных текстов, порожденные нарушениями в их пресуппозициональной и референциальной семантике. В ходе работы также привлекались элементы стилистического и фактологического анализа.

Следует сказать, что многократные верификации полученного результата при работе с языковыми нейросетями не всегда возможны, поскольку на одно и то же задание нейросеть может выдать разные по содержанию, структуре и объёму тексты, тем не менее по мере возможности такие верификации регулярно выполнялись. То же можно сказать о повторах однотипных, но разных по содержанию заданий: верификации не всегда возможны, поскольку сеть может выдать совершенную бессмыслицу.

В результате проведенного исследования были выявлены два основных типа дефектов в сгенерированных текстах коротких рассказов – нарушения прагматических пресуппозиций [11] и референциальные нарушения макроструктур [1; 3]. В контексте нашего исследования под нарушениями прагматических пресуппозиций (или пресуппозиционально-прагматические нарушения) мы имеем в виду включение в сгенерированные тексты языковых выражений, содержание которых противоречит стандартным представлениям о положении дел в мире. Референциальные нарушения макроструктур трактуются в нашей статье как нарушения референциальной связности, порождающие дефекты макроструктур текста. Пресуппозиционально-прагматические нарушения следует

рассматривать в тесной связи с нарушениями фреймовой семантики текста, вызванными несоответствием какого-либо фрагмента текста фрейму как стандартной языковой модели, имеющей явно конвенциональный характер [2].

Анализ. Лингвистические модели обучаются на большом количестве текстов, имеют свою базу текстовых данных, что естественным образом отражается на качестве порождаемых текстов, и для иллюстрации сказанного можно поставить нейросети задачу построить микротекст без указания каких-либо конкретных параметров. Рассмотрим ответ нейросети GigaChat в Telegram на вопрос «Что говорил Паниковский, заглядывая в рот коню на постоялом дворе?» без указания источника (рис. 1).

Рисунок 1. Короткий ответ на запрос без конкретных параметров / Figure 1. Short response to a request without specific parameters

Как видим, нейросеть приписала Паниковскому слова, которых он не говорил: как известно, Паниковский в тексте романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова [5] произносит фразу «Добрый жеребец», глядя в зубы доброй кобыле, – и сделала его персонажем романа «Двенадцать стульев», что может быть объяснено тем обстоятельством, что в базе данных GigaChat отсутствуют тексты романов «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», но при этом есть публицистические или другие тексты, в которых присутствуют имена Паниковский и «Двенадцать стульев».

Первый абзац представляет собой свободное изложение несуществующего фрагмента текста романа «Двенадцать стульев», остальная часть ответа – интерпретация нейросетью его же сгенерированного высказывания Паниковского, а также его действий, описанных в запросе.

Отметим разностилевые выражения в контактно расположенных предложениях: «сила», «грация» и «природная красота» в одном и «состояние полости рта» в другом. Также можно отме-

тить, что второй и третий абзацы построены по одной композиционной модели: первая часть – интерпретация фразы Паниковского, вторая часть – интерпретация его действий по отношению к лошади. Между вторым и третьим абзацем наблюдается семантическое расширение – от «любви и уважении Паниковского к лошадям» до «интереса к животным» вообще. Последний абзац имеет обобщающий характер, что вполне свойственно развернутому ответу в научном и публицистическом стилях общения, при этом названные нейросетью черты характера «общая чувствительность и забота об окружающем мире» представляют собой искусственные приращения, хотя не аномальные.

Порожденный нейросетью текст не имеет целостного стилистического образа, хотя и вполне правилен в структурно-семантическом отношении. В то же время сама структура текста – от исходного текста (тезиса) к его последующей интерпретации с последовательным расширением смысла свойственна научным исследовательским текстам, публицистике, юридическим толкованиям. Такое положение дел можно объяснить тем, что, с одной стороны, модель обучалась во многом на медицинских, юридических и экономических текстах; с другой – запрос не содержал четко поставленной задачи, или промпта, какой именно текст следовало сгенерировать. В целом, ответ нейросети можно охарактеризовать следующим образом: перед нами грамматически и композиционно-семантически правильный (когерентный) текст, построенный по модели тематического фрагмента текста или краткого ответа в диалоге в одном из названных стилей; при этом в глобальном плане текст семантически аномален – в первую очередь потому, что основной его элемент – высказывание Паниковского не соответствует прагматическим пресуппозициям дискурса [3]. Следует также сказать, что на четыре других фактологических вопроса по романам И. Ильфа и Е. Петрова нейросеть дала четыре разных по композиции и структуре, а также по характеру семантических аномалий текста-ответа.

Иную картину можно наблюдать, если поставить нейросети задачу с точным указанием темы и жанра генерируемого текста. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что при всей лексической, грамматической, структурно-семантической и композиционной правильности, сгенерированный текст может содержать аномалии в глобальной семантической организации. Обновленной версии GigaChatPro был сформулирован промпт с указанием темы ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА, объема и жанра – рассказ (рис. 2).

Нейросеть выдала результат (см. рис. 2) – когерентный, грамматически и структурно-семантически правильный текст объемом 135 слов, содержащий, тем не менее, нарушения в глобальной связности и прагматике адресата. В данном случае микротекст построен по модели рассказа-притчи с соблюдением пространственно-

временной последовательности события ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА.

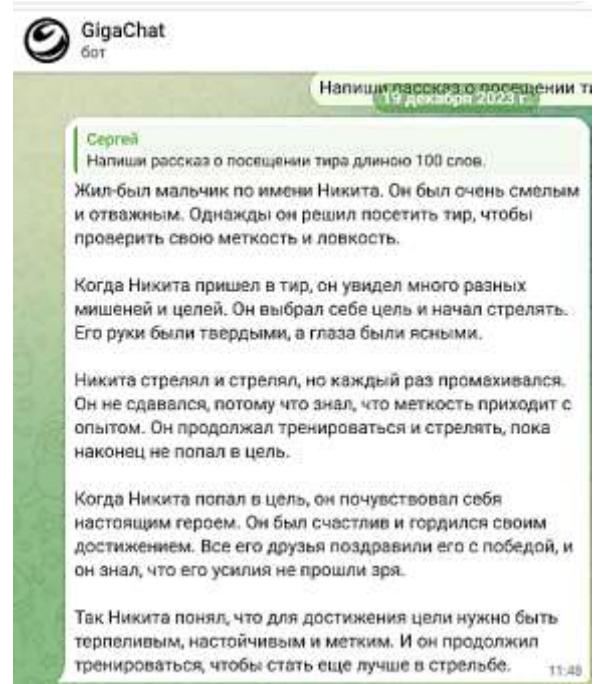

Рисунок 2. Короткий рассказ на тему ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА / Figure 2. Short story on the topic VISITING A SHOOTING GALLERY

Первый абзац – зачин: вводится главный персонаж с указанием имени, дается краткая характеристика его личностных качеств, ввод предложения о событии – решение посетить тир и причина этого решения; второй абзац: прибытие персонажа к месту основного действия, начало основного действия, физическая характеристика персонажа; третий абзац: развитие главного действия – от неудачи к успеху через настойчивое повторение действия с описанием сопутствующих психолого-волевых и когнитивных состояний; четвертый абзац: кульминация основного действия, описание сопутствующих психологических состояний и соответствующих действий второстепенных персонажей; пятый абзац – финал: поучительный вывод, наставление, «правильное» продолжение действий главного персонажа (ср. финал в сказке: стали жить-поживать и добра наживать).

Рассказ представляет собой в высокой степени когерентное структурно-семантическое образование – за исключением одного референциального нарушения глобальной связности: главный персонаж Никита пришел в тир один, но после успешного выстрела его поздравляют друзья. Можно также считать нарушением следующее пресуппозициональное несоответствие: финал рассказа сообщает, что главный персонаж «продолжил тренироваться, чтобы стать ещё лучше» – при том, что в описанном событии он проявил себя как посредственный стрелок, однако цель – стать ещё лучше можно отнести к общей характеристике персонажа.

Следует отметить грамматическую, стилистическую, пунктуационную правильность сгенерированного текста. Длина предложений, в том числе простых предложений в составе сложных, составляет 5 – 7 слов, что соответствует рассказам для детей младшего школьного возраста. В этом отношении можно отметить нарушения прагматического характера: сочинение нравоучительных рассказов для младших школьников на таком материале – ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА не соответствует их возрастным интересам.

Сгенерированный текст характеризуется высоким уровнем семантической локальной связности текста: к примеру, указанные в зачине качества главного персонажа – *смелый* и *отважный* непосредственным образом объясняют мотив посещения тира – проверить свою *меткость* и *ловкость*; в третьем абзаце предложение *меткость приходит с опытом* объясняет действия главного персонажа *продолжал тренироваться и стрелять* из следующего предложения; в последнем абзаце за предложением *нужно быть терпеливым, настойчивым* следуют действия персонажа *продолжил тренироваться*.

Высокая семантическая локальная связность текста, его строгая логичность, выраженная назидательность позволяют предположить, что обучающие тексты данной семантики или тексты, к которым модель имела доступ в ходе генерации, относятся к одной жанрово-тематической группе – рассказы для детей. Это подтверждает и нарушение глобальной связности: тексты такого рода предполагают участие «правильных» друзей, и модель их ввела в рассказ по статистическим параметрам, но в нарушение глобальной связности.

В ходе работы была отмечена еще одна особенность: сгенерированные нейросетью GigaChatPro три рассказа на тему ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА (два повторяются) завершаются поучительным выводом, при том, что сгенерированные этой же нейросетью другие микрорассказы такого финала не имеют.

С точки зрения фреймовой семантики, рассказ о посещении тира также представляет собой дефектное образование – в нем не содержится одного из слотов в терминалах высшего уровня, а именно слота ОРУЖИЕ. При этом ядерные пропозиции с соответствующими ядерными предикатами [Мы, Токарева] в полной мере присутствуют: *Никита посещает тир, Никита стреляет, Никита промахивается, Никита попадает в цель, Никита тренируется*.

Естественным продолжением исследования представляется постановка задания по определенному семантико-синтаксическому фрейму [2; 12]. На начальном этапе работы языковой нейросети GigaChatPro была поставлена задача сформулировать понятие семантико-синтаксического фрейма. В неполной мере, но нейросеть справилась с поставленной задачей, представив средней полноты дефиницию (рис. 3).

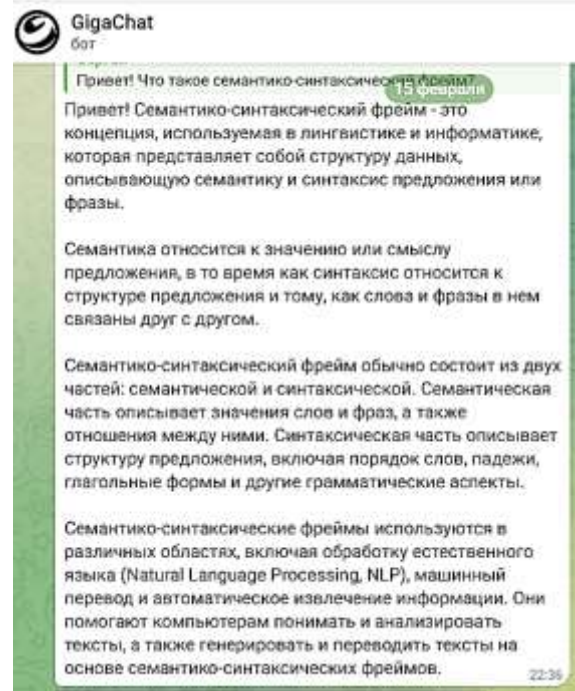

Рисунок 3. Определение семантико-синтаксического фрейма / Figure 3. Definition of a semantic-syntactic frame

Как видим, дано в большей мере научно-популярное определение семантико-синтаксического фрейма, тем не менее оно содержит основные признаки определяемого объекта, хотя данное определение и не содержит указаний на два существенных свойства фрейма: во-первых, не отражает его иерархическую организацию, что существенно для определения значимости его элементов и поисковых процедур; во-вторых, не отражает горизонтальные и вертикальные связи между строевыми элементами фрейма как сложной семантической структуры, включая временную связь в последовательности событий фрейма (сценарий).

Для проверки соответствия представленной нейросетью структуры фрейма и ее способностью порождать тексты по этой модели, нейросети была поставлена задача построить по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА рассказ, заданная длина рассказа была увеличена до 200 слов для расширения возможностей генерации, и получен следующий результат (рис. 4).

В жанрово-стилистическом отношении сгенерированный текст представляет собой короткий рассказ с назидательным финалом, в содержательно-композиционном плане данный рассказ повторяет первый рассказ – рассказ на тему ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА: приход в тир – неудачная стрельба – успешная стрельба – дальнейшая тренировка. В обоих случаях присутствуют лица, не относящиеся к первым термам фрейма – друзья и сотрудник тира, во втором случае в качестве главного персонажа выступает сам рассказчик, то есть нейросеть по какой-то причине не

решла к повествованию от первого лица. Рассказ выдержан в содержательном плане, не содержит ненужных деталей и подробностей.

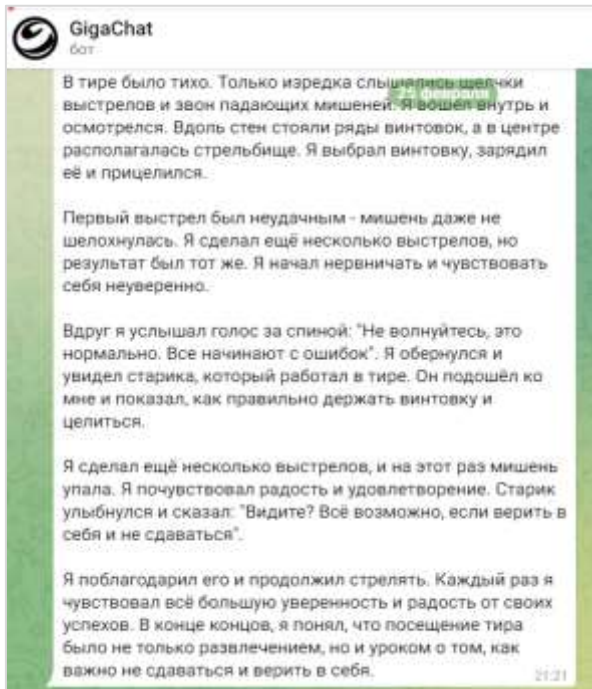

Рисунок 4. Короткий рассказ по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА / Figure 4. Short story based on the frame VISITING A SHOOTING GALLERY

По последнему рассказу была построена упрощенная модель семантико-синтаксического фрейма ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА с замещенными позициями в слотах (таблица 1). В квадратных

скобках приведены имплицитные пропозиции, представляющие фрейм в тексте рассказа.

Как видим, семантико-синтаксический фрейм ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА весьма подробно представлен поверхностными структурами в сгенерированном рассказе. Иерархизация фрейма выполнена по принципу наибольшей значимости пропозиции для выражения основного события (основных событий). Обращает на себя внимание количественное преобладание пропозиций четвертого уровня – самого отдаленного от ядра фрейма, что может быть объяснено относительной свободой содержания жанра рассказа. Отметим, что в первом рассказе содержится три пропозиции, описывающие психологические состояния.

Рассказ содержит ряд отклонений в плане его соответствия прагматическим пресуппозициям более или менее грамотного читателя. Во-первых, рассказчик слышит звон падающих мишеней, что свойственно скорее стрельбищу на биатлонной трассе, чем закрытому тиру (*Я вошел внутрь...*); во-вторых, рассказчик увидел в тире в одном пространстве ряды винтовок вдоль стен и стрельбище, что при прочих нормальных условиях невозможно: комнаты для хранения оружия, если они есть, в тире отделены от стрелкового павильона; в-третьих, рассказчик само место для стрельбы (стрелковый павильон, огневой рубеж) называет стрельбищем, между тем как стрельбище – это обширное открытое пространство, чаще за пределами населенного пункта, подготовленное для проведения стрельб.

Таблица 1 / Table 1

Семантико-синтаксическая модель фрейма ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА по данным из рассказа / Semantic-syntactic model of the frame VISITING A SHOOTING GALLERY based on data from the story

Уровень терминала	Слоты	Пропозиции	Наполнение слотов по рассказу
Первый уровень	<i>A – первый терм</i> <i>Тир – место события</i>	Ядерная пропозиция: <i>A стреляет в тире</i>	<i>Я сделал ещё несколько выстрелов [в тире]</i>
	<i>Цель / мишень</i>	Ядерная пропозиция: <i>A попадает в цель</i>	<i>На этот раз мишень упала [потому что я попал в мишень]</i>
		Ядерная пропозиция: <i>A промахивается</i>	<i>Первый [мой] выстрел был неудачным [я промахнулся]</i>
Второй уровень	<i>Оружие</i>	Пропозиция: <i>A берет оружие</i>	<i>Я выбрал винтовку</i>
		Пропозиция: <i>A держит оружие</i>	<i>[А держит винтовку]</i>
		Пропозиция: <i>A заряжает оружие</i>	<i>Я зарядил её</i>
Третий уровень	<i>Цель / мишень</i>	Пропозиция: <i>A прицеливается [в мишень]</i>	<i>Я прицелился [в мишень]</i>
		<i>Сопутствующие звуки</i>	Пропозиция: <i>От оружия исходит звук</i>
Четвертый уровень	<i>S - психологические состояния</i>	Пропозиция: <i>От поражённой мишени исходит звук</i>	<i>Слышался звон падающих мишеней</i>
		Пропозиция: <i>A испытывает S</i>	<i>Я начал нервничать</i>
			<i>Я начал чувствовать себя неуверенно</i>
			<i>Я почувствовал радость</i>
		<i>Я почувствовал удовлетворение</i>	
		<i>Я чувствовал уверенность</i>	

Из логических нарушений можно отметить несоответствие следствия исходной посылке: *Я сделал ещё несколько выстрелов, и на этот раз мишень упала*: рассказчик сделал несколько последовательных выстрелов, но мишень упала только единожды – *на этот раз*. В случае с адекватным рассказчиком-человеком такого рода отклонения были бы маловероятны.

Вызывает интерес старик – работник тира, оказавший помощь главному персонажу: такой сюжетный ход – появление помощника (дарителя) свойственен волшебной сказке [9], что многое может сказать о том, на каких текстах обучалась языковая модель.

Следующим шагом в изучении коротких рассказов, сгенерированных языковой нейросетью GigaChatPro, стало усложнение задания написать рассказ по заданному фрейму: в промпт, помимо основной задачи сгенерировать рассказ по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА, было введено дополнительное задание включить слова *осечка, гильза, затвор, целик*, которые являются слотами высших уровней фрейма. Таким образом преследовалась цель получить данные о том, как нейросеть внедрит эти слова в текстовое представление фрейма. В результате нейросеть обошлась минимальными структурными изменениями, а именно оставила предыдущий текст неизменным, за исключением двух фрагментов: заменила выражение во втором абзаце и дописала два абзаца в финале (рис. 5, 6).

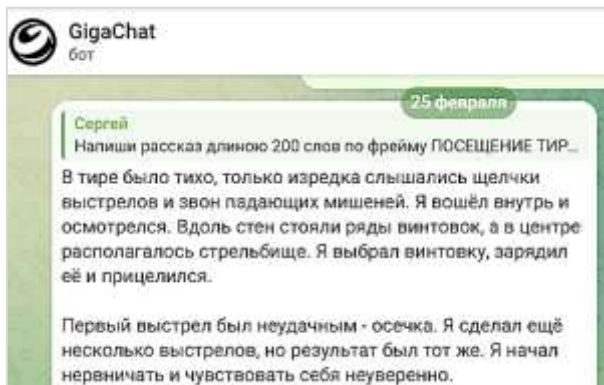

Рисунок 5. Первый изменённый фрагмент рассказа по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА с дополнительным заданием / Figure 5. The first modified fragment of the story based on the frame VISITING A SHOOTING GALLERY with an additional task

Как видим, во втором абзаце простое предложение *мишень даже не шелохнулась*, поясняющее предшествующее выражение, заменила словом *осечка*, которое выполняет ту же синтаксическую функцию. Отметим, что в семантико-синтаксическом отношении замена выполнена безупречно.

Как сказано выше, финал рассказа дополнен двумя абзацами (Рис. 6). Абзац *Я заметил, что...* представляет собой явно аномальное приращение: за композиционно обусловленным финалом из прежнего рассказа следует коммуни-

кативно аномальный фрагмент, включающий несущественные для сюжета детали.

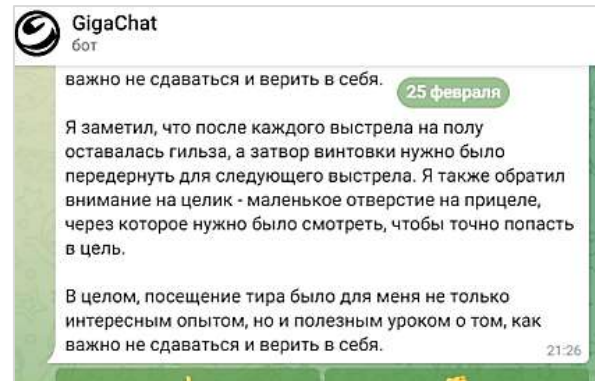

Рисунок 6. Второй изменённый фрагмент рассказа по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА с дополнительным заданием / Figure 6. The second modified fragment of the story based on the frame VISITING A SHOOTING GALLERY with an additional task

Первая деталь заключена в семантически аномальном высказывании *Я заметил, что после каждого выстрела на полу оставалась гильза, а затвор винтовки нужно было передернуть для следующего выстрела*, в котором за фактологическим главным предложением *Я заметил*, предполагающим ввод новых для говорящего данных, следуют две банальные детали: *стреляющий неизбежно видит и знает, что после каждого выстрела на полу остаётся гильза и что затвор нужно передергивать для следующего выстрела* – уже хотя бы потому, что сам с первого выстрела выполняет эту операцию. Второе предложение *Я также обратил внимание...* в этом же абзаце содержит такую же аномалию: выражение *обратил внимание* пресуппозиционно противоречит предыдущей части текста, в которой сказано, что говорящий целился, то есть изначально смотрел через целик на мишень.

Абзац *В целом, посещение...* есть не что иное, как функционально-семантический повтор последнего предложения *В конце концов, я понял...* в пятом абзаце – выводе-наставлении этого же варианта рассказа и, соответственно, финального абзаца в первом варианте рассказа.

Для верификации результатов нейросети дважды подряд было дано аналогичное задание: сначала сгенерировать короткий рассказ по определенному фрейму, затем задание сгенерировать рассказ по этому же фрейму с указанием конкретных слов-слотов этого фрейма, которые должны присутствовать в тексте. В первом случае задание было построить рассказ по фрейму ОБЕД В РЕСТОРАНЕ, во втором случае – по фрейму ПОЕЗДКА НА ПОЕЗДЕ. В результате нейросеть выдавала один и тот же текст и на задание сгенерировать текст только по фрейму, и на задание построить рассказ по фрейму с указанием обязательных слов. То есть список слов, обязательных для включения в рассказ, был проигнорирован, причем в случае с фреймом ОБЕД

В РЕСТОРАНЕ из десяти обязательных слов четыре не были использованы, в случае с фреймом ПОЕЗДКА НА ПОЕЗДЕ из десяти слов неустраиваемыми оказались восемь. Добавим, что рассказ по фрейму ОБЕД В РЕСТОРАНЕ по сюжету оказался рассказом о случайной встрече двух бывших одноклассников с неожиданным вопросом в финале *Друзья, а вы часто ходите в рестораны?* Рассказ по фрейму ПОЕЗДКА НА ПОЕЗДЕ оказался рассказом о случайной встрече рассказчицы (по окончаниям глаголов в прошедшем времени) в купе поезда со случайным пассажиром, который имел при себе пистолет, по его словам, для самообороны. В обоих случаях языковая нейросеть не связывает строго семантику фрейма в рассказе с его сюжетом, в то время как сюжет рассказа ПОСЕЩЕНИЕ ТИРА строго привязан к сценарной семантике фрейма.

Следующим этапом исследования текстов, генерируемых нейросетью GigaChatPro, стала постановка задачи на создание короткого рассказа по определенному фрейму с предварительным запросом на содержание и структуру этого фрейма. Задача такого рода позволяет определить, насколько составленная языковой нейросетью модель фрейма оказывает влияние на построение текста по этому фрейму. Иными словами, посредством такого задания для нейросети можно определить, действительно ли она применяет созданные ею вспомогательные семанто-синтаксические структуры для генерации текста.

Языковой нейросети GigaChatPro задание было сформулировано следующим образом: *Составь структурную модель семанто-синтаксического фрейма ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА*, результат представлен на Рис. 7. Как видим, модель не содержит признаков сценария, нет связей между уровнями и слотами, приведенными в типовых пропозициях. Но в результате оказывается, что сеть «знает» все сценарии и связи между компонентами фрейма, потому что сгенерированный рассказ содержит все это.

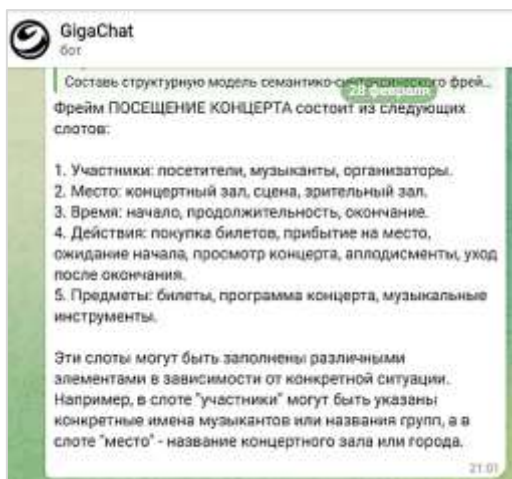

Рисунок 7. Структурная модель фрейма ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА / Figure 7. Structural model of the CONCERT ATTENDANCE frame

Как видим, построенная нейросетью модель фрейма имеет некоторое подобие иерархии при довольно четком определении семантических ролей, сирконстантов и предикатов первого термина. Главный недостаток этой модели состоит в том, что ядерные термины, третьи (орудийные термины) и предикаты даны разрозненно, а не в составе пропозиций. Об иерархии можно говорить в том смысле, что на первое место сеть поставила первые и вторые термины – *посетители* (первый терм), *музыканты* (первый терм), *организаторы* (второй терм). Неадекватность иерархии состоит в том, что ядерные предикаты и третьи термины поставлены на два последних места – четвертое и пятое. Модель содержит лексические отклонения: в числе первых термов указаны посетители, а не зрители, что было бы более предпочтительным для фрейма ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА; в терминале МЕСТО присутствует частичный семантический повтор *концертный зал – зрительный зал*. Данные особенности составленной нейросетью модели не позволяют отнести её к семанто-синтаксическим фреймам, что свидетельствует об отсутствии в нейроне конструктивной, функциональной связи между составленным нейросетью определением семанто-синтаксического фрейма (Рис. 3) и сгенерированной ею же моделью фрейма ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА.

При этом короткий рассказ на тему ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА, сгенерированный по составленной нейросетью модели фрейма, в полной мере соответствует этой модели, хотя и не включает некоторые слоты из неё (рис. 8).

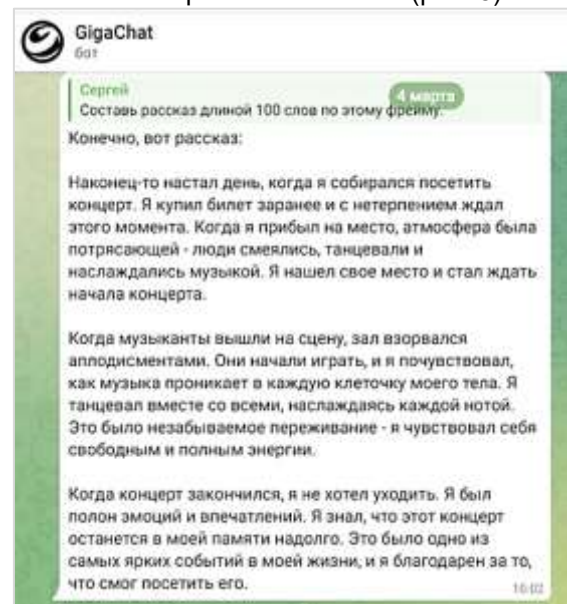

Рисунок 8. Короткий рассказ по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА / Figure 8. Short story based on the frame ATTENDING THE CONCERT

Прежде всего отметим, что рассказ построен по сценарию фрейма, имеет четко выстроенную композицию: первый абзац – это действия, предшествующие собственно концерту (покупка билета

и прибытие на место); второй абзац – само концертное действие и сопутствующие психологические состояния; третий абзац – действия по окончании концерта, интеллектуально-психологические состояния. В терминале ВРЕМЯ из составленной нейросетью модели фрейма (Рис. 8) выдержанная в рассказе последовательность представлена предельно четко: «начало, продолжительность, окончание». Такое соответствие позволяет предположить, что нейросеть строила рассказ, соотнося его композицию с моделью фрейма.

Из первого терминала УЧАСТНИКИ присутствуют два слота из трех – *посетители, музыканты*, отсутствует слот *организаторы*; из терминала МЕСТО в рассказе присутствует слот *цена*, отсутствуют слоты *концертный зал, зрительный зал*; из терминала ВРЕМЯ, как уже сказано выше, присутствуют все указанные слоты; из терминала ДЕЙСТВИЯ (предикаты) присутствует пять слотов из шести: *покупка билета, прибытие на место, ожидание начала, аплодисменты, уход после окончания*, отсутствует слот *просмотр концерта*, хотя его можно идентифицировать с ядерным предикатом в предложении *Я собирался посетить концерт*, при том что сам этот предикат – *посетить концерт* отсутствует в составленной нейросетью модели; терминал ПРЕДМЕТЫ представлен в тексте слотом *билеты*, отсутствуют *программа концерта и музыкальные инструменты*. В то же время в сгенерированном тексте присутствует ядерная пропозиция *Музыканты играют*, предиката которой нет в составленной нейросетью модели фрейма.

О функциональной связи между построением текста рассказа и составленной ранее моделью фрейма может говорить также тот факт, что и в рассказе, и в модели присутствует слот *ожидание начала*, который вообще нельзя хотя бы в какой-то мере считать специфичным, обязательным для фрейма ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА, то есть нейросеть по какой-то причине ввела этот слабо релевантный слот в модель, а потом включила в рассказ в соответствии с моделью. С другой стороны, это соответствие может быть обусловлено тем, что в числе немногочисленных обучающих текстов, вероятнее всего, попались такие, в которых было описано ожидание начала концерта, что и отразилось как в модели фрейма, так и в сгенерированном рассказе.

Сгенерированный нейросетью GigaChatPro текст по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА содержит ряд аномалий пресуппозиционального и референциального характера. Нарушение прагматических пресуппозиций, или несоответствие фрейму, усматривается в присутствии предложения *Люди... танцевали и наслаждались музыкой* в описании моментов, предшествующих началу концерта. К нарушению текстовой референции следует отнести предложение *...я был благодарен за то, что смог посетить его [концерт]*, поскольку в предыдущей части текста отсутствует референт адресата бла-

годарности, который сам по себе не является обязательным слотом фрейма.

На контрольный запрос – составление семантико-синтаксического фрейма ПОСЕЩЕНИЕ СПОРТИВНОГО ЗАЛА нейросеть выдала модель, которая, с одной стороны, по составу слотов отличается от модели ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА, с другой – представляет собой редуцированный вариант в содержательном отношении (рис. 9).

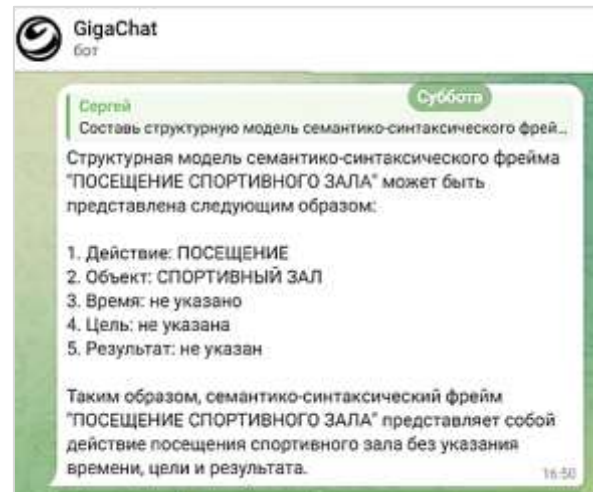

Рисунок 9. Структурная модель фрейма ПОСЕЩЕНИЕ СПОРТИВНОГО ЗАЛА / Figure 9. Structural model of the frame VISITING THE GYM

На запрос построить рассказ по этому фрейму нейросеть выдала такой же редуцированный вариант текста по отношению к тексту посещения концерта (рис. 10).

Рисунок 10. Короткий рассказ по фрейму ПОСЕЩЕНИЕ СПОРТИВНОГО ЗАЛА / Figure 10. Short story based on the frame VISITING THE GYM

В частности, из всех пяти терминалов, только два оказались отображенными в тексте. Между тем рассказ содержит едва ли не все ядерные и периферийные слоты, что и текст ПОСЕЩЕНИЕ КОНЦЕРТА: собственно спортзал и действия в нём, описание физических ощущений (*сильный и энергичный*), описание психологического состояния (*доволен*), отсутствует слот ДРУГИЕ УЧАСТНИКИ (другие первые термы). Отметим, что рассказ построен строго в соответствии со сценарием фрейма: *принятие решения – прибытие – основное действие – убытие*.

Результаты. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Прежде всего следует сказать, что сгенерированные в GigaChatPro тексты коротких рассказов в подавляющем большинстве характеризуются грамматической, структурно-семантической и композиционной правильностью. Текстам такого рода, за редкими исключениями, свойственна также семантическая локальная связность, его строгая логичность, композиционная целесообразность в соответствии с жанровыми параметрами. Предложения имеют среднюю длину 5 – 7 слов, что свойственно рассказам для детей раннего школьного возраста.

Тематическая группа коротких рассказов может иметь выраженный назидательный характер, то есть содержать эволюционное продвижение от неудачи к успеху, сопровождаемое описаниями физических и психологических состояний, завершаться поучительным выводом. Сгенерированный в GigaChatPro рассказ может также завершаться вопросом, обращенным к читателю, и такой финал приближает его к детским дидактическим рассказам.

Высокая семантическая локальная связность сгенерированных текстов, их строгая логичность и выраженная назидательность позволяют предположить, что обучающие тексты данной семантики или тексты, к которым модель имела доступ в ходе генерации, относятся к одной жанрово-тематической группе – рассказы для детей.

Сгенерированные в языковой нейросети GigaChatPro короткие рассказы могут быть построены как по сценарию фрейма, так и по микросюжету, не связанному напрямую с фреймом, в нашем случае это сюжет о неожиданной встрече.

Из повторяющихся дефектов, выявленных в коротких рассказах, сгенерированных в языковой нейросети GigaChatPro, следует отметить следующие. Прежде всего следует сказать, что короткие рассказы, созданные сетью на определенную тему или по определенному фрейму, могут содержать аномалии в глобально-семантической организации, порожденные как пресуппозиционно-прагматическими нарушениями, так и нарушениями текстовой референции. И те и другие нарушения вполне объяснимы, если предположить, что сам процесс порождения текстов и его конечный результат не подвергаются текущему контролю с целью избежания подобных дефектов.

Пресуппозиционно-прагматические нарушения в сгенерированных рассказах выражены прежде всего в том, что отдельные описываемые факты не соответствуют естественным представлениям о действительности, такие нарушения можно рассматривать также как фреймовые нарушения. Референциальные нарушения глобальной связности связаны с тем, что нейросеть может включить в текст рассказа имена и именные группы, присутствие которых не предполагается предыдущей частью текста.

Необходимо отметить нарушения в общей функциональной прагматике сгенерированных рассказов: как отмечено выше, выраженная назидательность, длина предложений в них – 5-7 слов свойственны рассказам для детей младшего школьного возраста, при этом темы этих рассказов изначально не соответствуют их возрастным интересам (посещение тира, концерта, поездка в поезде и т.п.).

Задание написать рассказ по определенному фрейму языковая нейросеть GigaChatPro воспринимает примерно так же, как и задание написать рассказ на определенную тему, при этом в случае задания генерации по фрейму рассказ либо повторял буквально рассказ, написанный на определенную тему, либо включал такое же количество слотов из верхних терминалов фрейма (4-6 слотов), что и рассказ на определенную тему. Следует отметить количественное преобладание пропозиций четвертого уровня в структуре фрейма (описание сопутствующих состояний персонажа), что может быть объяснено относительной свободой содержания жанра рассказа. Несколько иная картина наблюдается, если нейросети сначала поставить задачу составить модель семантико-синтаксического фрейма и затем поставить задачу написать рассказ по этому фрейму: в этом случае все пять терминалов, включенные нейросетью в модель фрейма, были представлены в тексте, из восемнадцати слотов в модели в текст включены одиннадцать. При этом отсутствие некоторых слотов не вызвало семантической недостаточности текста. Порождение нейросетью рассказа, в котором представлены все терминалы созданной ею же модели фрейма, позволяет говорить о существовании либо функциональной связи между создаваемыми языковой нейросетью фреймовыми моделями и порождением текстов по этим моделям, либо генеративной связи: и фреймовые модели и рассказы создаются на материале одних и тех же обучающих текстов.

Построенная нейросетью GigaChatPro структурная модель фрейма не имеет определенной внутренней иерархии, хотя семантические роли, сирконстанты и предикаты первого термина определены точно. При этом ядерные термины, орудийные термины и предикаты даны разрозненно, то есть не в составе пропозиций. Составленная нейросетью модель фрейма имеет лексическое нарушение: в состав первых терминов включен слот *посетители*, хотя предпочтительнее был бы слот *зрители*. Все эти особенности и нарушения не позволяют отнести составленную нейросетью модель к семантико-синтаксическим фреймам.

Перспективы дальнейшего исследования видятся прежде всего в изучении возможностей построения нейросетью сложных текстовых структур по заданным языковым структурно-содержательным моделям типа семантико-синтаксического фрейма. Следует также отметить стилистическую «сдержанность» языковой

модели: при всей стилистической выдержанности сгенерированных ею рассказов, тексты не содержат ярких языковых выразительных средств (метафоры, сравнения, гиперболы и пр.), только от-

дельные эпитеты. Как представляется, при дальнейшем исследовании этот факт сможет многое сказать о внутренних механизмах и возможностях генеративных языковых нейросетей.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы: монография. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Предикатно-фреймовое описание линейной семантики художественного нарратива // Филологические науки. 2020. № 3. С. 18–30.
3. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. XXIII. С. 153-211.
4. Демченков С. А., Федяева Н. Д. Вербальный хеппенинг: о некоторых моделях компьютерной генерации текстов в аспекте авангардной поэтики // Humanitarian Vector. 2020. Том 15. № 1. С. 27-37.
5. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
6. Козловский А. В., Мельник Я. Э., Волощук В. И. О подходе для автоматической генерации сюжетно связанного текста // Известия ТулГУ. 2022. Вып. 9. С. 160-167.
7. Кривошеев Н. А., Иванова Ю. А., Спицын В. Г. Автоматическая генерация коротких текстов на основе применения нейронных сетей LSTM и SecGAN // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 57. С. 118-130.
8. Кучина С. А. Электронные генеративные художественные тексты // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 6 (183). С. 49-55.
9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки: монография. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
10. GigaChat – русскоязычная нейросеть от Сбера. URL: <https://developers.sber.ru/gigachat/login> (дата обращения: 26.02.2024)
11. Столнейкер Р. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. 1985. С. 419-438.
12. Токарева И. А. Структурно-семантическая модель семантико-синтаксического фрейма // Казанский лингвистический журнал. Т. 5. 2022. № 4. С. 547-558.
13. GigaChatPro. URL: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> (accessed: 15.12.2023).
14. Goloviznina V., Fishcheva I., Peskischeva T., Kotelnikov E. Aspect-based Argument Generation in Russian // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2023).
15. Ji Z., Lee N., Frieske R., Yu T., Su D., Xu Y., Ishii E., Bang Y., Chen D., Chan H.S., Dai W., Madotto A., Fung P. Survey of hallucination in natural language generation // ACM Computing Surveys. Vol. 1. No. 1. Article. URL: <https://www.semanticscholar.org/search?q=Survey%20of%20hallucination%20in%20natural%20generation&sort=r=relevance> (accessed: 15.02.2023)
16. Maynez J., Narayan S., Bohnet B., McDonald R. T. On Faithfulness and Factuality in Abstractive Summarization // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 1906–1919.
17. Mikhaylovskiy N., Churilov I. Autocorrelations Decay in Texts and Applicability Limits of Language Models // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2023).
18. Ostyakova L, Petukhova K., Smilga V., Zharikova D. Linguistic Annotation Generation with ChatGPT: a Synthetic Dataset of Speech Functions for Discourse Annotation of Casual Conversations // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2023).
19. Vychezhnanin S., Kotelnikova A., Sergeev A., Kotelnikov E. MaxProb: Controllable Story Generation from Storyline // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2023).

References

1. Arutyunova, ND. The sentence and its meaning: logical-semantic problems: monograph. Moscow: Nauka; 1976. 383 p. (In Russ.).
2. Gusarenko SV, Gusarenko MK. Predicate-frame description of the linear semantics of artistic narrative. *Filologicheskie nauki*. 2020;3:18-30. (In Russ.)
3. Deik TA van, Kinch V. Strategies for understanding a coherent text. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka*. 1988;XXIII:153-211. (In Russ.).
4. Demchenkov SA, Fedyaeva ND. Verbal happening: about some models of computer generation of texts in the aspect of avantgarde poetics. *Humanitarian Vector*. 2020;15;1:27-37. (In Russ.).
5. Il'f I, Petrov E. The twelve Chairs. The Golden Calf: Novels. Notebooks. Moscow: Eksmo; 2007. 640 p. (In Russ.).
6. Kozlovskii AV, Mel'nik YaE, Voloshchuk VI. About the approach for automatic generation of plot-related text). *Izvestiya TulGU*. 2022;9:160-167. (In Russ.).
7. Krivosheev NA, Ivanova YuA, Spitsyn VG. Automatic generation of short texts based on the use of LSTM and SecGAN neural networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;57:118-130. (In Russ.).
8. Kuchina SA. Electronic generative literary texts. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*. 2017;6(183):49-55. (In Russ.).
9. Propp VYa. Morphology of a fairy tale. Moscow: Labirint; 2001. 192 p. (In Russ.).
10. GigaChat – Russian-language neural network from Sber. URL: <https://developers.sber.ru/gigachat/login> (accessed: 26.02.2024). (In Russ.).
11. Stolneiker R. *Pragmatics*. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika*. 1985;XVI:419-438. (In Russ.).
12. Tokareva IA. *Structural-semantic model of semantic-syntactic frame*. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal*. 2022;5;4:547-558. (In Russ.).

13. GigaChatPro. URL: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> (accessed: 15.12.2023).
14. Goloviznina V, Fishcheva I, Peskischeva T, Kotelnikov E. Aspect-based Argument Generation in Russian in Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue". (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2024).
15. Ji Z, Lee N, Frieske R, Yu T, Su D, Xu Y, Ishii E, Bang Y, Chen D, Chan HS, Dai W, Madotto A, Fung P. Survey of hallucination in natural language generation in ACM Computing Surveys. Vol. 1. No. 1. Article. URL: <https://www.semanticscholar.org/search?q=Survey%20of%20hallucination%20in%20natural%20language%20generation&sort=relevance> (accessed: 15.02.2024).
16. Maynez J, Narayan S, Bohnet B, McDonald RT. On Faithfulness and Factuality in Abstractive Summarization in Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 1906-1919.
17. Mikhaylovskiy N, Churilov I. Autocorrelations Decay in Texts and Applicability Limits of Language Models in Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue". (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2024).
18. Ostyakova L, Petukhova K, Smilga V, Zharikova D. Linguistic Annotation Generation with ChatGPT: a Synthetic Dataset of Speech Functions for Discourse Annotation of Casual Conversations in Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2024).
19. Vychezhnanin S, Kotelnikova A, Sergeev A, Kotelnikov E. MaxProb: Controllable Story Generation from Storyline in Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2023). Issue 22. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2023/articles/> (accessed: 15.02.2024).

Научная статья

УДК 81`27

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.22>**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ТИПА «ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА ГОДА»: ТИПОЛОГИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ****Татьяна Анатольевна Долгая**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва (д. 82, стр. 1, пр-кт Вернадского, Москва, 119571, Российская Федерация)
Эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия»
dota73@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3626-889X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена комплексному системному анализу социолингвистических проектов типа «Языковая единица года» в различных лингвокультурах. Существует ряд исследований, касающихся темы социолингвистических проектов «Слово года», которые изучают активизацию лексико-тематических групп в рамках календарного года. Актуальность данного исследования основана на отсутствии научных работ, дающих комплексное представление о социокультурных проектах, направленных на выявление механизмов и приоритетов языковой рефлексии через иные семантические единицы. Целью исследования является фиксирование и анализ проектов, инициируемых разными странами в период с 1971 года, начала запуска первого проекта в Германии, по настоящий момент, выявление закономерностей и отличий. Новизна исследования заключается в расширении охвата лингвокультур и анализе различных семиотических единиц, отражающих влияние экстралингвистических процессов на языковое сознание. **Материалы и методы.** Осуществлен критический анализ баз данных и официальных страниц сайтов проектов, изучены научные публикации и новостные статьи интернет-изданий. В ходе исследования применялись методы наблюдения, сравнения, обобщения, анализа, синтеза и интерпретации данных. **Анализ.** Изучены закономерности и особенности развития проектов «Слово года» в медийном дискурсивном

пространстве. Систематизированы исследуемые проекты по языкам и странам осуществления, периодам их реализации, выявлены площадки размещения информации о проектах, выделены осуществляющие их организации и поставленные организаторами цели. **Результаты.** Исследование позволило зафиксировать 71 проект типа «Языковая единица года», которые проводятся на протяжении второй половины XX и первых десятилетий XXI века в 29 странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Африки и в Австралии на 21 языке мира. Выявлено существенное изменение направления вектора интереса общественности, медийных акторов и исследователей в сторону иных семиотических единиц: жестов, иероглифов, цифр, эмодзи, мемов.

Ключевые слова: социолингвистический проект, языковая единица года, языковая рефлексия, семиотические единицы, языковая картина мира

Для цитирования: Долгая Т. А. Социолингвистические проекты типа «Языковая единица года»: типология и динамика развития // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 380–387. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.22>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

SOCIOLINGUISTIC PROJECTS OF THE "LANGUAGE UNIT OF THE YEAR" TYPE: CATEGORIZATION AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT**Tatiana A. Dolgaya**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow (82, building 1, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation)

Expert of the scientific research laboratory "Linguistic security and psychology of information impact"
dota73@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3626-889X>

Abstract. Introduction. The paper provides a complex system analysis of sociolinguistic projects of the "Language Unit of the Year" type in various linguistic cultures. There are several studies related to the topic of sociolinguistic "Word of the Year" projects, which focus on the activation of lexical and thematic groups within the calendar year. The relevance of this study is based on the lack of scientific papers that provide a comprehensive understanding of socio-cultural projects aimed at identifying the mechanisms and priorities of linguistic reflection through other semantic units. The purpose of the study is to record projects initiated by different countries in the period from 1971, the launch of the first project in Germany, to the present, to identify regularities and notable differences. The novelty of the research lies in the consideration of these sociolinguistic projects in a broader scope of linguistic cultures and the analysis of various semiotic units reflecting the influence of extralinguistic processes on linguistic consciousness. **Materials and Methods.** A critical analysis of databases and official pages of project sites was carried out, scientific publications and news articles of online publications were studied. The research used the methods of observation, comparison, generalization,

analysis, synthesis and interpretation of data. **Analysis.** The regularities and distinguishing features of the development of the "Word of the Year" projects in the media discourse are studied. The projects under the study are systematized by languages, countries, and periods of implementation, the venues for posting information about the projects are identified and the organizations implementing the projects as well as their goals pursued are discovered. **Results.** The study has allowed us to record 71 projects of the "Language Unit of the Year" type, which have been carried out since the second half of the XX till the first decades of the XXI century in 29 countries of Europe, Asia, North and South America, Africa and Australia in 21 languages of the world. A meaningful change in the interest vector of the public, media actors and researchers towards other semiotic units, like gestures, hieroglyphs, numbers, emoji, and memes, has been revealed.

Keywords: sociolinguistic project, language unit of the year, language reflection, semiotic units, language picture of the world

For citation: Dolgaya TA. Sociolinguistic projects of the "Language Unit of the Year" type: categorization and dynamics of

development. *Humanities and law research*. 2024;11(2):380-387. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.22>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Введение. Современная лингвистика активно занимается исследованиями динамических трансформаций языковых и коммуникативных процессов, вызванных экстралингвистическими факторами. Лексический фонд языка, являясь подвижной и «чувствительной» к внешним воздействиям системой, мгновенно реагирует на ключевые локальные и глобальные социально-политические, экономические и культурные события [5, 8, 9]. Именно эти изменения представляют большой интерес для российских и зарубежных ученых-лингвистов, пытающихся обнаружить закономерности и особенности исследуемых процессов.

Помимо профессионалов в осмысление языковых изменений вовлекаются и большие группы носителей языка, далеких от научных кругов. Проявлением массового интереса к языковым новациям является функционирование в интернет-пространстве социолингвистических проектов типа «Языковая единица года». Коммуникативная реализация данных проектов осуществляется в рамках дискурса пограничного типа, сочетающего научные, просветительские и развлекательные характеристики [о пограничных видах дискурса см.: 2].

Проекты «Слово года» привлекают большое внимание исследователей, изучающих лексические единицы, которые Е.А. Земская назвала «ключевыми словами эпохи» [3, с. 92], а Т.В. Шмелева обозначила как «ключевые слова текущего момента» [12, с. 63], появление которых в информационном пространстве трактуется О.С. Иссерс как «следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности» [4, с. 124]. Вошедшие в рейтинги проектов слова рассматриваются лингвистами «в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей» [4, с.49]. Мы исследуем подобные проекты в более широком плане, не ограничиваясь только лексическими единицами, а рассматривая прочие семиотические единицы, такие как жесты, иероглифы, цифры, эмодзи, мемы. По этой причине мы называем их проектами типа «Языковая единица года», которые трактуются нами как инструмент отражения языковой картины мира, пример языковой рефлексии ценностной, эмоциональной и этической составляющей социума.

Ранее в работах, посвященных изучению проектов «Слово года», внимание уделялось только узкому кругу языков (английскому [7], русскому [6, 12], немецкому [10] и французскому [1]). Целью настоящего исследования является комплексный системный анализ социолингвистических проектов типа «Языковая единица года» в широком спектре лингвокультур. Были поставлены следующие задачи исследования: поиск и анализ эмпирического материала (данных о проектах), систематизация перечня исследуемых проектов по языкам и странам осуществления проектов, периодам реализа-

The article was submitted: 16.11.2023.

The article was approved after reviewing: 21.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

ции проектов, выделение организаций, осуществляющих проекты, и определение поставленных организаторами целей.

Материалы и методы. Исследование базируется на общенаучных принципах системности. Используется метод моделирования, включающее методы наблюдения, сравнения, обобщения, анализа, синтеза и интерпретации материала. В качестве эмпирического материала анализа использовались базы данных [13], официальные страницы сайтов проектов, изучены научные публикации и новостные статьи интернет-изданий.

Анализ. Диахронический аспект исследования заключался в рассмотрении последовательности реализации проектов данного типа с 1971 г., когда был запущен первый в мире немецкий проект "Wort des Jahres" – «Слово года») с целью зафиксировать самые емкие и выразительные слова, которые являются отражением культуры и языковой картины мира, формирующейся в течение года в массовом сознании людей. При выборе кандидатов на звание «слово года» акцент делался не на частотности употребления лексических единиц, а на точности отображения самых важных событий и тем времени. Переломные события глобального и локального масштаба, такие как запуск первой космической станции в СССР, создание электронной почты и активизация движения за гражданские права в США, основание экологической организации «Гринпис» в Канаде, получение женщинами Швейцарии полного права голосования, проведение первых переговоров между двумя правительствами Германии, официальное закрепление обращения «фрау» в ФРГ, способствовали выбору в качестве слова-победителя прилагательного «дерзкий, непокорный», передающего дух кардинальных изменений в культурной, общественной и политической жизни людей той эпохи.

Вслед за Германией с 1971 г. с небольшими временными промежутками первые проекты начали реализовываться в Японии («U-Can 新語・流行語大賞, U-Can shingo, ryūkyō taishō» – «Гран-при U-Can за новое и модное слово», 1984 г.), Великобритании ("Oxford Word of the Year" – «Оксфордское слово года», 1990 г.) и США ("Word of the Year" – «Слово года», 1990 г.), Австрии ("Das österreichische Wort des Jahres" – «Австрийское слово года», 1999 г.). Далее, начиная с 1999 года по 2021 г., каждый год, за исключением 2001 г., запускались проекты подобного типа в различных точках мира, а именно, в Новой Зеландии ("The Public Address Word of the Year" – «Слово года от сообщества новозеландских блогеров Public Address», 2002), Канаде ("Canadian Word of the Year" – «Канадское слово года», 2004), Аргентине ("Palabra del Año en Argentina" – «Аргентинское слово года», 2007), Австралии ("Macquarie

Dictionary Word of the Year" – «Слово года по версии словаря Маккуори», 2006), Китае (中文目录 – «Ханью паньдянь» (дословно «Инвентаризация китайского языка», 2006), ЮАР ("South African Word of the Year" – «Слово года в Южной Африке», 2018) и ряде стран Европы, например, Швейцарии ("Schweizer Wort des Jahres (Deutsch)" – «Швейцарские слово года на немецком», 2003), Дании ("Årets Ord" – «Датское слово года», 2008), Бельгии ("Vlaams Woord van het jaar" – «Фламандское слово года», 2010), Польше ("Słowo Roku" – «Слово года», 2011), что существенно расширило географию их реализации.

Заметное увеличение числа проектов по сравнению с последующими годами было продемонстрировано в 2010 г. (5 проектов в 5 странах) и 2011 г. (5 проектов в 3 странах). В 2004 и 2008 гг. было осуществлено по семь проектов, что является самым высоким показателем за все исследуемые годы.

С 2012 г. по 2023 г. в мировом пространстве реализовывалось по 2–3 проекта ежегодно, за исключением 2014, 2015, 2022 и 2023 годов, где количество проектов в год равно 1 (см. рис. 1, 2).

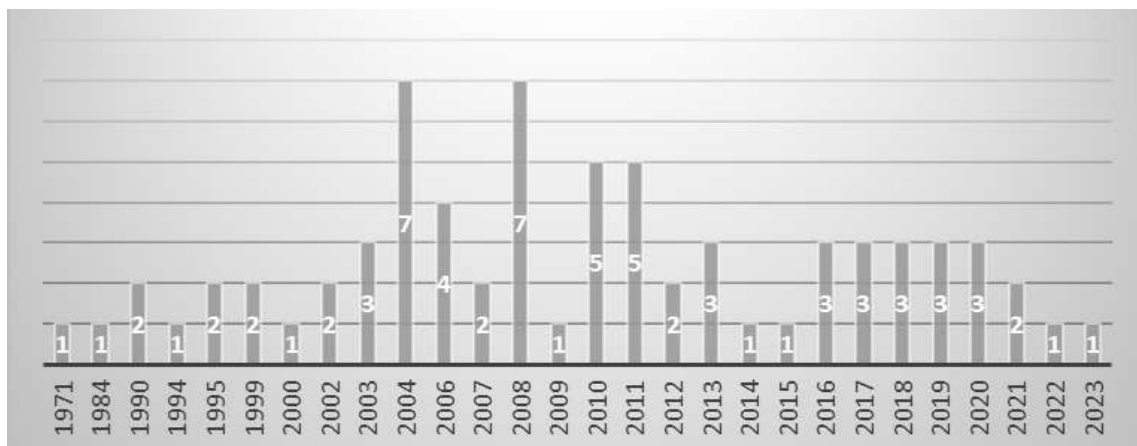

Рисунок 1. График запуска проектов типа «Языковая единица года» за период с 1971 г. по 2023 г. / Figure 1. Schedule for launching projects of the "Language Unit of the Year" type for the period from 1971 to 2023.

Год запуска проекта	Кол-во проектов	Страна запуска проекта
1971	1	Германия
1984	1	Япония
1990	2	Великобритания, США
1994	1	Германия
1995	2	Германия, Япония
1999	2	Австрия
2000	1	США
2002	2	Новая Зеландия, Лихтенштейн
2003	3	США, Швейцария, Нидерланды
2004	7	Канада, США (3), Польша, Филиппины, Германия
2006	4	Австралия, Германия, Китай
2007	2	Россия, Аргентина
2008	7	Германия (3), Дания, Китай, Норвегия, Тайвань
2009	1	Португалия
2010	5	Великобритания, США, Германия, Сингапур, Бельгия
2011	5	Россия (3), Бельгия, Польша
2012	2	Россия, Великобритания
2013	3	Испания, Украина, Швеция
2014	1	Великобритания
2015	1	Великобритания
2016	3	Австрия, Польша, Швейцария
2017	3	Австрия, Индия, Швейцария
2018	3	Россия, ЮАР, Швейцария
2019	3	Бельгия, Швейцария, США
2020	3	Россия (2), Польша
2021	2	Россия
2022	1	США
2023	1	США

Рисунок 2. Количество запущенных проектов в разрезе лет и стран за период с 1971 г. по 2023 г. / Figure 2. Number of launched projects by year and country for the period from 1971 to 2023.

Количественный анализ проектов, проводимых в исследуемых странах, позволил сделать следующие выводы (рис. 3).

1. США, Германия и Россия выделяются как страны, в которых за весь рассматриваемый период запущено наибольшее количество проектов: 10, 9 и 8 проектов соответственно. За ними следуют Великобритания и Швейцария (включая немецкоязычную Швейцарию) с 5 проектами.

2. Меньше на один проект реализуется в Австрии и Польше. В Бельгии – 3 проекта, в то время как в Австралии, Китае и Японии – по 2 проекта.

3. В остальных странах, а именно, в Новой Зеландии, Канаде, Южно-Африканской Республике, Лихтенштейне, Аргентине, Испании, Португалии, Дании, Индии, Сингапуре, Нидерландах, Норвегии, Тайвани, Украине, Филиппинах, Франции и Швеции, осуществляется по одному проекту.

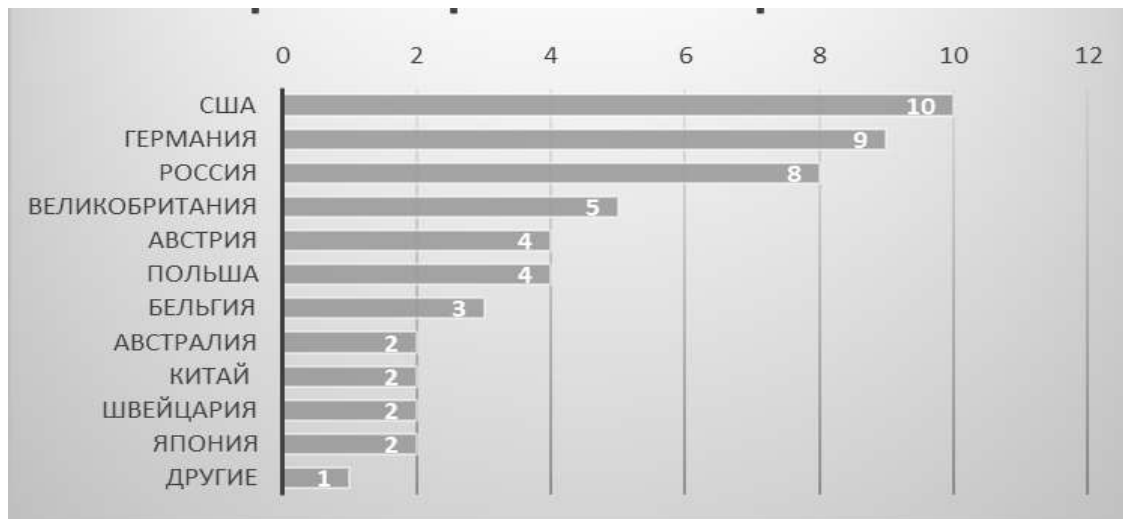

Рисунок 3. Количество запущенных проектов в рассматриваемых странах за период 1971 – 2023 гг. / Figure 3. Number of launched projects in the countries under consideration for the period 1971–2023

Проведенный анализ показал, что 71 исследуемый проект реализуется на 21 языке мира. Наибольшее количество проектов (17) проводится на английском языке, затем следует немецкий язык с 15 проектами. Тройку лидеров замыкает русский язык, на котором осуществляется 8 проектов. Были зафиксированы 4 проекта на польском языке, в то время как на китайском и нидерландском (фла-

манском) – по 3 акции. На испанском, французском и японском языках реализуются по 2 проекта, а португальский, датский, хинди, итальянский, норвежский, ретороманский, тайваньский (диалект китайского), украинский, филиппинский, шведский и швейцарско-немецкий язык жестов имеют по 1 проекту (рис. 4).

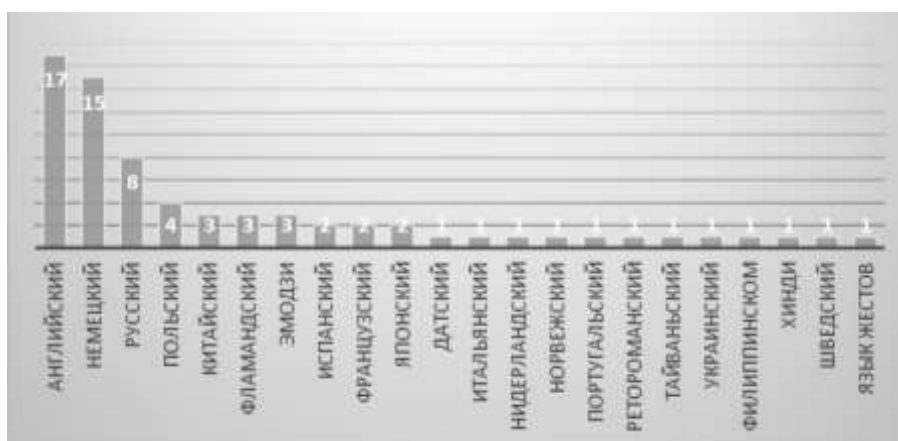

Рисунок 4. Количество запущенных проектов на рассматриваемых языках за период 1971–2023 гг. / Figure 4. Number of launched projects in the languages under consideration for the period 1971–2023

Отметим, что по продолжительности проекты можно разделить на:

- *Постоянно действующие*, которые были запущены в определенном году и непрерывно проводятся на ежегодной основе ("Oxford Children's Word of the Year" – «Оксфордское детское слово

года», ("Macquarie Dictionary Word of the Year" – «Слово года по версии словаря Маккуори», "American Word of the Year" – «Американское слово года», "South African Word of the Year" – «Слово года в Южной Африке» и другие).

- *Прерванные*, которые проводились в течение определенного промежутка времени и стали неактуальными по не зафиксированным нами причинам ("Word of the Year" – «Слово года» от Гранта Баррета, газета «Нью-Йорк Таймс» (2004–2017), «Слово года – 2021» от российской ИТ-компании «Brand Analytics»).

- *Разовые*, направленные на фиксирование знаковых единиц определенных периодов, добившиеся поставленной цели и прекратившие свое существование, например, "Halbjahrhundertwort" – «Слово последних 50 лет», реализованный в 1999 году Обществом австрийского немецкого языка при Университете Карла Франценса в Граце, и осуществленные в 2020 году проект «Топ главных слов уходящего десятилетия» компанией «Яндекс» и проект "Słowo Dekady" – «Слово десятилетия» Институтом польского языка Варшавского университета и Фондом польского языка.

Организаторами проектов выступили (рис. 5):

- *Государственные органы и учреждения* в 30 проектах (например, проект «Слово года», проводимый Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина, "Das beste Einwanderungswort" – «Лучшее иммигрировавшее слово», реализуемый Институтом Гете и Советом немецкого языка, "Plattdesches Wort des Jahres" – «Нижне-немецкое слово года», запущенный Литературным музеем Фрица Рейтера совместно с Национальной ассоциацией земли Мекленбург-Передняя Померания, проект "Zeichen des Jahres" – «Знак года» от Швейцарской ассоциации глухих и другие).

- *Частные организации* в 26 проектах («Топ главных слов уходящего десятилетия» от компании «Яндекс», «Слово года – 2021» от российской ИТ-компании «Brand Analytics», "Word of the Year" –

«Слово года» от *Merriam-Webster*, издателя справочников и лексических словарей, "Börsenunwort des Jahres" – «Биржевое слово года» от Венской фондовой биржи и другие).

- *Совместно государственные и частные организации и лица* в 6 проектах (проект 中文目录 – «Ханью паньдянь» (дословно «Инвентаризация китайского языка»), реализуемый Государственным центром мониторинга и изучения языковых ресурсов и известным издательством «Шанью Иньшугуань», проект "Słowo Roku" – «Слово года», проводимый Институтом польского языка Варшавского университета и Фондом польского языка, "South African Word of the Year" – «Слово года в Южной Африке», осуществляемый Пан-Южноафриканским языковым советом совместно с медиа-исследовательской компанией «Focal Points» и другие).

- *Аффилированные с учреждениями лица* в 4 проектах (проект "Anglizismus des Jahres" – «Англицизм года», инициированный немецким лингвистом профессором Свободного университета Берлина Анатодем Штефановичем, проект "A Word a Year" – «Слово в год», представляющий собой колонку английского лексикографа и этимолога Сьюзи Дент в одной из соцсетей, и другие).

- *Частные лица без указания аффилиации* в 5 проектах (проект "Das schönste deutsche Wort" – «Самое красивое немецкое слово», инициированный Бодо Мрозекком, проект "The Public Address Word of the Year" – «Слово года от Public Address», проводимый Сообществом Новозеландских блогеров PublicAddress.net, проект "Word of the Year" – «Слово года» от лексикографа Гранта Баррета, публикующим собственную подборку наиболее популярных слов года в газете «Нью-Йорк Таймс», и другие).

Рисунок 5. Типология организаторов и количество запущенных ими проектов за период с 1971 г. по 2023 г. / Figure 5. Typology of organizers and the number of projects they launched for the period from 1971 to 2023

Анализ площадок размещения информации о проектах типа «Языковая единица года» показал, что около половины проектов (33) имеют свой сайт, где публикуется детальная информация о датах проведения конкурса, методах и

принципах отбора, членах профессионального жюри и результатах голосования. Нами было зарегистрировано 17 проектов, регламент проведения которых размещается на новостных страницах или в разделах сайтов организаторов проек-

та. Это, как правило, проекты, инициированные крупными издательствами и образовательными учреждениями. Организация сбора данных, обсуждение, голосование и вынесение решения проводится частными или аффилированными лицами на страницах интернет-ресурсов (блогов, сообществ в социальных сетях, цифровых жур-

налов) (13 проектов). Информация о 8 проектах обнаруживается в публикациях информационных интернет-изданий (газетах и журналах). Отметим, что результаты всех указанных выше проектов освещаются электронными СМИ, в соцсетях и блогосфере (рис. 6).

№	Размещение информации о проекте	Кол-во проектов
1	Официальный сайт	33
2	Новостная страница на сайте организатора	17
3	Новостная статья в электронных СМИ	8
4	Страница на иных веб-ресурсах (блог, сообщество в социальной сети, цифровой журнал)	13

Рисунок 6. Площадки для размещения информации и количество освещенных на них проектов за период с 1971 г. по 2023 г. / Figure 6. Platforms for posting information and the number of projects covered on them for the period from 1971 to 2023

Исследуемые проекты отличаются достаточной вариативностью. Помимо основных 40 проектов «Слово года», проводимых для определения самого значимого слова уходящего года, существуют проекты 年度象形文字, 今年の漢字 – «Иероглиф года» (Сингапур, Япония), целью которых является представить ключевые события, проблемы и настроения года, и "Zeichen des Jahres" – «Знак года» (немецкоязычная Швейцария), призванные изучить тенденции развития языка жестов и обратить внимание общественности на значимость данной семиотической системы для социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Нами также были отмечены проекты, нацеленные на демонстрацию концептуальной природы эмодзи и высокой степени употребления данного семиотического знака в цифровой коммуникации: "The Most Frequent Emoji" – «Наиболее часто используемые эмодзи», реализованный в США некоммерческой организацией «Unicode Consortium» в 2019 г. и 2021 г., "The most used emoji in every country" – «Самые употребляемые эмодзи в разных странах», исследования самых популярных графических символов в мире, проведенные сервисом «Crossword-Solver» (США) в 2022 г., и "The World Emoji Awards" – «Всемирная премия *Emoji Awards*», выявившая самый популярный эмодзи 2023 года на интернет-странице «Emojipedia» (США). Зафиксированы многочисленные проекты по выявлению мема года, единицы цифрового фольклора, которые осуществляются в разных странах на протяжении более 10 лет, фиксируя способность данного семиотического знака выходить за рамки культур и создавать коллективную идентичность между людьми (не вошли в наши статистические данные).

В мировой практике реализуются проекты, рассматривающие языковую картину мира молодежи ("Jugendwort des Jahres" – «Молодежное слово года» (Германия), "Oxford Children's Word of the Year" – «Оксфордское детское слово года» (Великобритания), "Tienerwoord van het jaar" –

«Подростковое слово года» (Бельгия, на нидерландском (фламандском)), "Kinderwoord van het jaar" – «Детское слово года» (Бельгия, на нидерландском (фламандском)), "Młodzieżowe Słowo Roku" – «Молодежное слово года» (Польша)).

Появление в языковой системе неологизмов отслеживается проектами «Новояз года» (Россия), "Årets nyord" – «Новое слово года» (Швеция), "Le nouveau mot de l'année" – «Новое слово года» (Франция), U-Can 新語・流行語大賞, U-Can shingo, ryūkyō taishō – «Гран-при U-Can за новое и модное слово» (Япония).

Поиском лексических единиц, вошедших в медиатексты федеральных и региональных общественно-политических и деловых печатных изданий, интернет-СМИ, лент информационных агентств, передач центральных теле- и радиоканалов, а также интернет-ресурсов, занимается проект «Пресс-слово года» (Россия).

Проекты «Слово десятилетия», "Słowo Dekady" – «Слово десятилетия» (Россия, Польша) и "Halbjahrhundertwort" – «Слово последних 50 лет» (Австрия) были запущены, чтобы определить наиболее значимое социально-политическое событие в обществе за определенный период и зафиксировать вызванную им реакцию носителей языка.

Для того, чтобы повысить осведомленность общественности о важности географических названий, которые не только обозначают пространства и облегчают ориентацию, а также связаны с ценностями, политическими течениями и особыми событиями в социокультурном пространстве, был инициирован проект "Ortsname des Jahres" – «Топоним года» (Австрия).

"Börsenunwort des Jahres" – «Биржевое слово года» (Австрия) проводится для определения ключевых моментов в финансовой сфере и иллюстрации того, как финансовый дискурс пересекается с бытовым.

С целью показать, что заимствования фундаментально обогащают язык, расширяют словарный запас, дифференцируют его, делают язык более выразительным, в Германии были разра-

ботаны проекты "Anglizismus des Jahres" – «Англицизм года» и "Das beste Einwanderungswort" – «Лучшее иммигрировавшее слово».

Восстановлением исторической национальной идентичности через повышение уровня осведомленности об истории языка и исчезновении старых слов, поддержание и продвижение языковых диалектов занимаются проекты "Das schönste bedrohte Wort" – «Самое красивое немецкое слово, находящееся под угрозой исчезновения», "Plattdeutsches Wort des Jahres" – «Нижненемецкое слово года» и "Sächsisches Wort des Jahres" – «Саксонское слово года» (Германия).

В рамках проектов «Слова года» выбор осуществляется в номинациях «Антислово года», «Выражение года», «Цифра года», «Сокращение года» и другие.

Результаты

1. Социолингвистические проекты типа «Языковая единица года» носят пограничный дискурсивный характер, сочетая черты научного, просветительского и развлекательного дискурсов, их адресатами становятся как исследователи, так и наивные носители языка (представители медиа и широкой общественности).

2. Проекты осуществляются с 1971 г. по 2023 г. и по продолжительности разделяются на постоянно действующие, прерванные и разовые.

Их реализация не является равномерной. 2004 и 2008 годы отмечены как наиболее продуктивные в плане реализации исследуемых проектов.

3. Всего зафиксирован 71 социолингвистический проект типа «Языковая единица года», причем наибольшее количество проектов за исследуемый период осуществлено в США, Германии и России.

4. Социолингвистические проекты типа «Языковая единица года» проводятся в 29 странах мира. Организаторами проектов выступают государственные органы и учреждения, частные компании, аффилированные с учреждениями лица и частные лица без указания аффилиации, а также совместно государственные и частные учреждения.

5. Проекты осуществляются на 21 языке. Наибольшее количество проводится на английском, немецком и русском языках.

6. Проекты можно разделить по типам анализируемых единиц: лексические единицы, жесты, иероглифы, цифры, эмодзи, мемы.

7. Площадки размещения информации о проектах включают: официальный сайт проекта, новостную страницу на сайте организатора, новостную статью в электронных СМИ и страницу на иных веб-ресурсах.

Литература

1. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Социальная функция языка через призму выбора «Слова года» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-funktsiya-yazyka-cherez-prizmu-vybora-slova-goda> (дата обращения: 20.08.2023).
2. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И. Иерархия этапов корреляции иллокуции и перлокуции в пограничных видах дискурса // Университетские чтения – 2021. Материалы научно-методических чтений ПГУ (17–19 марта 2021 г.) Том Часть III. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021. С. 10–18.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–14.
4. Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sovremennogo-diskursa> (дата обращения: 18.08.2023).
6. Мельник Ю. А. Языковые маркеры новейшего времени (на материале социолингвистических проектов «Слово года») // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). Филологические науки. Вып. 109. С. 34–42.
7. Николаева Е. В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №10-1 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-goda-kak-lingvokulturnye-kontsepty> (дата обращения: 18.08.2023).
8. Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvobezopasnost-v-aspekte-tsennostnyh-ideologicheskikh-i-sotsialnyh-izmeneniy> (дата обращения: 18.08.2023).
9. Смирнова Е. Д., Смирнова И. В. Негативизация, и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции (27–28 октября 2022 г.) Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 90–96. EDN FRBHTM.
10. Смолоногина Е. А. Феномен «слов года» в немецком языке // Исследования языка и современное гуманитарное знание. Т. 2. 2020. № 1. С. 12–17.
11. Стекольников Н. В. Слово как знак времени (социолингвистический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. № 1. С. 27–31.
12. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.
13. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023622615 Российская Федерация. Социолингвистические проекты «Слово года» в мировой практике: № 2023622285: заявл. 12.07.2023; опубл. 31.07.2023 / Г.Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Т.А. Долгая. EDN GOUERK (дата обращения: 15.08.2023).

References

1. Borodulina N.Yu., Makeeva MN. The social function of language through the prism of choosing the "Word of the year". *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2021;2(87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-funktsiya-yazyka-cherez-prizmu-vybora-slova-goda> (accessed: 20.08.2023). (In Russ.).
2. Bredikhin SN, Bredikhina Yul. Hierarchy of stages of correlation of illocution and perlocution in borderline types of discourse. University readings – 2021. Materials of scientific and methodological readings of PSU (17-19 March 2021) Volume Part III. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University; 2021. p. 10-18. (In Russ.).
3. Zemskaya EA. Active processes of modern word production in Russian language of the end of the XX century (1985-1995). Moscow. *Languages of Russian culture*. 1996;90-14. (In Russ.).
4. Issers OS. In search of a common dictionary: discursive practices of modern times through the prism of projects "The Word of the Year". *Politicheskaja lingvistika*. 2014;4(50):48-53. (In Russ.).
5. Karasik VI, Slyshkin GG. Trends in the development of modern discourse. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2021;1(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sovremennogo-diskursa> (accessed: 18.08.2023). (In Russ.).
6. Melnik YuA. Linguistic markers of modern times (based on the material of sociolinguistic projects "Word of the Year") in Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2017;11(407). *Filologicheskie nauki*. Issue 109.34-42. (In Russ.).
7. Nikolaeva EV. "Words of the year" as linguistic and cultural concepts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. 2017;10(76):154-157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-goda-kak-lingvokulturnye-kontsepty> (accessed: 18.08.2023). (In Russ.).
8. Slyshkin GG, Malygina LE, Pavlova ES. Linguistic security in the aspect of value, ideological and social changes. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2022;1(28):64-69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvobezopasnost-v-aspekte-tsennostnyh-ideologicheskikh-i-sotsialnyh-izmeneniy> (accessed: 18.08.2023). (In Russ.).
9. Smirnova ED, Smirnova IV. Negativization and criminal exploitation of the concept of "motherhood" as a problem of linguistic security. The modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity. A collection of materials of the II International Scientific Conference (27-28 October 2022). Editorial Board: M.S. Milovanova (editor-in-chief), N.A. Bozhenkova [et al.]. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language; 2023. p. 90-96. (In Russ.).
10. Smolonogina EA. The phenomenon of "words of the year" in the German language. *Issledovanija jazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. Vol. 2. 2020;1:12-17. (In Russ.).
11. Stekolnikova NV. The word as a sign of time (sociolinguistic aspect) in Bulletin of Voronezh State University. *Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2017;1:27-31. (In Russ.).
12. Shmeleva TV. Crisis as the key word of the current moment. *Politicheskaja lingvistika*. 2009;2(28):63-67. (In Russ.).
13. Certificate of state registration of the database No. 2023622615 Russian Federation. Sociolinguistic projects "Word of the Year" in world practice: No. 2023622285: application 12.07.2023: publ. 31.07.2023 / GG Slyshkin, IV Smirnova, TA Dolgaya. EDN GOUEPK (accessed: 15.08.2023). (In Russ.).

Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.23>

УДК 81'27+ 81'42: 811.161.1

МАРКЕРЫ ПОЛИКОДОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННОМ ТЕКСТЕ

Татьяна Владимировна Марченко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент
tmarchenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию маркеров поликодовой объективации прецедентных феноменов в семиотически осложненных текстах. Цель исследования состоит в характеристике полипрецедентности в поликодовых текстах и выявлении маркеров прецедентных феноменов. Для достижения поставленной цели решается ряд исследовательских задач: 1) анализ категорий прецедентности и полипрецедентности; 2) описание семиотических форм инкодирования прецедентных феноменов в поликодовых текстах; 3) выявление комбинаций взаимодействия маркеров прецедентных феноменов в рамках текста; 4) составление номенклатуры тематических групп релевантных прецедентных феноменов советской эпохи на основе выявленных маркеров поликодовой объективации. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили 200 современных поликодовых текстов в стилистике «советский пин-ап», отобранных из русскоязычного сегмента сети Интернет. Каждый текст включает вербальный и / или невербальный маркер прецедентного феномена, имеющего отношение к советской эпохе или СССР. Методология исследования опиралась на основные положения теории прецедентности и мультимодального анализа семиотически осложненных текстов, отдельные процедуры семиотического, дискурсивного и структурно-семантического методов анализа. **Анализ.** Лингвосемиотический подход к изучению маркеров прецедентности является интегративным, так как позволяет интерпретировать не только вербализованные прецеденты, но и феномены, инкодированные иными семиотическими системами (визуальные, аудиальные и иные перцептивные модусы). Полипрецедентность есть не только соотносительная с разными сферами-источниками, но и множественное инкодирование разными семиотическими кодами культурно специфичных коннотаций и референций к прецедентным феноменам, относящимся к разным тематическим группам и модусам восприятия в одном тексте. Маркеры прецедентных феноменов могут быть представлены вербальным или визуальным кодами. Обеспечивая аллюзивную референцию к прецедентному феномену любого типа, вербальный код является универсальным. Степень манифестации маркера варьирует-

ся от максимальной – цитирование, к аллюзии – очевидному намеку, и далее к реминисценции – неявной отсылке к прецедентному феномену. Визуальный код транслирует изображения и элементы, в числе которых репрезентантами прецедентности выступают непосредственно образы (графические изображения, фотографические снимки, образы сохраненных в коллективном сознании стереотипных ситуаций) и отдельные их элементы (композиция, форма, цветовая гамма, др.), графические средства, шрифт и др. По аналогии с вербальными маркерами визуальные также имеют разную степень манифестации: использование прототипного образа без модификаций, аллюзия на образ (модифицированное изображение) и реминисценция.

Вербальный и визуальный маркеры инкодировывают вариативные модусы перцепции. Перцептивные модусы опосредованы вербальным и визуальным кодами, так как объективируются с помощью вербальных или визуальных маркеров. На основе выявленных маркеров поликодовой объективации были составлены пятнадцать тематических групп прецедентных феноменов советской эпохи. **Результаты.** Проведенный анализ позволяет сделать вывод о поликодовой вариативности маркеров прецедентных феноменов и разной степени их манифестации в тексте.

Ключевые слова: прецедентный феномен, визуальный прецедентный феномен, вербальный прецедентный феномен, поликодовая единица, семиотически осложненный текст, маркер прецедентного феномена, массмедийная коммуникация, СССР, советская эпоха

Для цитирования: Марченко Т. В. Маркеры поликодовой объективации прецедентных феноменов в семиотически осложненном тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 388–395. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

MARKERS OF POLYCODE OBJECTIFICATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN A SEMIOTICALLY COMPLICATED TEXT

Tatiana V. Marchenko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
tmarchenko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

Abstract. Introduction. The article studies the markers of polycode objectification of precedent phenomena in semiotically complicated texts. The purpose of the study is to characterize polyprecedence in polycode texts and identify markers of precedent phenomena. A set of research tasks are solved to achieve the goal: 1) analysis of precedent and polyprecedence categories; 2) description of semiotic forms of encoding precedent phenomena in polycode texts; 3) identification of combinations of interaction between markers of precedent phenomena

within the text; 4) compilation of a nomenclature of thematic groups of relevant precedent phenomena of the Soviet era based on identified markers of polycode objectification. **Materials and Methods.** Two hundred modern polycode texts in the “Soviet pin-up” style served the research material. They were selected from the Russian-language segment of the Internet. Each text includes a verbal and / or non-verbal marker of a precedent phenomenon related to the Soviet era or the USSR. The research methodology was based on the provisions of the

© Марченко Т. В., 2024

theory of precedent and multimodal analysis of semiotically complicated texts, individual procedures of semiotic, discursive and structural-semantic methods of analysis. **Analysis.** The lingvosemiotic approach to the study of precedent markers is integrative, since it allows one to interpret not only verbalized precedents, but also the phenomena encoded by other semiotic systems (visual, auditory and other perceptual modes). Polyprecedence is not only a correlation with different source areas, but also multiple encoding by different semiotic codes of culturally specific connotations and references to precedent phenomena related to different thematic groups and modes of perception in one text. Markers of precedent phenomena can be represented by verbal or visual codes. By providing an allusive reference to a precedent phenomenon of any type, the verbal code is universal. The degree of manifestation of the marker varies from maximum – quotation, to allusion – an obvious hint, and then to reminiscence – an implicit reference to a precedent phenomenon. The visual code conveys images and elements, among which the representatives of precedence are directly images (graphic images, photographs, images of stereotypical situations preserved in collective consciousness) and their individual elements (composition, form, color scheme, etc.), graphic means, font etc. By analogy with verbal markers, visual ones also have different degrees of manifestation: the use of a prototype image without modifications, an allusion to the image (modified image) and reminiscence.

Введение. Феномен прецедентности, давно вышедший за пределы собственно литературоведческого и лингвистического анализа, остается одной из актуальных проблем, инкорпорирующих различные культурно обусловленные явления и требующих междисциплинарного подхода к ее решению. В классическом понимании прецедентные феномены характеризуются значимостью для конкретной личности, сверхличностной природой и рекуррентностью актуализации в дискурсе [12, с. 216].

Текстовое выражение обозначенные феномены находят в интертекстуальных элементах и межтекстовых связях, типология которых хорошо разработана, например, для художественных текстов. Так, в работе Н.А. Фатеевой «Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов» нашла отражение типология, согласно которой актуализацию в тексте находят: собственно интертекстуальность или «текст в тексте» (цитаты, аллюзии и др.); паратекстуальность – отношение текста к своему заглавию / эпиграфу / послесловию; метатекстуальность – пересказ претекста или комментариев к нему; гипертекстуальность – элемент пародирования одного текста другим; архитектекстуальность – жанровая связь текстов; и некоторые иные модели [22, с.120-158].

Стилистический ракурс трактовки межтекстовых взаимодействий представлен В.П. Москвиным, который называет их фигурами интертекста и относит к ним цитаты, афоризмы, аппликации (фрагменты текста без указания на претекст), аллюзии, парафразы и реминисценции [19, с. 202].

Семиотически осложненные тексты и разработка вопросов визуальной прецедентности ставят перед исследователями новые задачи осмысления межтекстового взаимодействия [14; 1]. Предметом нашего исследования выступили семиотически вариативные маркеры прецедентных феноменов в современных поликодовых

Verbal and visual markers encode variable modes of perception. Perceptual modes are mediated by verbal and visual codes, as they are objectified with the help of verbal or visual markers. Based on the identified markers of polycode objectification, fifteen thematic groups of precedent phenomena of the Soviet era were compiled. **Results.** The analysis carried out allows us to draw a conclusion about the polycode variability of markers of precedent phenomena and the varying degrees of their manifestation in the text.

Keywords: precedent phenomenon, visual precedent phenomenon, verbal precedent phenomenon, polycode unit, semiotically complicated text, precedent phenomenon marker, mass media communication, USSR, Soviet era

For citation: Marchenko TV. Markers of polycode objectification of precedent phenomena in a semiotically complicated text. *Humanities and law research.* 2024;11(2):388-395. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.23>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.12.2023.

The article was approved after reviewing: 21.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

текстах. Цель исследования состоит в характеристике явлений прецедентности и полипрецедентности в поликодовых текстах и выявлении маркеров прецедентных феноменов с учетом семиотически осложненной природы обозначенных текстов. Для достижения поставленной цели решается ряд исследовательских задач, а именно: 1) анализ категорий прецедентности и полипрецедентности, манифестируемых в поликодовых текстах; 2) описание семиотических форм маркирования прецедентных феноменов в поликодовых текстах; 3) выявление комбинаций взаимодействия маркеров прецедентных феноменов в рамках текста; 4) составление номенклатуры тематических групп релевантных прецедентных феноменов советской эпохи на основе выявленных маркеров поликодовой объективации. Данная статья служит продолжением ряда исследований, предметом изучения которых выступает лингвосемиотическая рефлексия поликодовой репрезентации прецедентных феноменов советского прошлого в современном дискурсивном пространстве [15; 16; 17; 18].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили 200 современных поликодовых текстов в стилистике «советский пин-ап», отобранных из русскоязычного сегмента сети Интернет. Каждый текст включает вербальный и / или невербальный маркер прецедентного феномена, имеющего отношение к советской эпохе или СССР. Основанием для выбора указанных поликодовых текстов явилась их насыщенность как вербальными, так и визуальными репрезентантами прецедентных феноменов, а также вариативность сферы источника. Базой для методологии исследования выступили основные положения теории прецедентности и мультимодального анализа семиотически осложненных текстов, отдельные процедуры семиотического, дискурсивного и структурно-семантического методов анализа. Спектр поставленных задач и выбранный для их решения подход обусловили

применение контекстуального анализа и лингвокультурной рефлексии в отношении каждого из отобранных поликодовых текстов.

Анализ. Пин-ап стилистика, зародившаяся в середине XX века, представляет собой художественный прием графического изображения миловидной девушки в кокетливой позе в разных ситуациях. В современном медиaprостранстве подобные изображения служат маркетинговым инструментом и элементом игры с реципиентом, поэтому активно используются в рекламном и медиадискурсе [21]. Визуальный компонент сообщения в текстах, оформленных в пин-ап стилистике, являются центральным элементом, что смещает фокус внимания на компоненты визуальной прецедентности. Вошедшие в картотеку исследования поликодовые тексты относятся к плакатному типу и иллюстрируют обыгрывание той или иной ситуации в контексте советской эпохи. Как правило, поликодовые единицы демонстрируют конвергенцию надписи социальной направленности и изображения, иллюстрирующего жизненную ситуацию, актуальную для настоящего времени, либо прецедентную ситуацию соответствующего исторического периода. С одной стороны, тексты манифестируют апелляцию к неким репрезентативным, шаблонным сюжетам советской эпохи, с другой – эти сюжеты и совокупность репрезентантов иных прецедентных феноменов реализуют прагматический эффект, соответственно, коррелируют с актуальными ценностями и обеспечивают культурную континуальность.

Уточним несколько теоретических понятий, имеющих принципиальное значение для нашего исследования. Во-первых, какие именно элементы подпадают под категорию прецедентных. Наряду с классической тетradой прецедентное имя (ПИ) – прецедентный текст (ПТ) – прецедентное высказывание (ПВ) – прецедентная ситуация (ПС), к числу советских культурных феноменов относят прецедентные культурные знаки, являющиеся «ценностными в интеллектуальном и эмоциональном отношениях» и характеризующиеся «различной природой (вербальной и невербальной)» [20]. С семиотической точки зрения данный подход является интегративным, так как позволяет интерпретировать не только вербализованные прецеденты, но и феномены, инкодированные иными семиотическими системами (визуальные, аудиальные и иные перцептивные модусы). Поликодовые тексты, вошедшие в картотеку исследования и оформленные в стилистике советской эпохи, как правило, включают несколько элементов, апеллирующих к соответствующему историческому периоду. Так, призыв может быть исполнен в характерном шрифте и цветовой гамме, лозунг – сопровождаться изображением с элементами советского быта, образы предметов – содержать едва различимые надписи и др.

С.М. Карпенко рассматривает в качестве прецедентных феноменов идеологемы советской эпохи, трактуемые как комплексное явление, обозначающее «вербально выраженные мировоззренческие установки», «авторские идеи, имеющие политическое, экономическое или социальное значение» и «многоуровневые концепты» [13, с. 16]. Так, в рамках анализа текстовых ассоциативных связей и концептуального содержания к прецедентным отнесены идеологемы «советский народ», «рабочий класс», а также прецедентные лозунги «Мир, труд, май», «Народ и партия едины» и др. (Ibid.). Основанием для причисления идеологем к прецедентным элементам исследовательница считает их «сверхличностный характер, аксиологичность, образность, воспроизводимость» [13, с. 16]. Наряду с перечисленными свойствами, характерными, на наш взгляд, в том числе для визуальных образов, считаем целесообразным добавить такой критерий, как опосредованность контекстом определенного исторического периода, в частности эпохой Советского Союза. Мы полагаем, что интерпретационное поле прецедентных феноменов, инкодированных визуально и / или вербально, может быть в непосредственной связи с контекстом эпохи источника, а «прагматический потенциал усилен сопутствующими символическими элементами», актуализация каждого из которых имеет аддитивный эффект [17, с. 166]. За счет использования в новом контекстном окружении ассоциативное поле и коннотации этих прецедентных феноменов трансформируются (расширяются и / или сужаются), отражая культурные ценности лингвокультурного сообщества в актуальный период.

Во-вторых, определимся с аспектом множественности референций. И.П. Зырянова рассматривает явление полипрецедентности в отношении отдельных феноменов и характеризует как «возможность отнесения их к нескольким ментальным сферам-источникам, а, следовательно, способных активизировать несколько видов фоновой информации читателя» [10, с. 106]. Поликодовый текст, предполагающий актуализацию разных модусов перцепции, допускает и множественность модусов прецедентности. Следовательно, полипрецедентность есть не только соотносительность с разными сферами-источниками, но и некоторая совокупность референций к прецедентным феноменам в одном текстовом пространстве, повышающая плотность фоновой информации и усиливающая прагматический эффект. В поликодовых текстах как рекламного, так и медийного характера, полипрецедентность может выступать в качестве одной из основных стратегий порождения текста.

Проиллюстрируем наши наблюдения следующим примером из картотеки нашего исследования:

Рис. 1. Слава труду! / Fig. 1. Glory to Labor!

Заголовок поликодового текста «Слава труду!» (Рис. 1) сопровождается изображением молодых мужчины и женщины на постаменте, воздевшими руки с серпом и молотом над головами, и реминисцентно напоминающими памятник монументального искусства «Рабочий и колхозница» (1937) В. Мухиной [9]. Контраст мужского образа в робе усиливается образом женщины с современной сумочкой. На заднем плане представлены прецедентные артефакты советской эпохи, свидетельствующие об успешности и наличии результатов труда в разных социальных сферах (градостроительство – сталинская высотка, Останкинская телебашня; самолето- и ракетостроение – космический корабль «Восток-1», пассажирский самолет и дирижабль с надписью «СССР»; телевидение – Останкинская телебашня). Полипрецедентность, выраженная многочисленными реминисцентными и аллюзивными референциями, создает интерпретационную рамку для контекстуализации как вербальных, так и визуальных элементов сообщения.

В-третьих, охарактеризуем маркеры прецедентных феноменов. В аспекте поликодовых и полимодальных текстов под маркерами мы понимаем референциальные элементы, инкодированные посредством языкового, визуального или иного семиотического кода. В поликодовых текстах в фокусе нашего внимания находятся как вербальные, так и визуальные прецедентные феномены. Однако в полимодальных текстах, предполагающих разные каналы передачи информации («аудиальные, зрительные, тактиль-

ные и иные» [11]), речь может идти в том числе об аудиальных и иных типах прецедентных феноменов. Как для поликодового, так и для полимодальных типов текстов характерна семиотическая полипрецедентность, под которой мы понимаем множественное инкодирование разными семиотическими кодами культурно специфичных коннотаций и референций к прецедентным феноменам, относящимся к разным тематическим группам и модусам восприятия в одном тексте.

Учитывая семиотическую природу поликодовых текстов, маркеры прецедентных феноменов могут быть представлены вербальным или визуальным кодами. Вербальный код является универсальным, так как может обеспечить аллюзивную референцию к прецедентному феномену любого типа. Степень манифестации при этом может варьироваться от максимальной – цитирование, к аллюзии – очевидному намеку, и далее к реминисценции – неявной отсылке к прецедентному феномену. Визуальный код транслирует изображения и элементы, в числе которых репрезентантами прецедентности выступают непосредственно образы (графические изображения, фотографические снимки, образы сохраненных в коллективном сознании стереотипных ситуаций) и отдельные их элементы (композиция, форма, цветовая гамма, др.), графические средства, шрифт и др. По аналогии с вербальными маркерами визуальные также имеют разную степень манифестации: использование прототипного образа без модификаций, аллюзия на образ (модифицированное изображение) и реминисценция.

Вербальный и визуальный маркеры инкодируют вариативные модусы перцепции. Апелляция к вербальным и визуальным прецедентным феноменам актуализирует аудиальные, ольфакторные, осязательные и вкусовые модусы перцепции. Перцептивные модусы опосредованы вербальным и визуальным кодами, так как объективируются с помощью вербальных или визуальных маркеров. Например, ольфакторная модальность инкодирована визуальным образом прецедентного феномена «женские духи «Красная Москва», а именно характерным флаконом и едва различимыми очертаниями надписи (рис. 2) [7]. «Запах» эпохи передается визуальным кодом, обеспечивающим синестетический перенос.

Аудиальная или акустическая модальность инкодируется вербально (творчество музыкальной группы – ее названием «KISS») или визуально (рис. 3) [6]. К последнему типу, например, относятся образ телеведущего новогодней телепередачи «Голубой огонек» Игоря Кириллова как референция к тембру и манере речи (рис. 4) [3], или исполнитель на сцене, визуально напоминающий персонажа Ю. Никулина в кинофильме «Бриллиантовая рука» (Семена Семеновича Горбункова), как референция к исполненной им в соответствующем эпизоде песне «А нам все равно» (рис. 5) [5].

Осязательная модальность инкодируется визуальными образами осязаемых предметов и вербализованными элементами, например,

туфли и коробка для обуви с надписью фабрики производителя «Скороход» (рис. 6) [8].

Рис. 2 Садись, подвезу!
Fig. 2 Sit down, I'll give you a ride!

Рис. 3. Призывник
Fig. 3. Conscript

Рис. 4. Не злоупотребляйте
Fig. 4. Do not drink to excess

Рис. 5. Праздник
Fig. 5. A party

Рис. 6. Скороход
Fig. 6. Skorokhod

Рис. 7. Газированная вода
Fig. 7. Fizzy water

Рис. 8. Пейте
Fig. 8. Please, drink

В дискурсе представлены контексты с конвергенцией модусов перцепции, например, осязательной и ольфакторной модальностей. В качестве иллюстрации приведем поликодовый текст, в котором фигурируют элементы советской косметики: рассыпчатая пудра с надписью «Ленинградская», губная помада и тушь для глаз (рис. 2). Аналогичную конвергенцию актуализируют контексты, в которых представлена визуальная референция к газированному напитку «Дюшес», напитку из автомата «Газированная вода», шоколадным конфетам «Мишка в лесу» и др (рис. 7, 8) [2; 4]. Визуальный образ бутылки с характерным рисунком служит референцией как к вербализуемым ассоциациям (названию напитка – «Дюшес»), так и вкусовым и ольфакторным ассоциациям. Изображение автомата с надписью «Газированная вода» аналогичным образом апеллирует к нескольким модусам перцепции.

На основе выявленных маркеров поликодовой объективации были составлены следующие тематические группы прецедентных феноменов советской эпохи, которые указаны в порядке убывания наличия маркеров в проанализированных текстах:

1. Бытовые артефакты (журнальный столик, абажур, настенные гобеленовые коврики «Котята» и «Лебеди», плетеная корзина, радиоприемник, настенный телефон, зеленая настольная лампа, выставленная на балконе герань в горшочках, алюминиевый таз и доска для стирки, металлический чайник, посуда Дулевского фарфорового завода, стакан с чаем в металлическом подстаканнике, чемодан с металлическими уголками и др.).

2. Предприятия и производственные процессы. Коллективные хозяйства (колхоз, посевная, сбор урожая, уборка картофеля); промышленные производства и сопутствующие атрибуты (заводы, проходные, станки, достижения в работе и др.).

3. Трудовая жизнедеятельность (профессии – рабочий, тракторист, уборщица, мастер на заводе, строитель, прораб, врач, зоотехник, работник ЖКХ, работник правоохранительных органов).

4. Социальная пропаганда (борьба с пьянством, агитация к прохождению медкомиссии, профилактической вакцинации и др.).

5. Предметы одежды (ватник, костюм с галстуком, кепка, спецодежда, каска, фуфайка, резиновые сапоги, женские косынки, шапка «Гоголь», «пыжиковская» шапка, фуражка и др.).

6. Транспорт (наземный – велосипед, мотоцикл, легковой и грузовой автомобили, трактор; и воздушный – самолет, дирижабль).

7. Периодическая печать (газеты «Правда», «Литературная», журналы «Экран», «Журнал мод»), реже книги. Для данной тематической группы характерно указание названия, узнаваемость советских шрифтов, демонстрация знаков отличия на титульной странице.

8. Авиация (воздушные суда, сопряженные профессии)

9. Телевидение (популярные телепередачи, ведущие, кинопродукция)

10. Сфера обслуживания (особенности и атрибуты сервиса).

11. Политические лидеры (И.В. Сталин, Н.С. Хрущев).

12. Визуальные прецеденты Москвы (телестанция Останкино, сталинские высотки, ГУМ).

13. Детские игрушки (красно-желто-зеленый резиновый мячик характерного советского дизайна, ватная фигурка Деда Мороза, юла и др.).

14. Праздники (Первое мая, Новый год).

15. Аксессуары (рюкзак с надписью «KISS»).

Маркеры тематических групп прецедентных феноменов представлены в коммуникативной ситуации, соответствующей тематике.

Результаты. Проведенный анализ позволил решить поставленные задачи и сделать ряд выводов.

Лингвосемиотический подход к изучению маркеров прецедентности является интегративным, так как позволяет интерпретировать не только вербализованные прецеденты, но и феномены, инкодированные иными семиотическими системами (визуальные, аудиальные и иные перцептивные модусы). Интерпретационное поле прецедентных феноменов, инкодированных визуально и / или вербально, находится в непосредственной связи с контекстом эпохи источника, а прагматический потенциал усилен сопутствующими символическими элементами, актуализация каждого из которых имеет аддитивный эффект. При использовании в новом контекстном окружении ассоциативное поле и коннотации этих прецедентных феноменов трансформируются (расширяются и / или сужаются), отражая культурные ценности лингвокультурного сообщества в актуальный период.

Полипрецедентность есть не только соотнесенность с разными сферами-источниками, но и множественное инкодирование разными семиотическими кодами культурно специфичных коннотаций и референцию к прецедентным феноменам, относящимся к разным тематическим

группам и модусам восприятия в одном тексте. Выступая как некоторая совокупность референций к прецедентным феноменам в одном текстовом пространстве, полипрецедентность повышает плотность фоновой информации и интенсифицирует прагматический эффект.

Маркеры прецедентных феноменов могут быть представлены вербальным или визуальным кодами. Обеспечивая аллюзивную референцию к прецедентному феномену любого типа, вербальный код является универсальным. Степень манифестации маркера варьируется от максимальной – цитирование, к аллюзии – очевидному намеку, и далее к реминисценции – неявной отсылке к прецедентному феномену. Визуальный код транслирует изображения и элементы, в числе которых репрезентантами прецедентности выступают непосредственно образы (графические изображения, фотографические снимки, образы сохраненных в коллективном сознании стереотипных ситуаций) и отдельные их элементы (композиция, форма, цветовая гамма, др.), графические средства, шрифт и др. По аналогии с вербальными маркерами, визуальные также имеют разную степень манифестации: использо-

вание прототипного образа без модификаций, аллюзия на образ (модифицированное изображение) и реминисценция.

Вербальный и визуальный маркеры инкодируют вариативные модусы перцепции. Перцептивные модусы опосредованы вербальным и визуальным кодами, так как объективируются с помощью вербальных или визуальных маркеров. Апелляция к вербальным и визуальным прецедентным феноменам актуализирует аудиальные, ольфакторные, осязательные и вкусовые модусы перцепции. Аудиальная или акустическая модальность инкодируется вербально. Осязательная модальность инкодируется визуальными образами осязаемых предметов и вербализованными элементами. В дискурсе представлены контексты с конвергенцией модусов перцепции, например, осязательной и ольфакторной модальностей.

На основе выявленных маркеров поликодовой объективации были составлены пятнадцать тематических групп прецедентных феноменов советской эпохи.

Литература

1. Анисимов В. Е., Анисимова Е. Д., Небышева Н. С. Визуализация прецедентных ситуаций в рекламном плакате (на примере рекламной кампании “Uber” во Франции) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 2(17). С. 541–550. <https://doi.org/10.30853/phil20240078>.
2. Барыкин В. Газированная вода. URL: <https://0225.ru/foto/7654-pin-ap-devushki-foto-v-stile-sovetskogo-pin-apa-50-kartinok.html> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Барыкин В. Не злоупотребляйте. URL: https://m.vk.com/album-33364133_237020530?z=photo-33364133_456243022%2Falbum-33364133_237020530 (дата обращения: 10.12.2023).
4. Барыкин В. Пейте. URL: <https://www.playbuzz.com/tdbzef10/11-14-2016-3-58-22-am> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Барыкин В. Праздник. URL: <https://dzen.ru/a/ZZYZOs1ch7LaDA> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Барыкин В. Призывник. URL: https://mvsadnik.ru/catalog/bez_tubusa/poster_sovetskiy_pin_ap_prizyvnik_proydi_medkomissiyu/ (дата обращения: 10.12.2023).
7. Барыкин В. Садись, подвезу! URL: <https://my.mail.ru/community/bloqz/76F6BC9C4D1E3A4C.html> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Барыкин В. Скорород. URL: https://picworld.ru/wp-content/uploads/2015/09/Pin-Up_-52.jpg (дата обращения: 12.12.2023).
9. Барыкин В. Слава труду! URL: <https://polinka.top/29130-slava-trudu-prikolnye-kartinki.html> (дата обращения: 12.12.2023).
10. Зырянова И. П. Полипрецедентность в заголовках российских СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 25. С. 126–129.
11. Ирисханова О. К. Полимодальность в социокогнитивном освещении: Семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 63–66.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
13. Карпенко С. М. Прецедентные феномены советской эпохи в современном публицистическом дискурсе (на материале национального корпуса русского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (216). С. 15–23.
14. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 165(3). С. 19–32.
15. Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. №3. С. 505–518.
16. Марченко Т. В. Особенности семиотического инкодирования прецедентного имени или «простой советский человек» в поликодовом тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. №11(1). С. 175–190. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>
17. Марченко Т. В. Символьное наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве // "Дискурсы "новый человек" и "советский народ" как общность в социокультурном пространстве СССР": сб. науч. тр. Ставрополь: Секвойя, 2022. С. 200–215.
18. Марченко Т. В. Советская эпоха в поликодовой прецедентной медиарефлексии, или От каждого по способностям, каждому по потребностям // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 2. С. 200–219. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219>.
19. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.

20. Пикулева Ю. Б. Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf>. (дата обращения 12.12.2023).
21. Терских М. В. Ностальгический маркетинг: прецедентные тексты советского периода в постсоветской рекламе. VERBA // Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 4(9). С. 41–67. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4\(9\)-41-67](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4(9)-41-67).
22. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

References

1. Anisimov VE, Anisimova ED, Nebyvaeva NS. Visualization of precedent situations in an advertising poster (using the example of an Uber advertising campaign in France). *Philology. Theory & Practice*. 2024;2(17):541-550. (In Russ.) <https://doi:10.30853/phil20240078>.
2. Barykin V. Fizzy water. URL: <https://0225.ru/foto/7654-pin-ap-devushki-foto-v-stile-sovetskogo-pin-apa-50-kartinok.html>. (accessed: 10.12.2023).
3. Barykin V. Do not drink to excess. URL: https://m.vk.com/album-33364133_237020530?z=photo-33364133_456243022%2Falbum-33364133_237020530. (accessed: 10.12.2023).
4. Barykin V. Please, drink. URL: <https://www.playbuzz.com/tdbzef10/11-14-2016-3-58-22-am>. (accessed: 20.05.2024).
5. Barykin V. A party. URL: https://dzen.ru/a/ZZZYZOs1ch7LaDA_ (accessed: 10.12.2023).
6. Barykin V. Conscript. URL: https://mvsadnik.ru/catalog/bez_tubusa/poster_sovetskiy_pin_ap_prizyvnik_proydi_medkomissiyu/ (accessed: 10.12.2023).
7. Barykin V. Sit down, I'll give you a ride! URL: <https://my.mail.ru/community/bloqz/76F6BC9C4D1E3A4C.html>. (accessed: 10.12.2023).
8. Barykin V. Skorokhod. URL: https://picworld.ru/wp-content/uploads/2015/09/Pin-Up_-52.jpg. (accessed: 12.12.2023).
9. Barykin V. Glory to Labor! URL: <https://polinka.top/29130-slava-trudu-prikolnye-kartinki.html>. (accessed: 12.12.2023).
10. Zyryanova IP. Polyprecedence in Headlines of Russian Mass media. *Politicheskaja lingvistika*. 2008;25:126-129. (In Russ.).
11. Irshkanova OK. Polymodality in Socio-cognitive Lighting: Poster Semiotics. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. 2012;11:63-66. (In Russ.).
12. Karaulov YuN. The Russian Language and the Linguistic Persona. Moscow: LKI; 2007. 264 p. (In Russ.).
13. Karpenko SM. Precedent Phenomena of The Soviet Era in Contemporary Public Discourse (The Study of National Corpus of The Russian Language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021;4(216):15-23. (In Russ.).
14. Mardieva L A. Visual Precedence As a Subject of Linguistic Research: Current State and Development Prospects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2023;165(3):19-32. (In Russ.).
15. Marchenko TV. Cultural recycling of the Soviet in Internet memes: A linguosemiotic interpretation. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2022;3:505-518. (In Russ.).
16. Marchenko TV. Features of semiotic encoding of a precedent name or "an ordinary Soviet man" in a polycode text. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2024;11(1):175-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>
17. Marchenko TV. The Symbolic Heritage of the Soviet Era in the Modern Socio-cultural Space) In Diskursy "novyi chelovek" i "sovetskii narod" kak obshchnost' v sotsiokul'turnom prostranstve SSSR: sb. nauch. tr. Stavropol; 2022. p. 200-215. (In Russ.).
18. Marchenko TV. The soviet epoch in polycode precedent media reflection, or From each according to his ability, to each according to his need. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2024;2:200-219. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219> (In Russ.).
19. Moskvina VP. Stylistics of the Russian Language. Rostov-on-Don: Fenix; 2006. 630 p. (In Russ.).
20. Pikuleva YuB. Precedent cultural signs of the Soviet era in national commercial and political advertising URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (accessed: 12.12.2023). (In Russ.).
21. Tersikh MV. Nostalgic Marketing: Soviet Period Precedent Texts in Post-Soviet Advertising. VERBA. *Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal*. 2023;4(9):41-67. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4\(9\)-41-67](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-4(9)-41-67). (In Russ.).
22. Fatejeva NA. Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts. Moscow: Агар, 2000. 280 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 81'33(075.8)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.24>

ПРИНЦИПЫ ДИНАМИКИ ДЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Елена Валентиновна Тарасенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)» (д. 48, ул. Инициативная, Таганрог, 347936, Российская Федерация)
Кандидат филологических наук, доцент
tarasenkoev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2882-9999>

Аннотация. Введение. В русле антропоцентрического подхода стремление создать модель языковой картины мира индивида становится возможной, благодаря концептам как базовым структурам накопления знаний о мире. Такого результата можно добиться путем исследования языковой картины мира ребенка, что будет способствовать более глубокому пониманию структуры языковой картины мира взрослого, а не наоборот, как казалось прежде. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов младшего школьника с использованием методов наблюдения, сравнения, обобщения анализа и синтеза, интерпретации полученных данных эмпирическим путем. **Анализ.** В работах отечественных исследователей описаны фрагменты языковой картины мира людей разных профессий, говорящих на разных языках. В данной статье представлена авторская точка зрения на модель фрагмента детской языковой картины мира младшего школьника. В качестве ядра анализа отобраны предикаты психической деятельности, используемые в речи детьми, как одна из многочисленных и ведущих групп глаголов в речи в этом возрасте. Выявлены принципы динамики образа мира, отраженные в языке ребенка. Онтологический принцип – усвоение родного языка происходит через усвоения различных моделей структурных схем предложений и их вариантов. Когнитивный принцип – пропозиция – особая пакетированная структура хранения знаний, имплементированная и фиксируемая структурной схемой предложения. Коммуникативный

принцип – речевые акты, выраженные структурной схемой предложения, реализуют интенции носителя языка. Таким образом, структурные схемы предложений являются означивающими синтаксическими концептами, а интенции и пропозиции их означиваемыми. Одним словом синтаксически репрезентируемый концепт управляет содержанием структурной схемы предложения и типом речевого акта, подсвечивая его индивидуальными когнитивными признаками. **Результаты.** Нами изучены связи когнитивной основы концепта с семантикой и прагматикой, причинно-следственные связи актуализации представлений о психической деятельности младшим школьником. Таким образом, принципы динамики языковой картины мира формируют исходную позицию концептуализации объективной реальности.

Ключевые слова: языковая картина мира, принципы, концепт, предикат, структурная схема предложения, речевой акт, когнитивная доминанта

Для цитирования: Тарасенко Е. В. Принципы динамики детской языковой картины мира // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 396–402. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию: 16.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

PRINCIPLES OF DYNAMICS OF CHILDREN'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Elena V. Tarasenko

A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) «RSEU (RINH)» (48, Initiative St., Taganrog, 347936, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
tarasenkoev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2882-9999>

Abstract. Introduction. In line with the anthropocentric approach, the desire to create a model of an individual linguistic worldview becomes possible thanks to concepts as basic structures for accumulating knowledge about the world. Such a result can be achieved by studying the children's language picture of the world, which will explain the structure of the language picture of the adult world, and not vice versa, as it seemed before. **Materials and Methods.** The research is based on the analysis of texts of a junior schoolboy using methods of observation, comparison, generalization of analysis and synthesis, interpretation of the data obtained empirically. **Analysis.** The works of Russian researchers describe fragments of the linguistic picture of the world of people of different professions who speak different languages. This article presents the author's point of view on the model of a fragment of the children's language picture of the world of a junior schoolboy. Predicates denoting mental activity as one of the numerous and leading groups of verbs in speech at this age are taken as a nuclear sphere of analysis. The principles of the dynamics of the image of the world, reflected in the language of the child, are revealed. The ontological principle is that the assimilation of the native language occurs through the assimilation of various models of structural schemes of sentences and their variants. The cognitive principle – proposition is a special stacked structure of knowledge storage, which is implemented and fixed by the structural scheme of the sentence. The communicative principle –

speech acts expressed by the structural scheme of the sentence, implement the intentions of a native speaker. Thus, the structural schemes of sentences are the signifiers of syntactic concepts, and intentions and propositions are their signified. In a word, the syntactically represented concept controls the content of the sentence's structural scheme and the type of speech act, highlighting its individual cognitive features.

Results. We have studied the connections of the cognitive basis of the concept with semantics and pragmatics, cause-and-effect relationships of actualization of ideas about mental activity by a younger student. Thus, the principles of the dynamics of the linguistic picture of the world form an initial position of objective reality conceptualization.

Keywords: linguistic worldview, principles, concept, predicate, sentence block diagram, speech act, cognitive dominant

For citation: Tarasenko E.V. Principles of dynamics of children's language picture of the world. *Humanities and law research*. 2024;11(2):396-402. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.12.2023.

The article was approved after reviewing: 21.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

Введение. Когнитивная наука характеризуется значительными достижениями в осмыслении индивидуальной языковой картины мира. Мы наблюдаем за становлением весьма интересного нового направления, сосредоточенного на изучении совершенно особой языковой личности, характеризующейся специфической формой отражения и осознания в вербалике окружающей действительности, а также уникальной пластичностью в паттернах совершения коммуникативных действий – языковой личности ребенка, младшего школьника.

Кодифицированный материал литературного языка, а в последнее время исследование разговорной речи взрослых, создали надежную теоретическую базу для успешного изучения детской речи. В тоже время становится все более очевидным, что «детский» материал весьма специфичен, потому что позволяет наблюдать любое явление языка в его динамики.

Обращение к языку детей является насущным вопросом лингвистики, так как в сфере детского языка, словно в архивных документах или переводных картинках, раскрывается история становления языка.

Анализ когнитивного потенциала и специфики реализации возможностей синтаксических единиц в речи младшего школьника вносит определенный вклад не только в развитие традиционной лингвистики, но позволяет уточнить многие проблемные вопросы онтолингвистики, которая входит в число антропоцентрических наук, постулирующих не просто органичную связь коммуникативной, рефлексивной и реальной деятельности, но и описывающих механизмы когнитивно-коммуникативной детерминации в динамике онтогенеза.

К числу таких вопросов можно отнести: динамичность и фрагментарность рассматриваемого феномена, индивидуальность характеристик, составляющих конструкт концепта, «творимость» в каждом конкретном случае и в то же время «запрограммированность» языковой картины мира младшего школьника, связанная с возрастными характеристиками данной группы лиц.

Цель данной статьи – изучить специфику формирования синтаксически репрезентируемого концепта «психическая деятельность», структурирующего всю когнитивно-коммуникативную деятельность ребенка, как одной из ядерных областей детской языковой картины мира.

Материалы и методы. Исследование базируется на общенаучных принципах системности и антропоцентризма. Используются методы моделирование, включающее методы наблюдения и сравнения, обобщения и идеализации, анализа и синтеза, интерпретации речевого материала. В качестве эмпирического материала анализа использовались данные авторской картотеки, представляющей корпус релевантных высказываний, отобранных методом сплошной

выборки в речевых произведениях (как письменных, так и устных) младших школьников.

Анализ. Существуют два направления в изучении языковой картины мира: статический (совокупность знаниевых элементов с их лексикографической фиксацией) и динамический (основанный на реальном функционировании репрезентантов в «живой речи») [12]. Второй как нельзя лучше вписывается в новый мейнстрим движения лингвистической мысли об онтологическом статусе специфического феномена языковой картины мира ребенка, которая призвана быть не только результатом, но и инструментом рецепции, рефлексии и категоризации мира формирующегося сознания, характеризующегося эмпирико-темпоральной динамикой взаимодействия с объективной и рефлексивной реальностью. Имитационная деятельность ребенка как в людическом коммуникативном, так и в ассоциативно-продуктивном аспекте не просто определяет способ «оживления» в интимизируемый окружающий мир [4] (постепенную активизацию языковой картины мира взрослых), но построение собственной системы.

Детская языковая картина мира воплощается в речи ребенка с 3 до 12 лет [1].

Что обеспечивает динамику языковой картины мира ребенка? Принципы, которые позволяют ее описать и смоделировать: онтологический, когнитивный и коммуникативный.

Онтологический принцип связан с тем, что языковую картину мира ребенка принято дефинировать как «наивнейшую» [11], ключевой характеристикой формирования которой является сенсорно-эмоциональный принцип когнитивно-перцептивной деятельности (объективная реальность вербализуется и концептуализируется симпрактически), интенсификация связи с практической деятельностью осуществляется в предикате, используемом для сообщения о психическом мире человека.

В отечественной лингвистике проведена большая работа по созданию типологий предикатов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов и др.). Мы же используем классификацию Л.М. Васильева, в которой семь классов в целом относятся к области чувств, а три класса – к области мышления [6].

Глаголы в позиции предиката являются структурным и композиционным ядром высказывания. Центральным детерминирующим аспектом интерпретации высказывания выступает предикация, именно с этим связано избрание их в качестве ключевых репрезентантов и единиц анализа ядерных предикатов. Также маркирование ключевой семантической связи в предложении обеспечивается глаголом в этой позиции, а предикативные отношения в поступательном развитии языковой картины мира и языкового сознания оформляются одними из первых. Процесс «коммуникативизации» (по аналогии с социализацией) имеет только один имитативно-продуктивный вектор реализации: ребенок вначале

усваивает синтаксические конструкты в качестве моделей и имитирует их, наполняя различными релятивными элементами, после чего формируется жесткий, а затем и мягкий паттерн наполнения схематизированного конструкта [5] и генеративное применение модели.

Возможность альтернатив при создании высказывания по той или иной единой модели детерминируется необходимостью экспликации валентности простого или сложного ядерного предиката, которая формируется на основе норм сочетаемости. Модели сочетаемости в свою очередь фиксируются в семантических и лексических ожиданиях словоупотреблений глаголов, принадлежащих к исследуемой группе «психическая деятельность». Дистрибутивный анализ таких конструкций в детской речи помогает получить четкое представление о компонентном составе моделей этих предложений.

В речи младшего школьника превалирует трехкомпонентная модель построения высказывания с ядерным предикатом репрезентации психической деятельности. В качестве первого компонента можно обозначить предикат в личной форме глагола, вторую позицию неизменно занимает маркер интимизации (внедрения в личное пространство говорящего) – личное местоимение или коррелятивное существительное, третий – маркированная объектная позиция в форме субстантивных комплексов (простых или осложненных), эксплицирующая различную направленность психоэмоционального действия, наличие определенного психического состояния или внутренне значимого отношения. Такая модель служит эталоном словесной репрезентации психической деятельности для индивида.

Таким образом, эксплицируемые онтологические категории вербально репрезентируют релевантное для гибкого динамически развивающегося сознания ребенка членение объектов, явлений и феноменов объективной и рефлексивной реальности на актанты (агентивы, пациентивы, бенефактивы, экспиренсивы, объективы, фактивы, инструментативы и т.д.) в аспекте элементарного («наивнейшего») членения эмпирики в логическом распределении оперативной информации (субъект-объектные отношения, формирующиеся под влиянием предикативной соотнесенности). Действительно, не секрет, что к младшему школьному возрасту ребенок успевает усвоить все ведущие модели родного языка. В этот период формируется ядро словаря и грамматики, которое в дальнейшем существенно не меняется.

Концептологическое конструирование высшего уровня – синтаксического, в котором отражается наивысшее абстрагирование мышление и которое завершает «языковое строительство» в истории личностного роста, открывая путь к осознанному словотворчеству. Формирование и постепенная модификация индивидуальной концептосферы как основы языковой картины

мира ребенка обусловлено ориентацией на поэтапное введение в сознание на первом этапе конкретно-симпрактических, а впоследствии генерализованных представлений о мире. Генерация семантической и синтаксической структуры происходит практически одновременно на основе когнитивной структуры, при этом понятийные концепты репрезентируются через семантику, а синтаксические – через синтаксис. Второй принцип динамики языковой картины мира называется когнитивным, рассматриваемый нами с позиции концепции изучения типовой пропозиции, которая находит отражение в схематической структуризации знаковой репрезентации [7].

Известно, что знаками языка, которые в значительной мере отражают представления языковой личности о действительности, являются лексемы и фразеологизмы. Но существуют и синтаксические конструкции, которые являются «инвентарем» опознания ситуаций действительности и которые не лишены смысла, а наоборот, связаны с познавательной деятельностью и коммуникативными установками носителя языка.

Лингвистика и смежные науки обладают весьма обширной доказательной базой значимости синтаксических структур как основы для выражения различных типов информации. Что является формой связи между смыслом и его синтаксическим выражением? Во-первых, денотативный аспект – референтная ситуация имеет предпочтительную синтаксическую модель предложения. Во-вторых, десигнативный аспект – лексической наполнение синтаксической структуры предложения. В-третьих, структурный аспект – предикатно-актантное строение синтаксической единицы. В-четвертых, синтагматический аспект – объектная, обстоятельственная и другие виды валентности. В-пятых, прагматический аспект – интенция говорящего, его ролевой статус и речевая ситуация.

М.В. Пименова классифицирует концепты по классам: базовые концепты или фундаментальные концепты языковой картины мира; квалифицирующие конкретизирующие единицы, выступающие в форме дескрипторов базовых концептов; релятивное пространство концептуализации, содержащее маркеры отношений между базовыми и дескриптивными единицами, а также вводящими в открытую систему ассоциативные компоненты парадигматики [8].

Исходя из индивидуальной языковой картины мира говорящего, устанавливается вид отношений, обозначенный одной и более структурными схемами, формирующий содержание синтаксического концепта определенного типа.

Базовые синтаксические концепты формируются по мере развития сознания человека от простого к сложному. Если рассматривать ключевые синтаксические концепты на основе критерия элементарной ролевой структуры, то в рассматриваемой нами области языковой картины мира ребенка наиболее частотными и эффективно ге-

нерируемыми будут служить следующие, соответствующие архетипическим схемам симпрактической когниции: «воздействие агенса на объект», «речемыслительная деятельность человека», «претерпевание состояния пациенсом». При этом пропозициональный бэкграунд актуализируемых на основе альтернативных схематизмов и их архитектурно-тоническая, но не композиционная модификация будет соответствовать различным планам психоэмоционального пространства ребенка.

Структурные схемы, реализующиеся в имитативном и генеративном фразопорождении вне зависимости от нозматических характеристик выстраивают герменевтическую спираль восхождения от элементарных базовых концептов к усложненным [3], обрастающим дополнительными детерминантами и классификаторами, т.е. возможным представляется описать синтаксическое поле с четко описанным ядром, ближней и дальнейшей ассоциативной периферией концепта. Ядро в данном случае зачастую будет представлено схематизмами специализации субъект-объектных отношений – например, «кто любит кого/что», «кто переживает что/о чем», «кто размышляет о чем». Неспециализированные факкультативные схемы актуализации формируют ближнюю периферию концептуализации: «кто воспринимает что», «кому нравится кто/что», «кто занимается чем», «кто учится чему», «кто (не) хочет чего», «кто (не) знает что», «кто желает что». Дальнейшая периферия включает в себя дополнительные семантические переменные бенефициации, пациенциации, т.е. любые крипто-синтаксические категории: «кто любит смотреть (что)», «кто чувствует себя кем» и т.д.

Анализ когнитивного потенциала и специфики реализации возможностей синтаксических единиц является не исчерпывающим для моделирования фрагмента языковой картины.

Третий принцип – коммуникативный. Теория дискурса открывает возможность конструировать концепты представления знаний в тексте, что делает его объектом коммуникативно-когнитивного анализа.

Разнообразие структурных схем предложений обусловлено намерениями младшего школьника и характеризуется конситуативной локально-темпоральной и эпистемической привязкой, которая должна найти свою экспликацию в высказывании. На основе данных привязок и, прежде всего, эпистемической релевантности для говорящего осуществляется выбор речеактовой представленности порождаемого высказывания: например, репрезентативы обладают примарным статусом при экспликации схем «речемыслительная деятельность» и «воздействие агенса на объект», экспресивы характерны для актуализации синтаксического концепта «претерпевание состояния пациенсом». Выявляя закономерные корреляции того или иного типа речевого акта с конкретными синтаксическими концептами, можно не только констатировать частотные имитативные привязки, но и утвер-

ждать, что данные соответствия свидетельствуют о постепенном развитии и усложнении способов вербализации когнитивных моделей, т.е. о формировании детской языковой картины мира по аналогии с взрослой.

Ребенок интуитивно на уровне нозматической рефлексии варьирует имплементированные в его сознании синтаксические структуры для создания не только отвечающей его представлениям о норме конструкции, но и генерации ситуативного смысла. При этом следует указать на детерминированность конкретных структур и средств их варьирования инициальной иллюзией продуцента. Таким образом, чувственный опыт младшего школьника приобретает обобщенные концептуальные структуры – прототипические ситуации эмоционального отношения, восприятия, желания, мышления, знания в виде сложного синтаксически репрезентируемого концепта «психическая деятельность». Он включает в свою структуру базовые концепты и называется многоуровневым. Его способность объединять в одно отношение несколько концептов, обуславливает значимость в языковой картине мира индивида.

Синтаксический концепт «психическая деятельность», выделяемый в языковой картине мира, как мы упоминали выше, соответствует трехкомпонентной структурной схеме, находящей свою репрезентацию в форме простого трехчленного предложения: экспериенсива (по сути, логической ремы акта когниции), личного глагола как чистого фразоформирующего маркера отношения и перцептива (глубинного рецептора когнитивной активности). Подобная структура призвана эксплицитировать архетипическую модель симпрактического действия – «агенса воздействует на объект», которая свойственна наивному мышлению ребенка, который только формирует апперцептивное оперирование с ментальными объектами. Содержание вариантов структурных схем не является свободным, а регулируется типом концепта.

В дальнейших исследованиях каждый из принципов динамической картины мира может иметь широкую дескрипцию избранного объекта: структурно-семантические модели с разным количеством актантов; типовые пропозиции, объединенные в сложном предложении, сочинительной или подчинительной связью; типы речевых актов во вторичной предикации и т.д. – все это привело бы к дополнению набора признаков когнитивной доминанты концепта.

Прием когнитивной доминанты является актуальным методом концептуального моделирования, который выявляет механизмы динамики синтаксически репрезентируемого концепта.

Структурированность когнитивной доминанты предполагает градацию ее элементов по значимости.

Процесс репрезентации синтаксического концепта детерминирован двумя диаметрально противоположными векторами имплементации –

интимизации, нацеленной на «в-живание» в концепт и адаптацию его к собственной индивидуальной концептосфере; и генерализации (унификации), способствующей расширению потенций к «пониманию» альтернатив в легитимизированной всеми представителями языкового сообщества структуре. Унификационные механизмы основаны на дискурсивной многоуровневости и полидискурсивности и дают возможность вычленения единых оснований рецепции вариативного представления смысла в глубинных логических пропозитивных структурах, которые являются типизированными единицами «по-мысливания». Концептуальная унификация, таким образом, зиждется на механизмах выявления и фиксации базовых «грамматических отношений и их прототипических признаков» [10, с. 161]. Интимизация же всегда конситуативна, – когнитивная доминанта в конкретных условиях избрания того или иного образца для экспликации синтаксического концепта «психическая деятельность» играет определяющую роль в демонстрации внутренней релевантности вербализуемого события и отношения к нему. Репрезентация операций перцепции и интерпретации феноменов как объективной, так и рефлексивной реальности происходит в рамках синтаксического связывания номинантов только с учетом коммуникативной иллокуции [109, с. 161]. Таким образом, при актуализации той или иной пропозиции в высказывании продуцент на основе личных пертинентностей, руководствуясь коммуникативными целями и мотивами, производит отбор языковых и речевых единиц, которые согласуются с константами ситуативности, темпоральности, субъективности и т.п., но при этом соответствуют разделенному релевантному пространству всех участников коммуникации. Следует, однако, отметить, что ввиду специфики динамически развивающегося языкового сознания ребенка и постоянной модификации и усложнения структурных схем, в речи детей наблюдаются девиации (неконситуативное и нерелевантное употребление имитируемых или генерируемых схематизмов).

Когнитивные доминанты, подчиняясь иллокутивным целям, характеризуются определенным набором критериальных признаков, которые маркируются типом избранной для наполнения конструкции. Признаковая вариативность приводит не просто к трансформациям в нюансировании генерализованного смысла высказывания, но влечет за собой концептуальные вариации, что вызывает типовые модификации. Данная функция модифицирования может быть признана критерием классификации, на основе которого возможным становится создание типологии конструкций. На основании вариативного действия с использованием модельных образцов происходит операционализация процесса мышления, а лингвокреативные компоненты внедряются в рамках семантических альтернатив. Именно когнитивная

и коммуникативная доминанты определяют креативность вербализации, т.е. принцип интимизации есть ключевой фактор неразрывной связи синтактики и семантики, – перехода жестких паттернов в мягкие. Синергетическое взаимодействие разнонаправленных механизмов унификации и интимизации основано на интенциональном прогнозировании восприятия и распределения общего смысла высказывания и эксплицируется на всех уровнях коммуникативного действия [13], в том числе и в значительной степени в адекватно избранных синтаксических моделях.

На основе этого заключения можно констатировать неразрывную связь когнитивной семантики в аспекте антропоцентрики и антропогеники деривации значения языкового знака и коммуникативного синтаксиса как парадигмы учета конситуативных и контекстуальных параметров фразы и смысла-генерации. Ключевым в данном случае представляется «учет параметров когнитивных систем человека – создателя конкретного предложения-высказывания» [9, с. 32]. Кроме того, бифокальные когнитивно-коммуникативные корреляции при рассмотрении вопроса об экспликации синтаксического концепта «психическая деятельность» осложняется самой природой вербализуемой ментальной деятельности.

На основе структурного анализа в рамках достижения высокой степени абстракции при нивелировке семантического компонента можно выделить типовые пропозиции, которые являются основой структурных схем синтаксического концепта «психическая деятельность». Таким образом, можно создать иерархизированный перечень структурных схем (глубинных предложений), лежащих в основе базовых когнитивных моделей репрезентации анализируемого синтаксического концепта. Таковыми являются, прежде всего, структурные схемы простых и усложненных предложений с локальными, темпоральными, субъектными, каузальными детерминантами и однородными сказуемыми, а также их модификации, способные интенсифицировать соответствующие дифференциальные признаки когнитивного действия (антропоцентричность, необытийность, локализованность, каузируемость и т.д.), имеющиеся в «наивнейшей» языковой картине мира ребенка, которые репрезентируют базовые модели «агенса воздействует на объект», «речемыслеительная деятельность человека», «пациент претерпевает состояние». Эти структурные схемы представляют собой конвенционализированные слоты пакетированного хранения обработанных представлений о мире и становятся универсальным ядерным компонентом когнитивных доминант. Основой унификации и разделенности данных ядерных схематизмов служит единство предметно-материального мира и относительная био-физиологическая устойчивость человеческой перцепции.

Противоположным «полюсом притяжения» в когнитивных доминантах синтаксического концепта «психическая деятельность» является ряд критериальных признаков индивидуальной пертинентности, которые в свою очередь зависят от специфики восприятия в том или ином возрасте, волюнтаривной и эмоциональной сферы ребенка. Одна и та же или сходная ситуация, феномен объективной реальности специфицируется «актом интендирования» [2] в результате чего обретают различную концептуальную импликацию в вербальной экспликации. Интенция когнитивная и коммуникативная диктует каждому конкретному продуценту в конкретной ситуации выбор определенной структурной модели. Наличие областей пересечения в одной структурной схеме когнитивных признаков, принадлежащих различным синтаксическим концептам, подтверждает не только пластичность и динамичность мышления, но и активную роль личности в формировании когнитивного стиля и способов опредмечивания когнитивных активов.

Таким образом, фрагмент языковой картины мира демонстрирует изоморфизм структуры мысли и структуры предложения, информационная важность которых для языковой личности в онтогенезе неуклонно возрастает. Учет в процессе моделирования когнитивных доминант продуцента высказывания, позволяет описать динамичные процессы категоризации, концептуализации и вербализации знаниевых компонентов формирующейся языковой личности не на уровне инференциальных выводов, но в формальных моделях синтаксических структур с четким следованием типовым пропозициям.

Результаты. Детская языковая картина мира формируется в результате динамической корреляции трех доменных областей – семантико-синтаксической, которая представлена в вербальной экспликации регулярными употреблени-

ями слов в их системном значении; концептуальной области, основанной на специализированных схемах, в которые встраиваются вариативные компоненты; и дискурсивной, маркируемой системными операторами, которые и детерминируют интеракционные паттерны как стереотипные формы реального и коммуникативного взаимодействия.

В процессе анализа на основе компонентного, дистрибутивного и герменевтико-интерпретационного анализа синтаксических концептов нами была определена как структура базовых схем (согласно вариативной репрезентации глубинных отношений); выявлена иерархия синтаксических концептов от частотной представленности базовых архетипических неосложненных отношений субъект-объектной предикации к фрек-вентальным схематизмам осложнения дополнительными спецификаторами на основе соблюдения валентностных потенций; а также смысловые альтернативы, соответствующие модификациям модельных образцов при детерминации иллокутивными целями.

Итак, можно констатировать наличие в языковой картине мира доминант субъективности и ситуативности, что подтверждается анализом механизмов динамического формирования иерархии структурных моделей синтаксических концептов. На основе чего концепт «психическая деятельность» в его синтаксической репрезентации может быть признан точкой отсчета в градуальной шкале определения сформированности лингвокогнитивной способности ребенка, а модификационное разнообразие ключевых моделей определяет уровень сформированности синтаксических навыков.

В перспективе комплексное изучение процесса формирования языковой картины мира ребенка как динамичной системы может послужить объяснением структуры и функционирования картины мира взрослого индивида.

Литература

1. Блох М. Я. Проблема картины мира в современном философском языкознании // Культура как текст: сб. науч. статей. М.: Универсум, 2006. Вып. 6. С. 3–6.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
3. Бредихин С. Н. Нозматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. д-ра филол. наук. Нальчик, 2014. 38 с.
4. Бредихин С. Н., Аликаев Р. С. Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструкторов в аспекте понимания и в-живания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2(47). С. 123–128.
5. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
6. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
7. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 196 с.
8. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2007. Вып. 5. С. 79–86.
9. Фурс Л. А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе // Когнитивные категории в синтаксисе. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 21–51.
10. Фурс Л. А. Роль когнитивной доминанты в моделировании синтаксически репрезентируемого концепта // Когнитивные исследования языка. 2007. Вып. I. С. 160–166.
11. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.
12. Чесноков П. В. О двух языковых картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ. Сер. Общественные науки. 1989. № 3. С. 63–69.
13. Bredikhin S. N., Serebryakov A. A. The explicitness of the deep structure of meaning in prognostic strategies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557.

References

1. Bloch MYa. The problem of the picture of the world in modern philosophical linguistics. *Kultura kak tekst*. 2006;6:3-6. (In Russ.).
2. Bogin GI. Gaining Understanding: An Introduction to Hermeneutics. Moscow: Psihologija i Biznes OnLajn; 2001. 516 p. (In Russ.).
3. Bredikhin SN. Noematic structure of sense derivation within philosophic discourse. *Nal'chik*; 2014. 38 p. (In Russ.).
4. Bredikhin SN, Alikaev RS. Techniques of semantic construct discretion and objectivation in the light of realization and integration. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2016;2(47):123-128. (In Russ.).
5. Bredikhin SN, Pelevina NA. Linguocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of worldview idiocomponents. Stavropol: Paragraf; 2021. 172 p. (In Russ.).
6. Vasiliev LM. Semantics of the Russian verb. Moscow: Vysshaya shkola; 1981. 184 p. (In Russ.).
7. Volokhina GA, Popova ZD. Syntactic concepts of the Russian simple sentence. Voronezh: VSU Publishing House; 1999. 196 p. (In Russ.).
8. Pimenova MV. Codes of culture and the problem of classification of concepts. *Jazyk. Tekst. Diskurs*. 2007;5:79-86. (In Russ.).
9. Furs LA. The role of the cognitive dominant in the modeling of a syntactically representable concept. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. 200;l:169-176. (In Russ.).
10. Furs LA. Features of the cognitive category in syntax in Cognitive categories in syntax. Irkutsk: IGLU; 2009:21-51. (In Russ.).
11. Tseitlin SN. Language and the child: linguistics of the nursery. Moscow: VLADOS; 2000. 240 p. (In Russ.).
12. Chesnokov PV. About two linguistic pictures of the world – static and dynamic. *Izvestiya SKNTS VS. Ser. Social sciences*. 1989;3:63-69. (In Russ.).
13. Bredikhin SN, Serebryakov AA. The explicitness of the deep structure of meaning in prognostic strategies in The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019;58:2549-2557.

Научная статья

УДК 811.161.1; 81'373.222.612.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.25>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕАКТОВОГО ВАРИИРОВАНИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Роза Владимировна Чвалун^{1*}, Наталья Игоревна Кизилова²

^{1,2} Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Кандидат филологических наук, доцент

¹ Chvalun_roza@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4924-5482>

² Кандидат филологических наук, доцент

² natali0403_87@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1590-1891>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Доминантной иллокутивной целью институционального рекламного дискурса является осуществление суггестивного (имплицитного) воздействия на широкий круг реципиентов. Определение базового перечня речеактовых альтернатив для обеспечения необходимого продуценту перлокутивного эффекта является насущной задачей современной дискурсологии, а выявление их функционально-прагматического потенциала позволит выработать конкретные рекомендации для достижения исходных оперативных целей рекламирования. **Материалы и методы.** Ключевые приемы дискурсивно-модусного анализа позволяют проанализировать корреляцию формальной экспликации волюнтаривного пространства адресата и на основе рассмотрения маркеров конвенционализации как главного механизма продвижения авторских интенций в общее пространство релевантности сформировать перечень наиболее эффективных инскриптивных речевых актов. **Анализ.** В аспекте системного анализа функциональной прагматики вариативных речевых актов рекламной коммуникации наблюдается дефицит адекватного терминологического инструментария, позволяющего прецизно номинировать тип и вид речеактовой альтернативы. На основе контаминации различных критериальных признаков была создана авторская классификация, учитывающая иллокутивно-семантические корреляции высказывания в целом, тип и силу иллокутивной функции, фокуса реципиента и инициальное прогнозирование стимул-реактивного действия в объективной реальности. **Результаты.** Метареализация иллокутивной цели в рекламной коммуникации осуществляется в рамках вербальной конвенционализации на основе использования *комиссивов, экспло-*

зитивов, пермиссивов; при вербальной репрезентации в фатико-регулятивном аспекте посредством *сатисфактивов, регламентивов*; в процессе дискурсивной диалогизации с помощью *реквестивов, инвитуивов, инъюнктивов, инструктивов* и *суггестивов*; при дискурсивной рефлексивизации в *нарративах, аргументативах, дескриптивах* и *констативах*. Наибольшим потенциалом перформативизации сообщения обладают прямые инструктивы, инструктивы и суггестивы, демонстрирующие низкую частотность в институциональном рекламном дискурсе. Степень суггестивного воздействия, соответствующего доминантной иллокутивной цели, демонстрирует обратную зависимость от интенсивности и частотности появления в тексте речеактовых альтернатив.

Ключевые слова: рекламный дискурс, речеактовая вариативность, суггестивное воздействие, функциональная прагматика, иллокутивно-перлокутивное соответствие, дискурсивно-модусный анализ

Для цитирования: Чвалун Р. В., Кизилова Н. И. Функционально-прагматический потенциал речеактового варьирования в рекламном дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 403–409. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.25>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 18.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2024.

Статья принята к публикации: 27.04.2024.

Research article

FUNCTIONAL-PRAGMATIC POTENTIAL OF SPEECH ACT VARIATION IN ADVERTISING DISCOURSE

Rosa V. Chvalun^{1*}, Natalia I. Kizilova²

^{1,2} Stavropol State Agrarian University (12, Zootehnicheskyy Lane, Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

¹ chvalun_roza@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4924-5482>

² Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

² natali0403_87@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1590-1891>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The dominant illocutionary goal of institutional advertising discourse is to exercise a suggestive (implicit) influence on a wide range of recipients. An urgent task of modern discourse is to determine a basic list of speech act alternations to ensure the perlocutionary effect necessary for the producer. Identifying their functional and pragmatic potential will make it possible to develop specific recommendations for achieving the initial operational goals of advertising. **Materials and Methods.** The main techniques of discourse-modus analysis allow analyzing the correlation of the formal explication of the addressee's voluntary space and, based on consideration of conventionalization markers as the focal mechanism for promoting the author's intentions into the general space of relevance, to form a list of the most effective descriptive speech acts. **Analysis.** There is a shortage of adequate terminological tools that allow precise

nomination of the type and kind of speech act alternation in systemic analysis of the functional pragmatics of variable speech acts in advertising communication. Based on the contamination of various criteria features, the author's classification was created, taking into account the illocutionary-semantic correlations of the utterance as a whole, the type and strength of the illocutionary function, the recipient's focus and the initial prediction of the stimulus-reactive action in objective reality. **Results.** Meta-realization of the illocutionary goal in advertising communication is carried out within the framework of verbal conventionalization based on the use of *commissives, expositives, and permissives*; with verbal representation in the phatic-regulatory aspect through *satisfactives, regulatives*; in the process of discursive dialogization with the help of *requests, invitives, injunctives, instructions* and *suggestions*; in discursive reflection in *narratives, argumentatives, descriptives* and

constatives. Direct instructions, instructions and suggestions, which demonstrate low frequency in institutional advertising discourse, have the greatest potential for message performatization. The degree of suggestive influence corresponding to the dominant illocutionary goal demonstrates an inverse relationship with the intensity and frequency of speech act alternations in the text.

Keywords: advertising discourse, speech act variability, suggestive influence, functional pragmatics, illocutionary-perlocutionary correspondence, discourse-modus analysis

For citation: Chvalun RV, Kizilova NI. Functional-pragmatic potential of speech act variation in advertising discourse. *Humanities*

and law research. 2024;11(2):403-409. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.25>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 18.12.2023.

The article was approved after reviewing: 23.02.2024.

The article was accepted for publication: 27.04.2024.

Введение. Дискурс рекламы как наиболее репрезентативная область воздействия на коллективного адресата, осуществляемое с целью изменения его ценностно-ориентационного и пространства целеполагания, представляет в настоящее время один из самых исследуемых феноменов современной дискурсологии и социопрагматологии. В качестве мощнейшего поликодового инструмента стимуляции экстралингвистических сфер экономики рекламный дискурс способен изменить отношение субъекта потребления к той или иной группе товаров, стимулировать спрос, обеспечить конкурентное преимущество субъектов рынка и т.д. В связи с этим анализ вариативных возможностей смены и модификации речеактового состава сообщений рекламного характера, особенно в осложненных развернутых имплицитных рекламных текстах, приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Первичная иллокуция рекламного текста зачастую представляет собой мотиватор комплексной экспликации различных стратегий презентации/самопрезентации, аргументации, позитивизации/дерогативизации и т.д., поэтому более детального изучения требуют функционально-прагматические характеристики интенциональных сред имплементируемых инскриптивных актов в рекламной коммуникации, которая характеризуется спецификой «даунтайма» (отсроченности реакции реципиента) и трансляционной множественной рекурренцией рекламируемого контента. Современные дискурсивные практики институционального типа отличаются широким спектром речевых актов, направленных на реализацию суггестии.

Доминантной целью исследования является делимитация и классификация актуальных инскриптивных речевых актов рекламного дискурса, и выявление их функционально-прагматического потенциала в аспекте реализации главных функций рассматриваемого институционального дискурса, а именно фатической и манипулятивно-аргументативной.

Материалы и методы. Анализ инициальных доминант целеполагания продуцента рекламного текста возможен лишь при учете фокуса адресанта, который в рекламном дискурсе представляет собой многоуровневую многокомпонентную структуру рекурсивно-прокурсивного текстопорождения, а значит должен базироваться на комплексной методологии, позволяющей выявить корреляции маркеров дискурсивизации и модусы порождающего коммуниканта, что позволяет сде-

лать дискурсивно-модусный анализ [1]. Кроме того, речеактовая структура институционального поликодового сообщения основывается на синергетическом взаимодействии различных кодовых систем, возникающих на двух первых уровнях абстракции для формирования комплексной интеракции, т.е. делимитация и конвенционализация схематических действий для обеспечения максимального уровня суггестии описывается в терминах конвергентного метаязыка третьего уровня абстракции [2, с. 685].

В качестве материала эмпирической верификации для подтверждения основных теоретических результатов анализа послужили различные тексты, извлеченные методом стратифицированной выборки из современных англоязычных медиа, представленных в онлайн-формате, содержащие в качестве исходной интенции иллокутивные дискурсивные маркеры скрытой манипуляции.

Анализ. В рамках предпринятого исследования микроконтекстов рекламного характера анализируется вариативность речеактовой структуры поликодового рекламного текста в конвергентном пространстве двух существующих в настоящее время социопрагматических подходов: 1) семантико-семасиологического [7] и 2) когнитивно-прагматического [6]. Ключевым для понимания возможностей обеспечения адекватной конвергенции избираемой речеактовой альтернативы и необходимого перлокутивного эффекта итогового высказывания является учет в процессе рассмотрения полимодусного репрезентанта компонентов генеративной семантики. Именно в рамках контаминированного порождения создается общее пертинентно-релевантное пространство взаимодействия индивидуальных волюнтаривных областей [4, с. 118] реципиентов и продуцентов рекламного текста. Ключевая характеристика интенциональности, как исходного намерения продуцента, обычно вступает в контрадикторные отношения с легитимностью (разделением целеустановок всеми реципиентами) и конвенциональностью (условным принятием и согласием с наличием и возможностью общественного представления волюнтаривных актов продуцента в конкретной форме). Это происходит на основе априорной допустимости эпизодических компонентов в разделенном когнитивном активе [3]. Все намерения и цели говорящего вводятся в его пространство значимостей (перти-

нентностей), – это весь сонм его целей, намерений, желаний, – внутренних, мотивационных и интерпретационных значимостей, которые адресант просто обязан координировать с таковыми же гипотетического коллективного адресата. Использование при этом иллокутивных маркеров-спецификаторов оказывается недостаточным условием создания пересекающихся пространств релевантности, необходимо интенциональное прогнозирование единства пресуппозиций, следование единым моделям метафоризации, применение риторических приемов, знакомых реципиентам, что позволит достичь целей высказывания не только в коммуникативном, но и оперативном (реальном) пространстве [8]. Речеактовая спецификация, таким образом, входит в базовый инструментарий функциональной прагматики формирования высказываний, позволяющих достичь максимального перлокутивного эффекта.

Делимитация различных интенций в иллокутивных целях и их прецизная классификация, которая бы соответствовала различным речевым актам не только в логическом, но и коммуникативном аспектах, представляется одной из насущных задач прагматикоцентрической теории речевых актов. Многие ученые-лингвисты XX в. занимались данной проблемой, однако, на наш взгляд, отсутствие единых критериальных признаков и оснований разделения формально-логических и коммуникативно-прагматических компонентов актуализации волюнтаривного плана до сих пор не позволили выработать общую и непротиворечивую концепцию речеактовой специфики различных приемов суггестивного воздействия. Для определения общих векторов разработки указанной детальной классификации, способной служить основанием для выявления и анализа функционально-прагматического потенциала в различных видах институционального дискурса, необходимо кратко рассмотреть некоторые из наиболее репрезентативных.

Так, наиболее распространенной в современных исследованиях речеактового наполнения различных дискурсивных практик является классификация Дж. Остина, основанная на определении доминант целеполагания адресанта, т.е. являющаяся, по сути, ономастиологической. Смыслопорождающие константы субъективности и модальности в таком акте играют первостепенную роль, поскольку именно они с точки зрения фокуса адресанта, представляются исходными посылками как для инвенции высказывания, так и для избрания формы его презентации. Следует отметить, что в ранних классификациях речеактовых вариативов, которой и является перечень Дж. Остина, категориальным признаком выступает одна базовая детерминанта, а именно, класс перформативного глагола, семантика и импlicative прагматика которого является бэкграундом его коммуникативно-интенционального содержания в диалогическом или потенциально диалогическом взаимодействии: 1) наиболее рас-

пространенные глаголы, маркирующие субъективную или псевдообъективную оценку и маркирующие ту или иную степень эпистемической модальности – *вердиктивны*; 2) не менее частотные и эффективные в прямой экспликации перформативности глаголы, регламентирующие введение оперативной информации, – *экзерситивны*; 3) обладающие максимальной манипулятивной эффективностью при смене продуцент-реципиентского фокуса облигаторности – *комиссивны*; 4) глаголы, маркирующие стимул-реактивное вербальное действие, способствующие интимизации коммуникации, – *бехабитивны*; 5) единицы, являющиеся имплициторами оперативной информации, со скрытыми волюнтаривными коннотациями аргументативного манипулирования, – *экспозитивны* [9]. Как видно из приведенного списка (включающего только наиболее релевантные для рассматриваемых нами видов рекламной коммуникации глаголы), каждое из высказываний, содержащих эти элементы, обладает различной степенью экспликации первичного целеполагания. При этом в рассмотренной классификации отсутствует не только учет иллокутивно-семантических корреляций высказывания в целом, но и конкретизация как типа иллокутивной функции, так учет фокуса реципиента – инициальное прогнозирование стимул-реактивного действия в объективной реальности.

В другой весьма распространенной классификации Дж. Сёрла иллокутивно-семантические обусловленности выступают главным критерием отнесения речевого действия к тому или иному виду реализации иллокутивного эффекта [13]. Три ключевых форманта определения иллокутивно-интенционального соответствия образуют ядро двенадцатичленной парадигмы – целеполагание, вектор инструментально-формального наполнения, экспликация психоэмоционального состояния продуцента. Именно на сближении других характеристик с тремя базовыми детализированность распределения снижается, но те же самые основания позволяют автору формировать укрупненные группы, например, по наличию единой иллокутивной цели. Так, два полярных способа актуализации психоэмотивного состояния приказ и просьбы, эксплицируя в поверхностной структуре единую иллокуцию побуждения адресата к совершению неких действий, представляют собой единую группу *директивов*, различающихся лишь иллокутивной силой. Второй базовый индуцирующий критерий направленности инструментального наполнения предполагает два варианта экспликации перформативности: 1) коррелятивная привязка вербалики к объективной реальности, что характерно для описательных актов (*репрезентативы*, *декларации*, *экспрессивы*), 2) активизация оперативной реальности, согласно вербальной репрезентации, характерна для *директивов* и *комиссивов*. Основным средством трансляции степени искренности волюнтаривного экспликатора в речеактовой классификации Дж. Сёрла становится критерий психоэмоцио-

нального состояния говорящего, именно данный критерий иначе структурирует иллокутивное пространство, возводя в Абсолют фокус адресанта, и именно он позволяет делимитировать степень иллокутивной силы высказывания (приказ vs. просьба). Однако учет фактора адресата в данной классификации и типа иллокутивной функции, а также конвенционализированных алгоритмов прогнозирования перлокутивного эффекта также не осуществляется.

Практически все последующие попытки классификации речеактовых альтернатив по иллокутивной цели и силе являются модификациями и детализациями вышеописанных традиционных теорий речевых актов. Например, Ю. Хабермас априори допускает надсоциальную сущность коммуникативной интеракции, т.е. речь в её идеалистическом понимании «находится над обществом, а не выступает в качестве разновидности трудовой деятельности человеческого коллектива» [14, с. 48]. При таком подходе к речеактовой вариативности иллокутивно-перлокутивного соответствия социально-культурная детерминированность и симпраксическое начало общественных формаций стирается, а на первый план выводится коммуникативная основа дискурсивизации. Но классификация Ю. Хабермаса интересна делимитацией отдельных не перформативных (точнее не манипулятивных) актов – *констативов*, которые призваны обеспечить трансляцию не эмотивной или оперативной, а именно когнитивной информации, которая в рекламном дискурсе используется в качестве аргументативного компонента. Дополнения Б. Фрейзера связаны с интенсификацией области внутреннего долженствования в эксплицитной форме в волюнтаристическом пространстве иллокуции, т.е. выделения *комиссивов* (обязательств) [15, с. 201] в отдельную группу речевых актов, обладающих исключительным потенциалом автосуггестии. Взятие на себя обязательств по приведению в соответствие со сферой целеполагания говорящего объективной реальности существенно повышает прагматическую нагрузку и обеспечивает априорное принятие высказываемых тезисов за соответствующие «истинности». Одним из существенных нововведений, нивелирующих взятие на себя обязательств в рекламной коммуникации, является делимитация Д. Вундерлихом *ретрактивов* – репрезентантов условного или причинного характера, маркирующих уточненную информацию, заложенную в комиссивном акте. На основе избрания такой речеактовой альтернативы производитель рекламного сообщения эксплицирует эпистемическую модальность неуверенности и переводит вектор описания в разряд алетических или деонтических суждений. В некоторых случаях такую же функцию «подготовки путей к отступлению» реализуют *сатисфактивы* в форме оправданий аргументативного характера. Выделенный из *квестивов* *эротетический* (erotetisch) вид речевого акта, как конкретизатор диалогизации рекламного сообщения дополнительно маркирует диалектику воз-

можного/невозможного в связке формально вербализованной и реальной действительности.

Более подробно и в то же время точно с учетом фокуса адресата представляет речеактовую вариативность О.Г. Почепцов, доминантным критериальным показателем категоризации для которого выступает единство прогнозируемости стимул-реактивного взаимодействия, т.е. предсказуемости отсроченного ответа аудитории на иллокуцию коллективного продуцента рекламного сообщения. Ученые выделяют следующие типы речевых актов: *констатив*, единственный акт подлежащий верификации в понятиях истинности, поскольку он связан с утверждением какой-либо информации; *промисив*, обязательство в форме актуализации внутреннего долженствования привести объективную действительность в соответствие с формальной коммуникативной реальностью; *менасив*, акт экспликации последствий при иллокутивно-перлокутивном диссонансе (по сути, угроза или предупреждение); *перформатив*, трансформация вербального действия в реальное (для рекламного дискурса обычно выступает в форме публичной оферты); *инъюнктив*, экспликация прямой манипуляции (вербальное «принуждение» к осуществлению действий в реальности); *реквестив*, прямая манипуляция со сниженным уровнем иллокутивной силы (просьба); *квестив*, вопросная форма представления оперативной информации, повышающая диалогичность рекламного сообщения [10, с. 55]. Рекламный дискурс в аспекте перформативизации («овеществления») оперативной информации вносит свои коррективы. Перформативы представлены в нем различных речеактовых альтернативах (благодарности за сделанный в пользу предлагаемого товара выбор – *реактивный бехабитив*, поздравлений с вхождением потенциального реципиента в круг избранных обладателей рекламируемого товара – *экспрессивный констатив*, гарантия наличия заявленных характеристик товара – *промиссивный констатив*), при этом иллокутивная сила данных форм репрезентации хотя и различна, инициальная доминантная интенция продуцента по продвижению товара или услуги сдерживается конвенциональным единством нормирующих инскриптивных актов *tertiariis agens* («третьичного агента коммуникации»), обладающих функцией модерирования коммуникативного пространства [5].

Для наиболее эффективного анализа речеактовой специфики и функционально-прагматического потенциала различных видов речевых действий рекламного дискурса необходим континированный системный подход к делимитации иллокутивно-перлокутивных соответствий, основанный на вышеназванных критериях, но также включающий обязательный учет прагматических фреймов как мягких паттернов коммуникативной интеракции. Подобный критерий иллокутивно-коммуникативного соответствия был предложен А. А. Романовым [11].

При формировании комплексных групп согласно фреймовым структурам можно выделить четыре метареализации иллюкутивного фрейма: 1) вербальную конвенционализацию в декларативной аргументации экспрессивного характера, которую обеспечивают *комиссивы*, *экспозитивы*, *пермиссивы*; 2) вербальную репрезентацию модерации в фатико-регулятивном аспекте, которая приобретает форму *сатисфактивов* и *регламентивов*; 3) дискурсивную диалогизацию в рамках директивной модели суггестивной интеракции, осуществляемую посредством *реквестивов*, *инвитуивов*, *инъюнктивов*, *инструктивов* и *суггестивов*; 4) дискурсивную рефлексивизацию (побуждение к размышлениям и поиску решения вместе с продуцентом) на основе дескрипции и представления не оперативной, а когнитивной информации в сообщении, что возможно при использовании *нарративов*, *аргументативов*, *дескриптивов* и *констативов*.

Подобная многоуровневая детализированная классификация, основанная на дискурсивномодульном анализе речевых вариаций, может применятся к различным видам дискурсивных практик, но прежде всего ориентирована на включение в практику коммуникативного взаимодействия институционализирующих параметров, т.е. на внешнюю и внутреннюю структуризацию и систематизацию общения в рамках того или иного социального института (в нашем случае института рекламы в агент-клиентской интеракции).

Для эмпирической верификации сформированной контаминированной классификации на репрезентативном материале микроконтекстов, содержащих рекламный контент.

Максимальной частотностью при минимальном суггестивном потенциале обладают констативы, составляющие более 40 %, от общего числа речевых вариаций, которые позволяют продуценту рекламного сообщения эксплицировать когнитивную информацию, служащую в качестве аргументативной основы для дальнейшей порформативизации. Например, *This product is used to enhance the positive effects of inhibitors as an additional immune stimulation.* – **Данный продукт используется для усиления положительного воздействия ингибиторов в качестве дополнительной стимуляции иммунитета** (перевод авторов). Использование алетической модальности возможного и представления её в качестве свершившегося в форме констатива усиливает доверие к продукту и позволяет достигнуть необходимого перлюкутивного эффекта.

Следующей обратной зависимостью в аспекте реализации функциональной прагматики при высокой частотности использования (14%) обладают дескриптивы, которые большей частью призваны акцентировать наиболее привлекательные свойства рекламируемого товара: *This is a modern drug with a proven effect...* – **Это современное лекарство с доказанным эффектом...** (перевод авторов). Хотя суггестивный по-

тенциал волонкативной и псевдореальной дескрипции значительно выше по сравнению с констативами, эпитетация и приписывание желаемых свойств объекту рекламирования не позволяет полностью реализовать перформативные возможности. В то же время в рамках использования дескриптивов наиболее полно учитывается фокус адресата, т.е. экспликации подвергаются лишь те свойства товара, которые могут заинтересовать потенциального покупателя в наибольшей степени соответствуют его ожиданиям.

Сходной функционально-прагматической нагрузкой обладает и следующий вариант речевого акта, свойственный рекламному тексту и создающий пространство интимизации на основе использования аллюзий и элементов с положительной маркированной коннотацией. Частотность данного речевого механизма интенсификации суггестивного воздействия также сравнима с предыдущим приемом и составляет 12%: *Our managers will take care of the timely delivery of the miraculous product you ordered.* – **О своевременной доставке купленного вами чудодейственного средства позаботятся наши менеджеры** (перевод авторов).

Значительным потенциалом создания иллюкутивно-перлюкутивного соответствия обладают промисивы, эксплицирующие облигаторность исполнения продуцентом тех или иных обязательств или гарантирующие соответствие товара заявленным свойствам. При этом с падением относительной частотности их использования (9%) повышается уровень их перформативности: *Our managers will take care of the timely delivery of the miraculous product you ordered.* – **О своевременной доставке купленного вами чудодейственного средства позаботятся наши менеджеры** (перевод авторов).

Функционально-прагматическую активность при относительно низкой частотности использования (8%) обнаруживает нарративная форма экспликации иллюкутивной цели. В большинстве случаев нарративы описывают некие прецедентные феномены аллюзивно или ассоциативно связанные со свойствами рекламируемого продукта: *According to legend, an eagle bitten by a venomous snake fell into a spring that beat on the slope of Mount, and was immediately healed.* – **Согласно легенде, укушенный ядовитой змеей орел упал в источник, что бил на склоне Горы, и тут же исцелился** (перевод авторов). Локальная привязка используемого в составе продукта компонента к некому мифологическому сюжету (прецедентному тексту) снижает критичность восприятия гипотетического реципиента и усиливает суггестию текста как целостного знака.

В число обладающих значимым суггестивным потенциалом при относительно низкой распространённости входят также аргументативы (5%). При этом доводы, реализуемые в аргументативной и псевдоаргументативной форме представляют собой не только стандартные аргумен-

ты ad hominem, ad rem, ad verecundiam и т.п., входящие в грайсианские максимы, но и могут обретать форму констативов и дескриптивов: *International experience of cooperation with companies in India and China gives our specialists the opportunity to gain access to all the secrets of traditional medicine!* – *Международный опыт сотрудничества с компаниями в Индии и Китае дает возможность нашим специалистам получить доступ ко всем секретам традиционной медицины!* (перевод авторов). Убедительность и верифицируемость аргументов в данном случае не имеет решающего значения в снижении критического восприятия, псевдогарантией истинности доказательств в данном случае выступает «третичный агент», контролирующий соответствие вербалики действительности.

Следует отметить, что все вышеперечисленные речеактовые альтернативы напрямую не связаны перформативизацией рекламного сообщения, они предназначены, прежде всего, для усиления эмотивного и когнитивного компонента информирования потенциального реципиента о товаре и не реализуют прямого манипулирования. Но в рамках имплицитного формирования необходимого продуценту позитивного вектора восприятия образа рекламируемого объекта создают разделенное пространство желательного обладания им, т.е. существенно увеличивают перлокутивный эффект.

Прямой перформативизации, постулирующей приобретение рекламируемого продукта в качестве свершившегося акта, являются инструктивы, характеризующиеся существенным снижением частотности употребления (4%). Данный вид речевого акта в большинстве случаев описывает условия или алгоритмы действий по использованию товара: *To achieve maximum effect, it is necessary to use the products of this line at least for a month.* – *Чтобы добиться максимального эффекта, необходимо пользоваться продуктами данной линии в течение месяца* (перевод авторов).

Инвитивная и инъюнктивная форма прямой манипуляции встречается ещё реже (по 2% соответственно) и обладают сравнимой иллокутивной силой, однако, зачастую не достигают необходимого перлокутивного эффекта, поскольку достаточно легко идентифицируются как попытка влияния на выбор потенциального потребителя. Главным критерием делимитации инвитивов и инъюнктивов является степень экспликации волюнтаривного, так инвитивы представляют собой мягкие завуалированные схемы суггестивного воздействия: *We invite you to the world of beauty and health.* – *Приглашаем Вас в мир красоты и здоровья* (перевод авторов), а инъюнктивы прямо номинируют желаемое действие: *Buy our product to get a taste of life again!* – *Приобретите наше средство, чтобы вновь почувствовать вкус к жизни!* (перевод авторов).

В качестве речевых актов, которые интенционально табуированы в рекламном дискурсе по причине создания негативного эффекта восприятия образа рекламируемого товара, выступают менасивы, эксплицитно транслирующие угрозу или предупреждение о последствиях отказа от «правильного» выбора: *You will never forgive yourself if you miss such a great opportunity to go back a dozen years...* – *Вы не простите себе никогда, если упустите такую прекрасную возможность вернуться на десяток лет назад...* (перевод авторов). Следует отметить, что степень частотности менасивов практически не влияет на прагма-эмотивный уровень рекламного дискурса [12], несмотря на сдвиги в общем пространстве негативизации генерализованного смысла поликодового сообщения.

На основе анализа микроконтекстов речеактовых вариаций рекламного институционального дискурса можно заключить, что единые психоэмоциональные основания интерпретации прямого вербального манипулирования и скрытого суггестивного воздействия обуславливают большую частотность использования косвенных имплицитных и аллюзивных актов интенсификации иллокутивной цели. Предпочтение в рекламном сообщении отдается речевым актам аргументативного и эмотивного характера, которые способны не только нивелировать девиантные компоненты, несоответствующие конвенционализированным схемам модерации рекламного контента, транслируемым *tertiariis agens*, но и достаточно четко определить прогностические стратегии интерпретации сообщения, создать требуемый вектор восприятия образа рекламируемого продукта.

Результаты. Функционально-прагматическая нагрузка отдельных форм высказывания в рекламном дискурсе реализуется на основе речеактового варьирования с учетом конситуации целеполагания. Наиболее распространенными видами речевых актов при экспликации иллокутивной цели являются констативы, дескриптивы и экспрессивы, которые основаны на мягких паттернах суггестии. При этом необходимо отметить обратную коррелятивную связь частотности появления конкретного вида речевого акта в перформативизации высказывания и прямую взаимозависимость между количеством употреблений речеактовых альтернатив и эффективностью экспликации иллокутивной цели, по сути, достижения иллокутивно-перлокутивного соответствия. Прямые вербализаторы иллокутивной цели (инвитивы, инъюнктивы, инструктивы) и акты предупреждения о последствиях нереализации исходной иллокуции, обладая максимальным перформативным потенциалом, демонстрируют снижение функционально-прагматической нагрузки, по причине простой идентификации манипулятивной интенции. Максимальным прагматическим потенциалом достижения иллокутивно-перлокутивного соответствия обладают конвергентные речевые

акты, маскирующие прямое влияние на выбор реципиента в формальных косвенных аргументивно-эмоциональных альтернативах (реактивном

бехабитиве, экспрессивном констативе, промиссивный констатив и т.п.).

Литература

1. Аглеева З. Р., Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: когнитивные истоки и дискурсивно-модусная сущность // Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 93–98.
2. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распредмечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634–640.
3. Бредихин С. Н., Махова И. Н. Имплементация эпизодических компонентов в содержательное пространство метаконцептов // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3(111). С. 138–143. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-111-138-143>
4. Бредихин С. Н., Шибкова О. С., Гусаренко С. В. Когнитивный блендинг как основа создания релевантности высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 4. С. 118–128. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-118-128>
5. Бредихина Ю. И. Tertiarius agens как фактор институционализации дискурса социальной работы // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: сборник статей по материалам VII ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука – региону», (Ставрополь, 03–29 апреля 2019 г.). Вып. 4. Ставрополь: Параграф, 2019. С. 136–141.
6. Дьяченко И. В. Современная реклама кино и особенности ее воздействия на аудиторию: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 2011. 148 с.
7. Ежова Е. Н. Семантическая изотопичность рекламного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2015. Вып. 13. С. 282–292.
8. Иоанесян Е. Р. Иллокутивные показатели: сравнительно-типологический аспект. Научный диалог. 2023. № 12(8). С. 143–155. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-143-155>
9. Найман Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики // Язык и культура. 2015. № 4(32). С. 53–62. <https://doi.org/10.17223/19996195/32/5>
10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
11. Романов А. А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Калининский государственный университет, 1984. С. 86–92.
12. Романов А. А., Новоселова О. В. Индекс менасивности предвыборного дискурса как инструмент политического влияния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 73. С. 23–45.
13. Смирнов В. В. Ж. Деррида и Дж. Серль: деконструкция versus теория речевых актов // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2013. № 4. С. 171–186.
14. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
15. Fraser B. Hedged performatives. Syntax and Semantics // Speech Acts. 1995. Vol. 3. P. 187–210. https://doi.org/10.1163/9789004368811_008

References

1. Agleeva ZR, Alefirenko NF. Phraseological Meaning: Cognitive Sources and Discursive-modus Essence. *Gumanitarnye issledovaniya*. 2020;2:93-98. (In Russ.).
2. Bredikhin SN. General principles of text derivation as sense desobjectivation object. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2015;20:634-640. (In Russ.).
3. Bredikhin SN, Makhova IN. Episodic Components Implementation into the Metaconcept Content Space. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2022;3(111);138-143. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-111-138-143> (In Russ.).
4. Bredikhin SN, Shibkova OS, Gusarenko SV. Cognitive Blending as the Basis for Utterance Relevance Generation. *Aktualnyye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*. 2023;4:118-128. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-118-128> (In Russ.).
5. Bredikhina Yul. Tertiarius agens as a Factor of Social Work Discourse Institutionalization. *Izomorfnye i Allomorfnye Priznaki Yazykovykh Sistem*. 2019;4:136-141. (In Russ.).
6. Dyachenko IV. Modern cinema advertising and its impact on the audience peculiarities: social linguistic analysis: dis. ... Cand. Social Sciences: 22.00.06. Ekaterinburg; 2011. 148 p. (In Russ.).
7. Ezhova EN. Semantic Isotopy of Advertising Discourse. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 2015;13:282-292. (In Russ.).
8. Ioanesyan ER. Illocutionary Indicators: A Comparative-Typological Perspective. *Nauchnyi dialog*. 2023;12(8):143-155. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-143-155> (In Russ.).
9. Naiman EA. The Speech Act Theory in a Critical Mirror of Linguistic Anthropology and Sociolinguistics. *Yazyk i Kultura*. 2015;4(32):53-62. <https://doi.org/10.17223/19996195/32/5> (In Russ.).
10. Pocheptsov GG. Theory of Communication. Moscow: Refl-book; 2001. 656 p. (In Russ.).
11. Romanov AA. Pragmatic features of performative utterances. *Pragmatika i semantika sintaksicheskikh edinits*. Kalinin: Kalinin State University; 1984. P. 86-92. (In Russ.).
12. Romanov AA, Novoselova OV. Menasive Index of Pre-Election Discourse as an Instrument of Political Influence. *Mir Lingvistiki i kommunikatsii. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*. 2023;73:23-45. (In Russ.).
13. Smirnov VV. J. Derrida and J. Searl: Deconstruction versus speech Acts Theory. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*. 2023;4:171-186. (In Russ.).
14. Habermas J. To the Logic of Social Sciences. The Theory of Communicative Action. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1993;4:43-63. (In Russ.).
15. Fraser B. Hedged performatives. Syntax and Semantics // Speech Acts. 1995;3:187-210. https://doi.org/10.1163/9789004368811_008

Рецензия

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.26>

ЭТЮДЫ ЭПОХИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ РОДА

[Рецензия на книгу: Тропин Н.А. Неизвестный Ридингер: монография. Орел: Издательский дом «Орлик», 2021. 216 с. ISBN 978-5-903259-84-7: 500 экз.]**Юлия Викторовна Степанова**Государственный архив Воронежской области (д. 7, ул. Плехановская, Воронеж, 394018, Российская Федерация)
afanasija84@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9868-8170>

Для цитирования: Степанова Ю.В. Этюды эпохи через призму истории рода [Рецензия на книгу: Тропин Н.А. Неизвестный Ридингер: монография. Орел: Издательский Дом «Орлик», 2021. 216 с. ISBN 978-5-903259-84-7: 500 экз.] // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 410–412. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.26>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Review

ETUDES OF THE EPOCH THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF THE GENUS

[Review: Tropin N.A. Unknown Rüdinger: monograph. Orel: Publishing House “Orlik”, 2021. 216 p. ISBN 978-5-903259-84-7: 500 copies.]**Yulia V. Stepanova**State Archives of the Voronezh Region (7, Plekhanovskaya St., Voronezh, 394018, Russian Federation)
afanasija84@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9868-8170>

For citation: Stepanova YuV. Etudes of the epoch through the prism of the history of the genus [Review: Tropin N.A. Unknown Rüdinger: monograph. Orel: Publishing House “Orlik”, 2021. 216 p. ISBN 978-5-903259-84-7: 500 copies.]. *Humanities and law research*. 2024;11(2):410-412. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.26>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.12.2023.

The article was approved after reviewing: 21.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

Сравнительно недавно опубликованная монография елецкого историка Н.А. Тропина «Неизвестный Ридингер» посвящена историко-генеалогическому исследованию дворянского рода и научного наследия Николая Александровича Ридингера. Его творчество внесло заметный вклад в становление провинциальной историографии Орловской губернии в середине XIX в. В современной исторической науке аналогичные исследования имеют широкое распространение. Однако данное исследование отличается не только совмещением двух научных направлений, но и использованием широкого спектра архивных документов, что позволило реконструировать, а порой и детализировать, в значительной степени историю семьи Ридингер с конца XVII столетия по настоящее время. И, если научное наследие Н.А. Ридингера ранее публиковалось автором отдельными книгами о Калуге, Орле и Ельце, то столь объемное, развернутое историко-генеалогическое исследование создано впервые. В контексте общероссийской истории оно интересно сопричастностью к ряду исторических лиц: М.И. Кутузову, А.Б. Куракину, А.С. Муравьеву, Е.А. Боратынскому, Г.С. Батенькову, П.И. Бартень-

еву, И.И. Шишкину, И.Е. Репину и т.д. Книга состоит из шести частей, объединяющих 14 глав, выстроенных по хронологическому принципу, детализированного списка использованных источников, справочной литературы, библиографии работ Н.А. Ридингера и указателей: именного, географического, военного и учреждений. Исследование подробно иллюстрируется, создавая образы ушедших эпох. Ее первая часть посвящена истокам дворянского родословия, реконструкции биографии отца и деда. Известно, что Ридингеры получили дворянство от шведской короны в 1695 г за военную службу и являлись мелкопоместными собственниками. Однако к концу XVIII в. этот род входит в круг аристократии Санкт-Петербурга. К.П. Ридингер получает чин тайного советника и становится гражданским губернатором г. Выборг. Автор находит объяснение этому, указывая на их родство с более родовитыми фон Фелькерзамами, совместной службой с М.И. Кутузовым, масонскими связями. Высокий статус позволил К.П. Ридингеру определить сына Александра в Пажеский корпус, а старшему Фридриху Вильгельму (Федору Карловичу) оказаться в императорской свите.

Личности Фридриха Вильгельма как сына К.П. Ридингера уделено значительное место в книге по той причине, что автор не придерживается ее связи с генеалогией рода Ридигер, к которому причастен патриарх Алексей II. Автор говорит об ошибочности этого мнения и акцентирует внимание в пользу Фридриха Вильгельма (Федор Иванович), который никаким образом не состоял в родстве с К.П. Ридингером.

Автору удалось создать яркий образ Александра Карловича, отца Н.А. Ридингера, на службе и в семейном кругу. Его становление как военного приходится на эпоху войн с Наполеоном. Стремительный взлет карьеры обусловлен его ревностным отношением к службе, личной храбростью, везением. И если образ генерал-майора А.К. Ридингера известен в научной и справочной литературе по формулярному списку, то использованные автором другие архивные сведения более полно воссоздают его личную историю, а сохранившийся у потомков портрет в стиле лаковой миниатюры начала XIX в. позволяет увидеть иной образ молодого генерала, чем на портрете Дж. Доу в Военной галерее Эрмитажа. К заслуге автора следует отнести фиксацию меморативных мест, связанных с Ридингерами в Хаапсалу (Эстония), Выборге, Санкт-Петербурге.

Вторая часть книги исследует военную службу молодого офицера Н.А. Ридингера, его участие в Крымской войне на Кавказе, а в дальнейшем службу в Кронштадте. Автору удалось установить точные сведения о неудачном первом браке Н.А. Ридингера с Е.М. Станюкович, дочерью вице – адмирала, военного губернатора Севастополя М.Н. Станюкович. Это родство, при покровительстве А.С. Меншикова, позволило Н.А. Ридингеру после ранений на Кавказе оказаться на службе в Кронштадте. Из-за смерти жены Н.А. Ридингер женится вторично на А.А. Авиновой, дочери адмирала.

Третья часть книги посвящена службе Н.А. Ридингера в должности полицмейстера городов Калуги, Орла, Ельца и времени его становления как историка провинции. Вместе с четвертой частью «Елецкий летописец» эти разделы составляют основу книги, связанную с исследованием его научного наследия. Сохранившаяся в большом объеме делопроизводственная документация о службе, особенно в Государственном архиве Орловской области (ГАОО), позволила автору наряду с формулярными списками осветить ее подробно.

По мнению автора, в Калуге (1857–1859) происходит начало становления Н.А. Ридингера как исследователя. В 1859 г. им публикуются пять статей в «Калужских губернских ведомостях». Причиной увлечения историей является не только служебная деятельность, в ходе которой полицмейстеру необходимо готовить ежегодные статистические отчеты, но и дружеское общение с ссыльным декабристом Г.С. Батеньковым. Конечно, же, это всего лишь гипотеза, однако наиболее вероятная.

Значительные усилия Н.А. Тропин предпринимает, пытаясь идентифицировать авторство газетных текстов, поскольку статьи не имели подписи и лишь одна из них подписана «Н.Р».

В орловский период службы (1859–1862) статистические увлечения Н.А. Ридингера приводят к созданию рукописи «Статистические заметки города Орла за 1860 г.», сохранившейся в РГБ. Заслугой Н.А. Тропина является ее научная оценка и полная публикация. Им она характеризовалась как продолжение исторической традиции статистического описания городов конца XVIII – первой половины XIX вв. с элементами анализа сведений и рассуждений.

Елецкий период (1862 – 1867) оценивается как пик в научном творчестве Н.А. Ридингера, опубликовавшим тогда 15 газетных статей и книгу о Ельце, которой суждено было в дальнейшем сыграть важную роль в развитии елецкого краеведения. Значение наследия Н.А. Ридингера трудно переоценить. В конце 1850-х – 1860-х гг. он стоял у истоков исторических региональных исследований в Орловской губернии, предвосхищая труды своих младших современников А.С. Тарачкова, Г.М. Пясецкого, А.Г. Пупарева и др.

Отметим еще одну заслугу автора, создавшего на материалах ГАОО широкое полотно окружения своего главного персонажа на службе и в быту, среди которого сослуживцы, дворяне, купцы, мещане. Возможно, говорить, что традиционное историко-генеалогическое исследование Н.А. Тропина переросло в реконструкцию биографии человека и описание его повседневности.

Пятая часть книги посвящена петербургскому периоду (1867-1883) службы Н.А. Ридингера, оказавшемуся в столице по протекции графа Н.В. Левашова, в прошлом Орловского, а в данный момент Санкт-Петербургского губернатора. Автор подробно исследует делопроизводственную документацию нового начальника Пригородного полицейского и Уездно-адресного управления Санкт-Петербурга полковника Н.А. Ридингера и отмечает его важный вклад в разработку документов и практическую реализацию реформы полиции. Публикация некоторых документов создает информационный фон нарастающего недовольства своим положением среди рабочих. Автор указывает на сочувствие Н.А. Ридингера к их бедственному положению, что подтверждает документально.

Достаточно кратко освещен период после его службы, в отставке, что можно объяснить ограниченным кругом источников. Н.А. Тропиным доказывается, что последней книгой Н.А. Ридингера является «Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. Русско-народная философия» (1882), изданной под псевдонимом Мери-Хови. Он убедительно аргументирует ее авторство, связанное с Н.А. Ридингером, и дает оценку труда как любительской книге.

Последняя шестая часть книги – это дальнейшая история семьи Ридингер: судьбы детей,

внуков, правнуков. Отчасти этот раздел опирается на семейную память поколений. Автор, по возможности, подробно рассматривает их биографии, погружая читателя в семейные драматические события, сложных отношений Николая Александровича со старшим сыном от первого брака, Александром; неудачным браком сына

Бориса на Лидии, дочери художника И.И. Шишкина; скандальным делом о разводе и разделе имущества; событий Первой мировой войны и после революции 1917 г. После прочтения книга оставляет послевкусие незавершенной семейной истории, которая продолжается, благодаря ныне живущим потомкам и по настоящее время.

Литература

1. Тропин Н.А. Неизвестный Ридингер: монография. Орел: Издательский дом «Орлик», 2021. 216 с.

References

1. Tropin NA. Unknown Rüdinger: monograph. Orel: Publishing House "Orlik", 2021. 216 p.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2024. Том 11, № 2

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
2024. Т. 11. № 2. 413 с.

– Свободная цена –

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано к печати 28.06.2024

Усл. п. л. 24,88
Заказ 34

Дата выхода в свет 15.07.2024

Уч.-изд. л. 23,14
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

